1972

9

Молодая гвардия

СБГ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

Молодая гвардия 9 1972

ОСНОВАН В 1922 ГОДУ

В НОМЕРЕ:

Юрий ЛЕДНЕВ. **Песня о расстрелянной комсомолке. Лицом на запад.** Стихи 3

Александр ШЕЛУДЯКОВ. **Из племени Кедра.** Роман. 6

Николай ФЛЁРОВ. **«Не сразу Север к нам приходит...». «Иногда посмотрит лес угрюмо...». «Стою на поле Бородинском...».** Стихи 71

Иван ЕФРЕМОВ. **Таис Афинская.** Исторический роман. Продолжение 74

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ
«Товарищ» 161

Лоик ШЕРАЛИЕВ. **«Под подушку младенцу горцы хлеб непочатый кладут...». «Люди, счастливыми будьте...».** Стихи 241

Алексей ЗАУРИХ. **«Воспоминаний синее мгновенье...». «Наст еловыми иглами устлан...».** Стихи 243

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Александр ВЛАДИМИРОВ. **Судьбе наперекор** 245

Валерий БОЛТРОМЕЮК. **Солдаты пустыни** 269

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Виктор ЧАЛМАЕВ. **Дай руку утренней заре.** Пути и судьбы героев Владимира Чивилихина **278**

Евгений ОСЕТРОВ. **Судьба ровесников моих...** К 50-летию со дня рождения Сергея Викулова **294**

НАШЕ ОБОЗРЕНИЕ

Сергей ГРАХОВСКИЙ. **Исполнение обещания.** Валентин КАМЕНЕВ. **Отсчет от войны.** Борис ВОЛГИН. **Свернут ли горы Валентин и Валентина?..** Александр БАЙГУШЕВ. **О литературных нормах языка.** И. ЗЛАТОЦВЕТОВ. **Путь большевика** **301**

Наш адрес:

Москва, А-30, Сущевская, 21, редакция журнала «Молодая гвардия», коммутатор 251-15-00; отдел прозы — доб. 2-40; отдел поэзии — доб. 4-13; отдел очерка и публицистики — доб. 4-26; секретариат доб. 4-16; отдел критики — доб. 4-14; отдел «Товарищ» — доб. 3-66.

Юрий ЛЕДНЕВ

ПЕСНЯ О РАССТРЕЛЯННОЙ КОМСОМОЛКЕ

Никогда не осыпаются
У гвоздики лепестки.
Эта песня начинается
От излучины реки.
Возле той речной излучины,
Где высокий косогор,
Русой девушке измученной
Был зачитан приговор.
И стояли люди добрые,
Силой собранные тут.
И не знали люди добрые,
Как ту девушку зовут.
Разрядили злые вороги
Три винтовочных ствола.
За мечты, что были дороги,
Комсомолка умерла.
Только слышали, как крикнула:
«Возвратится наша власть!»
Только видели, как никнула,
На березу навалясь.
И ее березка белая
Поддержала, как сестру,
Струйка алая, несмелая

Окровавила кору.
Отсчитало время властное
Лет немало с той поры.
Расцвела гвоздика красная
На верхушке той горы.
Никогда не забывается
Подвиг, смерти вопреки.
Никогда не осыпаются
У гвоздики лепестки.

ЛИЦОМ НА ЗАПАД

Лицом на запад.
Три знаменных слова,
Они запали в сердце неспроста.
Они приходят мне на память снова
И чертят складки твердые у рта.
Самой истории сдавая рапорт,
Порою впроголодь,
Порой без сна,
Четыре года жить лицом на запад, —
Кто так умел?
В какие времена?
То были мы,
От мала до велика.
Лицом на запад.
В полный разворот.
От нашей крови, что ли, земляника
Алеет так, что оторопь берет?
И не от слез ли матерей российских
Вода в морях теперь так солона?
Лицом на запад.
Смерть листала списки,
Вычеркивая наши имена.
Но мы стояли грозною стеною
В насквозь свинцом прошитых кумачах.
Лицом на запад.
Солнце — за спиною,
И шар земной — на огненных плечах.

Ценой до камня выжженной Красухи,
Бедой блокадно-ладожского льда
Мы вырвали планету из прорухи
Вторично, как в семнадцатом, тогда.
Нам нелегко.
Но нам неведом ропот.
Мы не опустим эту ношу с плеч.
Не для того в виду у всей Европы
Рассек наотмашь свастику наш меч.

Александр
ШЕЛУДЯКОВ

РОМАН

Рис. А. ЗУБОВА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Вас-Юган — Коричневая река — пробивает себе путь к Оби через великое таежное болото, через самую богатую землю томского Севера.

Там, где Юган делает пологий поворот, где его волны начинают свой бег к югу, приткнулось к обрывистому берегу небольшое селение Улангай. Ничем не приметно селение. Такое же, как сотни других. И живут в нем люди обычные — рыбаки да охотники. Сама природа закалила характеры таежных людей, учила их понимать законы добра, учила жить по этим законам. Но сложен мир человеческий.

Юганская история живет в памяти старожилов Улангая говорящей книгой, у которой нет конца. Она пополняется новыми страницами из года в год. Скажем, совсем недавно в Улангае произошло несколько, казалось, пустяковых событий, однако они легли в основу новой страницы.

...Витьку Тукмаева, лихого атамана улангаевской ребятни, грозу утиных гнезд и первоклассного

стрелка из охотничьего лука, била мать. Лупила в сердцах больно, до слез. Тринадцатилетний мальчишка считал себя Ермаком, не раз храбро сражался с ребятней из соседней деревни Чвор, и никакие поранины и синяки, полученные в битвах, не вышибали из него ни слезинки. А вот сейчас он плакал, и слезы текли скорее не от боли, а от обиды.

— Вы что, совсем сдурели?! Во всей деревне ни одной кошки не осталось! — приговаривала мать, нахлестывая сына поясным ремнем.

— Котов не трогали... — всхлипывая, оправдывался Витька.

— Ты украл у бабки Андронихи Пушинку с котятами?

— Не крал! Я купил у нее за два рубля. А когда разнюхала она, что дядя Костя давал за кошку с котятами по пятерке, вот и нажаловалась тебе — мол, украл Пушинку. Жадюга она!..

Женщина отбросила в сторону ремень, которым хлестала сына, и сердито сказала:

— Да пойми, дуралей, что без кошек крысы да мыши все погреба и кладовки обчистят.

— Мама, я кота куплю у рыжего Алехи. Сибирский кот. Он даже бурундуков и белок ловит, — тихо сказал

Год от года все больше и больше Томская область славится открытиями огромных запасов нефти и газа. Край сельского хозяйства, дремучих лесов, тундры, непроходимых болот, редкой красоты кедровников начал обретать индустриально-промышленный облик. Именно это привело нас летом 1971 года в университетский город Томск на семинар молодых литераторов. Мы были уверены, что такие события в жизни области найдут достойное место в творчестве прозаиков и поэтов.

Однако первые дни работы семинара не сулили больших радостей. Стихи, поэмы, рассказы, повести, сборники очерков, представленные на обсуждение, отличались и современной формой, и тонкостью наблюдений, но в них чего-то не хватало.

Чего же?..

На этот вопрос ответил Александр Шелудяков. Слесарь ремонтно-механического завода, он ежедневно приходил в секцию прозаиков, но лишь в конце работы семинара скромно предложил рукопись романа «Из племени Кедра»:

— Почитайте, может, подойдет...

мальчишка в свое оправдание, но мать уже не слушала его: она подхватила оставленный на время экзекуции подойник и пошла по вытоптанной до пыли дорожке к дому.

Если Витька плакал, в душе проклиная бабку Андрониху, то его дружок Толя Гулов, сын председателя артели, плясал от радости: на вырученные от проданной кошки с котятами деньги он купил сотню новеньких патронов и патронташ для своей повидавшей виды длинноствольной берданки.

В тот день бабка Андрониха рассказывала в магазине женщинам кошачью историю и удивлялась:

— Может, их теперь красят под норок или соболей — городских людей обманывают...

Не в одном Улангае скупили кошек Илья Кучумов с Костей Волнорезовым. Прицепили они к мотолодке большой долбленый облас *, загрузили пустыми берестяными корзинками с глухими крышками и поплыли в соседние деревни. Сколько было закуплено кошек и зачем — для деревенских жителей осталось тайной.

Раньше других попытался разгадать эту тайну дед Чарымов, Михаил Гаврилович, старожил Улангая. Его дом стоит на берегу Югана, вроде капитанской рубки на ко-

* Облас — лодка.

С первых же страниц пахнуло ароматом Васюганской тайги, знанием быта охотников, народной мудростью, верой в просветление дремучего края.

Жадно читаем рукопись, передаем прочитанные главы «по конвейеру» прозаикам и поэтам, приехавшим на семинар из Москвы, Воронежа и Новосибирска, не замечая того, что мысленно переместились на долгое житье на север Томской области и волнуемся за судьбы людей, о которых пишет автор.

Старуха Югана, вобравшая в себя мудрость эвенкийского племени Кедра, сын ее племени Андрей Шаманов, молодые парни-охотники Илья Кучумов и Костя Волнорезов, кроткая и умная Таня Сухушина, председатель артели Александр Гулов; открыватели газа и нефти, возглавляемые Геннадием Яковлевичем Обручевым, — все живут на страницах рукописи непринужденно, по логике развития событий, осмысливают взаимные отношения между собой, стараются понять суть напряженного времени и вместе с тем раскрывают зрелость своего ума, свои человеческие страсти, увлечения. ▶

рабле: из окна видно всю жизнь на реке. Отсюда дед и заметил, как Костя Волнорезов с Ильей Кучумовым привели на буксире громадный неводник.

«Опять что-то замышляют, — подумал старик Чарымов. — Ну и неуемный народ эти парни...»

Неводник в нынешнее разливище закинуло бешеной водой к прибрежным тальникам сразу после ледохода. Приметил его дед Чарымов недалеко от деревни в затопленном логу. Старик тогда промышлял икрометного язя на заливных покосных чистовинах. Подъехал он к неводнику в обласке — долбленке, долго и с любопытством осматривал приблудную посудину. Откуда принесло лодку-завозню, он не знал, но догадывался. На Оби из таких лодок выметывали рыбаки стрежевой невод, а когда получили новые завозни с моторами, то передали, наверное, неводник, еще прочный, какой-нибудь артели в верховье Югана. Судя по тесовым нашивкам на бортах, покрытых коростой насохшего навоза, возили в нем скот из таежных деревень в районный поселок Медвежий Мыс, в заготконтору. Неводник этот делал когда-то мастер из еловых плах, по-хозяйски проконопатил, проварил смолой. Не тронула неводник гниль.

«Зачем варнакам большущая ладья понадобилась?»

Автор наделил героев романа самобытными характерами. Самобытными потому, что формировались они в необыкновенной среде, в условиях сурового края, за исключением Обручева, пришедшего в мир этих людей отнюдь не ради наблюдения за дремотой болотистых просторов.

Автор любит природу своего края, знает повадки зверей, умеет разгадывать назревающие перемены погоды, поведение норовистых рек, говорит о целебных свойствах местных трав, умело прослеживает национальные поверия хантов и эвенков. Все это помогает ему создать запоминающиеся портреты и характеры действующих в романе людей. За плечами Александра Шелудякова богатый опыт наблюдений, глубокое знание предмета, о котором он пишет.

Густые пейзажные краски, образность языка, поэтическая чуткость к переживаниям людей наполняют каждую главу, каждый эпизод авторским волнением, которое не глохнет, не теряется до последних страниц романа.

По форме, по внешним признакам роман, кажет-

Любопытен дед Чарымов, любознателен. Заметит что загадочное или тайное и хоть не его это дело, а размышляет, строит догадки.

Четыре года назад привез Костя Волнорезов в деревню десять щенят промысловых лаек. Немалые деньги ухлопал. Подросли щенята, оставил себе Костя трех кобельков и двух сучек, а остальных задарма роздал улангаевской ребятне. Хорошие выросли у него лайки: за соболем, белкой и крупным зверем идут как заговоренные. Собаки — дело понятное, промысловое. Но зачем Костя с дружком своим Ильей скупают кошек? Видно, тронул Костины мозги недобрый червь...

Но прошло два листопада. Костя и Илья сдали в заготовительную контору около тысячи соболиных шкурок. И не каких-то рыжих, малоценных, а первосортных, смолисто-черных. Такого не случалось на Югане. «Не может быть, — шел шепоток, — чтобы два парня отпромышляли столько соболиных мехов. За сезон охотник берет сорок или пятьдесят соболей, а тут...» И поползла скользкая молва, виляя от дома к дому: «Обирают варнаки кержаков да старообрядцев, которые позабились в глухие таежные щели доживать свой век».

А улангаевские женщины другое держали на уме, ве-

ся, состоит из отдельных сцен и зарисовок жизни разных людей. Вроде бы мазки, мазки... Но вглядитесь в искристость этих мазков, в содержание каждого из них — и станет ясно, что они все связаны между собой в единую, законченную картину. Из них, из этих мазков, вылетает своя стрела мысли и стремительно несется к цели авторского замысла — создать правдивое полотно жизни людей в краю, богатом пушным зверем, рыбой, лесом, а теперь еще нефтью и газом.

Кедр — щедрое на добро, неприхотливое и долговечное дерево — по преданию, помогает жить честно и бескорыстно. Автор вынес образ этот в название своего романа, чтоб не таить от читателей, кого он относит к племени щедрых на добро, неприхотливых и сильных людей.

Именно это порадовало нас в конце семинара томских литераторов. Теперь, когда рукопись Александра Шелудякова пришла на страницы журнала «Молодая гвардия», нам думается, что нашу радость разделят и читатели.

Василий ФЕДОРОВ,
Иван ПАДЕРИН

рили почему-то: Костя с Ильей на подлость не пойдут, просто известен парням секрет-колдовство. Недаром с ними сдружилась старуха-эвенкийка Югана Кулманакова.

— Слыхали, и нынче наши фокусники вывалили на прилавок целые мешки с соболиными шкурками, да и пушнины другого зверья немало принесли. Вот и думай, что хошь! — сообщала Соня Трегубова, «завмаг сельпо» — так она называла себя.

Горела завистью Соня — такие деньги, кучи денег! Эх, ей бы все это — да в город или на юг. Присмотреть бы в Крыму дачу с разными кипарисами, абрикосами. Держала Соня в тот вечер совет со старым эвенком Пашей Алтурмесовым. Причастила его стаканом водки. Прослезились стариковские глаза.

— Кажтый мушик снат, кто такой сопоть. Крепко трудно добывать его.

И пояснил старик, что, бывает, и день, и два гонишься за соболем, так, что и сам зверем становишься, и собаки безножат. Ночевать в таком случае приходится в снегу у костра. Оголодаешь, промерзнешь.

— Плохо, когда столько много соболей добывают, — сокрушался Паша, щуря узенькие глаза. — Побьют соболей — другим охотникам ничего не останется. Надо вызывать милицию...

И полетел на другой день законверченный донос в район. Вскоре нагрянул в Улангай следователь. О чем он вел разговор с председателем Александром Гуловым? Что выяснял? Чем интересовался? Никто так и не узнал.

Лишь через день Соню пригласили в контору.

— Соболи добыты честным путем, — пояснил ей следователь.

Соня — женщина молодая и не из робких.

— Поживем, поглядим, — ответила она молодому лейтенанту милиции, да ловко, с загадочкой, прикусила нижнюю губу и зыркнула подозрительно на Сашку Гулова: «Купил следователя, только и делов».

Здесь, в Улангае, все знают, что председатель артели Александр Гулов — дружок Кости Волнорезова с детства. Летом, в сенокосную пору, еще когда они подростками были, у стана взыграли лошади, запряженные в косилку. Кинулся Сашка перехватить коней — беда и случилась. Ступню левой ноги перекусили ножи. Пока там шель-шевель, а до больницы дорожка дальняя. От-

няли ногу Сашке чуть ниже коленки. Возил Костя своего дружка в школу на санках. Всю первую зиму возил.

Ох, туговато перекрутилась эта потайная соболиная веревочка! Но Соне спешить некуда. Она подождет, поднакопит пробоистые фактики и припрет жуликов, как телят к реке на переплав.

2

Вот уже которую весну появляются Костя с Ильей в Улангае сразу после ледохода. Передохнут с неделю в деревне, закупят продукты, загрузят лодку и опять уходят на целый год в тайгу.

С раннего утра в окружении ребятишек и любопытных взрослых ремонтируют Костя с Ильей неводник. Стоят веселые, румяные дни короткой благодатной поры безгнусья.

Костя с Ильей — парни хваткие, загорелые, обветренные до черноты. Жесткими узлами бугрятся на руках мускулы. Торопятся таежники неводник на воду пустить. Разделись до трусов — жарко. Посвистывают рубанки в сильных руках, всхрюкивает пила, дятловым перестуком разговаривают молотки. У того и другого лоснится от пота спина.

Не утерпела Соня. В полдень закрыла магазин и пошла на берег вместе с дедом Чарымовым. Присела рядом с Костей на большую кокорину, еловое корневище.

— Правду говорит дед Пивоваров, что ты нынче получил письмо от Андрея Шаманова?

— Было такое, Соня, — ответил Костя, набивая табаком трубку и с хитрецой поглядывая на продавщицу.

Интересно Соне знать, кем стал сосед по школьной парте, когда-то влюбленный в нее мальчишка.

— Что пишет? И отчего в Улангай не заглянет?

— Сама знаешь, с детства была у него мечта стать художником. После армии кончил художественное училище. Художником стал. Год работал в Томске оформителем на заводе. Потом бросил все и ушел с геологами на тюменскую землю. Одним словом, многое повидал... В тундре промышлял песцов, кочевал с оленеводами от Обской губы до уральских хребтов. Летал бортмехаником на транспортном самолете, был у тюменских нефтеразведчиков на буровой дизелистом. Всего не пере-

скажешь. Приедет на днях в Улангай. Вот по старой-то дружбе и повыспроси о его скитаниях. Парень еще холостой, — подмигнув Соне, добавил Костя.

К вечеру неводник гоголем красовался на воде, лениво покачиваясь, отбивая бортами волны. Никто особенно-то и не надсаживался в догадках, кроме Сони: зачем понадобилась этакая ладья Косте с Ильей и куда они увели ее этим вечером. Односельчане давно привыкли к чужой тайне точно так же, как свыклись с тучами, ветрами и дождями.

Утром неводник снова появился на старом причальном месте, только на этот раз грузно осевшим на воду. Дед Чарымов, по наущению Сони, улучив минуту, когда Илья с Костей пошли домой, заглянул под брезент.

«Яхнуло бы их, есть в урмане у сорванцов прожорливая машина. Двадцать бочек с бензином! Для мотолодки хватит на целых три года! Эх, выследить бы их соболиный клад».

...В тот же день по деревне разнеслась еще одна удивительная новость: уехала с Ильей и Костей Танька Сухушина. Повезло деду Чарымову — Сухушины его соседи. Перед рассветом затявкала собака, вышел старик на улицу. Видит, мимо дома проходит Танюша, а Илья следом несет ее самодельный фанерный чемоданишко.

«С ними, значит, махнула девка в потайной урман. Вот ведь чудеса какие! Скажи — не поверят».

Одно сомнительно деду Чарымову: почему это Илья прихватил с собой именно Таньку. О замужестве ей, Безносихе, и думать нечего. В деревне на каждого неженатого найдется по четыре девки. Выбирай из красивых красивую, бери по вкусу — с золотым характером или что побойчее. Илья — парнина куда с добром, не обижен природой. Схлестнулась хантыйская кровь с русской, отцовской, и слился из двух кровей новый человек. Глаза у Ильи счерна, но разрез их не узкий. Нос не плосковатый. А вот широкоскулость да еще характер редкой доброты — это по материнской ветви ему достались.

Илья хорошо знает язык хантов, а русский — родной ему. Перехватил он у отца и впитал с малолетства редкий дар деревенского сказителя. Любую побывальщину отец мог щедро сдобрить вымыслом, заправить поговоркой. Мог заплести извилистую нить рассказа таким узором, что слушатель ловил с жадностью каждое слово, будто капли дикого ароматного меда. На вечеринках

Илья был желанным парнем. Славился как незаменимый балалаечник и сочинитель частушек. Не краснели девчата, когда вдруг после любовной душевной частушки скороговорочкой выдаст Илья:

Только вышел на крылечко —
Во свидетели попал:
Мой петух чужую курицу
К поленнице прижал.

Мог Илья в жены выбрать любую девушку, но, видать, еще не пришла пора ему влюбиться. А ведь двадцать четыре уже парню.

Те из девчат, что засматривались на Илью и тайно мечтали околдовать его, теперь ударили в злые пересуды:

— Вот те Безносиха!

— Сами, девки, виноваты. Гнем из себя недотрог. Безносиха вот не растерялась.

— Верно. Поймала случай, размундирилась перед Илюшкой. Мужик в запале на лицо не смотрит...

Прозвище «Безносиха» прилипло к Тане лет десять назад. Осенью ходила она с ребятишками шишковать, а на ветвях шишка держалась крепко. Хоть была девчонка проворной и мало в чем уступала мальчишкам, но не повезло ей тогда. Сорвалась Таня с суковатой подставки, по которой хотела добраться к первым ветвям гладкоствольного высокого кедра, упала лицом на ребристый смолевой корень и разбила переносицу.

Тут уж не скроешь — обидно девчатам, которым прилюбился Илья. Увела от них Танька-Безносиха первейшего парня. И желали они ей утонуть в болотной трясине.

Все эти догадки и подозрения, толки и перетолки, как рваные нитки, собрались в один клубок и докатились до завистливой Сони Трегубовой. Но она не запуталась в них, нашла один важный для нее конец: бочки с бензином! Куда и зачем Костя и Илья увозят такую прорву горючего? Тут же слушок прошел: молодые охотники вместе с председателем Гуловым тайком от людей самолет держат. Люди зря говорить не будут; слуха без факта, как дыма без огня, не бывает.

И полетел донос. Теперь уже в областное управление милиции. Соня сама собиралась махнуть в Томск с та-

ким делом, да тут ей стало известно, что скоро появится в Улангае ее школьный ухажер Андрей Шаманов. Дело против Кости не уйдет, а Шаманова можно прозевать, другие девки перехватят...

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Андрей Шаманов с обского Севера возвращался в родные края. Восемь лет странствий... В Улангае его давно запропавшим считали. Куда только не бросала его судьба за эти переполненные событиями годы. В сорок пятом вместе со своим закадычным дружком Костей Волнорезовым призвали Андрея в армию. Три года отслужили они в одной авиационной части, побывали в Прибалтике, в Германии, а когда демобилизовались, раскидала их жизнь по разным дорогам.

Пароход «Адмирал Нахимов» причалил к пристани Медвежий Мыс в пятом часу утра.

Село только начинало стряхивать с себя сладко-хмелистую утреннюю дрему. Лениво вился дымок над трубами, лениво взлаивали собаки на всхлип калиток и скрип тротуаров под ногами редких прохожих. Но вот по улице, вымощенной просмоленной сосновой чуркой, прогромыхала пустая телега, отчакивая колесную дробь, и собаки, как по цепочке, от дома к дому проводили беззлобным тявканьем первую колесницу. Нарушился утренний потяг.

Андрей привычно зашагал по безлюдной улице поселка к районной больнице, напротив которой, как ему сказали, живет докторша Журавлева. Андрею хотелось поскорее выполнить поручение — передать посылку — и с первым попутным катером отправиться в Улангай.

— Уехала Лена на вызов, — ответил недовольный сонный голос за дверью, — к полудню обещала воротиться.

— Не тревожьтесь, я в сенках на полке оставлю посылку с письмом. Потом заберете.

— От кого посылка-то? — сразу залюбопытствовал женский голос.

— Из Уртама. От подруги по институту.

— О господи, я сейчас. Мигом оденусь да в дом вас

впущу, — доброжелательно заторопилась женщина за дверью.

— Не стоит, — ответил Андрей, улыбаясь такой скорой перемене женского настроения. — Я зайду к вам позже, после обеда.

Он оставил сверток, сошел по скрипучим ступеням на дощатый, такой же скрипучий тротуар.

На пристани ему сообщили, что можно уехать в Улангай на почтовом катере, который пойдет в верховье Югана не раньше полудня. Приходилось ждать.

Андрей постоял немного, бездумно облокотившись о неошкуренную жердину изгороди, с любопытством поглядывая на высокий мыс, к груди которого жалась обессилевшая утренняя дымка.

В юности ему редко приходилось бывать в Медвежьем Мысе. В районный поселок приезжали из ближних таежных деревень эвенки, ханты. Приплывали по весеннему первопутку вслед за ледоходом на лодках, обласках сдавать в «Сибпушнину» добытые за зиму меха.

У подножия мыса, на песчаном берегу маленькой речушки Панигадки, ставили они летние чумы. День сдачи пушнины считался великим праздником: сутками полыхали костры, не умолкали песни. А когда охотники с закупленными обновами разъезжались по своим деревням в грузных обласках, лодках, то по берегу долго шныряли собаки, рылись в кучах рыбьих костей. И все не мог замести песком ветер разбросанные консервные банки и кряжи-головешки, не доеденные огнем.

Махнул Андрей рукой и пошел по тропинке, ведущей к вершине мыса. Больше часа стоял он там, на самой высокой точке юганской земли, смотрел вниз на разбросанные строения поселка, окруженного каймой хвойного леса.

Вот она, древняя столица Юганья!

Кто первым поселился на Медвежьем Мысу, старожилы не помнят. Где и когда была срублена первая избушка-карамо, теперь никому не узнать. Но юганцы единодушно считают, что стал расти поселок с первой заимки, поставленной в давние времена именно здесь, на этом мысу, средь дикого кедрача. Из года в год, в разливище, подгрызает мыс тихая Панигадка, оттачивает его высокий, обрывистый клин. Уносит Панигадка песок с илом за устье, вспучивая обский плес отмелью. Второй берег реки низколуговой и сейчас упрятан прибылой водой.

Смешались густо-коричневые таежные воды со взмученными обскими — половодье.

Смотрит Андрей на восток — всюду водная весенняя гладь, конца-края нет, лишь местами островки ветельника да тальника мельтешат рваными зеленоватыми тучками. На устье Панигадки, где она в спад воды вовсе пересыхает, стоят лесогрузные тяжелые баржи почти рядом с крышами затопленных бараков.

Прижимает Медвежий Мыс по правую руку Панигадка, вниз по обскому течению, за кедровой гривой и клюквенным болотом, — Юган. Оттуда, с Югана, тихими утрами доносятся перестук рыбацких катеров и бойкая стрекотня лодочных моторов.

В июне отхлынет вода с соров *, — как на дрожжах попрет из сырой, распаренной земли разнотравье, на озерах засмелеет карась и будет путаться в рыбацкие сети, в мордастые фитили **. Рыба, можно сказать, под носом — тут же, близ поселка, на обских стрежистых песках и ямах. Осетр, стерлядь, а по курьям да заводям — косяки жирового ельца и язя.

Андрей окинул взглядом южную часть поселка.

У самой подошвы мыса, ближе к материковой тайге, аккуратно расставлены белые коробочки построек районной больницы. Андрей знает, что рыбаки и охотники не часто ходят в больницу. Народ юганский крепкий, прокален морозами, испытан на выносливость урманами. Правда, малышей своих юганцы частенько показывают докторам, да еще с приговоркой: «Мелка нынче баба пошла — ребятишек совсем хлипких рожает». Примчится рыбак на мотолодке: «Доктор, парнишечка занемог». Прискачет на взмыленном коне охотник: «Доктор, ребенок пластом лежит, огнем полыхает». И садится доктор в лодку либо приказывает седлать коня. И в путь.

Нелегкая здесь жизнь врачей, да еще молодых, таких, как Елена Журавлева, о которой Андрей слышал много добрых слов от ее подруги по институту. Он взялся доставить Елене посылку тоже из добрых чувств. Вероятно, она действительно хороша душой, коль приехала в такую глухомань охранять здоровье рыбаков и охотников.

---

* Сор — низкий луг, затопляемый в половодье.
** Фитиль — вентерь.

Как жаль, что не застал ее дома. Может, именно ее портрет просится на его холст, а может...

От этих дум в душе Андрея почему-то стало тревожно.

2

Елена Журавлева вчера уехала по срочному вызову. А восход солнца встретила уже на обратном пути. Залюбовалась, когда большой и багровый шар выкатился за далекими затопленными лугами и необыкновенным прожектором раскинул по земле лучи. Любовалась Лена солнцем, глядела, как утонуло оно в мелководье, замутив воду вишневым соком.

Весна превратила ручьи в речушки, а в ложбинах устроила озера талых вод. По весне юганские пути непроходимы. Правда, из Медвежьего Мыса идет извилистая, местами топкая дорога вдоль берега Югана. В это непутевое время по срочным делам лучше всего добираться до места на мотолодке или верхом на коне.

Крутогривая гнедая кобылица стояла на берегу, подернутом кружевным седоватым мхом и молодой порослью сосняка. Закусив удила, всхрапывала, тревожно била копытом землю, и отшлифованная до блеска подкова рассекала замшелую дерновину. Короткое тревожное ржание словно предупреждало всадницу: «Дальше ни шагу. Видишь, трещины змеями ползут, того и гляди глыбища земли под яр нырнет и нас с тобой, глупая девчонка, прихватит»,

Лена, сбоченясь в седле, смотрела, как под яром в заводи хороводились бревна. Где-то плоты разбило.

Испохабила да перекваснла весна земные дороги, но взамен дала речные. Если у человека, промышляющего соболя и белку, тревожное время осень, то у лесосплавщика неспокойна душа весной. Тащит Юган на своей спине плоты охотно, но не зевай, припоздаешь — обережется вода, и тогда чахнуть строевому лесу, может быть, не одну годину на песчаных косах да сорах.

К девушке подъехал старик на буланом жеребце, забрызганном грязью.

— Замешкался я чуток, Лена Александровна, на ливе четырех селезней заполоновал. — Он осторожно, как с

высокоприступчатой лестницы, слез с седла, подошел к девушке, поправил за плечами старенькую переломку и привязал к седлу Лены самодельную сетку из неводной дели с подстреленными селезнями.

— Не надо, Михаил Гаврилович, спасибо.

— Эш-ты, кого не надо-то... Разве они у меня куплены? Бери, Кедерочка.

— Какая, дедушка, из меня Кедерочка... Хоть и выросла в деревне, а боюсь тайги.

— Спасибо тебе, Лена Александровна, за внука. Поставила ты его на ноги... А с тайгой обвыкнешься... — Старик ласково поглядел на девушку. — Найдется еще в нашем краю ходкий олень, облетишь с ним все урманы.

— Возвращайтесь, дедушка, домой. До Медвежьего Мыса рукой подать, и дорога здесь мне знакомая. Не забудьте про хвойные ванны.

— Пошто забыть-то? Хвоя у нас не магазинная, — дед Чарымов немного подумал, а потом, засмелев, спросил: — Если тертую редьку на грудки внучонку... Не повредит?

— Разрешаю, дедушка, и редьку, — ответила Лена.

— Не повезло малышонку. Приехал гостевать, а вот какая оказия случилась... Ну ничего. Корень наш живучий.

— Дедушка, а почему вы меня Кедерочкой окрестили? — спросила девушка, стараясь сдержать беспокойную лошадь.

— На этом самом месте в старину эвенки свадьбы играли весной, в месяц Большой Рыбы. Приходит молодой охотник в чум родителей невесты и сказывает: «Осина — дерево хорошее, обласок можно делать, сохатому лекарство дает. Сосна смолистая — можно карамо рубить. Береза весной соковицей поит — душу человека радует. А вот люблю я кедерочку, краше нет дерева в нашей тайге. Она своей грудью молочной всю живность питает...»

Лена, проводив взглядом удаляющегося старика, грустно улыбнулась. Над затопленными тальниками селезни со свистом резали крыльями воздух, носились с покриком, суетились над спокойной гладью заливных лугов. Им подарила весна чудное оперение и зовущий любовный голос.

— Кедерочка... — она проверяла на слух это душистое и нежное слово. — Ну что, Гнедуха, отдохнула?

Кобылица вскинула голову. Лена хлестнула легонько Гнедуху прутиком по крупу, и кобылица, чуя близость жилья, мелкой рысцой заспешила к поселку.

Жила Лена на квартире у медсестры Нины Павловны Криворотовой. Возле огорода, на задворках, протекает ручей из дальней согры *, а сейчас вместо него плещется большое озеро, наполовину затопившее усадьбу. Дом старенький, из одной комнаты и кухни. Окно глядится на улицу, но самой улицы из комнаты не видно — все застит малинник и черемуховый куст, обрядившийся молодой листвой.

Едва Лена вошла в комнату, Нина Павловна с загадочной улыбкой сказала:

— Еще кулики за огородами не всхлипывали, а к нам, Леночка, гость заявился. В окно я его успела разглядеть. Молодой человек, ладный такой из себя... Оставил тебе письмо и посылку.

— Нина Павловна! Так это ж, наверное, от Наташки! Ну, давай письмо, потом плясать буду! — радостно вскрикнула Лена.

Нина Павловна протянула девушке помятый конверт с расплывшимися фиолетовыми строчками адреса и добавила многозначительно:

— А гость к обеду обещал заглянуть...

Лена дважды пробежала глазами короткое письмо, так и не услышав последних слов Нины Павловны. Она стояла посреди комнаты. С заляпанных грязью кирзовых сапог на чисто вымытый пол натекла илистая лужица. Подруга писала ей о своей жизни в таежном поселке нефтеразведчиков, о муже и сыне, звала летом в гости. В привезенной Андреем посылке оказались унты, расшитые ярким эвенкийским орнаментом, и пыжиковая шапка с длинными наушниками.

Нина Павловна внимательно глядела на примерявшую подарки девушку и догадывалась, о чем та думает сейчас, догадывалась, отчего вдруг погрустнела молодая докторша...

Ждали они Шаманова во второй половине дня. Не пришел Андрей. Уехал на попутном катере в Улангай.

---

* Согра — залесенное топкое место.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Алтымигай, приток Югана, извилистым усом разрезает материковую тайгу. В весенний паводок берет свое начало таежная речушка из Ледового озера, а спадет вода, и озеро летует отрезанным от реки. И тогда зачахший, обмелелый Алтымигай питают только родники да болотные ручьи. В низкий водостой верховье реки местами вовсе пересыхает.

На большом Ледовом озере есть остров. Выпучился со дна озерного, или в буйный разлив оторвало от берега всплывший торфяной мыс и оттянуло ветром на середину, на отмель — неведомо. Но прирос остров в том месте на многие столетия. Если смотреть с высоты, то Соболиный — как назвал остров Илья — похож на чуть сплюснутое яйцо в темно-синей озерной чаще. В длину Соболиный не меньше пяти километров, вширь — около двух. Растет здесь жеравый кедрач, по берегам белой каймой втискивается местами в чернолесье березняк. Ближе к осине, с солнечной стороны Соболиного, в низине, гроздится брусника густоты невиданной. Гребенчатыми совками за день одному человеку не спеша можно набрать целую бочку ягоды. На тупоносой западной оконечности острова царствует рябинник — излюбленное место глухарей, рябчиков и, конечно, соболей. Они-то и засеменили обильно эти места рябинником.

Сегодня на Соболином праздник — день привоза продуктов.

Для праздничного стола готовила Югана закуску: отваривала оленьи языки, губы, печень. Выбирала лучшие куски мяса. Таня помогала ей — выкладывала из котла студить крупных окуней. Холодное окуневое мясо, да с горчицей — такой еды не найдешь и у лучших столичных поваров. Хлопочут женщины, торопятся. Кости с Ильей нет дома. У них дело важное — нужно отвести неводник подальше от берега и поставить на якорь. Бензин-то авиационный в бочках. Закурит кто невзначай поблизости, или из трубы ветер закинет искру... Мешки с мукой, крупой, сахаром и другими продуктами парни еще утром перетаскали в лабаз.

Тане очень хотелось расспросить старуху, как ведут

отлов соболей в этом урмане, заброшенном за триста километров от Улангая. Два года назад она окончила в Томске сельхозтехникум — училась заочно и работала на звероферме зоотехником. Лисоферма в Улангае маленькая. Вместо прибыли пока приносит артельному хозяйству один убыток. За несколько дней до того, как Тане уехать на Соболиный, был у нее с председателем важный разговор:

— Все, Танюша, о соболях высматривай. Выспрашивай Костю. И не запоминай, а врезай себе в память. Дело начинать нам с тобой предстоит новое, незнакомое, но, по всему видать, очень прибыльное. Зверофермы, которые у нас в стране занимаются соболеводством, по пальцам пересчитать можно. Выходит, доброго опыта зачерпнуть почти неоткуда. Есть в нашем деле один спорный вопрос: где удобнее основать будущую соболиную ферму — в Улангае, или там, на острове? Это тебе решать.

— Они хотят передать в артель своих соболей? — удивленно спросила тогда Таня. — Но артели придется тогда выплатить громадные деньги...

— Видишь ли, помощница ты моя, — ответил председатель, — Костя с Ильей не хапуги, а ты бабьи пересуды в расчет не бери. Найдем с парнями общий язык. Большое дело они задумали. Ты это в виду имей...

Смущало Таню: почему Костя с Ильей держат соболиный свой промысел в таком небывалом секрете? Зачем, если согласны отдать в артель соболей? Знала Таня: никто их к этому не принуждал. Знала: в специальных постановлениях правительства предусмотрен ряд льгот для приусадебного звероводства... И теперь, выставляя на стол обильную снедь, она продолжала думать обо всем этом.

— В самолетах по небу бегать любишь? — спросила Югана Таню, открывая берестяной туес с маринованными грибами.

— Ни разу в жизни не летала.

— Хорошо в небе! Смотришь, лес кажется редким: лось идет — вижу, медведь ковыляет — вижу. Надо сесть — в трубку крикну Косте, ткну пальцем на озеро или речку, и он, как селезня, свой самолет бросает на воду. Ходим по тайге... Зверя в этих краях люди еще не пугали.

— Откуда здесь самолет, Югана? — удивилась девушка.

Спохватилась Югана, прикусила язык, покачала головой, укоряя себя за ненужные разговоры.

— Косте с Ильей давала клятву? — сердито спросила старуха.

— Обещала, бабушка, никому не рассказывать про Соболиный остров, — горячо заверила девушка Югану.

2

У островитян сложились уже свои обычаи. В торжественный день, когда на столе в берестяные кружки разлито вино и приготовлена лучшая закуска, каждый говорит о своей заветной мечте. Югана неторопливо собирается с мыслями, ей хочется сказать красиво и, конечно, русскими словами. Зачем торопить Югану, пусть думает, а пока можно рассказать о берестяной посуде и деревянных ложках, сделанных ее руками.

Югана живет по старому кочевому обычаю: в тайге у человека должны быть вещи простые, крепкие и обязательно легкие. Привозил Костя в позапрошлом году фарфоровые тарелки, разные стаканы, рюмки. Ложки с вилками из нержавеющей стали привозил. Посуду эту Югана побила, перетолкла в деревянной ступе, унесла и высыпала на песчаный берег, где осенью глухари слетаются выискивать мелкую гальку в песке. Так ушла фарфоровая и стеклянная посуда из зимовья в мускулистые желудки глухарей. Из нержавеющих ложек Югана изладила блесны на щук, а вилкам отломала зубья и смастерила скребки для выделки шкурок.

— Много денег хочу, — растягивая каждое слово, начала говорить старуха, — самолет купить хочу. Всегда Югана ходила на лыжах, таскала груженую нарту и завидовала птичьим прямым дорогам. Сейчас тоже все охотники ходят на лыжах, таскают нарту, летом ломают руки — толкут воду веслом... Мой самолет завезет охотника из Улангая в любой урман. Кому куда нужда есть! Пусть забудут люди про нарту. Пусть не натирают мозоли ремни заплечных мешков...

— Четвертый год у тебя, Югана, одно и то же. Только не сбудется это. Самолет — не мотолодка, не разрешается его иметь охотнику.

— Зачем, Костя, кидаешь пепел на мою мечту? Такой куплю самолет, как у тебя...

Подошла очередь говорить Илье. Он смущенно улыбнулся:

— Охота жениться...

Костя и Таня расхохотались, а Югана одобрительно и серьезно кивнула:

— Хорошее желание у Ильи.

— А что волнует Танюшу? — спросил Костя.

— Моя мечта неисполнима... — девушка опустила голову и добавила, запинаясь: — Хочется быть... красивой...

— Смешная ты, Танюша. Разве не знаешь, какая ты красавица?! Твоей фигуре любая актриса позавидует. А какие глаза у тебя! А характер!.. Любого парня можешь заарканить.

— Нет, Костя, нос-то... у меня... — смешавшись, возразила Таня и прямо поглядела охотнику в глаза: не утешай, мол, сама про себя все знаю.

Костя ни чуточки не смутился.

— Подумаешь, переносица разбита. Заработаешь денег, поедешь в Москву. Есть там институт красоты. И в этом институте чудеса творят. Не веришь?.. Как в сказке из Золушек принцесс штампуют. Вот и тебя принцессой сделают...

Таня счастливо улыбнулась. Она и сама знала про этот институт, но поездка в Москву казалась ей недостижимой мечтой. И все же Костины слова тронули ее до глубины души.

После смерти матери у Тани на руках остались две сестренки. Не растерялась в беде молоденькая девушка, хоть и сама еще ребенком была. Бралась за любую работу в артели и учиться не бросала. А нередко ночами, когда сестренки спали, доставала она кусок жевательной кедровой серы, накладывала на переносицу и, отойдя от зеркала подальше, любовалась, когда из глубины мутного мерцающего прямоугольника смотрела на нее миловидная девушка с печальной улыбкой...

За столом все притихли и с сочувствием глядели на Таню. Наконец Югана спросила Костю:

— Зачем долго молчишь? Говори свое желание...

— У меня желание простое, Югана, — улыбнувшись, ответил Костя, — чтобы ты была всегда бодрой, а Танюша стала красавицей. Денег мы ей на поездку в

Москву найдем. Еще дадим ей выделанных соболей. Отвезет она шкурки в подарок хирургу, чтобы постарался и сделал Танюшу первой красавицей на Югане.

Таня смутилась и поспешила изменить тему разговора:

— Костя, а зачем вы кошек скупали с котятами, разве у вас другого выхода не было? Знаешь, вас кошачьими фокусниками Соня окрестила...

Югана улыбнулась, а Илья стал мудрить с серьезным видом:

— Мы их дрессируем! Когда снег глубокий становится и собаки не могут идти на промысел, мы сажаем кошек в мешки и отправляемся в тайгу. Выпускаем там, они разбегаются в разные стороны, ловят белок, как мышей, и нам приносят. Мы с Костей только успеваем собирать добычу да шкурки снимать. Во как!..

Югана курила трубку, одобрительно кивала: хорошо, мол, врет Илюшка.

— Видишь ли, Таня, — серьезно пояснил Костя, — из всех промысловых зверей жизнь соболя и размножение его на воле менее всего изучены. Очень много неразгаданных тайн в жизни этого благородного зверька...

— Какие тебе тайны! — перебил Костю Илья. — Соболь любит человека, быстро привыкает, не боится...

— Любит, если ты вырастишь его дома, а как в тайгу выпустишь...

— Соболь повадился ходить в деревню и у Андронихи на вышке ел свиной окорок, — говорит Югана. — В деревне собаки, люди, а он гулял себе, пировал, пока Паша Алтурмес не ухайдакал его. Еще скажу. Пять зим назад в моей избушке жил рыжий соболь. Следил за мной. Я утром уйду белковать — он в дырку у трубы нырнет. В избушку заберется. Шныряет по чашкам, котелкам. Ложки-поварешки вылижет. Мыть не надо. Смешно. Сильга привыкла к нему. Не лаяла. А я беличьи шкурки сниму, тушки на ниточку свяжу и повешу на вышку. А он, шайтан, наестся сам да еще жену приведет.

— Чего же ты их не добыла-то, бабушка? — спросила Таня.

— А зачем? Рыжие они. Совсем пустяк стоит, хоть рукавицы шей. Сами дружить ко мне пришли. Грех убивать, — закончила рассказ Югана.

— Понимаешь, Таня, есть одно «но». В урожайный

на кедровую шишку год соболь резко, больше чем наполовину, уменьшает свои владения, — начал объяснять Костя.

— А в голодный год, — не дал досказать ему Илья, — за каждую колодину, за каждый километр таежной земли воюет. Дерутся меж собой самцы не на живот, а на смерть. Шел я однажды по тайге — слышу рычанье. Это два соболя сцепились, теребят один другого, меня не видят и не слышат. Подошел, взял их в руки...

— Врешь! — не поверила Таня.

— Кучум правду говорит. Югана сама драчунов брала в руки.

— Отпустил я их, — продолжал Илья, — а они снова драку учинили, хоть в милицию тащи.

— Сильный самец прет слабого за десятки километров от своих владений, страх нагоняет, — добавил Костя. — Вот этот чертов их инстинкт и мешает нам увеличить плотность соболей на полувольном содержании. Делали мы такой опыт: выкладывали подкормку всю зиму в строго определенных местах, в амбариках, но ведь, черти, из-за дармового корма и то воевали, опять же только сильный захватывал весь кормовой участочек.

— Но ведь это же здорово! — восхитилась Таня. — Идет естественный отбор, и это можно использовать в нашей практике.

— Да, но ты забываешь, что матерые соболи угоняют молодняк от кормовых мест. И как вообще можно использовать в нашей работе звероводов те качества, которые мы хотим искоренить в зверьках?

— Будем строить больше лабазиков-кормушек, будем вывешивать объявления: «Здесь кормится только молодежь» — или, наоборот: «Закусочная пенсионеров», — пошутил Илья, улыбаясь своим счастливым потаенным мыслям.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

В Томске, областном городе, имя Кости Волнорезова взял на заметку старший следователь Пирогов. Утром пришел к Вадиму Вадимовичу Пирогову бывший инженер аэроклуба, положил повестку-приглашение на стол.

— Марк Иванович Колюшкин? — глядя на седовласого низкорослого мужчину, спросил следователь.

— Да, — коротко ответил Колюшкин, недоумевая, зачем он понадобился следователю — вроде грехов за собой он никаких не знал.

— Марк Иванович, — начал Пирогов, открывая пока еще тонкую папку дела. Он был уверен, что папка быстро и скоро разбухнет, впитает в себя признания не одного человека. — Альберт Грибов когда-то работал у вас в аэроклубе?

— Да, замечательный был техник. Он учился в политехническом институте заочно. Грамотный человек.

— Так вот, ваш аэроклуб закрыт уже более четырех лет... Но Грибов тогда увез к себе домой списанный авиационный мотор. Этот инженер долгое время изобретал глиссер какой-то новой конструкции, с авиационным двигателем. А теперь нам стало известно, что в ста километрах от Томска глиссер на большой скорости врезался в самоходную баржу. Погиб сам Грибов и четыре пассажира. На барже жертв не было...

— Чем я могу быть полезен? — спросил Колюшкин, а про себя подумал: «Могут шею намылить — не усмотрел, когда стащили авиационный двигатель».

— Я поднял архив... Нашел акты на списание пяти двигателей, — продолжал следователь. — Нашел справку, что пять списанных моторов сданы на склад «Вторчермета» как утиль. А получается, что сдано не пять двигателей, а четыре... Как это могло произойти?.. Не имелось ли у вас еще любителей-конструкторов, наподобие Грибова?

— Сейчас попытаюсь вспомнить... — Колюшкин задумался.

Следователь терпеливо ждал.

— Техники собирали лом за ангаром и около гаража, — начал Колюшкин. — Был у нас один толковый парень. Волнорезов Константин. Работал техником и без отрыва от работы освоил программу пилота. Потом был при аэроклубе летчиком-спортсменом, участвовал в соревнованиях...

— Летчики меня не интересуют, — нетерпеливо оборвал следователь. — Моторы, моторы куда девались?

— Я и говорю: была землянка-маслогрейка. Весной затопило ее, и она рухнула. А там оставался мотор... Когда стали собирать разный лом, Костя Волнорезов при-

помнил про эту землянку и про мотор. Сам раскопал, сам погрузил с ребятами в машину и отвез в металлолом. В «Чермете» принимают утиль. Там, сами понимаете, не сортируют: это авиационный мотор, это пылесос, — для них все это цветной или черный металл.

— Значит, уже шесть моторов, — подытожил следователь. — Мог ли Волнорезов забрать себе двигатель так же, как Грибов? — спросил он, закуривая сигарету.

Колюшкин пожал плечами:

— Зачем он ему? Парень учится на охотоведа. Кончает заочный сельскохозяйственный институт. В прошлом году он забегал ко мне, когда ехал экзамены сдавать.

— Ну что же, хорошо. Но проверить надо, — сказал следователь, сделав в записной книжке пометку, что нужно попросить районную милицию Медвежьего Мыса навести справки о Волнорезове.

— Костя Волнорезов с Альбертом Грибовым возили тогда металлолом. У Грибова были шоферские права первого класса. А Волнорезова я направил к нему грузчиком, — добавил Колюшкин вспомнившуюся ему подробность.

— Если узнаете что-либо новое по этому вопросу, сообщите, — сказал следователь, прощаясь с бывшим инженером аэроклуба.

2

В кабинет следователя вошел высокий мужчина, средних лет, смуглый.

— Я Черных, — представился он. — Вы вызывали меня?

— Вызывал, товарищ Черных. Хорошо, что пришли, — ответил Пирогов, кивнув на стул. — Присаживайтесь.

— Не могу представить, зачем я вам понадобился?

— О том, что вы работали летчиком-инструктором в Томском аэроклубе, и о том, что вы замечательный пилот, я знаю. Меня интересует Константин Волнорезов, ваш бывший курсант, авиатехник, которому вы передали когда-то свое мастерство высшего пилотажа.

— На зональных соревнованиях по высшему пилота-

жу Волнорезов занял первое место. Надо сказать, в соревнованиях принимали участие летчики с большим опытом, — с гордостью за своего воспитанника сообщил Черных.

— Вы не припомните, куда девались три списанных У-2, когда аэроклуб расформировали? — спросил следователь, доставая из папки какую-то бумагу.

— Известно, куда можно девать деревянный каркас из фанеры да перкалевой обшивки... Увез кто-нибудь из техников или шоферов на дрова. Да вот недавно я был у Рябцева, так он самолетной перкалью обил дверь в бане и обшил изнутри предбанник... А фюзеляж, ободранный, во дворе стоит, ребятня на нем в летчиков играет...

— Да, действительно, деревянный каркас старенького самолета годен только на дрова, — согласился следователь. — А вот моторы?.. Мог ли Волнорезов взять мотор?

— Зачем ему? — удивился Черных.

— Да я и сам так думаю, а вот послушайте, что пишут мне из Медвежьего Мыса: «Навели справки о Волнорезове, разговаривали с ним лично. Обыска не делали, но сам хозяин охотно показал все закоулки в сараях и в кладовых. Не то что мотора, а даже гайки или шплинтика не нашли. Волнорезов не увлекается машинами. Он больше четырех лет занимается промыслом соболей, возглавляет охотничью бригаду. Охотничает где-то в очень далеких урманах. Бригада промысловиков Волнорезова одна из лучших в районе. Отзывы о нем у председателя артели хорошие. Навели справки в районной нефтебазе, кто выписывал авиационный бензин. Ежегодно получал с базы по двадцать и тридцать бочек авиационного бензина председатель улангаевской артели. У них имеется звероферма. Бензин идет на обработку мехов: шкурки обезжириваются опилками, смоченными авиационным бензином. Бензин выдавался и охотникам, с такой же целью».

— Зря вы на Волнорезова грешите, — положив погасшую сигарету в пепельницу, сказал Черных.

— Дорогой ты мой, из-за старого мотора погиб талантливый молодой инженер и еще четыре человека. Не хотелось бы, чтобы подобная участь постигла и Волнорезова. Если тебе не безразлична судьба бывшего питомца, давай мозговать вместе...

— Да-а... — удивленно протянул Черных. — Здесь стоит подумать.

— Чего тут думать... Выписывали авиационный бензин. Многовато ведь — тридцать бочек в год на обработку шкурок. Каждому ясно...

— Но бензин мог идти на моторные лодки или какие другие нужды.

— Нет, брат. Тут стоит немного пофантазировать. На окраине Томска, возле спичфабрики, в сосняке стоят старенькая избушка и большой сарай. Там жил Волнорезов, когда работал в аэроклубе. Разговаривал я с тамошней ребятней. Она-то все знает. Мальчишки говорят: «Дядя Костя домой самолет привозил и в сарае держал. Куда самолет девался, никто не знает». Ну, а теперь давай посмотрим, — раскинув на столе карту Томской области, сказал следователь.

Черных посмотрел на карту и остановился взглядом на красном кружке, которым был обведен Улангай. Редкие линии авиатрасс пересекали таежные земли, соединяя крупные населенные пункты.

— Вот оно, знаменитое юганское болото. Все изрезано таежными гривами и островами. Пространство в тысячу километров над этими урманами еще не бороздили самолеты, разве только пожарные... Так? — ткнув карандашом в красный круг районного центра, спросил следователь.

— Да, пожалуй, — согласился Черных. — Вы думаете... где-то в тайге у Волнорезова спрятан самолет? — неторопливо, обстоятельно спросил бывалый пилот. — Но ведь это чепуха! Четыре года... Подумайте, уже списанный У-2, старый, утильный мотор... Нет, это исключено! — решительно закончил Черных.

— Допустим... Но зачем тогда Волнорезов хранит в тайне свой промысловый участок? Почему никто не знает, где он охотится?

— Да потому, что каждый охотник в какой-то мере суеверен, что ли. Держать в секрете богатый промысел для охотника считается самым важным.

— Что-то тут не так, — покачал головой следователь. — Ну вот ты посади себя мысленно в самолет и лети над этим юганским болотом. Встретился тебе, скажем, У-2, этак на высоте ста метров. Заподозрил бы ты что-либо или нет?

— Нет, конечно. Потому что не могу представить себе летчика, разгуливающего по безлюдным местам на самодельном или списанном самолете. Просто подумал бы: живет себе небесный тихоход где-нибудь у геологов и верно служит.

— Ты прав. Я запросил начальника аэропорта Медвежьего Мыса, и вот что он мне ответил: «Все опрошенные пилоты местных линий не встречали в воздухе за четыре года ни одного У-2. Эти машины сняты с эксплуатации». Ты же сам говорил, что Волнорезов отличный пилот...

— Вы хотите сказать, — перебил следователя Черных, — что он...

— Да, именно это... Учился ли Волнорезов ночным полетам?

— Ночью он летал отлично, так же как и днем. И в слепых полетах, под колпаком, водил машину исключительно. Но трудно, даже невозможно представить себе летчика, который рисковал бы, летая на аварийном самолете над такими местами, где, случись что-либо, никто не окажет помощи... Да и зачем все это могло бы понадобиться Волнорезову?.. Подумайте...

— А ведь зимние ночи на севере бывают светлые и лунные, не хуже чем день... Летчики аэрофлота спят, а Волнорезов, может быть, в такие ночки не дремал, а?.. Всякое противозаконное деяние связано с риском.

— Это сказка. Такого не может быть, — уверенно сказал Черных. — Подумайте, ну что может делать Волнорезов на самолете посреди болотистой тайги, где и площадки ровной для посадки не сыщешь!

— Да... задача со многими неизвестными, — согласился следователь, как видно, не отказавшийся от своей версии.

Включив настольную лампу, Пирогов подошел к окну и открыл форточку. В кабинете было накурено и сильно пахло застаревшим табачным дымом. Следователь с недовольным видом вытащил из стола «авиамоторное дело», с показаниями свидетелей и очевидцев. Он даже ругал себя за потерянное время, ушедшее на розыски какого-то древнего У-2, который, поди, уже давно предприимчивый хозяин изрубил на дрова и сжег, превратив в золу. А вот он, серьезный человек, должен искать эту проклятую зо-

лу... Однако где-то в глубине души в нем говорила профессиональная гордость. Интуиция подсказывала ему: если Волпорезов действительно такой, каким его описали бывший летчик-инструктор и инженер, то, значит, парень очень умен и хитер необыкновенно.

«Стоит выехать в Медвежий Мыс и побывать в Улангае», — решил Пирогов.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Еще в первый год, когда облюбовали Соболиный остров, Костя с Ильей решили, что гораздо легче перевезти пятистенник из ближайшей брошенной деревни, чем строить новый дом. Так и сделали. В весенний разлив за день раскатали самый большой дом в Мучпаре, увязали бревна и утянули на мотолодке к островной заимке. Разбежались у парней глаза: мало им показалось. Из гладкоствольного сосняка подрубили восемь нижних венцов, и получился из пятистенника двухэтажный домик. Верхний этаж поделили на три комнаты, внизу поставили плиту и глинобитную русскую печь, чтобы хлеб выпекать. Тут же, в нижнем этаже, соорудили мастерскую, где делали бочки, соболиные клетки да насторожки кулемковые. В боковой комнатке нижнего этажа обрабатывали они и хранили соболиные, норочьи, беличьи шкурки. Сделали еще и утепленную пристройку к дому для кошек.

Югана комнату называет по старинке — юртой — и не расстается со своим богом-идолом, как русская верующая женщина с иконой. У дверей на вбитом деревянном костыле висит бог огня и удачи Тугэт, вырезанный из кедрового полена. Тугэт охраняет дом от пожара, гнуса и страшных снов. У бога огня и удачи вместо глаз и пупа потускневшие медные пистоны. Перед выходом на промысел Югана просит у Тугэта добычливой охоты, разговаривает с ним ласково, угощает костным мозгом и жиром. Но бог Юганы совсем иное, чем русская икона. Он неприхотлив. Не обижается, что приходится болтаться вместе с ружьем и ножом в берестяных ножнах на деревянном костыле, как преступнику с затянутой ременной петлей на шее.

Тугэт помогает в промысле не только Югане, но и Косте с Ильей. Он бережет их ружья от промаха, патроны от осечек. Он приводит лучших зверей на мушку ружья, хранит порох от сырости. С богом Югана обращается сурово: за малейшую провинность или оплошность беспощадно расправляется с ним. Нынешней весной, в месяц токования глухарей, ушла Югана на охоту и схлестнулась ее тропа с медвежьей. Вскинула Югана ружье — осечка. А лайка Сильга наседает на зверя... Перезарядила ружье старуха. Второй патрон дал осечку... Вернувшись домой на остров, Югана разнесла топором своего бога огня и удачи в щепки и бросила в печку. Косте с Ильей она это объяснила так: «Нового Тугэта надо вырезать. Старый совсем обленился, не хочет помогать Югане».

Слушать не хотела Югана, когда Костя попытался ей растолковать, что с бумажными пыжами патроны двухлетней давности могли отсыреть. Но упорно верит она в своего молодого бога, дружит с ним до поры, пока тот «не обленится».

Держал Костя Соболиный остров в небывалой секретности из-за самолета, старенького У-2. Конечно, рано или поздно придется отвечать за самолет, за самовольные полеты над охотничьей тайгой, но к тому времени, когда будет освоена новая методика соболеводства, когда артель охотников под руководством Гулова развернет большое, выгодное для государства дело, тогда можно будет открыть этот секрет перед всеми. Ведь не для себя лично, как считал Костя, они содержат эту «птицу» на артельных началах.

2

У топчана на медвежьей шкуре, раскинутой по полу, сидят Костя с Таней и коротают вечер за беседой.

Замерли книги на стеллажах, подравнявшись в струнку. У окна большой самодельный стол, на котором выделяется портативная пишущая машинка и обыкновенный школьный микроскоп. Шкафчик с остекленными дверцами — аптека. У дверей приколочены ветвистые оленьи рога, служащие вешалкой. Вся эта обстановка кажется Тане необыкновенной, а сам Костя для нее словно настоящий таежный профессор.

Закатное солнце смотрит в окно.

— Почему, Костя, ты всегда такой угрюмый? — вполголоса спрашивает девушка и машинально гладит огрубелой от работы ладошкой шелковистую пышность медвежьего меха. — Наверное, была у тебя несчастная любовь. Тоскуешь о ней?

— Ты почти угадала, — отвечает Костя.

— Расскажи мне о себе. Скрытный ты какой-то. Девчонки тебя считают гордым, а мне кажется, ты совсем простой.

Костя внимательно посмотрел на нее, помолчал и вдруг заговорил, словно продолжая давно начатый рассказ:

— ...Женился в Томске... Зимой мы катались на лыжах. Жена упала неловко. Бамбуковая палка пробила ей живот... Все это было для меня, как затмение солнца. Сейчас время сгладило боль, а нет-нет и вспомнится это катание...

Костя тряхнул головой, словно отгоняя далекое видение.

— А угрюмый я не от характера. Просто устал за последнее время. Дипломную работу писал. Вон, видишь, на тумбочке пухлая папка... Урывками приходилось делать, между работой.

— Как-то я с твоей мамой полоскала на речке белье. Она мне говорила, что ты учишься заочно в Иркутском сельскохозяйственном институте... Мне, Костя, тоже нелегко было техникум кончать, сам знаешь...

Костя кивнул соглашаясь.

— А я тогда не поверила Марии Спиридоновне. Когда, думаю, тебе учиться, если из тайги не вылазишь?.. Какая у тебя тема дипломной?

— Предложили мне писать работу «Качество шкурок соболя и мероприятия по его повышению в Урминском коопзверопромхозе». Я отказался. Взял другую — «Вольное и полувольное соболеводство». Руководитель моей дипломной сначала возражал, но я его убедил, что справлюсь.

— Конечно, справишься! — горячо откликнулась девушка. — Ты сильный, решительный...

— Югана песни поет. Проснулась. Иди, Таня, — вдруг сказал Костя, поднимаясь. — Завтра у нас хлопотливый день будет.

3

Утром Костя встал рано, до восхода солнца. Уже на крыльце встретило его громкое кошачье мяуканье.

— Ну-ну. Сейчас покормлю... — пробормотал Костя, подошел к леднику, открыл дверь, включил карманный фонарик и повесил на гвоздь в притолоке. Нагреб в большое берестяное ведро чебаков, окуней. Тут же на березовой чурке изрубил крупных щук в куски. Щучьим мясом набил второе ведро.

Когда кошачья стая, расхватав корм из длинного корытца, разбрелась по закоулкам, перед домом снова стало тихо.

На ровной площадке среди кедрача — шед. У шеда — сарая двускатная крыша из берестяных листов, под которой ряды соболиных клеток. Соболей и кошек обычно кормит Югана — два раза в день дает им еду. Но сегодня крепко спалось старухе. Наконец и она вышла на крыльцо. Лениво потянулась и пошла к большому сараю-ангару, поставленному на самом берегу. Там Костя расчехливал самолет.

— Хороший день... Югана хочет лететь с Костей.

— У Юганы голова болит. Она останется дома.

— На земле душно. Воздух неба вылечит Югану, — сердито пробурчала старуха.

— Ладно, уговорила. Готовьте завтрак, пока я заправляю машину.

Самолет стоял на больших пустотелых поплавках, клепанных из дюралюминиевых листов. Через полчаса Костя с Ильей легко вытолкнули видавший виды У-2 из сарая-ангара на воду, подвели небесный тихоход к мосткам. Таня с Юганой принесли четыре небольшие берестяные конобы, в каждой кошка с котятами.

Пока Костя возился в кабине с пусковым магнето, Илья, как бывалый воздушный пассажир, успокаивал Таню:

— Сначала тебе страшно будет. Потом от радости песни запоешь...

— Илья, а это зачем там, под крыльями? — полюбопытствовала девушка.

— Это багажники. Мы приспособили их под нижние плоскости. Видела в кино? Во время войны на ПО-2 в таких багажниках раненых партизан вывозили на Большую землю.

В левый багажник Илья погрузил кошек. Черная лайка стояла на мостках и повизгивала. Она давно привыкла к воздушным путешествиям и сейчас просилась в самолет. Илья посадил Сильгу в правый багажник, захлопнул дверцу.

— А мы с Юганой поместимся? — с сомнением спросила Таня.

— Посмотри: задняя кабина у нас двухместная, — пояснил Илья.

Когда Таня с Юганой уселись на мягкие откидные лавочки, Костя закрыл фонарь кабины.

— Илья, прокрути винт. Должен схватить... Так, хорошо. От винта!

— Есть от винта! — ответил Илья.

Заурчало пусковое магнето. Не дал вспышку мотор.

— Ладно, дерни «лапой», — скомандовал Костя.

Илья взял с мостков полутораметровый черен с жесткой ременной петлей на конце и, цепляя ею за концы лопастей, провернул винт, «нащупал» компрессию.

— Внимание!

— Есть внимание! — ответил Костя.

— Контакт!

— Есть контакт!..

Зарокотал мотор. Костя, прогрев двигатель, сбавил обороты, поднял руку. Это означало: отцепить крюк и отвести в сторону мостки.

Самолет, легко скользя по озерной глади на больших пустотелых поплавках, взмыл, набрал высоту. Костя дал круг над островом и взял курс на север.

Полдень. Солнце не скупится на тепло, заботливо прогревает таежную землю. Самолет приткнулся поплавками к маленькому мысочку у обрывистого берега озера. Когда-то, очень давно, ханты-кочевники назвали это озеро Тух-Эмтар, что значит Священное.

Тане озеро на самом деле кажется священным и таинственным. Глядится в воду густой кедрач. Глубины озеро невиданной. Изредка взбурлит вода — поперворсти даже страшно становится, всплывут на поверхность куски черного торфа, а волны прибьют их к берегу. Вроде живет в озере какое-то загадочное чудовище.

Югана со Священным озером заключила мир. Она давала ему жертву, просила не обижать самолет, потому что это небесная птица человека-бога. Так хитрила старуха, пытаясь успокоить неведомых духов.

4

Костя с Таней еще утром ушли в тайгу. Вернуться обещали к вечеру. Маленько скучно Югане одной. Но ничего, у нее есть большая самодельная блесна из нержавеющей ложки. Можно порыбачить. Правда, рыбачить в этом озере большой грех. Нельзя обижать духа священной воды, но Югана — умная старуха, она умеет разговаривать со всеми злыми и добрыми духами.

Местами вода вскипает от мальков: то здесь, то там будто плещет кто по озеру из сита. Водятся в озере только щуки да окуни. Нет в нем водорослей, букашек и жуков — пожирают крупные щуки свою родню да окуней.

Югана привязала леску к срезанному длинному рябиновому пруту—удилищу. Забросила в воду блесну и пошла вдоль берега, а следом за ней — любопытная Сильга. Не успела старуха и пяти шагов сделать, как повело, запружинило удилище — крупная щука попалась. Сильга от радости взвизгнула, уши топориком навострила. Вытащила Югана черноспинную щуку. Молча вынула нож из ножон, полоснула по щучьему боку у спинной мякоти. С одной стороны, с другой — развернула бока алым листом. Знает эвенкийка: у крупных щук самое вкусное мясо ребровое, а костлявая спина — что трава: вкуса нет. Щучью спину отдаст она в жертву духу Священного озера, и он не будет обижаться на то, что рыбачит Югана в его владениях. Но дух тоже любит вкусное мясо: в воде он не может огонь развести. Югана щучью спину поджарит на углях, вон костер-то еще не потух...

А в это время Костя стоял у поваленного буреломного кедра и говорил Тане:

— Ну вот и пришли. Теперь можешь смотреть, слушать и удивляться. — Он кинул свою брезентовую куртку на кедровый ствол.

Таня уселась поудобнее. Дорога сюда была нелегкой, и даже привычная к тайге девушка устала торопиться за быстроногим Костей.

— Где же твое чудо? — спросила она, когда Костя примостился рядом. Но ответа не получила.

Волнорезов достал из кармана маленький берестяной туесок, открыл его и начал посвистывать. Таня притихла — по стволу кедра бежал соболь. Зверек замер метрах в двух от них, насторожился.

— Ну смелее... Чего испугалась, глупенькая?

Таня не верила глазам: соболюшка забралась на Костины колени, ткнулась мордочкой в туесок и безбоязненно занялась едой. Костя гладил зверька по спине и тихонько посвистывал.

— Она ручная? — ахнула Таня.

— Теперь дикая, а два года жила в дуплистом кедре под моим окном. Бывало, чуть свет скребется в окно, в избу просится.

— Какая она ласковая, доверчивая! — восхитилась девушка.

— Ну хватит, не тебе одной лакомиться, — Костя посадил соболюшку на валежину, и зверек черной молнией метнулся прочь. Но тут же остановился и, поглядывая на человека, стал облизываться.

— Чем накормил ее таким вкусным? — полюбопытствовала Таня.

— У нее щенята в той осиновой дуплине...

Сидит Таня, любуется красавицей-соболюшкой. Костя взял топор, подошел к сухому бревешку и стал делать зарубки в виде лестницы. Соболюшка метнулась на кедр, затаилась где-то на макушке.

Костя приставил бревешко к осине и полез к дуплу.

— Принимай, Таня, щенят! — весело крикнул он, подавая кепку с писклявыми пушистыми комочками.

— Ой, они еще слепенькие! Костя, смотри, как соболюшка мечется, бедненькая...

— Не жалей. Не осиротеет. Одного щенка я оставил в гнезде. Легче будет прокормить...

Таня заботливо уложила щенят на мягкую заячью шкуру в маленькую берестяную корзину.

— Ну вот, пока все, — сказал Костя, забирая корзинку из Таниных рук.

Таня, восхищенная, шла следом за Костей и сыпала вопрос за вопросом.

— Ладно, все секреты раскрою, — посмеивался Костя. — Соболь разоряет гнезда ос, поедает личинки, но любит лакомиться и медом диких пчел.

— Так эта соболюшка прибегала за медом?

— Мед, Таня, — неотразимая приманка. Видела, как дуреют кошки от валерьянки?.. Это я к тому говорю, что если мед сдобрить маленько валерьянкой, то с соболем происходит то же самое, что и с кошками. Однако парга с медом — самая лучшая приманка для соболей.

— Слышала о парге, но ни разу не находила этот гриб.

— Он коричневатый, шаровидный. Растет под землей. Заготовляем мы его летом, сушим в тени. На паргу, или, как его обычно называют, «олений трюфель», если его отварить в рассоле, хорошо идут белка и норка. А мясу этот гриб придает особый аромат, — увлеченно рассказывал Костя.

Они вышли к берегу озера и уже видели сизый дымок над Юганиным костром.

Югана наварила полный котел щучьих боков, нажарила на шомполах крупных окуней. Сидит старуха, курит трубку. Скоро придут Костя с Таней. Ишь ты, Сильга понеслась в лес — пусть встречает. Теперь самое время духу Священного озера хорошую жертву дать, чтоб он под ноги самолета не подкинул бревно—топляк или глыбу плавучего торфа. Костя — русский парень, он не верит в богов и духов, а зря. Но ему нечего бояться, когда рядом Югана. Она знает все законы и обычаи духов урмана.

Взяла старуха конобу, откинула крышку, вытащила пять котят. Замяукала кошка-мать. Заметалась в берестяной клетке.

Подошла Югана к берегу. Связала обрывком лески котят за ноги, насыпала в тряпицу песок, собрала в узел, захлестнула петлей, — кибас, грузило получилось. Жертву кибас на дно утянет, к духу Священного озера...

К костру подошли Костя с Таней. Югана пососала потухшую трубку, спросила:

— Как живет Динка-соболюшка?

— Живет, царствует в тайге. Пять детей у нее.

— Кого оставил ей, сына или дочь?

— Парня оставил.

— Костя правильно понимает соболей. Смолевый самец многим самкам красивых детей сделает, — пробормотала одобрительно старуха.

Она взяла корзиночку со щенятами, вытащила их, посмотрела, радостно улыбнулась и положила соболят к кошке. Успокаивает старуха кошку:

— Я маленько ошиблась, старая, глаза плохо видят. Вот твои ребенки, принесла обратно. Дай им молока, пусть живут.

Кошка сначала поворочалась, принюхиваясь к зверькам, а потом разлеглась спокойно на меховой подстилке, вытянулась и замурлыкала довольная. Соболята прочно

прилепились к молочным соскам — проголодались за дорогу.

— Костя, смотри, она их лижет!

— Кого ей не лизать-то? — безразлично отозвалась Югана. — Четвертый год кормит своим молоком соболят.

После ужина Костя вытащил из багажника кабины планшет с картой и толстую тетрадь. Сел в стороне от притухшего костра.

— Ну вот, Таня, слушай дальше. Весной мы с Ильей ищем соболиные гнезда. Улетаем за сотни километров от Ледового озера. Приводним самолет на речушке или озере — и колесим по тайге с собаками. Лайки у нас наловчились разыскивать соболиные гнезда в дуплах и норах. Ну, а дальше все идет, как сегодня. Правда, не совсем так. Динка-соболюшка у нас исключение — она не бросает гнезда, когда мы забираем ее щенят. А другие обычно перетаскивают оставленного детеныша в запасное гнездо, но недалеко от первого.

Мы обычно заранее обходим соболиные участки с собаками, тропы к гнездам метим затесами на деревьях. А вот когда начинаем забирать щенят из гнезд, то собак с собой не берем. Собачий лай и рычанье пугают соболюшек. Зверьки начинают метаться в дупле или норе и часто щенят давят.

Берем мы щенят не всех — только от черных соболей. Попадают нам и гнезда рыжих соболей. Их выводки мы забиваем. Ты же знаешь, шкурка рыжего соболя стоит столько же, сколько шкурки четырех-пяти белок. А поедает рыжак за год немало белок, глухарей, рябчиков, не считая птенцов и яиц боровой дичи. Рыжий соболь плодовит и живуч по сравнению с завезенным в наши края баргузинским. Все это тебе известно. Знаешь ты и то, что соболь живет оседло в своем владении. У нас места гнездовий нанесены вот на эту карту. Мудрить не приходится. Поглядим на карту — и точно сказать можно, что на будущий год в обозначенном месте или где-то рядом появится новое соболиное потомство. Вот как у нас все гладко получается! Если другие охотники убивают всех соболей, будь то самец или самка, выхолащивая охотничий участок, то мы занимаемся больше выращиванием молодняка. Ближе к осени, когда щенята возмужают, подкармливаем их паргой. Живет молодняк у нас на острове. Часть на воле, а часть в клетках. Вольные соболя даже зимой далеко от острова не уходят, возвращаются на подкормку.

В ноябре мы начинаем отлов. Очень даже просто. Подкинем в клетки-ловушки сдобренное медом и паргой мясо, и соболя сами идут в садок.

— Неужели у вас потерь не было? — спросила удивленная Таня.

— Были, конечно, но небольшие. В прошлом году из тысячи щенят, выпущенных на волю, потерялось около сотни... — Костя задумался, отложил тетрадь в сторону. — А рассказываю я тебе, Таня, все это вот к чему. Вольное и полувольное разведение соболей у нас в стране не практикуется. Да и не только у нас, а вообще, нигде не практикуется — не изучено. Так что ты вступаешь на неизвестную тропу, на тропу открытий. И многое нужно еще узнать, чтобы поставить это дело на научную основу. В наших руках, Танюша, судьба Улангая. Соболеводство для Юганья — золотая жила.

Слушает Таня Костю и не верит — слишком фантастические картины встают перед ней, когда она начинает думать о новом методе выращивания соболей.

Югана вытесала колья для палатки — придется заночевать на берегу Священного озера.

«Плохо нынче Костя соболей ищет. Танька всякими разговорами его от правильной дороги отводит», — недовольно размышляет старуха, неторопливо потюкивая острым топориком. Вспомнился ей почему-то сын племени Кедра Андрей Шаманов.

Надо сходить к кедру-духу и подарить ему кэгэпэй, священный молот.

У самого берега полусгнившая избушка с обвалившейся крышей. Около избушки, построенной когда-то хантами, растет кедр, вокруг ствола которого стоят прислоненные «священные молоты». Много тут разных молотов, и больших и маленьких, часть погнила совсем, иструхлявилась. Каждый молот мечен орнаментом, родовыми знаками, семейными гербами давно умерших людей.

И Югана вырубила из корня буреломной сосны молот, похожий на мотыгу, вырезала семейный герб — рога оленя — и поставила к кедру.

— Прими, дух кедра, кэгэпэй от Юганы из племени Кедра, — бормотала она торжественно.

В узком истоке издавна ханты ставили запоры — преграждали кольями выход рыбе из озера, а в середине ограды оставляли окно для большой морды, сплетенной из черемуховых прутьев. Вода по весне дурная, стре-

жистая. Если вал на озере разгуляется, стреж да волны расшатывают колья, выдергивают. Но Югана верит, что делает это дух-хранитель рыб. Чтоб колья крепко стояли да не размывало их водой, ханты и эвенки вырубали молот и дарили кедру. Ночью озерный шайтан этим молотом вбивает колья запора поглубже назло духу — хранителю рыб.

Весной Костя с Ильей сделали на речке запор крепкий, глухой, без морды. Рыба после нереста осталась в озере, но ненадолго. Отбушевала буря, разбила запор.

«Пошто забыли дать священный молот кедру? Остался бы целым запор», — думает Югана и сокрушенно качает головой, глядя на вывернутые колья.

Это озеро — рай для норки. Рыбы много. Зимой озеро в иных местах не замерзает. Там, где бьют со дна теплые ключи. В прошлый сезон Костя с Ильей добыли самоловами да капканами сто девяносто норок. Столько шкурок напромышляешь не на каждом озере.

Старуха заметила, как в маленькой заводи плещется язь, играет. Решила порыбачить. Сделала из бересты большой ковш, набила в нем дырки, привязала к палке — получился черпак, букашку ловить. Пошла старая эвенкийка к отмели, заросшей травой сарбеем. Любит сарбей турман-букашка. А на турмана язь берется страх как — удочку успевай вытаскивать да закидывать.

Булькает в туеске турман-букашка. Наживит Югана удочку, кинет. И сразу натянется леска, пойдет из стороны в сторону. Неторопливо подведет Югана крупного язя к берегу, сачком-ручником ловко, как ковшом, подцепит — раз, и язина на берегу. Хороший язь идет на удочку старухе, нагулистый, жирный, не то что на Оби...

...Спят Костя с Таней рядом в летних спальных мешках. Югана не любит мешки — душно телу в них. У нее имеется меховое старенькое одеяло. А постелью ей служат пихтовые ветки, прикрытые куском брезента.

Костя с Таней не шелохнутся, крепко умаялись за день. И Сильга свернулась клубочком, спит. Не спится одной Югане. Лежит, думает о разном: «Танька — крепкая девка. Косте пара, как орлу орлица. Тайгу любит, зверей всех уважает! Пошто Костя в ней бабу не видит? В такую ночь, когда кругом тихо, тепло, тайга с ветром про любовь говорит, и волна озера тоже, однако, говорит с берегом про любовь. А Костя спит. Разве нет рядом с ним девки?..»

Когда же Югану, наконец, сморил сон, то приснилась ей далекая молодость, приснилась быстрая оленья упряжка, которая мчала ее к Орлану, вождю племени Кедра, от которого остался внук — Андрей Шаманов.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

Южный ветер задиковал над располневшим Юганом. Шалит южак, приседая на взмыленные волны, фыркает пеной, оголяя упругие хребты волн. Немного приостыв над кипящим половодьем, хлещет ветер затопленные заросли. Гнут спины тальниковые острова, кланяясь бушующей воде. Пляшет омоложенная река — дай ей простор. Проглотила болотные низины и луга, а все мало. Волны грохочут о крутояр, грызут и откусывают глыбы земли. Дай, тайга, жертву юганской богине. И тайга кидает в реку вековые кедры да молодую поросль, кидает глыбы торфяника с пахучим в цвету багульником. Кедры угрюмо, безропотно ложатся под яр. Стонут белотелые березы, поваленные ударами волн. Скрипят сучьями сосны, упавшие в круговоротные заводи.

Юган забрал сорà под нерест и пастбища рыбам. На отмелях, притаившись в космах прошлогодней травы, нежатся черноспинные полосатые щуки, а среди полузатопленного краснопрутника, смородинника и тальников, на тишистых круговинах жируют нагулистые язи, красноперые чебаки, осторожная стерлядь. Икромет. Рождается молодь. Малькам полноводный Юган станет матерью, вскормит, а потом обрежется в берегах, войдет в привычное русло. Зашумит разнотравье пойменных лугов. Засверкают цветы, как звездная россыпь полуночного неба. Насытится воздух пряным ароматом. Нагрянут дикие пчелы, осы и вместе с нектаром унесут запахи луговых трав, цветов в таежные дупла и в земляные норки на береговых солнечных пролысинах. Тихими, ясными утрами придут на отмели лоси и будут бороздить сочнотравье, выискивать вкусные водоросли.

Прогреет летнее солнце юганскую землю, насытит своей искристой кровью таежные всходы, и даст земля

обильные плоды: созреет кедровая шишка — хлеб птиц и зверей; заполнокровит брусника; напьется голубика северной белоночной голубизны и чудным синеватым облаком затуманит окраины болот; густым чернодробьем упадет переспелая черника, а на крутоярах да гривах застынут яркими карминными брызгами россыпи шиповника, гроздья калины и грузной боярки.

Разбеременится тайга в бабье лето и, ласково-задумчивая, притихнет, успокоится, выполнив свою извечную работу. Но взвизгнет северный ветер, пригонит из Заполярья стада диких туч. Срежет сивер переспелую шишку с кедрача, кровавым дождем разбросает сладкую ягоду по мшистой земле. Отбушует зима, и снова повторится все сначала: придет новая весна, новая молодость юганской земли. Только юность человека не повторится...

Андрей Шаманов долго стоял на берегу Югана, а южак нетерпеливо трепал полы брезентовой рыбацкой куртки, пузырил ее на спине, будто торопил пришельца скорее вернуться в брошенную деревню Мучпар, где пролетела его неповторимая юность.

Когда-то произошло укрупнение охотничьих артелей, и люди из деревни ушли в Улангай. И теперь вдоль берега вытянулся в одичалой немоте с десяток уцелевших домиков: окна забиты досками, обрубками жердей; пригоны, стайки, огороды заросли лебедой. Пустуют раскорчеванные поля, ветер засеял их по краям молодым осинником. Раскачивается полуоторванная доска, тоскливо скрипит, как стонет. Хлябает и охает на крыше у трубы лист ржавой жести.

Здесь тайга и река выкормили и вырастили Андрея Шаманова.

Неторопливо подошел он к дому возле одинокого низкорослого кедра. Постоял. Потом оторвал от окон доски, надергал из паза пригоршню мха, стер со стекол потеки грязи. Тихо, словно опасаясь кого потревожить, вошел в избу. Ударило запахом плесени и старой гари от полуразвалившейся печи.

— Вот и вернулся ты, Шаман, в родной дом, — неожиданно для себя сказал он вслух.

Пусто. Андрей долго смотрел на покрытые пылью и паутиной стены. Каждый вбитый гвоздь будил воспоминания: там, в переднем углу, над столом висело зеркало, ближе к окну — книжная полка. Андрей перевел взгляд на потолок. Над печью еще виднелись следы дробин от

случайного выстрела. Подошел к дверному косяку, стер налет сухой плесени. На растрескавшемся от времени гладком дереве сохранились зарубки. Ежегодно восьмого февраля, в день рождения сына, мать отмечала его рост охотничьим острым ножом. Сел Андрей на подоконник, и память унесла его в далекое детство, на другую сторону Югана. Вот она, эвенкийская деревня: дымят печи, слышится лай собак, скоргочут уключины лодок, постукивают греби...

Рано Андрею пришлось взяться за работу — за охотничье ружье и рыбацкую снасть. Двенадцатилетним парнишкой он наравне со взрослыми уплывал на обласке в залитые половодьем луга, ставил сети и фитили — добывал язей, щук, карасей. Когда умирало половодье и обрезались берега, таскал Андрей волоком легкий берестяной обласок на дальние озера, богатые крупным карасем. Рыбу сдавал на засольный пункт только мерную, крупную. А мелочь — ельца, чебака — мать оставляла на урак, сушила в этой русской печи, в вольном жару, и в зимнее время варила вкусную уху-урашницу из жировой весенней рыбы.

— Мама... Мама... — сами собой шептали губы взрослого, повидавшего жизнь человека.

Диковал южак над располневшим Юганом. Теребил ветви низкорослого одинокого кедра, и скрипела на ветру полуоторванная доска, будто стонала.

2

Андрей занялся домом, порядок стал наводить: починил кое-как печь, под обрывом за деревней накопал белоглинки, побелил в избе. Пол еще сохранил старую окраску в тех местах, где когда-то стояли кровать, стол и широкая лавка у стены. Андрей не трогал тесаком крашеные места, а середину комнаты, вышарканную ногами, выскоблил до желтизны. К вечеру дом принял наконец жилой вид и выглядел уже не так сиротливо. Загорелись в русской печи дрова, поплыл над крышей сизый дымок в сторону реки.

Кажется, именно этот дымок позвал Югану к дому Андрея. Она сидела в речном обласке и гребла против течения. Гребла однолопастным веслом, выгнутым коро-

мыслом, стараясь прижимать облас ближе к берегу, выгадывая так, чтобы из одной заводи попасть в другую. Когда струя воды, идущая против течения реки, водоворотом подхватывала облас, старуха ставила весло у борта рулевым плавником и некоторое время давала отдых уставшим рукам. В такие минуты она тихо пела свои песни:

«Птицей или молнией опуститесь, великие охотники, на Юган, покиньте на время небесные урманы. Взгляните на внуков и правнуков — тайга им стала чужой. Пожары съедают наши леса. Кедрач в речки бросают. Вон сколько бревен мимо меня плывет — в город их увезут. Белка вся в тундру скоро уйдет. Умрет Юган. Совсем обмелеет. Тогда речку глухарь пешком перебредет, голяшки не замочит».

В носу обласка на повялой траве лежит Сильга с пятимесячным щенком. Югана верит, что Сильга все песни ее слушает и понимает. Да и как не понимать, если она так ласково смотрит на хозяйку! Но вот смолкла песня, застыло весло на миг в жилистых руках. Дым из трубы в заброшенной деревне привлек старухино внимание, и снова запела она:

На берег мертвой деревни человек пришел.
Кто забрел в дом шамана?
Кто вспомнил своих предков?
Или это злой дух спрятался от людей?

Сильга, почуяв близость жилья, приподнялась, прижала тревожно уши и вытянула морду в сторону берега. Когда обласок проходил совсем близко от яра, Сильга стрельнула на приплесок, за ней следом прыгнул щенок, но просчитался и плюхнулся у волнобоины. Старуха подсадила щенка лопастью весла на берег. Собаки понеслись по приплеску, заливаясь счастливым лаем.

Услышав лай, Андрей вышел из дому. Югана, опираясь на весло, поднялась на бровку берега и стояла, спокойно поджидая неизвестного человека, нарушившего покой пустой деревни.

— Здравствуй, Югана! — сказал Андрей, узнав старуху, и протянул руки.

Головой, повязанной стареньким, побуревшим ситцевым платком, с достоинством кивнула подошедшему: здравствуй, мол. А глаза старухины засветились, затеплились радостью.

— Сын вождя племени Кедра вернулся на Юган. Это хорошо, — торжественно произнесла старая эвенкийка.

— Вернулся, Югана, из большого кочевья.

— Молодой лес быстро растет, каждое дерево не запомнишь. Но Югана всегда помнила и ждала Шамана.

Андрей смотрел в лицо Юганы. От подбородка расходились по щекам эвенкийки красивой вышивки оленьи рога — старинный семейный герб. Когда Югане было шестнадцать лет, ее бабка Унга стальной русской иглой и лосиной жилой, смазанной пороховой копотью, вышила этот рисунок на лице внучки. Андрей на миг представил, какую мучительную боль испытала Югана, когда игла прошивала нежную девичью кожу. Ему захотелось обнять старуху, расцеловать. Эта женщина в длинные зимние вечера у очага в просторном чуме при свете большого жирника учила Андрея делать резцом на бересте чудный орнамент «Бегущие олени». Это она учила Андрея парить в кипящей воде саргу, бересту и делать туески, набирки, чашки, солонки и большие заплечные конобы под крошни. Югана пробудила душу маленького Андрея к красоте великого таежного мира. Мальчиком он помогал Югане делать рисунки на замше и расшивать их разноцветным бисером. А еще Югана рассказывала Андрею удивительные эвенкийские сказки и легенды. Тогда мальчик неумелой рукой брал кусок угля и рисовал на бересте бога огня, битву богатыря-эвенка с татарским ханом, охотника с лайкой и все, о чем слышал от Юганы. Эвенкийка научила Андрея понимать и любить тайгу, всю живность ее — от медведя до жука-стригуна. Она научила его читать звериные следы и находить рыбные места. Красивую меховую одежду носил Андрей, сшитую руками Юганы. После удачной охоты заботливая эвенкийка всегда отдавала в чум матери Андрея лучший кусок мяса.

Рад Андрей встрече, очень рад. Но не бросился он обнимать Югану. Что поделаешь, он, как и Югана, вырос на кочевой тропе, где не в обычае при встрече с близкими целоваться, внешне проявлять чувства радости. Это считалось плохим признаком. Скупы таежные люди на слова и восторги, но зато за столом, выпив по кружке крепко заваренного чая, обязательно вспомнят они всех близких из племени Кедра, которых уже нет в живых, пожелают им счастливой охоты в небесных урманах...

После долгого молчания Югана скажет Андрею:

«У молодого Шамана нет отца, нет матери. И Югана одинока, как сухая осина на береговой гриве. Ты был маленьким, и мы ели пищу, приготовленную на одном костре... Позади много потухших костров. Сколько еще разожгу я костров своими руками? Мало переходов осталось Югане сделать...» — «Югана может считать меня сыном», — ответит Андрей, и старуха согласно кивнет головой. «Скоро я потеряю мушку ружья и не смогу выходить в урман на промысел. Детское весло станет тяжелым моей руке. Тогда я буду нянчить детей Шамана».

Такой разговор у них произойдет, обязательно произойдет, а сейчас Югана, указав рукой на облас под яром, сказала:

— Карасей достану пойду. Варить будем. Жарить можно.

Она спустилась к воде, подошла к обласу, сбросила с кормы тальниковые ветки, прикрывавшие рыбу, выбрала самых крупных, еще живых карасей, тут же на лопасти весла очистила и распластала рыбу, сложила в закопченный котел-полуведерник, наполнив его водой.

Поставив котел с рыбой в печь, Андрей сел на топчан рядом с Юганой, вытащил из-за голенища рыбацкого бродня резиновый кисет, набил табаком самодельную трубку Юганы, вырезанную из витого корня березы, и протянул ее хозяйке.

— Зачем долго пропадал? — раскуривая трубку, спросила Югана.

— Это длинная история, Югана, расскажу в другой раз.

— Совсем пришел Шаман в край Вас-Югана?

Не сразу ответил Андрей. Задумался, глядя в окно, не замечая веселой игры Сильги со щенком, хоть и крутились они поблизости. Не видел он приветливого покачивания ветвей низкорослого кедра, на верхушку которого любил забираться в детстве. Сердце тревожно защемило, а память принесла из прошлого яркую, почти осязаемую картину...

Белоснежное полотно аэродрома. Легкий ветерок метет тонкую пушистую перенову. Полярный долговечный день. Часы показывают утро. Ревел ИЛ на стоянке — прогрев, проба моторов перед полетами. Потом тишина. Придут летчики, и тяжелый транспортный самолет уйдет

в рейс. Андрей опять видел себя юным и счастливым. Бортмехаником полярной авиации...

Не хотелось Андрею рассказывать Югане о своих неудачах. И для себя не решил он еще, как будет жить дальше. Пойти работать в Улангаевскую школу? Но чему он научит детей, если сам в себя потерял веру?.. Ему хочется забыть о мытарствах и полечить душу в тайге, среди первобытной природы. Заняться охотничьим промыслом, как в юности, или уйти на баркасах с рыбаками, померяться силами с беспокойной весенней рекой.

— Пошто долго молчит Шаман? — ровным голосом спросила Югана. — Он не хочет остаться на земле своих отцов?

— Я вернулся совсем, — медленно произнес Андрей.

Старуха долго смотрела на него и потом довольно кивнула. После выпитого чая, когда сердце Юганы стало говорливым, уселась она поудобнее на топчане, рассказывала про то, как хорошо летать человеку рядом с птицами. Нисколько не страшно ездить по небу на воздушной нарте. Югана знает теперь, что облако — пустой пар, а тучи — мешки с мелкими капельками воды. Зачем не верит ей Шаман, улыбается? Она сама нюхала облака, брала на язык кусочки туч. А духи неба, оказывается, живут еще выше, под звездами. Югана часто просила, чтобы Костя пролетел низко над утренним Улангаем. Она бы ребятишкам и женщинам, перепуганным страшным гулом мотора, кинула свою трубку. А потом пришла бы в деревню и спросила, будто невзначай: «В небе я трубку потеряла.. Тут она где-то, в деревню на улицу шлепнулась. Сидела я, курила. Увидела как весь народ головы поднял на наш самолет. Смешно стало. Смеяться — рот разевать. Вот и выпала трубка из зубов». Ей отдадут трубку, и она спокойно и молча пойдет по своим делам. Такая картина не дает покоя Югане, но не захотел Костя над деревней лететь...

Костя, однако, не только Улангай, а и незнакомые заимки обходил далеко стороной. Высадил он Югану возле дороги на Улангай, выгрузил вещи из багажников и улетел обратно на Соболиный, так же крадучись, облетая даже заброшенные деревни. Югана перебралась в обласок, который Саша Гулов оставил здесь по договоренности с Костей, и направила лодку в сторону родной деревни. Проплывала она мимо карасевого озера — просто

грех сеть не кинуть. Четыре года ела озерных щук да окуней. Карасем захотелось полакомиться старухе. Очень язык соскучился по сладкому карасевому мясу, по рассыпчатой икре, отдающей илком. В Улангай чего торопиться: трубка-то, вот она, за пазухой. А Сашке-председателю успеет Югана сказать, чтоб он был на веретье через неделю, во вторник, до восхода солнца и вывесил на жерди черный флаг-ветряк. Сигнал такой направление ветра покажет. Костя посадит самолет на щукастые поплавки. Сашка-председатель схватится за голову, когда из больших подвесных багажников под нижними крыльями выложит Костя на береговую мягкую траву мертвых соболей. Начнет Сашка кричать: «Загубил меня! Привез пропастину!» Костя неторопливо закурит магазинную крючковатую трубку и подмигнет хитровато: «Они спят...» У Кости лекарства много всякого в ящиках со стеклянными дверцами. Может он иглой-соломинкой в соболиную кровь сон запустить на целый день. А может с мясом сонный порошок дать. Крепко спать звери будут, не чихнут. Югана сама пила-ела порошок, когда голова болела и сон уходил. Обрадуется Сашка. Обнимать, хвалить станет Костю. Потом сонных соболей положит в телегу на мягкую траву и увезет в Улангай.

О-о, Югана все знает! Большой секрет Югана знает! Только тебе, Шаман, расскажет Югана, сыну из племени Кедра.

...Пять суток жила Югана в доме Андрея. Не раз наполнялся котел вкусными жирными карасями, не раз шипели караси на сковороде, поджаривались, румянились в печи. Отвела душу Югана — вдоволь насытилась сырой, чуть присоленной икрой. А сколько новостей пересказала она! Много. Десять лет рассказала Шаману.

3

Навестил Андрей в эти дни Улангай, хотел встретить там друзей юности Костю Волнорезова и Илью Кучумова, но не застал их дома. Встретила Андрея мать Кости Мария Спиридоновна. Привела его в свой дом и сказала:

— Я бегу в школу, а ты будь за хозяина. Достань из погребка сметану. Тесто у шестка, масло на столе. Пеки блины или оладьи, завтракай. Жить будешь в Костиной комнате...

Мария Спиридоновна — одна из старейших учительниц школы-интерната народов Севера. Преподает биологию. И сыну передала она любовь к миру животных.

Не успел Андрей оглядеться, забежал Александр Гулов и скоговоркой выпалил:

— Здравствуй, бродяга! Сегодня вечером ко мне... Посидим, поговорим.

Председатель улангаевской артели Александр Григорьевич Гулов по годам ровесник Андрею. Старики, а зачастую и подростки называют своего председателя запросто — Саша или Шура. Коренастый, плечистый, а вот сердиться и ругаться совсем не умеет: глаза у него особенные — всегда внимательные и добрые. В деревне бабы, посмеиваясь, говорят: «Наш председатель курицы не обидит, да и петуху голову отрубить рука у него не поднимется».

Кончил Александр томский лесотехникум. Хотел стать механиком, а пришел в райком — и сосватали на председателя. Людей, мол, знаешь в своей родной деревне, образование есть — тебе и карты в руки.

Женился Александр на сокурснице по техникуму Вале Кудрявцевой. Молод еще председатель, а у него уже три дочери и два сына.

— Куда спешишь? — спросил его Андрей.

— В сельпо, объявление надо вывесить.

— Возьми меня с собой.

— Идем...

В магазине женщины, все спиной к порогу, разглядывают товары, слушают Соню. Через головы покупательниц Гулов передал Сопе объявление. Та будто не заметила, кто пришел с председателем, пробежала глазами объявление и рассмеялась. Потребовали бабка Андрониха и женщины, стоявшие в очереди за дрожжами, почитать вслух. Соня прочитала:

— «Товарищи! Объявляется ударная стройка...»

Притихли женщины, а Соня перечисляет, что нужно сделать и построить. Бабка Андрониха не вытерпела:

— Экая невидаль! На одной ферме лисы с голоду дох-

нут, а он, варнак, вторую оказию мастерить задумал. Дураков ищет задарма мантулить...

Женщины, поддакивая, закивали головами: мол, правильно, к чертям новый лисятник, не будет проку от него. Но Соня хитровато помолчала, а потом повысила голос:

— «Каждый участник строительства новой звероферм, будь то подросток или старик, получит за отработанный день прогрессивную оплату...»

— Что это такое, уресивная оплата, сколько в ней рублей? — спросила Андрониха.

— Тут сказано, — ответила Соня, — за первый час сверх нормы в двойном размере, за второй — в тройном. И получается, если от зари до зари отработаешь, то тогда сто рублей придется...

На миг застыли бабьи лица. Они знают, что Гулов тут, наблюдает за ними, но не оглядываются. Тянутся к хитрой Соне — так ли написано, верно ли читала объявление разбитная продавщица?

— Не врет Соня! Сто рублей! За два дня можно заработать корову или нетель.

— Ой, господи, миллионер Кочерыжкин нашелся.

— В областную газету шурануть это объявление, пусть пропечатают, как председатель народ обманывает!

Но притихли бабы, когда зыкнула сердито старуха деда Чарымова:

— Эх вы, женщины!.. Сказала бы я вам, если бы девчушек рядом не было. Да разве когда Саша Гулов вас обманывал? Чего ты, Андрониха, свой мычальник дерешь, ну? Помнишь, в половодье твой дом покосило? Сашка сам помогал плотникам избу наладить. Просили они у тебя деньги, а?

Засмущалась Андрониха, платок к носу поднесла, вроде сморкается. Поверили бабы в объявление, хотя и наполовину. Решили, что утром все разъяснится, но тут подал голос председатель:

— Звероферму строить надо, знаете. Дед Чарымов возглавляет бригаду плотников...

— Да ты разъясни толком! — послышались крики.

Разъяснил председатель, кто и чем будет заниматься. Внимательно слушали женщины.

— Вопрос!..

— Слушаю, — ответил Гулов.

— Сколько дней будем так работать?

— Четыре.

— Ой, врешь! Да где же у нас, в артели, найдется столько денег? Посчитай, чуть не двести душ с подростками. Ежели каждому по сотенке — ай-лю-ли...

— Пусть даже триста, все получат сполна за отработанный день, — уверенно ответил председатель.

— Шура, а мне дашь работу? В избенке-то я могу белить, помазать аль что-то покараулить, — приторно-ласковым голосом просила Андрониха.

Захохотал народ. Хитрая бабка Андрониха, стоит рядом с председателем, и уж такое у нее ангельское выражение лица — как тут не рассмеяться!

Магазин быстро опустел. Только Андрей остался у прилавка.

— Андрюша, сейчас закрою магазин, и пойдем ко мне... Посидим, вспомним... Небось, не забыл, как тебя моим кавалером в школе дразнили?

— Нет, Соня, не забыл. А посидим как-нибудь в другой раз. Сейчас, я вижу, ты занята, проверяла меня на выдержку, спектакль устроила...

Как ни уговаривала Соня Шаманова, как ни просила — а был у нее к Андрею свой, личный интерес, — не удалось ей уговорить парня. Очень это задело Соню, но виду она не показала, сдержалась. Рассталась с Андреем дружески.

4

Плескались утки па тишистых круговинах у берегов озера. Цокотали белки, точили коготки, резвились на развесистых ветвях кедров. Стонали-плакали бурундуки: медведь разрывал корм, пожирал маленькие кладовые безобидных зверьков. Важно клохтали тетерки, пурхаясь на песчаном берегу. Стелилась паутина на сухостойные кустарники — пауки наколдовали солнечные дни. И утреннее солнце поднималось, словно омытое в теплом озере, слепило и ласкало весь таежный мир.

Печально и пусто в это утро на Соболином острове. Люди покидали гостеприимный клочок земли. Бочки с бензином закопаны в землю — на тот случай, если кто

вернется в эти края. Неповоротливый неводник загружен соболиными клетками, мешками с сушеным мясом, ураком и другим припасенным в дорогу кормом для зверьков. Грустно покидать остров, который обживали целых четыре года. Прикипели сердца Ильи и Кости к чудесному таежному краю. Только Таня не печалится. Хочется ей поскорее вернуться в родной Улангай.

Наконец все собрали. Решили так: Илья на мотолодке потянет грузный неводник на Юган, Таня будет помогать ему в нелегком путешествии. Костя же улетит на самолете вперед, чтобы приготовить к приему соболей звероферму.

Воздушный тихоход славно послужил таежникам, но напоследок закапризничал, будто почуял свою старость и смерть.

— Ладно, Илья, второе магнето я отключил. Пробита катушка, и запасных у нас нет. Полечу на одном. Пойду вдоль Югана. В случае чего сяду на речку и дождусь вас.

— Костя, не дай бог гробанешься.

— Брось, не волнуйся... Где наша не пропадала!..

Взлетел самолет. Костя кружил над островом, пока неводник не вошел в исток полноводного Алтымигая.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1

Последние дни у Сони в магазине бывало людно: кому нужно что купить и кому ничего не надо все равно идут в магазин. Да и как не идти, откуда новости узнаешь? А улангаевцев очень сейчас интересует, обманул председатель или нет.

— Эх вы, бабеночки-бабенушки! Ну чего ко мне пристаете? Что я вам, бюро последних известий?.. Где взять председателю такие деньги!

Бабка Андрониха днями не выходила из магазина. Как же не тревожиться ей! Три дня работала — разносолы готовила на артельной кухне, поварихой была. С великого волнения приложилась сегодня старуха к рюмке. Сидит на магазинном подоконнике, поглядывает на улицу и костерит председателя на чем свет стоит:

— А ведь партейный... Чтоб на него мужиковская слабость напала, а в это время баба с жиру заиграла!.. Ведь как народ-то старался строить ладно и крепко. От зари до зари руки не покладали. Эту самую пресивку выбивали. Такую звероферму отгрохали! Глядючи, плясать даже захотелось. И забор побелили. А клетки-то, клетки стоят под крышей, что игрушечки!

— Суленый кус не в зубах.

— Кончайте судить-рядить, бабоньки. Магазин буду закрывать. Пойду к Югане.

Югана в тот час встречала рыбозаводской катер с паузком. Сошла с паузка цыганка с лицом тоскливо-землистым, впалыми до черноты глазами. Вела ее под руку девочка лет шестнадцати.

Югана давно дружит с парусными цыганами, что в Медвежьем Мысу живут.

— Пойти говорить надо. Домой пригласить. Пусть цыганкины карты скажут, как Югана дальше жить станет, — бормочет старуха. Пошла навстречу приезжим — не смогла сдержать удивления: — Лара?

Упала цыганка на колени, обняла ноги Юганы, заплакала. Вздрагивает спина ее, покрытая старенькой, выцветшей шалью. Села и Югана рядом с Ларой на песок, прогретый солнцем. Пусть плачет Лара.

Вспомнились Югане далекие годы, утонувшие в сумерках времени. В ее сердце был тогда большой огонь, и у того огня грелся мужчина, первый, сильный и юный. Тогда на Вас-Югане русских мало было... Вот в такое же весеннее время, время Большой Рыбы, вслед за купеческими груженными товарами ладьями шли парусные цыгане. Прозвали их так на Оби за то, что не к лошадям у них лежала душа, а к кочевым лодкам. Скупали цыгане перо и пух. Не отказывались и от пушнины. Как шел обмен товарами, Югана забыла. Но помнит походную кузню и молодого чернобородого цыгана, который ковал ей нож и чинил шомпольную винтовку. Хорошие были люди парусные цыгане! Из старых топоров ковали новые, мастерили острые красивые пальмы-рогатины, лудили, чинили котлы. Как с такими не дружить эвенкам? А еще вспомнились Югане песни непонятные. И пляшущих цыганок она как сейчас видит. У костров чернобородые мужчины и нарядные, красивые женщины пели грустные песни, и глаза цыганок были печальными, как песни. Песни эти роднили два кочевых народа.

От песен оттаивали сердца. Эвенки дарили певцам беличьи шкурки, тугие мешочки с утиным пухом...

Плакала рядом Лара, а Югана все еще жила в том далеком времени, среди парусных цыган, слушала их голоса, разглядывала необыкновенной красоты бусы, кольца и серьги. Вспомнила, как откочевал табор, увел с собой песни, и сиротливо стало на таежном берегу. А к эвенкам утром на стоянку пришла худенькая девочка в слезах, просила не отдавать ее в табор. Югана приютила бездомную, ни о чем не спросила. Но в одну из летних ночей призналась молодая цыганочка Лара, открыла душу: «Отчим был пьяный... Позвал меня в лес за сушняком для костра. Я не могла вырваться и убежать, и он...» Все это вспомнила Югана, пока курила трубку. Перестали вздрагивать плечи больной цыганки, выплакалась.

— Идем, Лара, ко мне в избу. Отдохнешь с дороги...

Лара припала щекой к жилистой руке Юганы и зашептала просительно:

— Ты была мне матерью... Умирать я к тебе пришла. Я прожила хорошую жизнь, Югана... Прошу тебя, не отдавай мою Тамилу в детдом.

— Тамила будет дочерью Юганы, — твердо ответила эвенкийка.

2

Дед Чарымов предложил Андрею купить у него половину дома, в котором раньше жил сын, уехавший в город. Андрей сразу согласился. По душе пришлось ему, что дом на берегу и окна смотрят на Юган. В весенний разлив вода добирается до самого крыльца. Лодки с обласком, привязанные к перилам, танцуют на легкой волне, точно лебеди перед взлетом. Живую реку из окна видно так, что бери художник кисть и разговаривай с родным краем языком красок...

Договорившись с дедом Чарымовым о покупке половины дома, Андрей вернулся в Мучпар. Вслед за ним сюда перебралась Югана с Тамилой, дочкой цыганки Лары, которая уехала, как она сказала, в Томскую больницу умирать. Югана принесла с собой важную весть.

— В тайгу пришли русские люди, — сообщила она, вынимая трубку изо рта. — Ищут керосин, трубы под землю толкают. Югана их не видела, они далеко. Люди говорят, что у них много сильных машин. Среди кедрача дорогу проложили. Очень крепкие машины дорогу делали. Вездеход у них есть, через болота и реки сам ходит.

Югана раскурила потухшую трубку. Поглядела задумчиво на Андрея, перевела глаза на Тамилу, тихонько примостившуюся в уголке у стола.

— Человек с машиной очень сильный. Разбудит он подземного великана, который укрылся одеялом пышной тайги и топких болот...

Югана насторожилась, прислушалась, неторопливо подошла к окну. С реки доносился рокот мотора. Собаки заливались на берегу приветственным лаем. Югана бросила трубку на подоконник, важно пошла к двери. За ней следом Андрей и Тамила вышли. К берегу, поднимая высокие буруны, стремительно двигался двукрылый самолет.

— Пошто, Костя, шел водой, а не по небу? — спросила сурово Югана выбравшегося на берег парня в замасленной куртке и самодельном летном шлеме.

— Над Щучьим мысом заглох мотор. Свечи старенькие подвели. Прочистил свечи, а рисковать не стал. Вот и поплескался по реке чуть не сорок километров, — с улыбкой отчитывался Костя.

— Жалко самолет, зачем утопить его в омуте хочешь? — так же сурово продолжала старуха.

— Он свое отслужил, Югана. Ну и, как говорится, концы надо прятать в воду...

3

В Улангае переполох. Утром пришла к магазину бабка Андрониха, когда Соня замок с дверей снимала. На лице Андронихи радость, ноги на месте не стоят.

— Ты чего сегодня такая? Жениха, что ль, нашла? — спрашивает бабку Соня. — Лицо раскраснелось, хоть блины на нем пеки...

— Порог поскребла, да пирог испекла. Затылок почесала — шкалик нашла, — скороговорочкой выпалила

Андрониха, усаживаясь на табуретку поближе к прилавку.

— Шустрая ты шибко, Андрониха. Деньги получила или новость какую прознала?

— Меж слепых и кривой пророк, — с ехидством ответила бабка и добавила: — Верно говоришь: в лесу не дуги, в копне не сено, в долгу не деньги.

— А зачем к председателю спозаранку бегала? Надоела ты ему давно. Все уже успокоились, денег за эту работу не ждут... Стыд людям надоедать.

— А мне стыд, Сонюшка, как рыбе зонтик. За общественный интерес беспокоюсь. Вот, почитай объявление и повесь. Председатель велел.

Соня недоверчиво взяла листок, протянутый Андронихой, неторопливо и удивленно прочитала вслух:

— «Сегодня привезут деньги строителям зверофермы. Выдавать будет Михаил Гаврилович Чарымов».

— Кабы я не наседала на председателя, получили бы мы куричье вымя да свиные рожки.

Мигом облетела новость всю деревню. Да присолила бабка новость: денег, мол, на всех не хватит, очередь надо блюсти, а сама-то Андрониха первая... Пошли бабы цепочкой за Андронихой, расселись на берегу.

Ждут деньги улангаевцы. Андрониха всем сообщила, что привезут их на почтовом катере под охраной милиционера. Потому никто не обратил внимания на крытый брезентом неводник, который причаливали Илья Кучумов с Таней чуть в стороне от собравшегося на берегу улангаевского люда. Только дед Чарымов встретил таежников, расцеловал душевно. А когда пришел к неводнику Костя, спросил дед Чарымов:

— Начнем?

— Давай! — Костя рассмеялся, заранее представляя, что сейчас произойдет.

— Эй вы! — крикнул Чарымов. — Чья там первая очередь?

Кинулась Андрониха к неводнику, а ребятишки моментом обогнали ее.

— Чарымушка, родной... Вот я, Андрониха! — А голос от волнения свихнулся: пронзительный, писклявый. — Я, я! Самая первая!

Взял народ деда Чарымова в тугую подкову. Держит старик в руках карандаш и тетрадь со списком отработавших на ударной стройке.

— Андрониха отработала три дня. Полагается получить ей триста рублей.

— Верно, Чарымушка, золотце! Поварила я! Ты, помнишь, хвалил моих жареных карасей? От зари до зари...

— Все правильно. Выдай, Илюша, ей деньги, — сказал Чарымов, еле сдерживая смех.

Притих народ, ждет. Полез Илья под брезент, достал берестяную корзинку. Не с деньгами ли?..

— Вот, бабушка, получи, — и протягивает бабке Андронихе берестяную корзину.

Откинула та крышку на корзинке, а оттуда кошачья голова высунулась. Ну и хохот раздался! Дружный, громкий. А старуха хлоп-хлоп глазами — и ничего сказать не может от обиды. Потом очухалась, да как понужнет Чарымова грязным словом. Сколько жила, не случалось еще такого с ней. Пробилась она сквозь народ, отошла в сторону, села на бревнышко, а корзину из рук не выпускает.

— Бабка Андрониха, отдай кошку мне, — сквозь смех предложил рыбак Кеша Тукмаев.

— Лучше мне! — звонко крикнул Толя, председателев сынишка.

Андрониха машинально передала корзину шустрому мальчишке. Хмельной Антоша Кудрявцев, охотник, пригляделся внимательно к кошке с котятами да и завопил:

— Черти! Это же не котята, а соболя! Им цены нет, таким котятам!

Вот тут и началось! Раздает дед Чарымов кошек со щенятами соболиными и приговаривает:

— Расписался? Получи. Запомни: осенью сдашь соболей живыми на ферму — получишь за каждого сто рублей.

— Тут же пять щенков!

— Значит, пятьсот получишь! Награда за хорошую работу.

Александр Гулов наблюдал издали за шумливой толпой у неводника и довольно улыбался. Хитрый председатель — удалась его затея. Конечно, мог он собрать в конторе артельщиков и уговорить их всей деревней заняться соболеводством. Но ведь отказались бы, как пить дать отказались бы! Два года назад попытался Гулов раздать щенят лисиц на выкорм членам артели — слышать не хотели. А сейчас каждый торопится, боится, что ему щенят не достанется. Покачивал головой председа-

тель: трудно понять людскую натуру. Чем соболята от лис отличаются? Одинаковые хлопоты, если взялся выращивать.

Страдает бабка Андрониха. Не протиснуться ей к неводнику. Ведь раздаст Чарым, вахлак, всех кошек с собольчатами! Заплакала, закричала бабка, брякнулась на землю, не шелохнется.

— Разрыв сердца! — крикнул кто-то из женщин.

Плеснули на старуху водой — может, отойдет? Открыла Андрониха глаза, села.

— Умираю... Позовите Чарымова.

Подошел старик.

— Прости меня, Чарымушка, сквернословила я на тебя сгоряча. Одинока я, больно мне. Дай, ради бога, кошечку с соболятами...

Получила бабка кошку с соболятами, домой заторопилась, думает радостно: «Одомашнятся соболи, мышей будут ловить в подполе... вместо кошек! Так ведь это живые деньги!»

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

1

Андрей Шаманов перебрался в дом деда Чарымова, купил высокобортную лодку с подвесным мотором.

— Это на потеху, девок катать за кислицей да бешеных щук гонять, — сказал о лодке дед Чарым.

Юганцы признают стационарные моторы простой конструкции. Однако Андрею хотелось доказать, что по Югану в весеннюю падеру лучше всего ходить на быстроходной лодке с подвесным мотором.

Весенняя падера приходит сюда на черемуховый цвет. Задует сивер, и разыграется юганский шторм.

И задурила волна на разливах как раз в те дни, когда Андрей собирался обкатать лодку. Не раньше, не позже случилась и беда в семье Тукмаева, соседа деда Чарымова.

Металась и стонала женщина на деревянной кровати. А за окном, совсем рядом, ревел юганский прибой. Кипела вода, летели брызги, ветер подхватывал их и крупным дождем швырял в окна. На стеклах сплющивались

водянистые картечины, рикошетили. Звенели в одинарных рамах стекла под натиском порывистого сивера. Не находила себе места больная женщина. Болела душа рыбака, ее мужа. Лишь четверо детишек беззаботно спали на полатях за глинобитной печью.

— Тошно, — стонет женщина, — пить...

Тукмаев, бывший солдат, потерявший на фронте ногу, тяжело припадая на грубый самодельный протез, идет в сени к бочке с водой. Подавая ковш жене и придерживая больной голову, слышит он, как стучат зубы о прохладное железо.

— Настенька... Лучше бы рожала... — заполошно шепчет рыбак.

— Куда... Ох, лихо мне... Рожать... Митюшка еще не одыбался... Зачем нам пятого? Ох, не выживу... Сходи за бабкой Андронихой...

— К черту! Зачем пила ее бурдымагу?

— Кеша, ребятишки осиротеют... сходи...

Плачет жена от невыносимой боли и жалости к детям. За стеной парусят сети на вешалах, стучат грузилами о бревна. Чудится рыбаку — не грузила колотятся, а страшная беда бродит вокруг избы, ищет настойчиво дверь.

Протяжно заныли воротца. Тукмаев, сутулясь под хлестким ветром, спотыкаясь в темноте, бежит на окраину деревни, насколько позволяет самодельная нога.

Старуху разбудил грохот дверей. Всклокоченная, испуганная, сползла она с лежанки. Зябко ежась, проковыляла к двери.

— Кого господь несет в этакую дурь? Погодь, не грохай...

— Бабка, это я, Тукмай! Скорей, жинка помирает.

— Охоньки-и-и! — заохала Андрониха. — На ладан дышу, не могу я.

— Открывай! Скорее!..

Убирая березовый засов, старуха приговаривала:

— Все на земле в гостях. Рано ли, поздно ли господь приберет.

Тукмаев, пролезая на ощупь в избу, прохрипел:

— Зажги лампу.

— Керосин лампу проел. Говори в потемках, что там!

— Чем жинку отравила? Кровью исходит...

— Сама виновата. Лежать надо было, а она с назьмом возилась, огурешну гряду ладила, режим не содержала.

— Идем!

— Не могу. Хворая сама.

— Травить баб здоровая, а теперь хворой прикинулась!

— Чего срамишь? Ходи к Чарымову, может, он, кроме скотских болезней, и по бабьему делу смекает...

Дед Чарымов когда-то работал в артели ветеринаром, самоучка он. Бывало, в старину и роды у женщин принимал, а вот лечить не приходилось.

— Дедушка, доктора надо. Жена... Плохо, умирает.

Андрей смотрел на чернеющее щетиной лицо Тукмаева и прикидывал: «От Улунгая до Медвежьего по реке почти сотня километров. Ночью в такой ад везти больную — верная смерть».

— Андрюша, друг, помоги... — с мольбой в голосе тянул Тукмаев. — У тебя лодка-обчанка, волны не боится. И мотор новенький, надежный.

Андрей и дед Чарымов переглянулись.

— Падера, разгрызи ее кочерыжку... — начал было пояснять старик. — Сам рыбак, знаешь: мотолодку на Обском плесе накрыть может. Мужик-то выплывет, а хворая сгинет. Вода ледяная. Потерпеть бы до утра. Бог даст, приутихнет непогодная кутерьма.

— Умрет. Кровью исходит, — повторял свое обезумевший от горя мужик. На глаза его навернулись слезы. Сдерживая рыдания, он невнятно бормотал: — Осиротит ребятишек...

— Так-то оно так, — рассудительно отвечал Чарымов, — а если мотор скиснет? Прибьет лодку к яру — и крышка. Реки бунтуют. Ветер чешет Обь супротив шерсти. Сам понимаешь, какая там волна взыгрывает.

— Хорошо, Кепа, пойду лодку готовить, — прервал Андрей дедовы рассуждения. — Собирай жену потеплее и приводи на берег.

Закутанную в тулуп женщину накрыли сверху брезентовым плащом и положили в нос лодки. До устья Югана лодка шла неплохо, но перед самым выходом на Обь неожиданно заглох мотор. Андрей сообразил побыстрее приподнять мотор и разрубить ножом намотавшуюся на винт волокнистую траву. Лодку швыряло на волнах. Того и гляди черпанет бортом воду и пойдет ко дну. Но снова взревел мотор, снова пошла дикая пляска с волны на волну. Только теперь по Оби.

Андрей опасался, как бы под винт не попала коряга. Темнота. Ничего не видно. Весной Обь несет много всякого плавника, а в бурю особенно. В такое время нужно смотреть да смотреть.

Старался вести лодку ближе к левому берегу, похожему ночью на густо смоленную ленту. Он проскочил уже четыре опасных плеса, миновал большую отмель у протоки, где волны ходили, по выражению рыбаков, пешком по песку. Оставалось самое опасное место — Чертов Яр. Здесь небольшой остров клином раздваивает Обь: одну часть реки пускает влево по старому, извилистому руслу, а другую — в прямую, быстроходную протоку. Перед островом вода напирает, бурлит меж обрывистых берегов, что тебе в гигантском котле. От Чертова Яра до Медвежьего Мыса рукой подать — не больше пяти километров. Тут и случилась с Андреевой лодкой беда.

Подбросло ее, вырвало из рук Андрея рукоятку подвесного мотора. С вывороченной кормовой доской ушел мотор на дно Оби.

Андрей догадывался: попал под винт трос или якорная проволока. На этом месте рыбаки всегда ставят морды на стерлядь и самоловы на осетра. Но размышлять не приходилось. Он схватил весло, лихорадочно стал грести к берегу, нацеливаясь на небольшую ложбину, выбитую в яре ручьем. По этой выбоине можно на руках поднять женщину к безопасному месту. Андрей напрягал все силы, но волны и ветер гнали лодку в сторону. Он покрепче налег на весло и услышал, как треснуло дерево. Беспомощная лодка заплясала на волнах.

2

Утром, когда взошло солнце, Андрей принес женщину в больницу и, передохнув, терпеливо ждал.

В коридор вышла Елена Журавлева в халате.

— Опоздай вы на час, плохо бы дело кончилось, — сурово сказала она.

Андрей молчал. Лена окинула взглядом его босые, грязные, в кровавых ссадинах ноги, сырую одежду и поняла, каким опасным был путь у этого человека.

— Все необходимое уже сделано, — немного мягче добавила Лена, стараясь успокоить незнакомца. — Посидите здесь...

Вернулась она минут через пятнадцать с кирзовыми сапогами и байковыми портянками.

— Доктор, зачем...

— Меня зовут Еленой Александровной. Обувайтесь без разговоров, — решительно приказала Лена. — Жену можно будет навестить вечером. Семья большая?

— У меня нет семьи, доктор. Я привез жену улангаевского рыбака. Четверо ребятишек у них.

— Что, у вас там в деревне гинеколог отыскался?

— Бабка Андрониха, — почему-то смутившись, ответил Андрей.

Лена помолчала. Еще раз внимательно оглядела Шаманова и сказала:

— Идемте ко мне. Чаем напою с малиновым варень-

ем. — И, словно поясняя, добавила: — Отогреться вам надо...

Андрей помешивал ложечкой в стакане, ждал, когда немного остынет чай, обжигающий разбитые губы, и объяснял докторше:

— Припугнуть Андрониху, конечно, можно, а в суд подавать на нее сейчас не следует. Спросите любого старожила в нашей деревне: кто раньше роды у женщин принимал, лет десять подряд, кто от надсады лечит?.. Она у нас и сегодня акушеркой считается.

3

Моторист почтового катера рассказал деду Чарымову, как добрался Андрей до Медвежьего Мыса. Моторист сильно приукрасил.

— Мужик о валежник всю кожу с ног спустил. Цепью зубы ему вынесло будто жеребцовым копытом.

И пошел дед Чарымов бушевать сгоряча, крушить Андрониху!

— Так, — произнес он врастяжку, входя в Андронихину избу.

От одного этого слова кинуло старуху в озноб, а на спине вытопилась холодная роса. Спина бабкина прежде всего чуяла беду, с тех пор как попробовала еще в военный год Андрониха кнута за украденную рыбу из обозного короба. Готовил рыбный обоз шахтерам сам дед Чарымов на тысячекилометровый переход. Его бич и погулял тогда по спине Андронихи.

— Чего воззрился? — попятившись, пробормотала старуха.

— Сколько тебе говорил: убирайся из деревни в город по-хорошему, уезжай к сыну!

— Куда мне? Помирать в Улангае буду.

Чарымов вытряхнул из веревочной петли витой дели вязанку дров, захлестнул конец рыбацким узлом на костыль, вбитый в стену.

— Ты чего забеленился? — со страхом глядела на него Андрониха.

— Если не удавишься, сам пристрелю сегодня же!

Старуха бросилась к окну, расхлобыстнула створки и заголосила:

— Уби-ва-ют!.. Помогите-е-е, люди добрые-а-я!..

Чарымов вернулся домой, сел на крыльце. Его лихорадило. А деревенские ребятишки уже разнесли по всем избам новость: Андрониха в петле.

Но хитрая старуха и не собиралась вешаться. Она, правда, надернула петлю на шею, распустила слюни, высунула язык и хрипела загнанной лошадью. Это уже после того, как ушел дед Чарымов. Андрониха заметила, что к ее дому бежит соседка Прасковья, жена шкипера с артельного паузка. Она-то и «спасла жизнь» старухе.

К вечеру в тот же день на своей мотолодке вернулся в Улангай Андрей. Ему удалось с помощью рыбаков выловить мотор кошками на прогонных веревках. Ребятишки, как щурята, вечно снующие по берегу, тут же сообщили ему последнюю новость про Андрониху.

Когда соседка ушла, Андрониха, чувствуя себя спасенной, села у окна и принялась ждать деда Чарыма, который обещал пристрелить ее. Подпол был открыт, чтоб вовремя спрятаться.

«Занектарится водкой — и впрямь пристрелит взлихоманенными ручищами», — размышляла бабка. Но неожиданно увидела идущего к ее дому Андрея в окружении целой ватаги ребятишек, тут же захлопнула подпол, разорвала на себе кофточку и раскинулась на полу.

Андрей поднял бабку, усадил за стол, дал испить воды.

— Спасулечка мой ненаглядный, послал тебя ангел небесный. Ох, как меня изуродовал лихоимец Чарым... Печенки все отхлестал, дыхнуть не могу, нутро болит. Последнюю кофточку в лоскуты пустил...

— Придется тебе, бабушка, познакомиться с милицией, — не слушая ее причитаний, заявил Шаманов.

Но Андрониха, перебив Андрея, стала выкладывать свои обиды:

— Обязательно заявлю в милицию! Упеку этого ирода!

— Кого упекать собираешься? — удивился Андрей.

— Один у нас в деревне лиходей — Чарым. Это он меня в петлю запхнул... Шаманит-знахарит сам, так ничего! Кто Таньку Сухушину заманежил с носом? Он! Его, ясашную морду, судить надо... Не имеет он правов держать у себя струмент, каким зелье под кожу толкают.

— Хватит, бабушка. Жену Тукмаева вылечат. Но запомни: в следующий раз ты так легко не отделаешься.

— Да ты что шаперишься, аль вправду вылечат?

— Чувствует она себя лучше.

— Ах ты, Чарым, каверзная душа, теперь берегись! Я присушу тебя на кладбище!

В доме Чарымовых в этот вечер ходили на цыпочках, но Андрея не могло бы сейчас разбудить даже землетрясение.

Продолжение следует

Николай ФЛЁРОВ

* * *

Не сразу Север к нам приходит.
Не сразу мы идем к нему.
Летит экспресс — и смотришь, вроде
Как во саду ли, в огороде, —
Все в красном вишенном дыму.

Потом, как первой связи звенья,
Как близость бывших ледников,
Вдоль полотна легли каменья —
Собратья дальних тех веков.

Все чаще рощи иван-чая,
Все реже поле и леса.
Я постепенно замечаю,
Что вот и Север начался.

И ветер хлещет в вихре броском,
Как будто только их искал,
По изогнувшимся березкам,
Что прижились у черных скал.

Он хлещет в Мурманске по лицам
Так, словно хочет он со зла,
Чтоб не в пример другим столицам
(Зимою — мгле не проясниться,
А летом не сгореть зарницам)
Столица Севера жила.

Ну а она живет не хуже.
И точный ритм ее труда
В дожде, в снегу, во тьме и в стуже
Не утихает никогда.

И как надежную охрану
От всех, кому заказан путь,
Скалистый берег
Океану
Подставил каменную грудь.

* * *

Леониду Леонову

Иногда посмотрит лес угрюмо,
И хотя не скажет ничего,
Ты поймешь, дотошный до всего:
Есть у леса радость,
Есть и дума.
Есть друзья и недруги его.

Только настоящий друг услышит
Голос леса, мчащийся в зенит:
Снова
Ель-старуха тяжко дышит,
А вот внучка,
Ветви тянет выше,
Каждая иголочка звенит.

И тому, кто это понимает,
Кто, как сын, припал к земной груди,
Каждая былиночка внимает,
Каждый листик шепчет:
«Приходи...»

* * *

Стою на поле Бородинском,
Где обелиск за обелиском,
Как вехи славы и побед
И давних и недавних лет.

Кто знал, что мы на поле этом,
Где в бой звала Россия-мать,

Верны прапрадедов заветам,
С фашизмом будем воевать?!
Пред тенью павших здесь героев
И славой, что всегда жива,
Мы стали мужественней втрое.
За нами вновь была Москва, —

В перебинтованных витринах
В перекрещенных стеклах рам,
В лучах — через все небо — длинных,
Мятущихся по вечерам,

Чтоб асы Гитлера метались,
Чтоб в той вечерней синеве
Уже не петь им «Юбер аллес»,
А пасть на подступах к Москве.

Москва!
Каким безмерно близким
Был каждый шаг твой, каждый вздох
Тем, кто на поле Бородинском
Твое дыхание берег!..

...Стою на Бородинском поле,
Где даль,
Что века глубина,
Где познаешь до сладкой боли:
С тобою Родина одна, —
От этой древней батареи,
От леса, что вдали синеет,
От звеньев, рвущихся в полет,
И до высокой той идеи,
Которой ныне
Мир живет.

Рис. И. ШАЛИТО и Г. БОЙКО

ИВАН ЕФРЕМОВ

ТАИС АФИНСКАЯ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Афродита Эвплоя — богиня моряков — была милостива к Таис необыкновенно. Очень редко в конце боэдромиона стояла погода, похожая на гальционовые, зимородковые, дни перед осенним равноденствием. В самую середину шумно-широкого моря вошли корабли, когда безветрие вдруг сменилось знойным и слабым Нотом. Гребцы выбились из сил, гребя против ветра, и Эоситей велел отдохнуть до вечера, щадя силы свободных воинов. Он намеренно не взял рабов, чтобы корабли вместили весь большой отряд.

На синей поверхности моря, расплывающейся вдали голубой дымкой, ходили плавные волны мертвой зыби, раскачивавшей неподвижные корабли, словно уток на ветреном озере. С либийских берегов дул несильный, но упорный горячий ветер, приносивший сюда за две тысячи стадий, на середину моря, дыхание яростных пустынь. Такое же расстояние отделяло корабли и от критских белых скал.

Продолжение. Начало в № 7.

Эгесихора с легкой жутью вглядывалась в темно-синие впадины между волнами, стараясь представить себе страшную, никем не измеренную бездну морской глубины. Таис лукаво поглядывала на подругу, распаренную и утратившую свой обычный вид победоносной богини. На палубе под навесом и в трюме на запасах еды и вооружения лениво разлеглись люди. Другие, более крепкие или более нетерпеливые, стояли, прислонившись к ивовым плетенкам над бортами, и пытались найти прохладу в веянии ливийского Нота, под легким напором которого корабли едва заметно отступали назад, к северу.

Хмурый Эоситей, недовольный задержкой, сидел в кресле на корме. Около него в различных позах развалились на тростниковой циновке, подобно простым воинам, его помощники, снявшие с себя всякую одежду.

Таис незаметно поманила Менедема.

— Ты можешь подержать мне весло? — и объяснила недоумевающему атлету, что она хочет сделать.

Менедем втащил огромное весло поглубже в отверстие уключины, чтобы его лопасть стала перпендикулярно борту. Под удивленными взглядами всех находившихся на палубе Таис сбросила свой последний покров, прошла по обводному брусу снаружи, держась за плетеную стенку, ступила на весло, немного постояла, примеряясь к размахам качки, и вдруг оттолкнулась рукой от борта. С ловкостью финикийской канатоходки Таис пробалансировала на весле, мелкими шажками пробежала до конца и бросилась в воду, скрывшись в глубине темноцветной маслянистой волны.

— Она сошла с ума! — крикнул Эоситей, а Гесиона с горестным воплем кинулась к борту.

Черная голова Таис, туго обтянутая традиционной лентой лемнийской прически, уже появилась на вершине волны. Гетера поднялась из воды, посылая смотревшим на нее спартанцам поцелуй и звонко хохоча. Эоситей, забывший обо всем, удивленно вскочил и подошел к борту в сопровождении Эгесихоры.

— Это еще что такое? Уж не дочь ли самого Посейдона твоя черноволосая афинянка? Ее глаза не голубые, однако!

— Не нужно искать потомков богов среди нас, смертных, — засмеялась спартанка, — ты видел ее таинственное сходство с теми, кто покинул критские дворцы ты-

сячу лет назад? От матери-критянки в ней возродились ее предки. Критянин Неарх рассказывал мне, что они нисколько не боятся моря.

— Мы, спартанцы, тоже владеем морским искусством лучше всех других народов!

— Но не лучше критян! Мы боремся с морем, опасаемся его, избегаем без крайней нужды его коварных объятий, а критяне дружат с морской стихией и всегда готовы быть в нем — в радости и в печали. Они понимают его как любовника, а не изучают как врага.

— И все это тебе открыл Неарх? Я что-то слышал, будто вы обменялись клятвой Трехликой Богини? Он бросил тебя как ненужную игрушку и ушел в море, а ты ночами рыдала на берегу. Если мы встретимся...

Начальник воинов не кончил, встретившись с потемневшим взглядом гетеры. Она вскинула голову, раздув ноздри, и вдруг рванула головную повязку, сбросив на спину всю массу своих золотистых волос. Едва она поднесла руки к застежкам хитона, как Эоситей остановил ее.

— Что ты хочешь делать, безумная?! Ты плаваешь хуже Таис...

— И все же последую за ней, доверяясь критскому чутью, если никто из храбрых моих соотечественников не может одолеть своего страха. Они больше любят сплетничать, как афиняне!

Эоситей подпрыгнул, как от удара бичом, метнул на свою возлюбленную яростный взгляд и, не сказав ни слова, ринулся за борт. Огромное тело спартанца упало неловко в провал между волнами, издав тупой и громкий всплеск. Таис, издалека наблюдавшая сцену между подругой и начальником, стрелой скользнула под волнами на помощь Эоситею. Она поняла, что лаконский начальник, хоть и отличный пловец, не умеет прыгать с высоты в волнующееся море и сильно ушибся о воду. Эоситей, оглушенный и опрокинутый волной, почувствовал, что кто-то подтолкнул его из глубины. Вынырнув, он очутился на гребне встающего вала, набрал воздуха и опомнился, увидев рядом веселое лицо Таис. Рассерженный собственной неловкостью, еще более уязвленный при воспоминании о великом пловце Неархе, спартанец оттолкнул протянутую руку афинской гетеры, окончательно справился с собой и поплыл прочь с каждым взмахом рук все увереннее. С боевым кличем следом за начальником

с его корабля и других в шумящую синюю воду посыпались десятки тел.

— Лови ее! — кричали воины, строясь в цепочку наподобие невода и окружая Таис, будто легендарную морскую нереиду. Афинянка, легко скользя, уплывала все дальше, а воины старались догнать ее.

Эоситей, охладившись в море, снова стал энергичным наархом.

— Остановите ее! Шалая девчонка перетопит моих воинов! — завопил он, поднимаясь над водой и делая энергичные жесты, приказывая Таис вернуться.

Она поняла и повернула назад прямо в полукруг гнавшихся за ней спартанцев. Те остановились, поджидая, чтобы с торжеством схватить беглянку. Под ликующие крики Таис оказалась в тесном кольце преследователей, десятки рук протянулись к ней со всех сторон, и тут гетера исчезла. Воины заметались, ныряя в разные стороны, но Таис, нырнувшая глубже всех, успела проплыть под водой четверть стадии и появилась далеко за линией преследователей. Пока они поворачивали и набирали скорость, афинянка была уже у корабля и уцепилась за брошенный канат. Менедем вытащил ее на палубу, к разочарованию «охотников». В довершение позора многие из пловцов ослабели в погоне и борьбе с волнами, и их пришлось поднимать на корабли при помощи лодок. Эоситей, запыхавшийся, усталый, но незлой, вылез по сброшенной ему лестнице и первым делом подошел к афинянке, которую Гесиона уже обернула простыней, осушая волосы египетским полотенцем.

— Тебя следовало бы оставить посреди моря! — воскликнул лакедемонянин. — И клянусь Посейдоном, в следующий раз я принесу ему эту жертву!

— И ты не побоишься мятежа? — спросила Эгесихора, вступаясь за подругу. — Впрочем, я уверена, что она приплывет верхом на дельфине раньше нас. Вот они, явились, — спартанка показала на белые пятна пены, сопровождавшие мельканье стремительных черных тел, привлеченных игрой своих собратьев-людей.

— Где научилась она так плавать? — буркнул Эоситей. — И еще ходить по веслу в качку: это потруднее, чем по канату!

— Нас всех учили искусству равновесия в школе гетер Коринфа — без этого нельзя исполнять танец священных

треугольников. А искусству плавать так не научишься, надо родиться нереидой!..

Гесиона, осторожно массируя голову Таис, робко выговаривала ей, упрекая в искушении судьбы.

— И как не боишься ты, госпожа, предстать обнаженной перед таким сборищем воинов. Они ловили тебя, как дельфина! — закончила девушка, оглядываясь кругом и как бы опасаясь нового нападения.

— Если вокруг тебя много истинно храбрых и сильных мужчин, ты можешь считать себя в полной безопасности, — смеясь, отвечала ей гетера, — они ведь эллины и, особенно, спартанцы. Запомни это, пригодится. Кроме всего, помни, что мужи обычно застенчивее нас. Если мы следуем обычаям, то оказываемся гораздо смелее, а они смущаются.

— Почему же именно спартанцы?

— Потому что спартанцы — гимнофилы, любящие наготу, как тессалийцы, в противоположность гимнофобам — вам, беотийцам, македонцам. Тут спартанцы стоят против моих афинян, как в Ионии эолийцы против лидийцев.

— Про эолийцев я читала. У них даже наш месяц Мунихион называется Порнопионом.

— Впрочем, все эллины не считают одежду признаком благовоспитанности. А спартанцы и тессалийцы взяли обычаи и законы древних критян. У тех появляться нагими на праздниках и пиршествах было привилегией высшей аристократии.

— Наверное, отсюда родилась легенда о тельхинах — демонах обольщения, до сих пор живущих на Крите и в глухих местах Ионии?

— Может быть... Но пойдем за нашу загородку, мне хочется отдохнуть после моря. Клонария разотрет меня.

— Я, госпожа, позволь мне!

Таис кивнула головой и, закутанная в простыню, удалилась в крошечное отделение под рулевой палубой, отведенное ей, Эгесихоре и их рабыням.

Растирая Таис душистым маслом, Гесиона спросила, вновь возвращаясь к беспокоившей ее теме.

— А египтяне, они кто: гимнофилы или нет?

— Гимнофилы, самые древние из всех народов, а слыхала ли ты об Афродите Книдской?

— Той, что изваял Пракситель, твой соотечественник?

— Он создал две статуи Афродиты с одной и той же

модели, гетеры Фрины, — одетую в пеплос и нагую. Обе одновременно выставил для продажи. Одетую купили строгие правители острова Коса, а совершенно нагую за ту же цену взяли жители Книда. Она стояла в открытом алтаре, светясь желтовато-розовым мрамором своего тела, и, говорят, сама Афродита, спустившись с Олимпа в храм, воскликнула: «Когда же это Пракситель видел меня голой?!» Афродита Книдская почитаема несравненно больше Косской, она выбита на монетах Книда. Царь, не помню, как его звали, предлагал за нее скостить все долги Книда, а остров немало задолжал ему, но книдцы отказались. Вот сила божественно прекрасной наготы, и ты можешь не опасаться гимнофилов — это настоящие люди.

Глава четвертая

ВЛАСТЬ ЗВЕРОБОГОВ

В Мемфисе, называвшемся египтянами Весами Обеих Земель, было много эллинов, издавна живших здесь. Таис полюбила этот город, один из самых старых городов древней земли, стоявший на границе Дельты и Верхнего Египта, вне дождливой зимы низовий Нила и летнего зноя южной части страны.

Греки Мемфиса, в особенности молодежь, были взбудоражены приездом двух красавиц из Афин. Поэты, художники и музыканты пытались завоевать сердце Таис, посвящая ей стихи и песни, умоляя стать моделью, но афинянка появлялась везде или в паре с Эгесихорой, или в сопровождении застенчивого богатыря, при одном взгляде на которого отпадала охота с ним соперничать. А царственная спартанка прочно связала себя с начальником лаконских наемников и не увлекалась ничем, кроме своих неслыханно быстрых лошадей. Впервые здесь видели женщину, управлявшую тетриппой. Молодые египтянки поклонялись Эгесихоре почти как богине, видя в ней олицетворение той свободы, которой они, даже в самых знатных домах, были лишены.

Таис соглашалась иногда выступать на симпосионах как танцовщица, но покидала их, когда общество становилось буйным от сладкого вина Абидоса. Гораздо чаще она

оставляла Мемфис для поездок в знаменитые города и храмы, спеша познакомиться со страной, множество легенд и сказок о которой с детства прельщало эллинов. С беспечностью, удивлявшей Эгесихору и Гесиону, продолжавшую считать себя рабыней Таис, она не спешила обзавестись богатым любовником и тратила деньги на путешествия по стране.

Мнема, мать всех муз, к дарам Афродиты прибавила Таис еще и великолепную память. Память, вбиравшая в себя все подробности мира, неизбежно породила любознательность, подобную той, какой обладали знаменитые философы Эллады. Новое и необычное встречала Таис на каждом шагу, и все же первое ее впечатление от страны не изменилось, и, удивительно, оно упорно воскрешало в памяти одно из ярких видений далекого детства.

Мать привезла ее в Коринф, чтобы посвятить храму Афродиты и отдать в школу гетер. В городе, раскинувшемся у подножия огромной горы, стояла сильная жара. Маленькой Таис очень хотелось пить, пока они с матерью поднимались в верхнюю часть Коринфа. Навсегда запомнилась очень длинная узкая галерея—стоя, которая вела к священному источнику, знаменитому на всю Элладу. Внутри чуть притененной галереи веял слабый ветерок, а по обе стороны высокое солнце обрушивало на каменистые склоны море света и зноя. Впереди, под круглой крышей, державшейся на двойных колоннах, ласково журчала, переливаясь, чистая и прохладная вода. А дальше, за бассейнами, где начинался крутой отрог, слепил глаза отраженный свет. Жар и запах накаленных скал были сильнее влажного дыхания источника.

Вот и египетская галерея воды и зелени между двумя пылающими пустынями, протянувшаяся на десятки тысяч стадий, — расстояние, колоссальное для небольших государств Эллады. Сады и храмы, храмы и сады, ближе к воде поля, а с внешнего западного края этой полосы жизни бесконечные некрополи — города мертвых — с неисчислимыми могилами. Здесь не было памятников, но зато строились дома усопших: в размер обычного жилья человека — для богатых и знатных; с собачью конуру — для бедняков и рабов. И уж совсем подавляли воображение три царские гробницы-пирамиды с титаническим сфинксом, в семидесяти стадиях ниже Мемфиса. Таис немало слышала об усыпальницах фараонов, но и представить не могла их подлинного величия.

Геометрически правильные горы, одетые в зеркально полированный камень, уложенный так плотно, что следы швов между отдельными глыбами были едва заметны. В утренние часы каждая из больших пирамид отбрасывала в серое небо вертикальную колонну розового света. По мере того как поднималось солнце, зеркальные бока каменных громад горели все ярче, пока в полуденные часы пирамида не становилась звездой — средоточием четырех ослепительных лучистых потоков, бивших над равниной во все стороны света. А на закате над могилами фараонов вставали широкие столбы красного пламени, вонзавшиеся в лиловое вечернее небо. Ниже их резкими огненными лезвиями горели ребра усыпальниц царей-богов Черной Земли, как называли египтяне свою страну. Эти ни с чем не сравнимые творения казались делом рук титанов, хотя знающие люди уверяли Таис, что пирамиды построены самыми обыкновенными рабами.

— Если человека крепко бить, — цинично усмехаясь, рассказывал гелиопольский жрец, знаток истории, — он сделает все, что покажется немыслимым его потомкам.

— Самые большие постройки в Египте — значит, здесь людей били крепче всего, — недобро сказала Таис.

Жрец остро глянул и поджал губы.

— Разве эллины не бьют своих рабов?

— Бьют, конечно. Но тот, кто много бьет, пользуется недоброй славой!

— Ты хочешь сказать, женщина... — злобно начал жрец.

— Ничего не хочу! — быстро возразила Таис. — В каждой стране свои обычаи, и надо долго жить в ней, чтобы понять.

— Что же ты не понимаешь?

— Великую сложность власти. У нас все просто: или свободен, или раб. Если свободен, то или богат, или беден: славен или искусством, или знаниями, воинской или атлетической доблестью. А у вас каждый свободный на какую-то ступеньку выше или ниже другого. Одному что-то позволено, другому меньше, третьему совсем ничего, и все преисполнены зависти, все таят обиду. Кажется, будто здесь только рабы, запертые между двух пустынь, как в большой клетке. Я почти не встречала людей, побывавших в других странах Ойкумены. Правда, я здесь недавно...

— Ты наблюдательна, эллинка, даже слишком, —

угроза проскользнула в словах жреца, говорившего по-гречески с легким прищелкиванием. — Я лучше удалюсь...

Храмы Египта поразили воображение Таис резким контрастом с Элладой.

Каждый греческий храм, за исключением разве самых древних, стоял на возвышенном месте, открытый, легкий и светлый, он как бы улетал в пространство, в море и небо. Изваяния богинь, богов и героев привлекали к себе волшебством красоты. Грань, отделявшая богов от смертных, казалась совсем тонкой, незаметной. Верилось, что боги, склоняясь к тебе, внимают мольбам и вот-вот сойдут со своих пьедесталов, как в те легендарные времена, когда они одаряли вниманием всех людей, от земледельцев до воинов, а не только общались со жрецами, как ныне.

Храмы Египта! Сумрачные, стиснутые толстыми стенами, чащей массивных колонн, исписанных и исчерченных множеством рисунков и знаков. Святилище укрывало от просторов земли и неба, от ветра и облаков, журчания ручьев и плеска волн, от людских песен и голосов. Мертвое и грозное молчание царило в храмах, незаметно переходивших в подземелья. С каждым шагом мерк умирающий свет, сгущался мрак. Человек как бы погружался во тьму прошедших веков. Если в храмах Эллады только грань отделяла смертного от обитателей светоносной вершины Олимпа, то здесь, чудилось, всего один шаг был до царства Аида, где с незапамятных времен бродят во мраке души умерших. Это ощущение бесконечной ночи смерти угнетало юную женщину. Таис устремлялась прочь, к свету и жизни. Но храмы и дворцы стерегли ряды страшных в своей одинаковости статуй львов с человеческими или бараньими головами. Образ сфинкса, ужасной душительницы из мифов Эллады, здесь, в Египте, приняв мужское обличье, стал излюбленным символом власти и силы. Не только сфинксы — все боги Египта, вплоть до самых высших, носили облик зверей и птиц, удивительно сочетали человеческие и животные черты. Таис и раньше видела египетские амулеты, статуэтки и драгоценности, но всегда думала, что египтяне хотели выразить в образе животного лишь особенное назначение талисмана или безделушки. На деле оказалось, что образы богов лишь в редких случаях носили человеческое обличье. Гораздо чаще верующие склонялись перед полулюдьми-полузверями или птицами, иногда уродливыми до гротеска, подобно бегемотообразной Туэрис. Бегемоты и крокодилы внушали Таис

отвращение и страх, воздавать им божеские почести казалось афинянке недостойным. Некрасивы были и шакалоголовый Анубис, Тот с длинным клювом Ибиса, злая львица Сехмет, корова Хатор, баранье воплощение Хнума. Огромные изваяния хищных птиц — коршун Ра и сокол Гор, какими их изображали в самые древние времена, производили куда более величественное впечатление. Сложная иерархия богов осталась столь же непонятной афинянке, как и множество чинов и званий и сложнейшая лестница общественных отношений египтян. В каждом мало-мальски значительном городе главенствовал свой бог, а большие храмы, владевшие огромными землями и множеством рабов, также отдавали предпочтение одному из сонма божеств, за тысячелетия существования страны много раз сменявших и терявших свое главенство.

Больше всего удивляло Таис звероподобие богов. И это у народа, перед мудростью и тайными науками которого эллины преклонялись! Она знала, что в Саисе учились великие мудрецы Эллады — Солон, Пифагор и Платон. Огромные знания почерпнул в Египте и Геродот. Как же мог житель Египта склоняться перед чудовищами вроде крокодила — бессмысленной и гнусной твари? Неужели нельзя было выразить характер бога иначе, чем насадив на человеческое тело голову шакала или ястреба? Если бы египтяне не были столь искусными художниками, можно было бы подумать, что они не умеют иными способами выразить дух божества.

Но вскоре Таис увидела и живое божество — священного быка Аписа, воплощение Пта — главного бога Мемфиса. Руководствуясь двадцатью девятью признаками, жрецы находили Аписа среди тысяч быков, мирно пасшихся на лугах страны, и воздавали ему божеские почести до самой смерти. Затем искали новое воплощение, а умершего бальзамировали, подобно другому живому богу — фараону. Мумии священных быков погребали в огромном храме — Серапейоне, охраняемом сотнями каменных сфинксов.

Поклонение черному быку с белым пятном на лбу и теперь процветало в Мемфисе. Местные греки пытались очеловечить культ Аписа, слив его в одно божество с Осирисом, под именем Сераписа. Религия эллинов далеко ушла от первобытного зверобожия, даже на Крите, древностью почти равнявшемся с Египтом, гигантские священные быки почитались лишь как символы Посейдона.

Их убивали, принося в жертву на алтарях или игровых площадках. В Египте же Апис считался настоящим божеством, как и мерзкий крокодил или воющий по ночам камышовый кот. Все это не совмещалось с укоренившейся верой в особенную мудрость египтян. Афинянка осмелилась высказать свои сомнения главному жрецу Пта на приеме, устроенном в ее честь эллинскими поклонниками Сераписа. В пылу спора она довольно резко выразила отвращение к Себеку, богу-крокодилу. Двое служителей этого бога, присутствовавшие при споре, возмутились. И Таис стало стыдно. В Коринфе ее воспитывали в уважении к религиям восточных стран. Только годы жизни в Афинах посеяли в ней презрение ко всему чуждому и непонятному для эллинов. Таис и не подозревала, как тяжко ей придется расплатиться за это несвойственное ей выражение афинского превосходства над всей остальной Ойкуменой.

Вскоре Таис решила поехать в ном Белой Антилопы, вверх по Нилу, чтобы посмотреть второе чудо света, описанное Геродотом, — египетский Лабиринт. Подруга отказалась наотрез, и Таис отправилась в сопровождении Гесионы и верного Менедема, отпущенного стратегом по просьбе Эгесихоры.

Они плыли недолго, всего четыреста стадий * вверх по реке и около сотни по каналу, в сторону знаменитого озера Мерида. В это время года соединительный канал и рукав реки заполнялись илом, а дорога становилась непроезжей. Таис со спутниками пришлось оставить судно и продираться по мелководью в легкой лодке, лавируя между зарослями тростников.

К счастью, в это осеннее время отсутствовали комары-бич речных зарослей и озер Египта.

Специально нанятый на поездку переводчик — мемфисский грек тревожно оглядывался, уверяя, что в окрестностях Крокодилополиса великое множество зухосов — злобных воплощений бога Себека, некоторые из них по двадцать локтей в длину. А два серых крокодила по тридцать локтей живут здесь с незапамятных времен.

Как ни спешили лодочники доставить путников к Лабиринту пораньше, чтобы осмотреть его дотемна, они прибыли туда только в середине дня. Здесь, на священной

* Около семидесяти километров.

земле, чужеземцам ночевать не позволяли, разрешалось останавливаться лишь в ксеноне — гостинице — в восьми стадиях к северу, на том же перешейке между болотом и рекой, где стояли Лабиринт и две пирамиды. Ученый жрец из Гераклеополиса сказал Таис, что Лабиринт воздвиг как заупокойный храм себе Аменемхет Третий. Великий фараон умер, по исчислению жреца, за четыреста лет до разрушения Кносса и воцарения Тесея в Афинах, за шесть веков до Троянской войны и за полтора тысячелетия до рождения самой Таис.

Не мудрено, что неробкая гетера с трепетом вступила в бесконечные анфилады комнат Лабиринта, примыкавшего к белой пирамиде, вдвое меньшей, чем мемфисские. Огромный коридор разделял Лабиринт на две половины. Стены его были украшены изумительными росписями, яркие краски которых ничуть не поблекли за пятнадцать веков. Здесь не было обычных канонических фигур богов и фараонов, принимавших дары, избивавших врагов, унижавших пленников. Вместо них — сцены быта, совсем естественные, написанные с поразительной живостью и изяществом: охота, рыбная ловля, купанье, сбор винограда, пастьба животных, танцы и праздничные собрания с музыкантами, акробатами и борцами.

Из зала в зал без устали бродили Таис, Менедем и Гесиона между белых колонн, покрытых рельефными изображениями в обычном египетском стиле, по расписанным коридорам, по комнатам, украшенным фризами и орнаментами необычайной красоты — синими зигзагами, белым и лиловым узором, похожим на груботканые ковры, еще более сложными многокрасочными росписями. Утомленные глаза отказывались разбираться в хитросплетениях спиралей, завитков колес с двенадцатью спицами, сказочных лотосов с красными чашами на высоких стеблях. Искусно сделанные прорези под каменными плитами потолков давали достаточно света, чтобы в верхних помещениях Лабиринта не пользоваться факелами. По словам переводчика, верхней части храма соответствовал такой же лабиринт нижних помещений, где хранились мумии священных крокодилов и находились особенно интересные древние святилища, расписанные изображениями ныне уже исчезнувших животных — гигантских гиен-бориев и единорогов. Священнослужитель, ведший их по Лабиринту, нижние помещения показывать не стал, объяснив это древним запретом: чужеземцев туда не пускали. День на-

чал меркнуть. В залах и особенно в коридорах стало темно. Пора было выбираться из тысячекомнатного строения. Жрец повел их к выходу, и усталые путешественники охотно подчинились. Недалеко от северной главной лестницы, где в широкие прорези стен свободно проникал вечерний красноватый свет, Таис остановилась, чтобы рассмотреть рельефное изображение молодой женщины, высеченное в желтоватом камне с необычайным даже для Египта искусством. Одетая в тончайшее, прозрачное одеяние, завязанное узлом под обнаженной грудью, женщина держала неизвестный музыкальный инструмент. В ее лице, обрамленном густой сеткой схематически изображенных волос, несомненно, были эфиопские черты и в то же время такое благородство, какого Таис не видела и у знатнейших египтянок. Пока гетера размышляла, к какому народу причислить древнюю музыкантшу, ее спутники прошли вперед. Легкое прикосновение к обнаженной руке заставило ее вздрогнуть. Из полумрака темного прохода чуть выступила женщина в обычной для египтянок белой полотняной столе — длинной одежде. Позади нее стоял жрец в ожерелье из синих фаянсовых и золотых бус. Он тряхнул стриженой головой и прошептал на ломаном языке: «Вниз, туда, можно, я проведу». Таис подошла к женщине, согласно кивнула ей и обернулась, чтобы позвать Менедема и Гесиону: те дошли уже до конца галереи. Но не успела — сзади ее обхватили сильные руки, заткнули рот тряпкой, заглушили крик, понесли. Таис отбивалась отчаянно, но ее подхватили другие, скрутили, связали полосами из ее же разорванной одежды, и она сдалась, позволив без сопротивления тащить себя дальше. Похитители, очевидно, знали дорогу и рысцой спешили в беспросветную тьму, не нуждаясь в факелах...

Слабый свет рассеивал мрак впереди, запахло влажной травой и водой. С нее наконец сорвали душившую ее тряпку и подтащили к каменной стене. Поблизости, не далее полуплетра *, в последних лучах зари блестела неподвижная темная вода. Обретя возможность говорить, Таис гневно и удивленно спрашивала похитителей на греческом и ломаном египетском, чего они хотят от нее. Но темные фигуры — их было шесть, все мужчины с неразличимыми в скудном свете лицами, упорно молчали. Заманившая Таис женщина куда-то исчезла.

---

* Около пятнадцати метров.

Афинянку поставили на ноги у самой стены, освободили от пут и заодно сорвали с нее последние остатки одежды. Таис попыталась обороняться и получила удар в живот, лишивший ее дыхания. Похитители распутали звенящие предметы, которые принесли с собой, — тонкие, но крепкие ремни с пряжками, как на конской сбруе. Запястья Таис привязали к вделанным в стену кольцам на уровне груди, обвили талию и, пропустив ремень между ног, притянули к скобе за спиной. Полная недоумения, гетера снова стала спрашивать, что они собираются с ней делать.

Тогда один из людей приблизился к ней. По голосу Таис узнала жреца, бывшего вместе с женщиной и говорившего на греческом.

— Братья велели тебя, богохульствовавшую в собрании, поставить перед лицом бога. Да познаешь ты его мощь и склонишься перед ним в свой последний час!

— Какого бога? О чем говоришь ты, злодей?

Жрец не ответил, повернулся спиной и сказал несколько непонятных слов своим спутникам. Все шестеро прошли по направлению к воде, опустились на колени и подняли руки. Из громких, произнесенных нараспев, наподобие гимна, слов Таис поняла лишь одно: «О Себек...», но и этого было достаточно. Внезапная догадка заставила ее онеметь. Почти теряя сознание, она закричала хрипло и слабо, потом все сильнее и звонче, призывая на помощь Менедема, любых людей, неподвластных этим темным фигурам, склоненным у воды в торжественном песнопении. Жрецы встали. Говоривший по-гречески сказал:

— Кричи громче, Себек услышит. Придет скорее. Тебе не придется мучиться ожиданием.

В словах жреца не было ни насмешки, ни злорадного торжества. Полная безнадежность овладела Таис. Молить о пощаде, грозить, пытаться убеждать этих людей было столь же бесполезно, как и просить жуткое животное, которому они служили, полузверя-полурыбу, неподвластное никаким чувствам. Жрец еще раз оглядел жертву, сделал знак спутникам, и все шестеро беспумно исчезли. Таис осталась одна.

Она рванулась, ощутила несокрушимую крепость ремней и в отчаянии склонила голову. Распустившиеся волосы прикрыли ее тело, и Таис вздрогнула от их теплого прикосновения. Впервые испытывала она смертную муку. Близость неизбежной гибели обратила весь мир в крохот-

ный комочек надежды. Менедем! Менедем — опытный бесстрашный воин и пылкий влюбленный, он не может оставить ее на произвол судьбы!

Глаза Таис обладали свойством хорошо видеть в темноте. Она присмотрелась и поняла, что привязана у пьедестала какой-то статуи в полукруглом расширении подземного хода, выходящего к озеру или рукаву реки. Поодаль, справа, различалось гигантское изваяние. Это была одна из двух колоссальных сидящих статуй, возвышавшихся на тридцать локтей над водой, недалеко от пирамиды. Таис сообразила, что галерея обращена на северо-запад и находится недалеко от северного входа. Согревший ее огонек надежды стал было разгораться. Гнет ужасной опасности притупил его, едва афинянка вспомнила, что в Лабиринте три тысячи комнат. Найти к ней путь если и возможно, то много времени спустя после того, как чудовища-зухосы разорвут ее на куски и, пожрав, исчезнут в зарослях!

Таис забилась, стараясь освободиться от пут, вся ее юная плоть протестовала против надвигающейся смерти. Жесткие ремни отрезвили ее болью. Стиснув зубы, она сдержала рыдания и снова принялась осматриваться в инстинктивных поисках избавления. Пол расширенного конца галереи полого спускался к узкой полоске мокрого берега. Два тонких столба подпирали выступ кровли, из-за которой нельзя было видеть небо. Очевидно, портик выходил к воде. Но почему без ступеней? Снова первобытный ужас пронзил Таис. Она сообразила, для чего этот наклонный пол, подходивший к воде.

— Менедем, Менедем! — звонко, изо всей силы закричала Таис. — Менедем! — И похолодела, вспомнив, что на крики придет тот, которому она предназначена. Она замерла, повиснув на ремнях. Камень леденил спину, ноги онемели.

Когда погасли последние отсветы зари на черной воде, Таис потеряла счет времени. Ей почудился слабый всплеск в непроглядной тьме тростников, где-то там, где обрывалось тусклое мерцание отраженных звезд. Глухой, низкий, подобный мычанью рев пронесся по болоту. Далекий и негромкий, он был отвратителен особой, таившейся в нем угрозой, непохожестью на все звуки, издаваемые животными, привычными человеку. Трепеща, сжав кулаки и челюсти, Таис напрягла все свои силы, чтобы не дать темному страху овладеть собой. Беспредельной была храб-

рость ее боровшихся с быками предков; неподвластных рапам амазонок; стойких, как Леэна, афинянок. Но ведь все они сражались свободными, в открытом бою!.. Кроме Леэны *, связанной, как и она, и не сдавшейся людям, лживо изображавшим закон...

Таис очнулась от судорог в затекших ногах. Сколько еще прошло времени? Хотя бы увидеть небо над головой, движение созвездий. Переминаясь, изгибаясь, она восстановила кровообращение. Позади, в подземной галерее, ей почудились едва слышные, медленные, крадущиеся шаги. Кровь прихлынула к голове Таис, радостная надежда обожгла ее. Менедем? Но нет, разве Менедем будет подкрадываться, замирая после каждого шага, он примчится, как бешеный бык, сокрушая все на пути! И звонкий вопль опять понесся над ночным болотом. Что это? Будто слабый отклик. Таис затаила дыхание. Нет, ничего! А шаги позади? Подножие статуи скрывало вход в галерею. Таис прислушалась и поняла, что в проходе нет никого: звуки доносились с болота и отражались эхом в подземелье. О могучая Афродита и Зевс-Охранитель! Поступь тяжелых лап на мягкой илистой почве различила она — там, за столбиками портика, выходившего к озеру. Редкое и неравномерное хлюпанье с долгими паузами. Под самым берегом всплыла гребнистая спина, загорелись красным тусклым светом два глаза под костяными надбровными буграми. Очень медленно, так, что минутами чудовище казалось неподвижным, на узкий берег вползло бесконечно длинное тело, извивавшееся налево-направо в такт движениям широко распяленных лап. Огромный хвост еще был в воде.

Красные огоньки исчезли: это крокодил поднял голову, и глаз его не стало видно. Раскрылась огромная пасть, усеянная смутно белевшими зубами. Чудовище замерло надолго, будто прислушивалось к чему-то. Таис напряглась, ее бил озноб, но голова ее, как никогда, была ясной: пережив первый смертельный страх, она чуть успокоилась, смутная надежда еще теплилась в ней. О, если бы не держали ее ремни, она знала бы, как ускользнуть от исполинского зухоса! Со стуком захлопнулась пасть, снова вспыхнули красные точки. Таис почувствовала на себе взгляд — холодный, равнодушный.

---

* Подруга известного в истории Афин тираноубийцы Аристогейтона.

Крокодил не торопился, вглядываясь в темноту галереи, он словно бы изучал Таис. Много раз на протяжении своей долгой жизни он пожирал здесь привязанные, беспомощные жертвы. Зухос приподнялся на лапах, с громким чмоком оторвав брюхо от ила. Мерзкие твари и по земле бегали быстро, что стоит ему пробежать расстояние чуть больше длины собственного тела?! Словно услышав ее мысли, крокодил сделал два быстрых шага к ней. Таис завизжала на такой высокой ноте, что чудовище снова плюхнулось на брюхо, а потом вдруг повернулось направо. Из темноты послышалось шлепанье быстрых ног. Грозный, нечеловеческий крик разорвал тишину подземелья: «Таис, я здесь!»

На миг смутный силуэт мелькнул перед входом.

— Менедем! — будто во сне позвала Таис. Да, это был Менедем. В одно мгновение лакедемонянин оказался у подножия статуи, нащупал привязанные ремни и рванул их с неистовой силой. Раз — и лопнул ремень на левой руке; правый ремень устоял, зато не выдержало древнее бронзовое кольцо. Третий ремень разъяренный Менедем разорвал, как нитку. Освобожденная от пут, Таис от слабости упала на колени и на секунду потеряла сознание. Менедем повернулся к чудовищу. Без всякого оружия, голый — одежду он сбросил, чтобы бежать быстрее, — весь с головы до пят покрытый грязью. Ярость воина была так велика, что он сделал два шага к чудовищу, расставив безоружные руки, будто собираясь придушить крокодила, как собаку.

Послышался плеск бегущих по грязи ног, багровая дорожка побежала по воде вдоль берега. Свет вспыхнул ярче, и вот перед портиком показалась с факелом в руке Гесиона, полумертвая от непосильного бега и страха. Крик ужаса вырвался у девушки при виде чудовищного крокодила. А тот будто не заметил ее, сосредоточив упорный взгляд на Менедеме. Факел в руке Гесионы задрожал, и она от страха и слабости упала на колени, подобно своей хозяйке.

— Свети! — гаркнул Менедем. Он косил глазами по сторонам в поисках чего-либо, с чем встретить нападение чудовища. И вдруг решился. Одним прыжком Менедем подскочил к Гесионе, вырвал у нее факел, сделал им выпад в направлении зухоса, и тот попятился. Менедем швырнул факел обратно Гесионе, но подхватила его уже поднявшаяся на ноги Таис. Спартанец яростно

рванул на себя деревянный столб портика, раздался треск. Менедем нажал во всю мочь. Старое сухое дерево подалось. Все последующее произошло так быстро, что оставило лишь смутное воспоминание у Таис. Крокодил двинулся на Менедема, а тот нанес ему обломком столба сильнейший удар по рылу. Чудовище не отступило, а, распахнув пасть, бросилось на воина. Этого только и ждал Менедем. Со всего размаха он всадил столб в глотку чудовищного пресмыкающегося, но не смог, конечно, остановить напор тяжеленного двадцатипятилоктевого зухоса и потерял равновесие, успев, однако, в падении толчком ноги направить свободный конец бревна на стену пьедестала. Крокодил с разбегу ткнулся столбом в несокрушимый камень и засадил себе дерево в пасть еще глубже. Яростные удары хвоста потрясли галерею. Вмиг в щепки превратился второй столб портика, навесная крыша рухнула. Крокодил, корчась, повалился на бок, но тут же привстал и, взметнув хвостом целый каскад грязи, рванулся в болото.

Менедем и Таис стояли, сотрясаемые нервной дрожью. Опомнившись, Таис бросилась к Гесионе. Девушка лежала ничком у самого входа в подземелье, вся в липкой грязи, закрыв руками лицо и уши. Едва Таис притронулась к ней, Гесиона вскочила с воплем, но увидела хозяйку невредимой и бросилась к ней.

— Я хотела взять твой химатион, — сказала Таис.

Менедем взял их за руки, с его лица еще не сошло свирепое выражение.

— Бежим! Это злое место. Еще зухос вернется или придет другой. Или жрецы...

— Куда?

— Как я пришел: вдоль берега, в обход храма.

Все трое быстро пошли по грязи вдоль внешней стены Лабиринта. Скоро полоска берега расширилась, земля там была сухой, идти стало легче, но тут силы оставили Таис. Не в лучшем состоянии была и Гесиона. Понимая, что оставаться здесь опасно, Менедем подхватил обеих женщин под бедра, ловко вскинул их себе на плечи и, погасив факел, неспешной рысцой побежал от мрачной громады Лабиринта туда, где издалека чуть поблескивал огонек Дома Паломников, давно превратившегося в ксенон — гостиницу.

...Чтобы не привлекать внимания, Таис укрылась за пальмами. Менедем и Гесиона, наскоро помывшись у по-

ливного колодца, принесли ей одежду из вещей, заранее доставленных в ксенон проводниками. Грек-переводчик, напуганный исчезновением Таис и яростью Менедема, куда-то исчез.

Гесиона, натирая целебной мазью раны Таис, рассказывала ей, что спартанец после бесплодных поисков в верхних комнатах Лабиринта схватил какого-то жреца и, ударив о колонну, поклялся Эребом, что изувечит его, если тот не объяснит, как могла исчезнуть эллинка и где ее можно искать. Ему удалось вырвать полупризнание-полупредположение, что Таис украли те, кто служит Себеку. Они приносят жертвы в подземельях, там, где они выходят к озеру, в западной части святилища. Если обойти Лабиринт с его озерной стороны и идти налево от главного входа, то можно наткнуться на выходы галерей нижнего яруса. Не теряя ни мгновения, Менедем сорвал с себя одежду, чтобы легче бежать по воде, и понесся вдоль массивных стен храма. Оружие взять было негде — свое он оставил перевозчикам, чтобы не нарушать законов храма. Ему вдогонку крикнули, что надо обязательно взять светильник, но Менедем был уже далеко. Тогда Гесиона схватила два факела, стоявших наготове в бронзовых стойках, прикоснулась одним к пламени ниши-светильника и унеслась вдогонку за Менедемом, легкая и быстрая, как антилопа. Остальное известно госпоже...

Таис крепко расцеловала верную Гесиону. Еще более нежной награды удостоился Менедем, к кровоточащим ладоням которого были привязаны пучки лекарственной травы, отчего его руки стали похожи на лапы того самого зухоса, который едва не погубил Таис.

Спартанский воин долго посматривал на Лабиринт, возвышавшийся поодаль в первых лучах рассвета. Угадав его мысли, Таис сказала:

— Не надо ничего, милый. Кто сможет найти негодяев в трех тысячах комнат, среди переходов и подземелий?

— А если придет весь отряд Эоситея? Мы выкурим их оттуда, как пустынных лис из нор.

— Зачем? И без того мы, чужеземцы, едящие коров, нечисты в глазах коренных жителей Египта. Только нанесем великое осквернение их святыне. Те, кто виноват, убегут, если уже не убежали, а расправа, как всегда, свершится над теми, кто ничего не знает и ни к чему не причастен. Прежде всего виновата я сама. Нельзя было

спорить со жрецами, выказывая эллинское презрение к чужеземцам и их религии. И потом — надо осторожнее странствовать по храмам, полным ловушек, злых людей, страшных божеств, которым еще тайно продолжают приносить человеческие жертвы.

— Наконец я слышу правильные слова. Давно пора, моя возлюбленная! Ты не радовала нас танцами уже больше месяца, а верховую езду забыла с самого приезда сюда.

— Ты прав, Менедем! И танцы, и езда верхом требуют постоянного упражнения, иначе станешь неповоротливой, как Туэрис.

— Туэрис!

Представив себе эту египетскую богиню, сидящую на толстых задних лапах, с непомерно отвислым животом и безобразной головой бегемота, Менедем долго смеялся, утирая слезы тыльной стороной завязанной руки.

В Мемфисе Таис ожидали новости с востока. Произошло огромное сражение Александра с Дарием у реки Исс на финикийском побережье. Полная победа македонцев. Великий царь персов оказался трусом, как большинство свирепых царей. Он бежал в глубь страны, бросив все имущество, свои шатры и своих жен. Александр движется на юг по Финикии, захватывая город за городом. Все склоняется перед победоносным героем, сыном богов. Необыкновенные слухи обгоняют македонцев. В Нижнем Египте появились богатые купцы, бежавшие из приморских городов. Они образовали союз и покупают корабли, чтобы плыть в далекий Карфаген. Сатрап Египта Мазахес перепуган, а самозванный фараон Хабабаш приказал спартанским наемникам быть наготове. Отряд послан в Бубастис, где начались волнения среди сирийских воинов.

Приверженцы молодого македонского царя видят в нем избавление от власти персов. Он могучей рукой поддержит слабого, согнутого перед Дарием сына наследственного фараона Нектанеба.

Эгесихора, пылая от волнения, по секрету сообщила Таис, что флотом Александра командует Неарх и его корабли у Тира. Древний Библос со знаменитым храмом Афродиты Ливанской, или Анахиты, сдался почти без промедления, как и Сидон. Все говорят, что Александр обязательно придет в Египет. Эоситей мрачен, подолгу совещался со своими приближенными и послал гонца в Спарту...

Таис проницательно посмотрела на подругу. Гордая лакедемонянка опустила глаза.

— Да, я люблю его, — ответила она на невысказанный вопрос, — это особенный человек, единственный среди всех.

— А Эоситей?

Эгесихора сложила пальцы в жесте, означавшем у гетер равнодушие к поклоннику: «Не тот, так этот».

— И ты ждешь его?

— Жду! — призналась Эгесихора.

Таис задумалась. С Александром явится Птолемей — по слухам, он теперь в числе лучших полководцев македонского царя, чуть ли не самый близкий к нему человек, исключая разве Гефестиона. Птолемей!.. Сердце Таис забилось сильнее, глубокий вздох поднял и без того высокую грудь. Подруга была не менее наблюдательна и спросила без промедления:

— А Менедем?

Таис не отвечала, стараясь понять свои ощущения — память о прежнем, смятение чувств в последний афинский год, новое, что пришло с беззаветной любовью лаконского атлета, доверчивого, как дитя, и мужественного, подобно герою мифов.

— Не можешь решить? — поддразнила Эгесихора.

— Не могу. Знаю лишь одно: или тот, или другой. Никогда не смогу обманывать.

— Ты всегда была такая. Потому не было и не будет у тебя богатства, как у Фрины или у Теро. Тебе оно и не нужно — ты просто не умеешь тратить деньги. Мало прихотей и воображения.

— В самом деле, мало! Ничего не могу придумать, чем потрясти соперниц или поклонников. Зато легче, когда...

— Да, Менедем небогат, если не сказать — просто беден!

С бедностью Таис столкнулась, когда задумала купить верховую лошадь. Продавалась редкая чагравая кобыла из Азиры — той породы ливийских коней, которые якобы завезены еще гиксосами. Лошади из Азиры славились своей выносливостью в жару и безводье. Салмаах, как звали лошадь, не была очень красивой — пепельного цвета, с длинными передними бабками и вислым задом. Однако это означало мягкую для всадника переступь, и даже мельканье белков в углах глаз — знак недоброго

нрава — не отпугивало покупателей. Когда же выяснилось, что Салмаах — триабема, то есть ходит особой «трехногой» рысью, то ее немедленно за высокую цену купил танисский торговец. Таис понравилась диковатая ливийка, и Салмаах, видимо, распознала в афинянке ту спокойную, покоряющую и добрую волю, к которой чувствительны животные, в особенности лошади. В конце концов Таис удалось обменять лошадь на хризолит — тот самый, предназначавшийся Аристотелю за помощь отцу Гесионы.

Менедем достал шкуру пантеры, чтобы закрыть бока лошади сверхмаленького потника, употреблявшегося для всадников в боевых поножах или узких азиатских штанах. Таис ездила голоногой, как древние женщины Термодонта, и неминуемо испортила бы себе голени. Конский пот при езде в жару, попадая на кожу человека, вызывает воспаление и язвы.

Мягкая шкура хищной кошки, приятная на ощупь, все же затрудняла езду. Амазонская посадка Таис с сильно согнутыми ногами, так что пятки лежали почти на почках лошади, упираясь в маклаки, требовала особой силы в коленях. Всадница держалась, сжимая ногами верхнюю часть конского туловища. Мягкая, уступчивая шкура пантеры заставляла удваивать усилия ног на скачке. Впрочем, Таис была даже довольна этим. После двухнедельных страданий к ней вернулась прежняя железная хватка колен, за которую учитель верховой езды, пафлагонец, называл ее истинной дочерью Термодонта. Хотя рысь у Салмаах была нетряской, Таис предпочитала носиться вскачь, соревнуясь с неистовой четверкой Эгесихоры, процветавшей в благодатном сухом климате Египта. На главных дорогах вокруг Мемфиса всегда было тесно от медлительных ослов, повозок, процессий паломников, нагруженных корзинами рабов-носильщиков. Но им посчастливилось открыть шедшую на юг, вдоль Нила, священную дорогу, лишь кое-где занесенную песками. На чистых участках протяженностью в сотни стадий можно было ездить беспрепятственно, и Эгесихора с упоением предавалась бешеной езде. Когда Таис выезжала на своей Салмаах, Эгесихора брала на колесницу Гесиону и совсем «испортила» девушку, приучив ее к роскоши быстроты.

Кончался четвертый год сто десятой олимпиады. В Египте наступило время пятидесятидневного Западно-

го ветра — дыхания свирепого Сета, иссушающего землю и озлобляющего людей.

Незнакомые с ветром Сета эллинки продолжали свои поездки. Однажды на них налетела красная туча, дышавшая печным жаром. Закружились, заплясали песчаные вихри, свет померк, испуганные кони Эгесихоры взвились на дыбы. С трудом удалось справиться с жеребцами, и то лишь после того, как Гесиона, спрыгнув с колесницы, отважно схватила двух дышловых за удила и помогла Эгесихоре повернуть их на север, к городу. Салмаах осталась совершенно спокойной, послушно повернулась спиной к буре и побежала своей мягкой рысцой рядом с колесницей, которая вскоре начала скрипеть от насыпавшегося во втулки песка.

Лошади постепенно успокаивались, их бег стал равномерным. Эгесихора неслась в шуме и свисте ветра, обгоняя пыльные тучи, подобно воительнице Афине. Они достигли места, где дорога огибала темное ущелье. Здесь стоял полуразвалившийся заупокойный храм, на ступенях которого они иногда делали привал. Таис первая заметила на белых камнях человека в длинной полотняной египетской одежде. Он лежал, уткнув лицо в согнутую руку, и прикрывал левой голову. Афинянка спрыгнула с лошади и наклонилась над тяжко дышавшим стариком. Немного разведенного водой вина, и он сел согнувшись. К удивлению подруг, на чистейшем аттическом наречии старик объяснил, что ему сделалось худо от пыльной бури и он, не видя помощи, решил ждать.

— Скорее своей кончины, так как ветер Сета дует с упорством, достойным этого бога, — закончил старик.

Три пары сильных женских рук водрузили его на колесницу, Гесиона уселась на Салмаах позади Таис, и все четверо благополучно добрались до Мемфиса.

Старик попросил отвезти его к храму Нейт, стоявшему около большого парка на берегу реки.

— Разве ты жрец этого храма? — спросила Эгесихора. — Ведь ты эллин, несмотря на египетскую одежду.

— Я здесь гость, — ответил старик и повелительным жестом поманил к себе Таис. Афинянка послушно подъехала к ступеням, по которым медленно поднимался старик.

— Ты афинская гетера, брошенная крокодилам и спасшаяся? Что ищешь ты в храмах Черной Земли?

— Теперь — ничего. Думала найти мудрость, утоляю-

щую душу больше, чем философические рассуждения о политике, войне и познании вещей. Я их наслушалась в Аттике, но мне не нужна война или устройство полиса.

— И не нашла здесь ничего?

Таис презрительно рассмеялась.

— Здесь поклоняются зверям. Что ждать от народа, боги которого еще не стали людьми?

Старик вдруг выпрямился, выражение его глаз изменилось. Таис почувствовала, как взгляд незнакомца проник в сокровенные глубины ее души, беспощадно обнажая тайные мысли, надежды и мечты. Афинянка не испугалась. В короткой ее жизни, несмотря на обилие впечатлений и встреч, не совершилось ничего постыдного или недостойного, не было ни подлых поступков, ни злобных мыслей. Эрос, радость сознавать себя всегда красивой, всегда желанной, неуемная любознательность... Ее серые глаза бесстрашно раскрылись навстречу копьеподобному взгляду, и старик впервые улыбнулся.

— По соображению своему ты заслужила немного больше знания, чем дали бы тебе жрецы Египта. Будь благодарна своему имени, что они снизошли до бесед с тобой.

— Мое имя? — воскликнула гетера. — Почему?

— Разве ты не знаешь, что для дочери Эллады носишь очень древнее имя. Оно египетское, обозначает «Земля Исиды», и вдобавок пришло с древнего Крита. Слыхала ли ты о Бритомартис, дочери Зевса и Кармы? Ты напомнила мне ее изображение.

— Как интересно говоришь ты, отец! Кто ты, откуда?

— Я с Делоса, эллин, философ... Но смотри, твоя подруга едва сдерживает коней, да и Салмаах пляшет на месте.

— Ты знаешь даже имя лошади?

— Не будь наивной, дитя. Я еще не потерял слуха, а ты раз двадцать окликала ее.

Покраснев, Таис засмеялась и сказала:

— Я хотела бы увидеть тебя.

— Это необходимо. Приходи в любой день ранним утром, когда слабеет свирепость Сета. Войдешь под сень портика, хлопни в ладоши три раза — и я выйду к тебе. Хайре!

Рыжие и белые кони бешено понеслись по бесконечной пальмовой аллее в северную часть города. Салмаах, облегченная от двойной ноши, весело скакала рядом.

Таис задумчиво смотрела на свинцовую воду великой реки, чувствуя, что встреча со старым философом будет в ее жизни важной.

Эгесихора полюбопытствовала, чем так заинтересовал подругу слабый и ничтожный старик. Услышав о намерении Таис вновь «бродить по храмам», как выразилась спартанка, она заявила, что Таис добьется, в конце концов, своей погибели. Пожаловаться Менедему, чтобы он или не пускал ее в храмы, или не спасал больше, когда ее бросят льву, бегемоту, гигантской гиене или еще какому-нибудь из божественных чудовищ? Но и это средство не поможет: атлет, несмотря на свой грозный вид, — влажная глина в пальцах своей красотки!

Эгесихора была права. Встреча с философом разожгла любопытство Таис. На следующий же день она пришла в храм Нейт, едва загорелось красноватыми отблесками свинцовое небо.

Философ, или жрец, явился, как только хлопки маленьких ладоней прозвучали под сенью портика. Философ был одет в прежнее белое льняное одеяние, какое отличало египтян и особенно египтянок от всех других чужеземцев. Приход Таис почему-то обрадовал его. Снова пронзив ее своим копью подобным взглядом, он сделал знак следовать за ним. В глубь стены, из огромных глыб камня, слева шел проход, освещенный лишь узенькой щелью сверху. Надоевший свист ветра здесь не был слышен, покой и уединение сопутствовали Таис. Свет впереди показался ярким. Они вошли в квадратную комнату с узкими, как щели, оконными проемами. Здесь не чувствовалось привкуса пыли, как сейчас во всем городе. Высокий потолок, расписанный темными красками, создавал впечатление ночного неба. Таис, осмотревшись, сказала:

— Странно строили египтяне!

— Строили давно, — поправил философ, — без совершенства, но заботились о тайне уединения, загадке молчания и секретах неожиданности.

— Наши храмы, настежь открытые и светлые, во сто крат прекраснее, — возразила афинянка.

— Ты ошибаешься. Там тоже тайна, только не уходящая во мрак прошлого, тайна единения с небом. С солнцем — днем, звездами и луной — ночью. Разве не ощущала ты просветления и радости среди колонн Парфенона, в портиках Дельф и Коринфа?

— Да, да!

Свитки папируса, пергамента, исчерченные дощечки лежали поверх массивных ящиков. Середину комнаты занимал большой широкий стол с пятиконечными звездами и спиралями, ярко-голубыми на фоне серой каменной столешницы. Делосский философ подвел афинянку к столу и усадил напротив себя на неудобный египетский табурет. Философ долго молчал, упорно глядя на Таис. И, странное дело, удивительное спокойствие разлилось по всему ее телу, наполнило душу отрадой тихой прозрачной задумчивости. Таис сделалось так хорошо, что она всем сердцем потянулась к этому серьезному, неулыбчивому, скупому на слова старику.

— Ты удивила меня замечанием о зверобогах Египта, — сказал философ, — что ты знаешь о религии? Тебя посвящали в какие-нибудь таинства?

— Никогда. Я ничего не знаю, — Таис хотелось быть скромной перед этим человеком, — я гетера с юности и не служила ни в каком храме, кроме Афродиты Коринфской.

— Откуда же знаешь ты, что боги возвышаются вместе с человеком? Ведь это означает, что человек изыскивает богов в себе, а за такие убеждения ты подверглась бы опасности, и очень серьезной.

— Ты напрасно считаешь меня столь умной, мудрец. Просто я... — Таис умолкла.

— Продолжай, дочь моя. Мне, не имевшему потомства, неспроста хочется назвать тебя так. Это свидетельствует о близости наших душ.

— Я, изучая мифы, увидела, как боги Эллады от древности до наших дней делались постепенно добрее и лучше. Артемис, охотница и убийца, стала врачевательницей. Аполлон, ее брат, начал издревле беспощадным карателем, убийцей, жадным и завистливым, а сейчас это лучезарный бог-жизнедатель, перед которым радостно склоняются. Моя богиня — Афродита — в древних храмах стояла с копьем, как Афина. Теперь есть Урания, несущая людям святую небесную любовь, — щеки Таис вспыхнули.

Жрец-философ посмотрел на нее еще ласковее, и Таис осмелела.

— И я читала Анаксагора. Его учение о «Нус» — мировом разуме, о вечной борьбе двух противоположных сил: злого и доброго, дружественного и враждебного.

Антифонта, учившего, что люди равны, и предостерегавшего эллинов от пренебрежения к чужеземным народам... — Таис запнулась, вспомнив собственные ошибки, за которые чуть не расплатилась жизнью.

Философ догадался.

— А сама не смогла преодолеть этого пренебрежения, — сказал он, — за что и попала к крокодилам.

— Я не смогла и не смогу принять нелепого поклонения богам в зверином облике: безобразным бегемотам, мерзким зухосам, глупым коровам, бессмысленным птицам. Как могут мудрые люди, да любые люди со здравым умом...

— Ты забыла, скорее, не знаешь, что религия египтян на несколько тысячелетий старше эллинской. Чем глубже во тьму веков, тем темнее было вокруг человека и в его душе. Тьма эта отражалась во всех его чувствах и мыслях. Бесчисленные звери угрожали ему. Находясь во власти случая, он даже не понимал судьбы, как понимаем ее мы, эллины. Каждый миг мог быть последним. Нескончаемой чередой шли перед ним ежечасные боги — звери, деревья, камни, ручьи и реки. Потом одни из них исчезли, другие стали могучими и сохранились до наших дней. А давно ли мы, эллины, поклонялись рекам, столь важным в нашей маловодной стране?

— Но не зверям!

— Деревьям и животным тоже.

К удивлению Таис, жрец-философ рассказал ей о культе священных кипарисов на Крите, связанных с Афродитой. Но более всего поразило ее древнее поклонение богиням в образе лошадей. Сама Деметра, или критская Рея, в святилище Фигалия на реке Неда в Аркадии изображена с лошадиной головой. Священная кобыла обладала особой властью по ночам и служила вестницей гибели. Ни философ, ни Таис не могли подозревать, что более двух тысяч лет после их встречи, в одном из самых распространенных языков мира страшное ночное видение, кошмар будет по-прежнему называться «ночной кобылой».

Богиня-кобыла превращалась в трехликую богиню-музу. Ее три лика соответствовали Размышлению, Памяти и Песне. Лишь впоследствии, когда женские божества уступили мужским, трехликая Муза стала Гекатой, а Де-

вы-Музы умножились в числе до девяти и находились в подчинении у Аполлона — водителя Муз.

— Теперь я понимаю, отчего древние имена нимф и амазонок звучат так: Левкиппа — белая кобыла, Меланнипа — черная, Никиппа — победоносная, Айниппа — милосердно убивающая кобыла.

— А позднее, когда животные божества утратили свое значение, имена переменились, — подтвердил философ. — Уже при Тесее была Ипполита, Ипподамия — властительница, укротительница лошадей, то есть героини-люди, а не нимфы, подражающие животному облику. Здесь тоже произошло возвышение религии, как ты верно заметила.

— Но тогда... — Таис запнулась.

— Говори, мне ты можешь сказать все.

— Тогда почему облик Богини-Матери, Великой Богини нежен и ласков, хотя он гораздо древнее мужских богов-убийц?

— Ты опять ошибаешься, принимая ее лишь как богиню любви и плодородия. Разве не слышала ты о бассаридах — опьяненных священными листьями полубезумных женщинах Тессалии и Фракии, в своем неистовстве раздиравших в клочья ягнят, козлят, детей и даже мужчин. Женщины бесились, размахивая пихтовыми ветвями, обвитыми плющом — знаком Артемис или Гекаты. То же было и в Афинах на Ленеях — празднестве «диких женщин» в дни зимнего солнцестояния месяца Посидеона. Лик богини-разрушительницы, богини-смерти противополагался облику матери. Соединительным звеном между ними служил образ любви — единственный, который ты знаешь.

Таис поднесла пальцы к вискам.

— Слишком мудро для меня. Неужели в далекие темные времена даже женские богини были столь же свирепы, как позднее мужчины-боги?

— Свирепы — нет. Беспощадны — да, как сама жизнь, ибо чем же они были, как не отражением жизни, высших сил судьбы, властвующей однозначно и над богами, и над людьми... Беспощадны и милосердны одновременно.

Таис сидела, смятенная и притихшая. Философ встал и положил большую теплую ладонь на завитки непокорных волос на ее лбу. Снова необычайное успокоение раз-

лилось по телу гетеры, доверие и чувство полной безопасности усиливали остроту восприятия.

— Слушай внимательно, Таис-афинянка. Если поймешь, что я скажу тебе, станешь моей духовной дочерью... Верить можно во все, что угодно, но вера становится религией только тогда, когда сплетается с правилами жизни, оценкой поступков, мудростью поведения, взглядом, устремленным в будущее. Мы, эллины, еще очень незрелы — у нас нет морали и понимания людских чувств, как на далеком Востоке. Никогда не созреет до религии вера египтян, но и у нас есть философы, ты сама назвала двух, забыв Платона и еще нескольких мудрецов...

— Платона я не забыла. Но великий мудрец, создавая свой план идеального государства, забыл о женщинах и их любви. Мне кажется, он признавал только любовь между мужчинами, и потому я не считаю его нормальным человеком, хоть он и знаменитый философ, олимпийский борец и государственный муж. Но ты прав, я забыла Аристотеля, хотя с ним знакома лично, — загадочно улыбнулась Таис.

Делосец поморщился.

— Нет. Этот знаток явлений природы не менее дик в моральных вопросах, чем египтяне. Можешь исключить его. Важнее другое: только в начале своего возникновения любая религия живет и властвует над людьми, включая самых умных и сильных. Потом вместо веры происходит толкование, вместо праведной жизни — обряды, и все кончается лицемерием жрецов в их борьбе за сытую и почетную жизнь.

— Что ты говоришь, отец?!

— То, что ты слышишь, Таис! Не все ли равно — женская богиня или Аполлон, Артемис или Асклепий! Жизнь на земле без боязни, красивая, простирающаяся вдоль и вширь, как светлая, устланная мрамором дорога, — вот что сделалось моей мечтой и заботой.

— И ты пришел с Делоса в Египет...

— Чтобы узнать корни нашей веры, происхождение наших богов, понять, почему до сих пор эллины живут без понимания обязанностей и целей человека среди других людей и в окружающей Ойкумене. Ты поняла уже, что в Египте нечего искать законов морали — их нет в религии древних охотников, сохранившейся у зем-

ледельцев Нила. Но есть другие народы... — философ умолк, проведя рукой по лбу.

— Ты устал, отец, — Таис поднялась, прикоснулась с поклоном к его коленям.

— Ты поняла! Силы мои убывают. Я чувствую, что не увижу своего Делоса и не напишу всего, что узнал в Египте.

— Не утруждай себя, отдохни, ешь здешний розовый виноград и вкусные плоды колючих пальм, — заботливо сказала гетера, и старик улыбнулся. — Да, да, я принесу тебе в следующий раз. Когда ты позволишь мне посетить тебя снова?

Не получив ответа, Таис одиноко пошла по темным проходам, жутковато напоминавшим ей пережитое в Лабиринте.

Свет и зной полудня ощутимо ударил в нее горячей волной, унылый гул «пятидесятидневника» показался сначала даже приятным. Но уже к вечеру в своем насквозь продуваемом доме, в тревожном беге теней от колеблемых сквозняком светильников Таис опять потянуло в темноту храма, к странному старому эллину, давшему ей впервые в жизни светлый покой отрешения. Юной девушкой Таис видела во сне Афродиту-Уранию. Сон, повторявшийся несколько раз в последние годы, вспоминался так: Таис, босая и нагая, поднималась по лестнице необъятной ширины к зеленой стене из густых миртовых деревьев, проскальзывала между их переплетавшимися ветвями и выходила на свет — яркий, но не пронизывающий, теплый, но не знойный, разлитый подобно меду под небом неправдоподобной синевы. Она приближалась к статуе Афродиты-Урании. Богиня из полупрозрачного розового родосского мрамора, пронизанная светом неба, сходила с пьедестала и обвивала плечи Таис сияющей рукой немыслимой красоты. Урания заглядывала в лицо Таис. Чувство необычайной отрады и покоя переполняло юную гетеру. Но она не любила этот сон — с течением лет все резче был контраст между чистым покоем любви, исходившим от Урании, и исступленным искусством и трудом той любви, которая составила славу Таис, образованной гетеры и знаменитой танцовщицы самого знающего народа в мире, каким считали себя афиняне. И вот радостный покой, испытанный прежде только в полудетских снах об Ура-

нии, пришел к Таис наяву при встрече со старым философом.

А в Мемфисе ширились слухи о божественном сыне македонского царя Филиппа. Александр осаждает Тир, его жители упорствуют, но искусные механики македонцев решили создать перешеек между материком и островом, на котором стоит город. Гибель древнего финикийского порта неминуема. Когда Тир падет, то, кроме Газы, больше некому будет сопротивляться победоносному Александру. Его надо ждать в Египте.

Флот Александра, отрезая Тир, проникает все дальше на юг, и недавно эллинский корабль, шедший в Навкратис, встретил пять судов якобы под командой самого Неарха.

Эгесихора сделалась дерзкой и беспокойной, чего прежде не случалось с лакедемонянкой, крепостью соперничавшей с воплощением здоровья — Артемис. Может быть, горячий ливийский ветер со своей неослабной силой проникал в души людей, делая их нетерпеливыми, скорыми на расправы, нечуткими и грубыми. Таис давно заметила, что переносит жару легче, чем Эгесихора. Ветер Сета меньше влиял на нее, и она старалась реже встречаться с подругой, чтобы ненароком не вызвать ссоры. Вдвоем с верной Гесионой или с Менедемом Таис ходила на берег реки. Там она подолгу сидела на плавучей пристани, чуть колеблемой течением. Обилие текучей воды гипнотизировало эллинов, и каждый погружался в свои думы, глубокие, затаенные, неясные...

Однажды Таис получила приглашение от делосского жреца, переданное устно мальчиком — служителем храма Нейт. С волнением собиралась Таис на рассвете следующего дня, надев скромную одежду.

Делосский философ сидел на спускавшихся к Нилу ступенях храма, погруженный в созерцание удивительно тихого рассвета.

— Ты была в Фивах, которые мы, эллины, называем Диосполисом? — встретил он афинянку вопросом и на утвердительный наклон ее головы продолжал: — Видела ли ты там основание золотого круга, украденного Камбисом два века назад при завоевании Египта?

— Видела. Мне объяснили, что круг был из чистого золота, тридцать локтей в поперечнике и локоть в толщину. Могло ли быть такое?

— Да. Круг весил около тридцати тысяч талантов.

Камбису потребовалось пять тысяч верблюдов, чтобы увезти его разрубленным на десять тысяч кусков в Персию.

— Зачем отлили столь бессмысленную массу золота?

— Глупо, но не бессмысленно. Величайший фараон-завоеватель хотел доказать всей Ойкумене вечность Египта, его власти, его веры в великом круговороте вещей. Воцарение владык-мужчин, богов и героев, привело к отчаянному желанию увековечения. Женщины знают, как хрупка жизнь, как близка смерть, а мужчины мечтают о бессмертии и убивают без конца по всякому поводу. Таково древнее противоречие, оно неразрешимо. И человек создает для себя, для других, если может, для всей страны замкнутый круг, где он — в центре, а наверху — всемогущий и грозный бог.

— Чего хотят этим добиться?

— Неизменности владычества и благополучия для царей и вельмож, крепости веры для жрецов, устойчивости в мыслях народа, безропотной покорности рабов.

— И потому Египет пронес свою веру сквозь тысячелетия?

— Не только Египет. Есть страны, замкнувшиеся в себе для сохранения своих царей, богов, обычаев и жизни на тысячелетия. Я называю их круговыми. Таков Египет, еще есть Персия, Сирия. На западе Рим, а очень далеко на Востоке — Срединная страна желтокожих раскосых людей.

— А мы, Эллада? У нас есть понимание, что все течет?!

— Начиная с Крита, вся Эллада, Иония, а с нами и Финикия — открытые страны. Нет для нас круга, запирающего жизнь. Вместо него — спираль.

— Я слыхала про серебряную спираль...

— Ты знаешь? Еще не время говорить об этом. Огромна область наследия исчезнувших детей Миноса. В Либию на запад простирается она и гораздо дальше на восток, где в десятках тысяч стадий за Гирканией лежат древние города. И за Парапамизами, за пустыней Арахозией, до реки, называемой Инд. Говорят, что от них остались лишь развалины, подобно Криту, но открытая душа этих народов живет в других людях тысячелетия спустя.

— Зачем открываешь ты мне это знание, отец? Чем могу я, служительница Афродиты, помочь тебе?

— Ты служишь Эросу, а в нашем эллинском мире нет более могучей силы. В твоей власти встречи, беседы, тайные слова. Ты умна, сильна, любознательна и мечтаешь возвыситься духовно — твои сны об Урании...

— Откуда ты знаешь, отец?

— Мне многое открыто в сердцах людей. И думается, что ты скоро пойдешь на восток с Александром, в недоступные дали азиатских степей. Каждая умная женщина — поэт в душе. Ты не философ, не историк, не художник — все они ослеплены, каждый своею задачей. И не воительница, ибо все, что есть в тебе от амазонки, — лишь искусство ездить верхом и смелость. Ты по природе не убийца. Поэтому ты свободнее любого человека в армии Александра, и я выбираю тебя своими глазами. Ты увидишь то, что я никогда не смогу. Скорая смерть ожидает меня.

— Как же я расскажу тебе?

— Не мне. Другим. Около тебя всегда будут умные, значительные люди, поэты, художники, ибо их привлекает твоя сущность. И это будет еще лучше, чем рассказывал бы я. Останется в памяти людей, войдет в песни поэтов, в писания историков, в легендах разойдется по Ойкумене и достигнет тех, кому следует знать.

— Боюсь, ты делаешь ошибку, отец. Я не та, которая нужна тебе. Не мудра, невежественна, кружит мне голову Эрос, танец, песня, поклонение мужчин, зависть женщин, неистовство скачки.

— Это лишь преходящие знаки твоей силы. Я посвящу тебя, научу внутреннему смыслу вещей, освобожу от страха.

— Что я должна сделать?

— Завтра ты придешь вечером, одетая в новую линостолию, в сопровождении спутника, и подождешь на ступеньках, пока Никтур, Страж Неба, не отразится в водах Нила. Устроишь свои дела так, чтобы отсутствовать девять дней.

— Слушаю, отец. Но кто же спутник?

— Появится в назначенное время. Твои месячные в соответствии с Луной? Всегда точны и четырехдневны?

— Да, — с запинкой, после некоторого колебания призналась Таис.

— Не смущайся. Нет тайны и недостойного в здоровом теле женщины, разве лишь для глупцов. Дай мне левую руку.

Таис повиновалась. Делосец положил ее ладонь на стол, раздвинул пальцы и несколько секунд рылся в небольшом ларце из слоновой кости. Он извлек кольцо из электрона с красным гиацинтом необыкновенного густо-розового отлива. На плоском камне был вырезан равнобедренный треугольник с широким основанием, вершиной вниз. Надевая его на указательный палец Таис, философ сказал:

— Это знак власти великой женской богини. Теперь иди!

Глава пятая

МУЗА ХРАМА НЕЙТ

Рано возвратившаяся из храма, Таис лежала ничком на своем широком ложе, положив голову на руки и болтая в воздухе пятками, в то время как Клонария растирала ей спину ореховым маслом, а обиженная Гесиона молча возилась в углу, подгоняя по фигуре только что купленную льняную одеждулиностолию.

Как всегда, Эгесихора не вошла, а ворвалась, распространяя запах розового масла и сладкой аравийской смолки.

— Ты опять бегала в храм Нейт, — вызывающе спросила она подругу, — скоро это кончится? Жду не дождусь приезда македонцев — они сумеют взять тебя в руки.

— Спартанцы не сумели? — поддразнила Таис.

— Сегодня эллинские художники и поэты Мемфиса устраивают симпосион, — игнорируя выпад подруги, заявила Эгесихора, — попробуй не быть на нем.

— Что тогда?

— Тогда я тебе не завидую. Они умеют ославить в песнях и рисунках так, что надолго запомнишь.

Таис посерьезнела.

— Ты права. Я пойду.

— То-то. И плясать придется, так что отдохнем получше!

Эгесихора растянулась рядом с Таис, жестом подозвав Гесиону. Та, просияв, отбросила льняную столу и, щед-

ро поливая маслом спартанку, принялась усердно массировать ее.

Обе подруги пришли в полудремотное расслабленное состояние и заснули, укрытые общим одеялом из мягкой каппадокийской шерсти.

Симпосион в просторном доме с большим садом, принадлежавшем самому богатому греческому купцу Мемфиса, собрал невиданное для плохого времени года число гостей. Надменная персидская знать, недавно презиравшая эллинов, затем сторонившаяся их после вторжения Александра и битвы на Гранике, теперь, когда царь царей потерпел жестокое поражение на Иссе, стала искать общества влиятельных греков. Появление Хризосфиры и Аргиропесы («Златоногой» и «Среброногой»), как прозвали Таис и Эгесихору их поклонники-поэты, вызвало крики восторга. Обе подруги явились в сопровождении спартанских военачальников во главе с самим стратегом Эоситеем.

В стеклянных кратерах с причудливыми извивами разноцветных полос виночерпии смешивали с водой густое фиолетовое вино верхнеегипетских виноградников и ярко-розовое, доставлявшееся из Сирии, через Навкратис. Звучала негромкая музыка, соединяя в одно печаль двойных эллинских флейт и резкие стоны египетских, загадочный, как бы зовущий издалека, звон систров, гудение струн китары, лиры и большой арфы. Изредка вступали хором египетские мандолины с длинным грифом и колокольчиками, заглушавшиеся ударами бубнов-киклом. Подчиняясь искусному руководителю, все собрание разноголосых инструментов создавало печальный ритмический хор со звонкими, восторженными всплесками высоких нот и грубоватыми звенящими ударами, под который так хорошо и проникновенно плясали танцовщицы Эллады, Египта и Финикии.

Обе знаменитые гетеры явились в одинаковых прозрачных серебристо-белых хитонах, но с различными украшениями, по-особому подчеркивавшими и смуглую черноту Таис, и божественно золотую прическу Эгесихоры. Ожерелье из огненно-красного граната (пиропа, или Нофека) — камня весеннего равноденствия — облегало высокую шею афинянки, а длинные серьги из крупных аметистов — амулеты против опьянения — сверкали по обе стороны ее круглого веселого лица. У Эгесихоры такие же серьги были из берилла — морского камня, а широ-

кое египетское ожерелье из ляпис-лазури и белого сирийского агата-яхалема знаменовало скорый приход лета для того, кто понимал язык драгоценностей.

Симпосион начинался, как принято в Элладе, с легкого ужина, затем танцев, выступлений певцов, поэтов и рассказчиков. Гости жадно слушали и смотрели, забывая допивать свои чаши. Эллины считали себя выше варваров, то есть всех чужестранцев, еще и потому, что чуждались обжорства. Дикими и нелепыми казались грекам обычаи сирийцев и персов — все время что-нибудь есть или пить, щелкать орехи и семечки, грязно шутить и болтать, обнимать первых попавшихся женщин, вместо спокойного раздумья, углубления в себя, радостного любования красотой.

Под звон колокольчиков и систр медленно и плавно развертывался звездный танец египетских девушек: с красными венками в крупновьющихся волосах, в длинноскладчатых одеждах тончайшего льна, они шли чередой, тонкие, как стебельки, сосредоточенные и важные. Их строй поворачивал направо, по солнцу, «строфе», показывая движение звезд. Разрывая ряд, двигались в «антистрофе» налево более быстрые девушки, все одеяние которых состояло из пояска разноцветных стеклянных бус. Танцовщицы в белом склонялись, доставая пол вытянутыми руками, а между ними, подняв сомкнутые над головами руки, изгибались плавными змеиными движениями смуглые тела. Тщательно и благоговейно исполнялись древние египетские танцы — ни одного некрасивого, резкого, даже просто лишнего движения, ничто не нарушало прелести этих струящихся и клонящихся юных тел. Эллины замерли в немом и почтительном восхищении.

Но когда под стремительные раскаты струн и удары бубнов на смену египтянкам ворвались аулетриды и принялись кружиться, извиваться и вертеть бедрами в движениях апокинниса — любимого гетерами танца эротической отваги и смелости, сила Эроса воспламенила эллинов. Послышались восторженные крики, выше поднялись чаши с вином, сплескиваемые на пол в честь Афродиты.

— Гречанки здесь превосходно танцуют, — воскликнул Эоситей, — но я жду твоего выступления! — и властно обнял Эгесихору.

Та послушно прильнула к его плечу, возразив:

— Первая будет Таис. И ты ошибаешься, думая, что

аулетриды танцуют хорошо. Смотри, наряду с полными совершенства движениями у них немало грубых, некрасивых поз, рисунок танца беспорядочен, чересчур разнообразен. Это не самое высокое искусство, как у египтянок. Те выше похвал.

— Не знаю, — буркнул Эоситей, — я, должно быть, не люблю танца, если в нем нет Эроса.

— И в тех есть, только не в той форме, какую ты понимаешь, — вмешалась Таис.

Перед пирующими появились несколько разнообразно одетых юношей и зрелых мужей. Предстояло выступление поэтов. Эоситей развалился на ложе и прикрыл рукою глаза. Таис и Эгесихора сошли со своих мест и сели с внешней стороны стола. Поэты принадлежали к кикликам, посвятившим себя кругу гомеровских сказаний. Они собрались в круговой хор и пропели поэму о Навзикае под аккомпанемент двух лир. Уподобляясь Лесху Митиленскому, поэты строго следили за напевностью гекзаметрической формы и увлекли слушателей силой стихов о подвигах Одиссея, с детства близких каждому автохтону — природному эллину. Едва замерли последние слова ритмической декламации, как вперед выступил веселый молодой человек в серо-голубой одежде и черных сандалиях с высоким, «женским», переплетом ремней на щиколотках. Он оказался поэтом-рапсодом, иначе певцом-импровизатором, аккомпанирующим себе на китаре.

Рапсод приблизился к Таис, склонился, коснувшись ее колен, и важно выпрямился. Сзади к нему подошел лирник в темном хитоне со старомодной густой бородой. Повинуясь кивку юноши, он ударил по струнам. Сильный голос рапсода разнесся по залу, построенному с учетом законов акустики. Поэма — воспевание прелестей Таис — вызвала веселое возбуждение гостей. Рапсоду стали подпевать, а поэты-киклики снова собрались дифирамбическим кругом и служили голосовым аккомпанементом. Каждый новый эпитет в конце строфы импровизированного гимна, подхваченный десятками крепких глоток, гремел по залу. Анайтис — зажигающая, Тарготелéя, Анедомáста — дерзкогрудая, Киклотомерион — круглобедрая, Тельгорион — очаровательница, Пантóрпа — дающая величайшее наслаждение, Толмерóпис — дерзкоглазая....

Эоситей слушал, хмурился, поглядывая на Эгесихору.

Спартанка смеялась и всплескивала руками от восторга.

— Волосы Таис, — продолжал поэт, — это дека оймон меланос кианойо (десять полос черно-вороной стали) на доспехах Агамемнона! О сфайропигеон тельктерион (полная обаяния)! Киклотерезоне...

— О моя Хризокома Эгесихора! — перебил его могучим басом Эоситей. — Левкополо́я — несущаяся на белых конях! О филетор эвнехис — прекрасноплечая любимая! Мелибоя — услада жизни.

Гром рукоплесканий, смех и одобрительные выкрики заглушили обоих. Растерявшийся рапсод замер с раскрытым ртом. Таис вскочила, хохоча и протягивая обе руки поэту и аккомпаниатору, поцеловала того и другого. Бородатый лирник задержал ее руку, глазами указывая на кольцо делосского философа.

— Завтра вечером ты будешь в храме Нейт.

— Откуда ты знаешь?

— Я буду сопровождать тебя. Когда прийти и куда?

— Потом. Сейчас я должна танцевать для всех.

— Нет, не должна! — властно заявил бородатый аккомпаниатор.

— Ты говоришь пустое! Как я могу? Мне надо отблагодарить за рапсодию, показать поэтам и гостям, что не зря они пели. Все равно заставят...

— Я могу избавить тебя. Никто не попросит и не заставит!

— Хотелось бы мне увидеть невозможное.

— Тогда выйди, будто для того, чтобы переодеться, постой в саду. Можешь не менять одежду, никто не захочет твоего танца. Я позову тебя...

Настойчивые крики «Таис, Таис!» усиливались. Сгорая от любопытства, афинянка выбежала в боковой ход, задернутый тяжелой занавесью. Вопреки совету бородатого она не спустилась на четыре ступени в сад, а осталась наблюдать, чуть отодвинув плотную ткань.

Бородатый отдал лиру и сделал знак подбежавшим помощникам.

— Пока Таис готовится, я покажу вам чудеса восточных стран, — громко объявил он.

Вблизи столов поставили два стеклянных шара. Круглые зеркала отбросили на них пучки лучей от ярких светильников. Загоревшись золотым светом, шары стали вращаться от ремешков, приводимых в движение помощниками. Другие легкими ударами по металлическим зер-

калам выбивали долгий, равномерно вибрирующий, идущий издалека звон. Бородатый распростер руки, и тотчас его помощники поставили две огромные курильницы с углями справа и слева от него. Он устремил на гостей блестящие, пронзительные глаза и сказал:

— Кто хочет увидеть Тихе, богиню счастья, и попросить у нее исполнения желаний, пусть смотрит не отрываясь на любой из шаров и повторяет ее имя в такт звучанию зеркал.

Вскоре весь зал хором твердил: «Тихе, Тихе!» Шары завертелись быстрее. Вдруг бородатый сунул обе руки в свой кожаный пояс и высыпал две горсти курений на угли. Резко пахнущий дым, подхваченный легким током воздуха, быстро распространился по залу. Бородатый отступил назад, оглядел толпу пирующих и воскликнул:

— Вот перед вами Тихе в сребротканой одежде, с зубчатой золотой короной на рыжих волосах! Видите ее?

— Видим!

Мощный хор голосов показал, что в странной игре приняли участие все гости.

— Так что же: танец Таис или милость Тихе?

— Тихе, Тихе! — столь же дружно заревели гости, протягивая руки к чему-то невидимому для Таис.

Бородатый снова бросил курения на угли, сделал несколько странных жестов — и люди оцепенели. Тогда он резко повернулся и шагнул за занавес. Таис едва успела отшатнуться. Бородатый коротко сказал:

— Идем.

— А они? — тихо спросила она загадочного человека.

— Очнутся скоро. И те, что стояли поодаль, засвидетельствуют, что тебя отвергли, взывая к Тихе.

— Она на самом деле явилась им?

— Они видели то, что я приказал.

— Где ты овладел искусством так повелевать толпой?

— Сэтеп-са давно знали в Египте, а я побывал еще там, где владеют этим искусством лучше.

— Кто же ты?

— Друг того, кто ждет тебя завтра после заката солнца. Пойдем, я доведу тебя домой. Не годится Таис разгуливать по ночам одной.

— Чего мне бояться рядом с таким повелителем людей?

— Вовсе не так, но пока ты не поймешь этого. Моя власть заключена лишь в развитой леме (воле), а ее мож-

но употребить лишь в подходящий и подготовленный момент.

— Теперь я понимаю. Твое чародейство — лишь неизвестное нам искусство. А я подумала, что ты сын Гекаты, богини ночного наваждения.

Бородатый коротко засмеялся. Он молча довел Таис до ее дома и, условившись о встрече, исчез. Служанки спали, кроме Гесионы, которая устроилась у светильника с шитьем и ждала госпожу. Она ожидала, что Таис явится на рассвете, с факелами и шумной толпой провожатых. Услышав ее голос в ночной тиши, Гесиона в тревоге и недоумении выбежала на крыльцо. Таис успокоила свою добровольную рабыню, выпила медового напитка и улеглась в постель. Подозвав к себе Гесиону, она объявила об отъезде на декаду и дала фиванке распоряжения на время отсутствия. Девушка снова запросилась с Таис, и снова отказ хозяйки поверг Гесиону в отчаяние.

— Ты отвергаешь меня, госпожа, уходишь от меня. У меня нет никого на свете, кроме тебя, а теперь я тебе не нужна. Что я буду делать, если люблю тебя больше жизни? Я убью себя!..

До сих пор Гесиона плакала редко. Сдержанная, чуть суровая, она наотрез отказывалась участвовать в танцах или симпосионах, отвергала мужские домогательства.

Таис велела Гесионе лечь с нею рядом, гладила по голове и щекам и, когда рыдания стихли, объяснила фиванке причину, по которой она не могла ее взять с собою ни в прошлый, ни в этот раз. Гесиона успокоилась, села на постель, глядя на госпожу с восхищением и некоторым страхом.

— Не бойся, я не изменюсь, — рассмеялась гетера, — и ты будешь со мной, как и прежде. Но не всегда же — придет твой черед, появится тот, за которым ты пойдешь куда глаза глядят. Познаешь сладость и горечь мужской любви.

— Никогда! Я их ненавижу! — яростно возразила Гесиона.

— Пусть так, пока ты не излечишься от потрясения войны. Любовь возьмет свое. Ты здорова и красива, отважна, не может быть, чтобы ты избежала сетей Афродиты!

— Я буду любить только тебя, госпожа!

Таис, смеясь, поцеловала девушку.

— Я не трибада, смятением двойной любви не одарила меня богиня. И тебя тоже. Поэтому Эрос мужской любви неизбежен для нас обеих. Женщин он непременно разделит, а судьба разведет. Будь готова к этому! Но наши с тобой имена означают слуг Исиды. Может быть, нам и суждено быть вместе?

Гесиона соскользнула на пол, упрямо хмуря брови, счастливая сознанием, что Таис не отвергает ее. А та заснула почти мгновенно, усталая от впечатлений длинного дня.

В сумерках Таис и вчерашний поэт-чародей сидели на ступенях храма Нейт над темной рекой, ожидая восхода Стража Неба.

Бородатый поэт сказал, что делосский философ запретил узнавать его имя. Это великий мудрец, хотя известен лишь тем, что познал учение орфиков, пифагорейцев и гимнософистов. Несколько лет он жил на западе Ливийской пустыни, где обнаружил опустелые и развалившиеся древнекритские святилища. Именно оттуда прошел сквозь все эллинские страны культ тройной богини Гекаты, змеи-богини Крита и Ливии. Ее прекрасные жрицы-обольстительницы, или Ламии, в Элладе стали страшными демонами ночи. Демоном сделалась и богиня-сова, превратившаяся у обитателей Сирии в Лилит — первую жену первого человека. Сирийская лунная богиня тоже изображалась с телом змеи, а в Египте иногда с львиной головой. Нейт, в сущности, та же трехликая змея — богиня Ливии. Главная богиня Аттики — Афина-Мудрость — родилась на берегах озера Тритон в Ливии, как тройная змея-богиня. Повсюду в древних религиях главной является тройственная богиня Любви, отсюда три Музы, три Нимфы. В поздних мифах она обязательно побеждается мужчиной-богом или героем, вроде Персея.

Делосец говорит, что богини и боги древних религий, переходя к новым народам, всегда превращаются в злых демонов. Надо опорочить прежнее, чтобы утвердить новое. Таковы, к сожалению, люди...

Великая Богиня-Мать, или Ана, соединяющая в себе лики Мудрости, Любви и Плодородия, повернулась ныне к людям другой стороной: стала богиней Зла, Разрушения, Смерти. Но память чувства сильнее всего, древние верования постоянно всплывают наверх из-под спуда

новых. Образы Аны разделились, стали богинями Эллады: Ур-Ана — Афродита, Ди-Ана — Артемис, Ат-Ана — Афина. Лунная богиня Артемис, самая древняя из всех, сохранила свой тройной облик и стала Гекатой, богиней злых чар, ночного наваждения, водительницей демонов ночи, а ее брат Аполлон-Убийца стал светлым богом солнца и врачевания...

— И ты не боишься говорить о богах, будто они люди? — тревожно спросила Таис, до того слушавшая бородатого не прерывая.

— Делосский учитель уже сказал тебе... кроме того, я поэт, а все поэты поклоняются женской богине. Без нее нет поэта, он обращается только к ней. Она должна покориться правде его слов. Ибо поэт ищет истину, познает вещи, которые не интересуют ни Музу, ни Любовь. Она богиня, но и женщина тоже, как ты!

— Ты говоришь мне, как будто я...

— Потому он и поэт! — раздался позади их слабый, но ясный голос.

Оба вскочили, склонившись перед делосским жрецом.

— Вы даже забыли, что Никтурос уже отразился в воде реки.

Бородатый, сразу утративший важность, пробормотал что-то в оправдание, но делосец знаком остановил его.

— Поэт всегда должен быть впереди, в этом его сущность. Если нечто еще могучее перезрело, омертвело — его надо разрушить, и поэт становится разрушителем, направляет сюда удар осмеяния. Если что-то милое еще слабо, не окрепло или даже уничтожено — его надо создать вновь, влить в него силу. Тут поэт — мечтатель, восхвалитель и творец! Потому у него постоянно два лица, еще лучше, если три, как у Музы. Но горе ему и людям, если только одно. Тогда он сеятель вреда и отравы.

— Осмелюсь возразить тебе, мудрец из Делоса, — бородатый поднял голову, — почему ты говоришь только о поэте? Разве философы не в равной мере ответственны за свои слова?

— Я не говорю о мере, которая равна для всех. Ты знаешь, насколько магия слова и звука сильнее тихого голоса софистов. Власть поэта над людьми гораздо большая, оттого и...

— Я понял, учитель, и опять склоняюсь перед твоей мудростью. Не трать больше слов.

— Нет, я вижу, ты еще не достиг всей глубокой си-

лы поэта, хотя и посвящен Пятью Лепестками Лотоса. Понятие стиха происходит от корня слова «борьба», но поэт в своем другом обличье еще непременно разделяет воюющих. Он примиритель, как велось издревле. Почему так?

Бородатый смущенно растопырил пальцы, выдавая этим жестом, что он из Митилены, и делосец улыбнулся.

— Тогда слушай и ты, Таис, ибо это поможет тебе понять многое. После воцарения мужских богов, пришедших с севера вместе с ахейцами, данайцами и эолийцами, племенами, покорившими пеласгов, «Народ Моря», пятнадцать веков назад беспокойный, самоуверенный мужской дух заменил порядок и мир, свойственный женскому владычеству. Герои-воины заменили великолепных владычиц любви и смерти. Жрецы объявили войну женскому началу. Но поэт служит Великой Богине и потому является союзником женщины, которая хотя и не поэт сама, но Муза.

Новые народы отделяют Солнце от Луны, мужского бога от Анатхи-Иштар, наделяя его полнейшим могуществом, считая началом и концом всего сущего... Ты только что говорил Таис, и правильно, что боги старой религии становятся злыми демонами в новой. Я прибавлю еще, что богини, как владычицы злых чар, все больше оттесняются прочь. Это происходит и на востоке, и на западе, и в Элладе. Вместе с богинями уходит поэзия, уменьшается число и сила поэтов. Я предчувствую беды от этого в недалеком будущем.

— Почему, беды, могу я спросить тебя, отец? — сказала Таис, до сих пор стоявшая молча.

— Единая сущность человека разрывается надвое. Мыслитель-поэт встречается все реже. Преобладает все сильнее разум — Нус, Фронема, более свойственный мужчинам, вместо памяти — Мнемы, Эстесиса и Тимоса — чувства, сердца и души. И мужчины, теряя поэтическую силу, делаются похожими на пифагорейских считальщиков или на мстительные и расчетливые божества сирийских и западных народов. Они объявляют войну женскому началу, а вместе с тем теряют духовное общение с миром и богами. Расплачиваясь с божеством, они считают, как деньги, свои заслуги и грехи и вместо очищения получают роковое чувство вины и бессилия.

— Когда же это началось, отец? Почему так случилось?

— Очень давно! Когда человек потерял веру в себя и стал надеяться на изобретенные им инструменты, все более отдаляясь от естества и ослабляя свои внутренние силы. Женщина жила по-иному и больше сохранила себя, стала сильней мужчины в душе, в любви и знании своей сущности. Так считают орфики... Но довольно об этом, ночь наступила, пора идти...

Волнение участило дыхание Таис. Она пошла следом за мужчинами через небольшой дворик к каменному пилону, возведенному над уходящей в склон холма галереей. Некоторое время они шли молча, осторожно ступая в темноте. Затем Таис услышала, как бородатый поэт спросил делосского философа:

— Надо ли понимать сказанное тобой, что мы, эллины, несмотря на огромные знания и великое искусство, нарочно не стремимся создавать новые орудия и машины, чтобы не расстаться с чувствами Эроса, красоты и поэзии?

— Мне думается, что да, хотя, может быть, мы и не сознаем этого.

— Мудро ли это?

— Если весь мир идет к разрыву поэта и философа, чувства и разума, к приятию всеразумного и всемогущего, карающего бога, от живой природы — в полисы, под защиту стен и машин, тогда наш путь приведет к гибели.

— Но будет славная гибель! Нас воспоют в веках!

— Ты прав. На тысячи будущих лет Эллада останется прекрасной грезой для всех чего-нибудь стоящих людей.

Делосец остановился и обернулся к Таис. Гетера замерла. Философ ободряюще улыбнулся и взял ее за руку, что-то шепнув поэту. Тот исчез в боковом проходе, а философ провел Таис в очень высокое круглое помещение, освещенное дымящимися факелами ароматического дерева. Он взмахнул рукой — и тотчас загрохотали невидимые барабаны. Они били громко, ускоряя темп, вскоре грохочущие каскады звуков, обрушиваясь на Таис, заставили ее вздрагивать всем телом, увлекая ее ритмом и мощью. Философ наклонился к афинянке и, повысив голос, приказал:

— Сними с себя все. Сандалии тоже.

Таис повиновалась не раздумывая. Делосец одобритель-

но погладил ее по волосам, велел вынуть гребень и снять ленты.

— В тебе видна кровь Великой Богини. Стань в центре круга.

Таис стала в центре, все еще вздрагивая от грохота, а делосский мудрец исчез. Внезапно как будто из стен вышли девять женщин с венками из красных цветов на распущенных волосах, нагие, как Таис, не египтянки, но и не эллинки, неизвестного Таис народа. Одна из них, старшая возрастом, крепкая, широкогрудая, с целой шапкой мелко вьющихся волос, с темно-бронзовой кожей, подбежала к Таис. Остальные построились кольцом вокруг.

— Делай как мы! — приказала старшая на хорошем греческом, взяв афинянку за руку.

Женщины пошли цепочкой, высоко приподнимая колени и держа друг друга за распущенные волосы. Темп, ускоряясь, перешел в бег. Разъединившись, они закружились волчком — стробилосом, замерли, потом, извиваясь в игдибме — диком танце троянской богини, неистово завращали бедрами; снова понеслись, запрокидывая головы и простирая руки, словно готовы были обнять всю Ойкумену. Грохот барабанов превратился в сплошной рев, танцовщицы выделывали замысловатые движения, изредка хрипло выкрикивая что-то пересохшими ртами. Одна за другой женщины падали на пол и откатывались к стене — из-под ног танцующих. Таис, отдавшая себя всю дикому ритуалу, не заметила, что осталась вдвоем со старшей танцовщицей. Восемь других валялись на полу в изнеможении. Старшая продолжала плясать, залитая потом, с удивлением глядя на Таис, не отстававшую от нее и лишь пламеневшую жарким румянцем. Неожиданно танцовщица остановилась, высоко подняв руки. Музыка, если можно было назвать ею этот неимоверный грохот, так же внезапно смолкла. Старшая низко поклонилась Таис и издала резкий вопль. Лежавшие на полу танцовщицы разом поднялись. Афинянка осталась одна, все еще трепеща от возбуждения.

Откуда-то сверху раздался голос делосского философа:

— Очнись, иди направо.

Таис заметила узкий, как щель, выход из круглого зала и пошла туда, чуть пошатываясь, как в тумане. Позади с тяжелым лязгом захлопнулась дверь, и стало совершенно темно. Таис вытянула руки, сделала несколько

осторожных шагов. Вдруг на нее сверху обрушилась масса соленой воды, пахнувшей морем. Ошеломленная афинянка отступила, но вспомнила про закрытую позади дверь и снова пошла. Проход поворачивал под прямым углом раз, другой. После второго поворота едва заметный свет мелькнул в углу. Мокрая с головы до ног, еще не остывшая, Таис с чувством облегчения устремилась было вперед — и остановилась, окаменев от страха. Она очутилась в высоком, без крыши, зале, колодцем поднимавшемся в звездное ночное небо. Всю площадь пола занимал бассейн с водой. Только там, где стояла Таис, была неширокая насыпь из настоящей морской гальки, наклонно уходившая в воду. Волна тихо плескалась на гальке, откуда-то дул ветер, крутил, пытался загасить пламя единственного факела, бросавшего красные блики на черноту воды. Зубы Таис стукнули несколько раз, она зябко передернула плечами, стараясь унять дрожь, но гнетущее чувство страха, непонятного и неосознанного, не проходило.

— Не бойся, дочь моя! Я с тобою, — делосский философ показался на противоположной стороне бассейна и медленно стал обходить его по обложенному гранитом краю.

— По ритуалу надо еще приковать к скале, и чтоб морское чудовище пожрало тебя. Однако ты уже подвергалась куда более страшному испытанию в Лабиринте, и мы решили отменить первую ступень. Здесь я рассыплю уголь трех священных деревьев — дуба, орешника и ивы, они употребляются для погребального костра и знаменуют власть, мудрость и очарование. На углях, как на ложе мертвых, ты и будешь ночевать. Возьми, — философ взял из ниши в стене охапку черной овечьей шерсти и подал Таис, — ты проведешь здесь в одиночестве, лежа ничком, ночь до первых признаков рассвета. Начнет светать, иди обратно в галерею, повернешься налево, на мерцание светильника, и войдешь в темную пещеру, где проведешь день. Когда услышишь звон, иди снова на гальку — до следующего рассвета. На этот раз лежи на спине, созерцай небо и повторяй древний гимн Гее. Так будет еще две ночи. Я приду за тобой. Придется поститься. Вода для питья в пещере — в амфоре у ложа. Хайре!

Таис, дрожа в ознобе, расстелила часть шерсти на гальку и, не сразу устроившись на этом необычном ложе,

постаралась накрыть себя сверху. Чуть слышный плеск волны нагонял сон...

Она очнулась от холода, чувствуя боль от впившихся в тело галек. Пахло овцой, черная вода в бассейне казалась нечистой, волосы пришли в беспорядок и слиплись от соленого душа. Таис подняла голову и увидела, что небо утратило бархатную черноту и начинает сереть. Вспомнив приказ делосца, она собрала шерсть в кучу, тщательно растерла занемевшее тело и пошла в подземелье. Они испытывала голод, рот ее пересох, ей казалось, что она очень грязная. Таис недоумевала. Неужели в этих столь простых неудобствах и состоит испытание посвящения? Посвящения во что? Внезапно афинянка припомнила, что философ ничего не сказал ей об этом. И она ничего не спросила, проникшись детским доверием к удивительному старику. Раз он считает необходимым посвятить ее, значит, так нужно! Но неудобства ночи, после которой ничего не произошло, настроили ее скептически. Она просто спала, правда, спала на скверном ложе, в мрачном, нелепом колодце. Зачем? Что изменилось в ней?

К своему удивлению, афинянка нашла в подземелье чашу для умывания и все необходимое для туалета. Умывшись, с трудом расчесав свои густые волосы, Таис напилась и, несмотря на голод, почувствовала себя гораздо лучше. Светильник догорел и погас. Наступила полнейшая темнота. Таис ощупью добралась до ложа, покрытого мягкой тканью, и долго лежала в глубокой задумчивости, пока сон не овладел ею. Проснувшись от звенящего медного удара, она направилась к бассейну, расстелила шерсть поудобнее и улеглась на скрипящей гальке, обратив взгляд в яркозвездное небо.

Выспавшись еще днем, она лежала без сна всю ночь, не отрывая глаз от звезд. Странное чувство полета незаметно в какое-то мгновение пришло к ней. Сама земля вместе с ней устремилась к небу, готовому принять их в свои объятия. «Радуйся, матерь богов, о жена многозвездного неба!» — пришли ей на память по-новому понятые слова древнего гимна. Таис казалось, что она слилась со щедрой, широкой Геей, вот-вот и они, в свою очередь, соединятся с черной, сверкающей звездами бесконечностью. И тогда великая тайна мира откроется им. Она раскинула руки, крепко зажмурилась, все тело ее напряглось, стон мучительного нетерпения сорвался с

губ. А когда она открыла глаза, ощущение полета пропало, черное покрывало ночи по-прежнему висело над ней — неизмеримая равнодушная бездна. Таис увидела себя со стороны, жалкую, маленькую, обнаженную, на дне колодца, в безысходном круге высоких и гладких каменных стен. Ее мнимое слияние с Геей было дерзким святотатством, непостижимое осталось прежним, будущее не сулило великого и светлого. Ее порыв, ее лучшие чувства были оскорблены. Таис захотелось вскочить и убежать прочь, как самозванке, вторгшейся в запретное и, наконец, понявшей свое ничтожество. Что-то, может быть, воля делосца, еще удерживало ее на месте.

Третья ночь наедине со звездами на берегу символического моря началась по-иному. После двух дней в темноте звезды виделись особенно яркими. Одна из них приковала внимание Таис. Острый луч ее через глаза проник в сердце, разлился по телу голубым огнем колдовской силы. Устремив свой взгляд на звезду, сосредоточившись, она вспомнила волшебные возгласы ритуальных танцев, что помогают собирать воедино силы и чувства, и стала повторять: «Гея-Таис, Гея-Таис, Гея-Таис...» Беспорядочный поток мыслей замедлился, почва под Таис покачнулась, и ее понесло неощутимо, плавно, подобно кораблю в ночном море.

Наконец-то Таис поняла цель и смысл своего испытания. Жалкая символика не позволила ей быстро настроить себя на глубокое чувство, войти в поток времени, подобно Ахелою-Аргиродинесу *, катящему серебряные волны из неизвестности будущего во мрак подземелий прошлого. Если стремления с самого начала были бы искренней и сильнее, то сосредоточение и подъем духа могли достигаться и среди этой почти театральной декорации.

Протекла будто совсем короткая ночь, и разноцветье звезд стало холодеть, серебрясь признаком близкого рассвета. Повинуясь внезапному желанию, Таис встала и, потянувшись всем телом, бросилась в глубину черной воды. Удивительным теплом обдало ее, вода, прежде казавшаяся ей застойной, нечистой, спорила свежестью с морской. Едва ощутимое течение ласковой рукой гладило, успокаивало раздраженную кожу. Таис перевернулась на спину и опять устремила взор в небо. Рассвет катился

* Река в древней Спарте, вытекавшая из земли и пропадавшая в земле.

из восточной пустыни, а Таис не знала, следует ли ей снова удаляться во тьму пещеры или ожидать знака здесь. Ее недоумение прервалось знакомым медным ударом. На галечной насыпи появился старый философ.

— Иди ко мне, дочь! Пора приступать к обряду.

За спиной делосца появился бородатый поэт с каким-то черным камнем в руке.

— Ты должна быть символически поражена громовым ударом и очищена им — он ударит тебя камнем, упавшим с неба. Откинь назад волосы, склони голову.

Таис безропотно повиновалась — так возросло ее доверие к старому философу.

Удара не последовало. С шумным вздохом поэт отступил, прикрывая лицо свободной рукой.

— Что с тобой, митиленец? — повысил голос старик.

— Не могу, отец, столь прекрасно это создание творческих сил Геи. Взгляни на ее совершенство; я подумал, что оставлю рубец, и рука моя опустилась.

— Понимаю твои чувства, но обряд следует выполнить. Догадайся, где рубец менее всего будет заметен.

Видя нерешительность поэта, делосец взял камень сам.

— Заложи руки за голову, — отрывисто приказал он Таис и нанес резкий удар острой гранью камня по внутренней стороне руки, выше подмышек. Таис слегка вскрикнула, потекла кровь. Жрец собрал немного крови и размешал в воде бассейна. Забинтовав руку афинянки полотняной лентой, он удовлетворенно сказал:

— Видишь, про этот рубец будет знать только она да еще мы двое.

Поэт со склоненной головой подал Таис чашу козьего молока с медом — напитка, которым вспоила Зевса в пещере Крита божественная коза Амальтея. Таис осторожно выпила ее до дна и почувствовала, как отступил голод.

— Этот напиток означает возрождение к жизни, — сказал философ.

Поэт надел на голову Таис венок из сильно пахнувших белых цветов с пятью лепестками и поднес светло-синюю столу, по подолу которой вместо обычной бахромы бежал узор из крючковатых крестов, показавшийся афинянке зловещим. Делосский философ, как всегда, угадал ее мысли.

— Это знак огненного колеса, пришедший к нам из Азии. Видишь, концы крестов отогнуты противосолонь —

против вращения солнца. Колесо может катиться лишь посолонь (по вращению солнца) и знаменует добро и благосклонность. Но если ты увидишь похожие колеса-кресты с концами, загнутыми посолонь, так что колесо катится лишь против вращения солнца, — знай, что имеешь дело с людьми, избравшими путь зла и несчастья.

— Как танец черного колдовства, который танцуют ночью противосолонь вокруг того, чему хотят повредить? — спросила Таис, и делосец кивнул утвердительно.

— Вот три цвета трехликой богини-музы, — сказал поэт, обвязывая Таис поясом из продольно-полосатой белосине-красной ткани. Он отдал афинянке низкий египетский поклон, коснувшись ладонью своего правого колена, и безмолвно вышел.

Делосец повел Таис из подземелья через залитый ослепительным светом дворик в верхний этаж надвратного пилона.

Последовавшие семь дней и ночей заполнили странные упражнения в сосредоточении и расслаблении, усилиях и блаженном отдыхе, чередовавшемся с откровениями мудреца о таких вещах, о каких хорошо образованная Таис никогда и не подозревала. Казалось, в ней произошла большая перемена — к лучшему или к худшему, она еще не могла оценить. Во всяком случае, из храма Нейт на волю выйдет другая Таис.

Дейра, «Знающая», как тайно именовалась Персефона, вторглась в душу, где до сей поры безраздельно властвовали Афродита и ее озорной сын. Это необыкновенное для юной, полной здоровья женщины чувство не покидало афинянку во время всего ее пребывания в храме Нейт и странным образом способствовало остроте восприятия поучений делосского философа. Старик открыл ей учение орфиков, названных так потому, что они считали возможным выход из подземного царства Аида, подобно Орфею, спасшему свою Эвридику.

«Боги не создавали Вселенную, она произошла из естественных физических сил мира, — так учили орфики. — Космос — это прежде всего порядок. Из Хаоса, Хроноса (Времени) и Эстера (пространство эфира) образовалось яйцо Вселенной. Яйцо стало расширяться, одна его половина образовала небо, другая — землю, а между ними возникла Биос — жизнь».

Удовлетворяя потребности мыслящих людей своего времени, орфики не подозревали, конечно, что двадцать

шесть веков спустя величайшие умы гигантски возросшего человечества примут подобную же концепцию происхождения Космоса, исключив лишь Землю из главенства во Вселенной.

За двенадцать веков до Таис родился миф о Самсоне — ослепленном богатыре, прикованном к мельнице и осужденном вечно вращать ее колесо. Издревле вращающийся небосвод сравнивался людьми с мельницей. Как уйти от Колеса, от безысходности кругов жизни и судьбы?

Орфики решили эту проблему по-своему. До сей поры можно найти их наставления на золотых медальонах, которые они надевали на шеи своим умершим. Когда томимая жаждой душа умершего плелась по подземному царству через поля белых лилий — асфоделей, она должна была помнить, что нельзя пить из реки Леты. Ее вода, темная от затенявших берега высоких кипарисов, заставляла забывать прошедшую жизнь. Душа становилась беспомощным материалом для цикла нового рождения, разрушения, смерти, и так без конца. Но если напиться из священного ключа Персефоны, скрытого в роще, тогда душа, сохраняя память и знание, покидает безысходное Колесо и становится владыкой мертвых.

Вместе с пришедшим из Азии учением о перевоплощении орфики сохранили древние местные обряды.

— От тебя, — сказал делосский философ, — учение орфиков требует помнить, что духовная будущность человека находится в его руках, а не подчинена всецело богам и судьбе, как верят все, от Египта до Карфагена. На этом пути нельзя делать уступок, отступлений, иначе, подобно глотку воды из Леты, ты выпьешь отраву зла, зависти и жадности, которые бросят тебя в дальние бездны Эреба. Мы, орфики Ионии, учим, что все люди однозначны на пути добра и равноправны в достижении знания. Разность людей от рождения огромна. Преодолеть ее, соединить всех, так же как и преодолеть различие народов, можно только общим путем — путем знания. Но надо смотреть, что за путь объединяет народы. Горе, если он не направлен к добру, и еще хуже, если какой-нибудь народ считает себя превыше всех остальных, избранником богов, призванным владычествовать над другими. Такой народ заставит страдать другие, испытывая всеобщую ненависть и тратя все силы на достижение целей, ничтожных перед широтою жизни. Мы, эллины, не так давно стали на этот дикий и злой путь, раньше

пришли к нему египтяне и жители Сирии, а сейчас на западе зреет еще худшее господство Рима...

Вернемся к тебе, — оборвал сам себя старый философ, — нельзя быть орфиком нашего толка, если, помимо цели, забывать о цене, какой досталось всё людям. Я не говорю о простых вещах, доступных рукам ремесленника, а думаю о больших постройках, храмах, городах, гаванях, кораблях, обо всем, что требует усилий множества людей. Никакой самый прекрасный храм не должен пленять тебя, если он выстроен на костях и муках тысяч рабов, никакое величие не может быть достойным, если для его достижения были убиты, умерли с голоду, потеряли свободу люди. Не только люди, но и животные, ибо их страдания тоже отягощают чашу весов судьбы. Потому многие орфики не едят мяса...

— Отец, а почему боги требуют кровавых жертв? — спросила Таис и вся подобралась, увидев огонь гнева в глазах учителя.

Он помолчал, затем сказал грубо и отрывисто, совсем непохоже на прежнюю спокойную речь:

— Дикие жертвы диким богам приносят убийцы...

Таис смутилась. Не однажды во время бесед делосца приходило к ней чувство, что она вторгается в запретное, кощунственно отстраняет завесу, отделяющую смертных от богов.

— Не будем говорить о том, к чему ты еще не готова!

И делосский философ отпустил Таис.

В последующие дни он учил ее правильному дыханию и развитию особенной гибкости тела, позволяющей принимать позы для сосредоточения и быстрого отдыха. С детства вышколенная физически, великолепно развитая, воздержанная в пище и питье, она оказалась настолько способной ученицей, что старик от удовольствия хлопал себя по колену, воодушевляя афинянку.

— Я могу лишь научить тебя приемам. Дальше, если захочешь и сможешь, ты пойдешь сама, ибо путь измеряется не одним годом! — приговаривал он, проверяя, насколько хорошо запоминает Таис.

На шестой день — цифре жизни пифагорейцев — старик подробнее рассказывал Таис о праматери всех божеств — Великой Богине. Вероучители лгут, стараясь доказать, что изначален бог-мужчина. Тысячелетия тому назад все народы поклонялись Великой Богине, а в семье и роде главенствовали женщины. С переходом главен-

ства к мужчине пути стали расходиться. Древние религии были стерты с лица Геи или целиком предались вражде с женщиной, назвав ее источником зла и всего нечистого.

На востоке, в безмерной дали отсюда, есть огромная Срединная страна, современница уничтоженной критской. Там желтолицые и косоглазые люди считают мужское начало Янь олицетворением всего светлого, а женское начало Инь — всего темного в небе и на земле.

В знойных долинах Сирии обитает не менее древний, мудрый народ, вначале поклонявшийся Рее-Кибеле, как и критяне. Затем женское имя богини превратилось в мужское — Иегову. Еще совсем недавно в Верхнем Египте существовал культ Иеговы и двух богинь, его жен: Ашима-Бетхил и Анатха-Бетхил. Затем жены исчезли, и бог остался единым. На востоке совместное поклонение великой богине Ашторет, или Иштар, и Иегове раскололось на две различные веры. Первая взяла многое от обожествлявшего женщину Крита, из критской колонии Газы и древнего города мудрости Библоса. Знаменитый храм Соломона построен по подобию критских дворцов с помощью строителей Гебала-Библоса.

Вера поклонников Иеговы объявила женщину нечистой, злодейской, своими грехами вызвавшую изгнание людей из первобытного рая. Под страхом смерти женщина не смеет показаться даже мужу нагою, не смеет войти в храм... Чем нелепее вера, тем больше цепляются за нее непросвещенные люди, чем темнее их душа, тем они фанатичнее. Непрерывные войны, резня между самыми близкими народами — результат восшествия мужчины на престолы богов и царей. Все поэтическое, что связано с Музой, исчезает, поэты становятся придворными восхвалителями грозного бога, философы оправдывают его действия, механики изобретают новые боевые средства.

— Но у нас в Элладе так много поэтов и художников воспевают красоту женщин, — сказала Таис.

— Да, у нас женские и мужские боги не разошлись далеко, и в этом счастье эллинов, на вечную зависть всем другим народам. В Элладе женщинам открыт мир, и потому они не так отличаются невежеством, как у других народов, и дети их не вырастают дикарями. Тех, кто во всей красоте позирует художникам и скульпторам, у нас не убивают, а прославляют, считая, что отдать кра-

соту людям не менее почетно, чем мастеру перенести ее на фреску или в мрамор. Эллины поняли силу Эроса и важность поэзии для воспитания чувств. Мы не сумели сделать так, чтобы женщины сочетали все свои качества в одном лице, но, по крайней мере, создали два вида женщин, в двух ее важнейших обликах: хозяйки дома и гетеры-подруги.

— Какой же из них важнее?

— Оба. А разве ты не знаешь, какому облику следовать? — усмехнулся философ. — Не задумывайся! Сама судьба поставила тебя гетерой, пока ты молода. Будешь старше — сделаешься матерью, и многое изменится в тебе, но сейчас ты — Цирцея, и обязана выполнять свое назначение. Твоя роль в жизни — быть музой художников и поэтов, очаровательной и милосердной, ласковой, но беспощадной во всем, что касается Истины, Любви и Красоты. Ты должна быть бродильным началом, которое побуждает лучшие стремления сынов человеческих, отвлекая их от обжорства, вина и драк, глупого соперничества, мелкой зависти, низкого рабства. Через поэтов-художников ты, Муза, должна не давать ручью знания превратиться в мертвое болото.

Предупреждаю тебя — это путь нелегкий для смертной. Но он не будет долог, ибо только молодые, полные сил женщины могут выдержать его.

— А дальше? Смерть?

— Если осчастливят тебя боги умереть еще молодой. Но если нет, то ты повернешься к миру другим лицом женщины — воспитательницы, учительницы детей, сеятельницы тех искорок светлого в детских душах, что потом могут стать факелами. Где бы ты ни была и что бы с тобой ни случилось, помни, ты — носительница облика Великой Богини. Роняя свое достоинство, ты унижаешь всех женщин — и Матерей, и Муз, даешь торжествовать темным силам души, особенно мужской, вместо того чтобы побеждать их. Ты — воительница. Поэтому никогда не падай перед мужчиной. Не позволяй силе Эроса делать противное тебе, разрешать унижающие тебя поступки. Лучше Антэрос, чем такая любовь!

— Ты сказал, отец, Антэрос?

— Ты побледнела. Чего ты испугалась?

— С детства нам внушали, что самое худшее несчастье, которого боится сама Афродита, это неразделенная

любовь. Она обрекает человека на невыносимые муки, мир становится для него Нессовой * одеждой.

— Теперь ты посвящена в знание орфиков и Трехликой богини и победишь этот страх. Ты видела людей, подобных нашему поэту, владеющих даром подчинять людей своей воле? Таких, немало. Есть среди них тираны, демагоги, стратеги. Беда, если они служат силам зла, причиняя страдания. Следует избегать всякого общения с подобными людьми, распространяющими вокруг себя вредное дыхание недоброй магии, называемой черной. Знай, что есть способы влиять на людей через физическую любовь, влечение полов, через красоту, музыку, танцы. Подчиняясь целям и знанию черного мага, женщина, обладающая красотой, во много раз увеличивает власть над мужчинами, а мужчина над женщинами. И горе тем, которые будут ползать у их ног, презираемые и готовые на все ради одного слова или взгляда. Вот это и есть истинный Антэрос! Бесконечно разнообразны жизнь и люди. Но ты владеешь силой не подчиняться слепо ни людям, ни любви, ни обманным словам лживых речей и писаний. Зачем же тебе бояться неразделенной любви? Она только укрепит твой путь, возбуждая скрытые силы. Для того я и обучал тебя!

— А грозные спутники Антэроса — месть и расплата?

— Зачем тебе следовать им! Нельзя унижать и мучить мужчину, так же как унижаться самой. Держись тонкой линии мудрого поведения, иначе опустишься до положения унижаемого, и оба будете барахтаться в грязи низкой и злобной жизни. Есть люди, что копят в себе вину и, озлобляясь, делаются мучителями и палачами других, топча достоинство и красоту человека, стаскивая в грязь, где тонут сами. Эти наиболее опасны. Некогда у орфиков были неметоры — тайные жрецы Зевса-Метропа, Зевса-Измерителя, обязанностью которых было своевременно с помощью яда уничтожать подобных злых людей. Но давно уже нет культа Зевса-Измерителя, нет и тайных жрецов его. А число злобных мучителей растет в Ойкумене. Иногда мне кажется, что дочь Ночи, Немесия **, надолго уснула, одурманенная своим венком из дающих забвение наркисов.

---

* Отравленная одежда убитого кентавра Несса, которую надел и никак не смог снять Геракл.

** Немесия, или Немезида, — карающая богиня греческой мифологии.

— А ты знаешь тайну яда?

— Нет. И если бы знал, то не открыл тебе. Назначение твое иное. Совмещать разные пути нельзя. Это приведет к ошибкам.

— Ты сам меня учил: орфики не губят людей. Хотелось узнать, на случай...

— Случаев нет! Все нуждается в Понимании и Разоблачении — двух великих составляющих Справедливости. Что бы ни встречалось тебе в жизни, никогда не ступай на черную дорогу и старайся отвращать людей от нее. Для этого ты вооружена достаточно! Можешь идти домой. Я устал, дочь моя. Гелиайне!

Гордая афинянка упала на колени перед учителем. Благодарность переполняла ее, и успокоение отразилось на лице делосского философа, когда она поцеловала его руку.

— Если ты научилась здесь скромности... нет, ты родилась с этим счастливым даром судьбы! Я рад за тебя, прекрасная Таис! — делосец с трудом поднялся с кресла.

Острая тоска, предчувствие долгой разлуки с полюбившимся наставником заставили Таис медлить с уходом. Она пошла к главному входу, но вспомнила про свой странный и яркий наряд и остановилась. Нельзя же в нем идти по улице. А может, эту одежду ей дали лишь на время? Как бы в ответ навстречу ей перебежал дворик знакомый мальчик-служка этого безлюдного храма. Низко поклонившись, он повел ее в боковой притвор, куда она приходила в первый раз. Там она нашла свою одежду и сандалии. Мальчик сказал:

— Я провожу тебя домой.

Глава шестая НИТЬ ЛАКОНСКОЙ СУДЬБЫ

После девяти дней тесноты и темноты храмовых комнат голова ее слегка кружилась. Ветер Сета стих. Воздух стал прозрачным. В восьмидесяти стадиях отсюда, на севере, снова четко видны были гигантские пирамиды. За храмом два узких озерка почти обмелели. Подобрав подол своей льняной столы, Таис пошла

по утоптанной глине между прудами, через большой парк, избегая шумной улицы. Она чувствовала себя неуверенно среди толпы.

Едва она вышла за ограду парка и повернула вдоль нее к набережной, как услышала за спиной быстрый и четкий военный бег. Еще не обернувшись, узнала Менедема.

— Откуда ты, милый? — ласково приветствовала она спартанца.

— Бродил вокруг храма. Сегодня десятый день, и конец твоего плена. Я поздно догадался, что ты пойдешь через пруды. Истосковался без тебя. Я ведь тогда даже не успел попрощаться: проклятый чародей отвел нам глаза на симпосионе. Спасибо фиванке, объяснила мне все, а то бы я переломал кости этому митиленцу.

— Не ревнуй! — Таис положила руку на тяжелое плечо воина.

— О нет, совсем нет! Я знаю теперь, кто ты, госпожа!

Таис даже остановилась.

— Да, да! — продолжал спартанец. — Вот! — он взял ее за руку, склонился и поцеловал кольцо со знаком треугольника на ее пальце.

— Ты орфик? — с изумлением воскликнула Таис. — Ты тоже посвящен?

— О нет. Мой старший брат — жрец Реи. От него я узнал тайны, понять которые не способен. Однако они манят меня, как манит завеса между жизнью и смертью, между любовью и красотой. И я могу чувствовать, хоть и не понимаю, я всего-навсего простой воин и воспитан для сражений и смерти. А истинный орфик не убивает даже зверей и птиц, не ест мяса...

Таис вдруг ощутила прилив необыкновенной нежности к этому могучему мужчине, как мальчику, нежному и чувствительному в делах богов и любви.

— Пойдем ко мне, — сказал Менедем, — я хотел отпраздновать твое посвящение.

— Пойдем, — согласилась Таис, — хорошо, что ты встретил меня!

Менедем для свиданий с Таис нанимал глинобитный домик на западной окраине, среди редких пальм и огородов. Здесь долина реки суживалась, и домик стоял недалеко от третьей главной аллеи. Обставленное бедно даже для спартанца, жилище Менедема всегда приводи-

ло в умиление Таис. Она забывала, что с лаконской точки зрения Менедем еще не достиг полного совершеннолетия, не стал андросом, то есть тридцатилетним, и все еще подчинялся мужской дисциплине, куда более жестокой, чем общественный режим свободных спартанок.

Два или три красивых сосуда, несколько звериных шкур — вот и все, чем мог украсить свое жилище скромный воин. А за эти дни в доме появился бронзовый треножник старинной работы.

Менедем предложил Таис сбросить длинную линостолию, а потом поднял ее и усадил на треножник, как жрицу-прорицательницу или богиню. Удивленная афинянка подчинилась, любопытствуя, что будет дальше.

Спартанец принес из кухни горящих углей, насыпал в две курительницы, стоявшие по бокам, и аромат драгоценных аравийских смол дымными струями стал подниматься рядом с Таис.

Менедем взял ее за руку, еще раз приложился губами к кольцу с треугольником и, склонив голову, медленно опустился на колени. Он оставался в этой позе так долго, что Таис почувствовала неловкость — и от торжественности его позы, и от неудобного положения на высоком треножнике. Она шевельнулась осторожно, боясь обидеть Менедема. Спартанец заговорил:

— Ты так умна и прекрасна! Я верю, что ты — не простая смертная. Благодарю тебя за божественную радость! Я не могу выразить свое великое счастье, язык не повинуется мне, но даже во сне я вижу ласковую улыбку Афродиты. Мне нечего отдать тебе, кроме своей жизни, это ведь так мало — жизнь воина, предназначенного смерти!

— О, ты лучше всех для меня, мой Сотер (спаситель)! Радуюсь под крылом твоей силы и люблю тебя, — Таис наклонилась к спартанцу, положила обе руки на его кудрявую голову, — встань скорее!

Менедем поднял глаза, и Таис ощутила в них восхищение и радость чистой и мужественной души. Смущенная, счастливая и встревоженная великой ответственностью за возлюбленного, для которого она стала и богиней, и глазами жизни, афинянка постаралась весельем отогнать набежавшую откуда-то тревогу.

Этот день показался им столь коротким, что Менедем едва успел собраться на ночную стражу в Стратопедоне.

— Я дойду одна, — твердила афинянка, торопливо закутываясь в свою столу, — я не боюсь людей.

Менедем, не слушая возражений, посадил ее на плечо и побежал с нею вниз к набережной, нанял там лодочника и велел отвезти к северному концу города. Лишь после того он понесся в лагерь. Неутомимый бегун всегда поспевал вовремя.

Усталая Таис сидела в лодке, глядя на прозрачную и прохладную воду — в это время года Нил был особенно чистым. Может быть, грусть навеяли слова Менедема о предчувствии их близкой разлуки? Голос воина был глух и печален, когда он рассказал Таис о письме, полученном Эоситеем от царя Агиса, в котором тот призывал его назад, в Спарту. Приход македонского царя Александра в Египет и покорение им этой страны неизбежны. Бессмысленно кучке спартанцев сопротивляться победителю персов. Отпадала и надобность в дальнейшем пребывании в Египте. Фараон — слуга жрецов, он отправился в Элефантину, а его казначей уже намекал Эоситею, что выплата денег скоро может прекратиться. Сатрап Дария тоже не давал никаких повелений. Страна сейчас в руках жрецов.

— И ты должен уехать со своими? — испугалась Таис.

— Это неизбежно. Но как я могу расстаться с тобой? Лучше чаша конейона... *.

Таис положила палец на губы воина.

— Не говори так. Хочешь, я поеду с тобой? Вернусь в Элладу?

— Это выше всего, о чем я могу мечтать. Но... — спартанец замялся.

— Что же?

— Если бы я возвратился домой после окончания войны, а то... Только ты никому не говори об этом: мне думается, будет война.

— Против эллинского союза и Александра?

— Против кого же еще?

— Вы, спартанцы, отчаянно смелы и тупо упрямы. И кончите плохо. Но ты можешь остаться здесь, со мной?

— Кем? Конюхом Салмаах? Или плести венки?

— Зачем так жестоко? Подумаем, найдем выход. Еще есть время. Эоситей поплывет не скоро?

---

* Сильнейший яд.

— Не раньше прихода Александра.

— Как жаль, что ты не можешь пойти к Александру.

— А, ты понимаешь!.. Да, будучи спартанцем, которых он не любит, ты знаешь, он даже отверг имя Спарты на трофее, я ведь...

— Это преодолимо. Он мой друг.

— Твой друг?! Да, конечно же, я забыл про Птолемея. Но я должен быть со своими, и в славе, и смерти — одинаково.

— Я понимаю. Потому и не думаю, что ты пойдешь на службу к македонцам.

Таис всю дорогу пыталась что-нибудь придумать для Менедема, но так ничего и не нашла.

Как только Таис появилась среди персидских яблонь своего садика, Гесиона бросилась к ней с радостным воплем, и она обняла фиванку как сестру. Прибежала и Клонария, ревниво поглядывая на «Рожденную змеей» и стараясь оттеснить ее от хозяйки.

Без промедления они заставили Таис улечься на жесткую скамью для массажа. Обе девушки принялись хлопотать, укоряя гетеру, что она совсем запустила себя.

— Теперь придется возиться всю ночь, чтобы привести тело госпожи в должный вид, — говорила рабыня, умело орудуя бронзовыми щипчиками и губкой, смоченной настойкой корня брионии, уничтожающей волосы и восстанавливающей гладкость кожи.

Гесиона в это время приготовляла ароматную жидкость с любимым запахом Таис — ирисом и нейроном.

Превращение Таис в гладкую, как статуя, и душистую жрицу Афродиты прервал приезд ликующей Эгесихоры. Лакедемонянка расцеловала подругу, но ее ждали кони, и она умчалась, пообещав прийти ночевать...

Пламя люкносов *, притушенное пластинками желтого оникса, освещало спальню слабым золотистым мерцанием. У ложа горел ночник, и четкий профиль Таис на его фоне казался Эгесихоре вырезанным из темного камня. Золотистые огоньки бегали в огромных глазах афинянки, придавая ей необычайное выражение хищной силы. Таис подняла высоко руку, и блеснувшее кольцо привлекло внимание спартанки.

— Ты носишь его недавно. Чей дар, скажи? — сказала Эгесихора, разглядывая резной камень.

---

* Светильник в виде чаши или кувшина.

— Не дар, а знак! — возразила Таис.

Спартанка насмешливо фыркнула.

— Мы все аулетридами носили такие знаки. Было удобно. Повернешь вершиной треугольника от себя — всякий понимает: занята. Вершиной к себе — свободна. Правда, кольца были бронзовые, и камень — синее стекло.

— А рисунок тот же? — лукаво улыбнулась Таис.

— Тот же — треугольник великой богини... Нет, напи были узкими, острее. На твоем кольце широко разведены боковые стороны, как у Астарты. Да еще камень — правильный круг. А ты понимаешь смысл этого знака?

— Не совсем, — неохотно ответила Таис, но Эгесихора, не слушая ее, подняла голову. Откуда-то из глубины дома доносились слабые звуки, складывалась печальная мелодия.

— Гесиона, — пояснила афинянка, — она сама сделала сирингу из тростника.

— Странная она. Почему ты не выдашь ее замуж, если не хочешь учить, как гетеру?

— Надо, чтобы она опомнилась от всего того ужаса, насилия и рабства.

— Сколько же времени она будет приходить в себя? Пора бы!

— Разные люди вылечиваются в разные сроки. Куда ей спешить? Когда Гесиона станет подлинной женщиной и полюбит, взойдет новая звезда красоты. Берегись тогда, золотоволосая!

Эгесихора презрительно усмехнулась.

— Не со мной ли она будет соперничать, твоя несчастная фиванка?

— Все может быть. Вот появится здесь войско Александра...

Эгесихора внезапно стала серьезной.

— Ложись рядом, щека к щеке, чтобы никто не подслушал!

Спартанка рассказала подруге уже известное: Эоситей собирается покинуть Египет. Стратег спартанцев требует, чтобы Эгесихора уехала с ним. Он не хочет и не может расстаться с ней.

— А ты?

— Надоел он своей ревностью. Я не хочу разлучаться с тобой и хочу подождать Неарха.

— А если Неарх давно забыл тебя? Что тогда?

— Тогда, — лакедемонянка загадочно улыбнулась, одним прыжком вскочила с ложа и вернулась с небольшой корзинкой, сплетенной из листьев финиковой пальмы. С такими корзинками ходили на рынок богатые покупательницы косметики. Эгесихора уселась на край ложа, подогнув под себя ногу, воспетую мемфисскими поэтами как «среброизваянную», и извлекла ящичек из незнакомого Таис дерева. Заинтересованная, она тоже села и коснулась пальцами гладкой сероватой крышки.

— Дерево нартекс, в стволе которого Прометей принес огонь с неба людям. У Александра есть целый ларец из нартекса. Он хранит там список «Илиады», исправленный твоим другом Аристотелем, — и Эгесихора весело захохотала.

— А кто бежал из Афин из-за этого друга? — парировала Таис. — Но откуда тебе известны такие подробности об Александре?

Спартанка молча извлекла из шкатулки листок папируса, исписанный с двух сторон мелким аккуратным почерком Неарха.

— «Неарх, сын Мериона, шлет пожелания здоровья Эгесихоре и прилагает вот это», — спартанка высыпала на кровать горсть драгоценных камней и два оправленных в золото флакона из искрящегося огоньками «тигрового глаза».

Гетеры высшего класса понимали в драгоценностях не хуже ювелиров. Таис вынула лампион из ониксового экрана, и подруги склонились над подарком. Пламенно-красные пиропы («огненные очи»), огромный рубин с шестилучевой звездой внутри, густо-синий «царский» берилл, несколько ярких фиолетовых гиацинтов, две розовые крупные жемчужины, странный плоский бледно-лиловый камень с металлическим отблеском, неизвестный гетерам, золотистые хризолиты Эритрейского моря. Неарх понимал толк в камнях и поистине царский дар сделал столь давно разлученной с ним возлюбленной.

Эгесихора, раскрасневшись от гордости, подняла самоцветы на ладони, наслаждаясь их игрой. Таис обняла ее, целуя и поздравляя.

— О, чуть не забыла, прости меня, я становлюсь сама не своя при виде подарка.

Спартанка развернула кусочек красной кожи и подала Таис маленькую, с мизинец, статуэтку Анаитис, или Ана-

хиты, искусно вырезанную из цельного сапфира. Богиня стояла в живой позе, резко отличавшейся от обычной, скованно-неподвижной, закинув одну руку на голову, а другой поддерживая тяжелую сферическую грудь. Синий камень на выпуклых местах отливал шелком.

— Это Неарх передает тебе, просит помнить.

Афинянка взяла драгоценную вещицу со смешанным чувством досады и облегчения. Птолемей также мог бы прислать ей что-нибудь в знак памяти, и если не прислал, то забыл. Хвала Мигонитиде, если Александр и его полководцы явятся сюда, ей не нужно будет решать задачу, как отделаться от прежнего возлюбленного, ставшего полководцем могущественного завоевателя.

— Задумалась о Птолемее? — по-женски проницательная спартанка приложила горячую ладонь к ее щеке.

— Нет! — встряхнулась Таис. — А ты что будешь делать?

— Ждать Неарха! — убежденно ответила Эгесихора.

— А Эоситей?

— Пусть отправляется в Спарту, в Македонию, хоть в Эреб.

— И ты не боишься его ревности?

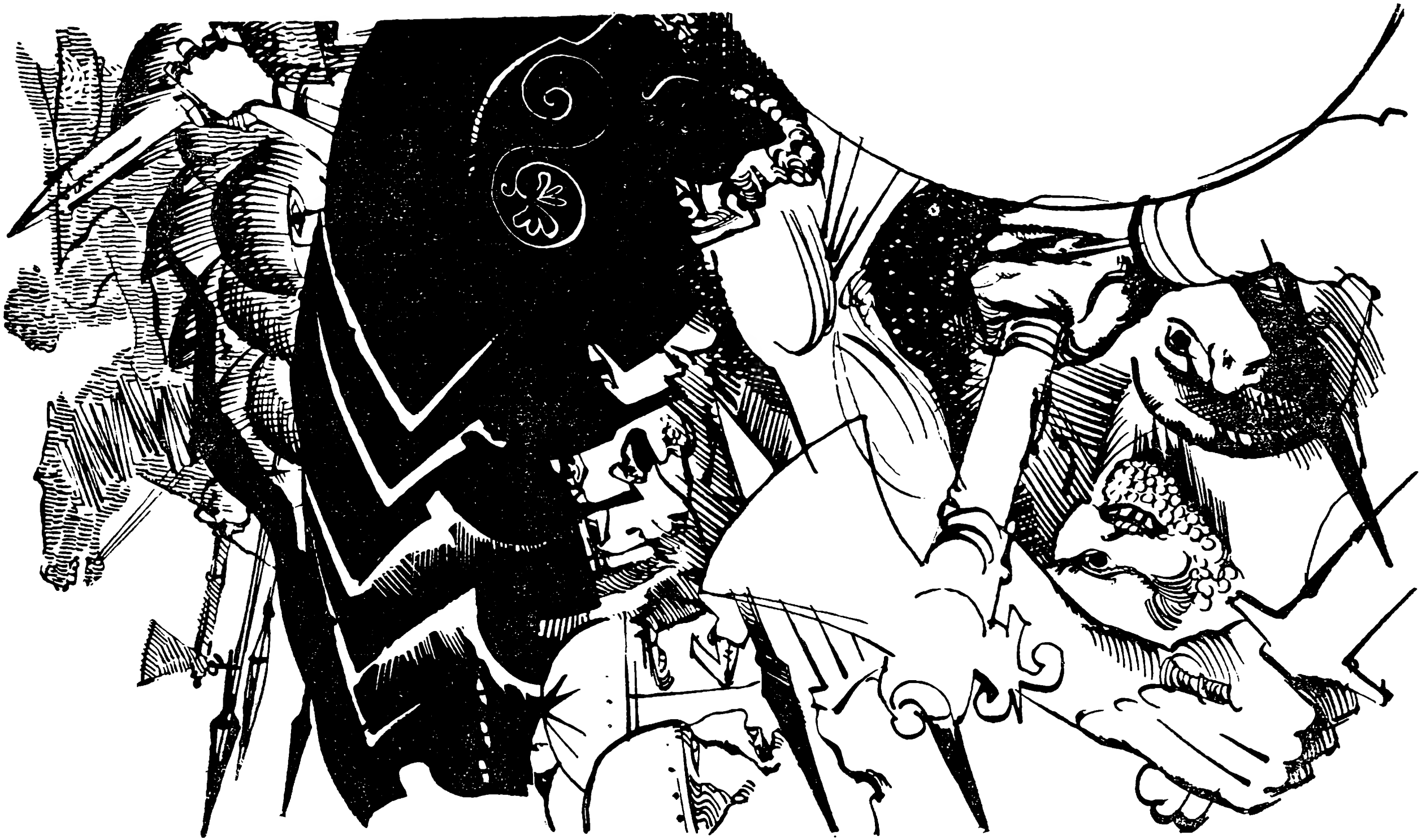
— Я ничего не боюсь!

— Я знаю, что ты тимолеайна — отважная, как львица, но мой тебе совет: храни эту шкатулку у меня.

— Совет мудр!

В конце последнего аттического месяца весны — скирофориона — Египет встревожился необычайно. Механики Александра построили огромный мол и взяли неприступный Тир после семи месяцев осады. Восемь тысяч защитников города было убито, тридцать тысяч жителей продано в рабство. Настала очередь Газы. Город решил сопротивляться, несмотря на урок могучего Тира, обманутый уверениями посланцев Дария, что царь приближается с неисчислимой армией.

Не Дарий пришел к стенам Газы, а вал песка. Выше ее башен, с гребня которого македонцы поражали защитников, как на равнине. Хитрость механиков этим не ограничилась. Из-под вала македонцы провели подкопы, и стены Газы рухнули. В яростном последнем сражении Александр получил тяжелую рану. Прорицатель Аристандр предупреждал полководца, что он подвергнется большой опасности, если примет участие в бою. Горячая кровь помешала Александру послушаться его совета. Каменный



валун из «аппарата», как назывались боевые метательные машины, пробил его щит и ударил в левое плечо, сломав ребро и ключицу. Несомый из боя под горестные клики, Александр улыбался и приветствовал своих воинов поднятием правой руки.

Защитники Газы — мужчины — были истреблены до последнего человека, женщины и дети проданы в рабство. Александр приказал разрушить все храмы. В Тире он ограничился тем, что поставил в главном храме Бела боевую осадную машину, а на центральную площадь по его приказу приволокли корабль Неарха.

Путь на Египет лежал открытым, Александра ожидали в Мемфисе к концу лета — в боэдромионе, как только он оправится от раны. Немало богатых людей бежало за море. Красивые дома с обширными садами в северной части Мемфиса продавались задешево.

Спартанцы собирались в дорогу. Два корабля стратега Эоситея пришли из Навкратиса. Они стояли у причалов, готовые поднять сотню гоплитов охраны, имущество стратега и коней Эгесихоры. Спартанка ходила как потерянная, узнав о решении подруги возвратиться в Элладу. После двух бессонных ночей Таис придумала для спартанца занятие в Афинах. Дом Таис пока был цел, со всеми оставшимися в нем вещами. Она предлагала Эгесихоре поселиться у нее. Срок преследования за расправу с философами окончился в метагитнионе этого года.

Лакедемонянка умоляла Таис и Менедема не бросать ее одну в Мемфисе.

— Почему ты хочешь остаться? — недоумевала афинянка. — Поплывем вместе с Эоситеем на спартанских кораблях.

— Нельзя. От любви к Менедему тебе изменило прежнее соображение, — яростно возражала Эгесихора, — в Спарте я не вырвусь от Эоситея. И у него планы большой войны...

— Опять? Неужели мало твоим соотечественникам? Как надоела их воинственная жестокость. Даже с нежной юности молодые спартанцы занимаются криптией — тайной облавой на илотов.

— Что ж тут плохого? Их учат мужественной свирепости в обращении с рабами. Подавлять у рабов даже мысли об освобождении!

— Свирепый рабовладелец сам раб, худший, чем илоты!

Эгесихора пожала сильными плечами.

— Я давно привыкла к афинскому вольнодумству, но вы поплатитесь за него!

— Спарта падет раньше, как состарившийся лев, и станет пищей дрянных гиен.

— Мы спорим о вещах военных и государственных, будто мы мужчины, — нетерпеливо сказала Эгесихора, — и ты не отвечаешь на мою просьбу. Останься вместе с Менедемом и со мной до прихода македонцев. Они ничего не сделают твоему возлюбленному, я могу поручиться.

— Я тоже сумею охранить его.

— Тогда сделай это для меня!

— Хорошо, я уговорю Менедема!

Лакедемонянка принялась душить подругу в крепких объятиях, поцелуями благодарности покрывая ее смуглые щеки.

Катастрофа разразилась, как всегда, неожиданно, подобно удару молнии.

Обе подруги прогуливались по набережной, привычные к возгласам восхищения встречных горожан и горожанок, высыпавших к реке в мягкое предвечерье конца египетского лета.

Менедем остался в лагере спартанцев в карауле. Вместо него на шаг позади Таис шла мелкой поступью Гесиона, прикрывая лицо от нескромных взглядов складкой наброшенного на голову шелка. Нескончаемая процессия пешеходов медлительно двигалась в обоих направлениях, обозревая мемфисских знаменитостей. Одевались здесь несравненно скромнее, чем в Афинах и особенно в богатых городах малоазийского и сирийского побережий. Позади подруг, привлекая внимание ростом — более четырех локтей, шествовал Эоситей в компании трех огромных лохагосов — начальников отрядов. Спартанцы, надев военные пояса, плащи и боевые шлемы с высокими гребнями-щетками из конских волос, возвышались над толпой, как грозные боги. Ни египетских, ни персидских воинов не было видно.

Там, где Нил огибал древнюю дамбу, служившую для наведения наплавного моста, набережная расширялась в просторную площадь, обсаженную громадными деревьями. Две пальмовые аллеи расходились развилкой от западной стороны площади, украшенной двумя блестевшими полировкой обелисками.

Пыль клубилась по правой аллее. Навстречу ехал всад-

ник в голубом плаще ангарейона — персидской верховой почты. На его копье висел пучок волос наподобие львиного хвоста, означавший, что он послан со специальным поручением. Всадник осадил коня между обелисками и стал всматриваться в гуляющую толпу. Его опытный взгляд быстро нашел кого следовало. Спрыгнув с лошади, неловкой походкой человека, проводящего жизнь в верховой езде, он пошел наперерез людскому потоку и, небрежно растолкав любопытных, предстал перед гетерами. Эгесихора побледнела так, что Таис испугалась за подругу и обняла ее, привлекая к себе извечным женским жестом опеки. Голубой вестник низко поклонился.

— Я еду от твоего дома, госпожа. Там мне сказали, что я найду тебя на прогулке, у реки. Кто же может ошибиться, увидев тебя? Ты — Эгесихора, спартанка!

Гетера молча кивнула, облизнув губы.

Вестник извлек из-за пояса пакет тонкой красной кожи и подал лакедемонянке.

— Неарх, критянин, флотоводец божественного Александра, шлет тебе это письмо и требует немедленного ответа.

Эгесихора схватила маленький пакет, в нерешительности сжимая его тонкими пальцами. Афинянка пришла ей на помощь.

— Где найти тебя вечером для ответа и награды?

Посланный назвал ксенон почтовой станции, где он остановился, и Эгесихора махнула рукой, отпуская его. И вовремя. Эоситей, нагнувшись через плечо спартанки, сделал попытку схватить письмо, но Эгесихора уклонилась, спрятав кожаный сверток под поясом хитона.

— Эй, поди сюда! — заорал стратег в спину уходившему вестнику.

Человек в голубом плаще повернулся.

— Отвечай, откуда письмо? Кто послал тебя? Или ты будешь схвачен и ответишь под свист бича.

Вестник побагровел, вытер запыленное лицо углом плаща.

— Военачальник, ты грозишь мне вопреки обычаю и закону. Письмо пришло издалека от могущественного человека. Все, что я знаю, — это слова, какие надлежало сказать, отдавая пакет. Тебе придется скакать много парасангов через десятки почтовых статмосов *,

* Станций.

прежде чем ты узнаешь, откуда послано письмо златокудрой...

Эоситей опомнился, отпустил вестника и подошел вплотную к Эгесихоре. Он смотрел исподлобья тяжелым и злым взглядом.

— Боги проясняют мне разум. Твое нежелание уезжать... Отдай мне письмо! Оно важно и для военных путей моего отряда.

— Сначала я прочту сама. Отойди!

Тон Эгесихоры был непреклонен. Эоситей отступил на шаг, и гетера мгновенно развернула пакет. Наблюдавшая за ней Таис увидела, как разгладилась суровая морщинка между бровей и легкая, беззаботная улыбка прежней афинской Эгесихоры тронула губы подруги. Она шепнула что-то Гесионе. Девушка шагнула в сторону, наклонилась и подала спартанке увесистый камешек. Прежда чем стратег сумел сообразить, Эгесихора завернула камень в письмо и не по-женски сильно и ловко метнула его в реку. Пакет исчез в глубине реки.

— Ты поплатишься за это! — сказал стратег под смех и шутки наблюдавших эту сцену мемфисцев.

Эоситей хотел было схватить ее за руку, но Эгесихора уклонилась и тут же скрылась в толпе. Военачальник счел ниже своего достоинства преследовать женщину и надменно повернул к лагерю в сопровождении помощников. Таис и Гесиона нагнали разрумянившуюся Эгесихору. Веселая, с блестящими от возбуждения глазами, она казалась столь красивой, что все оборачивались на нее.

— Что в письме? — коротко спросила афинянка.

— Неарх в Навкратисе. Предлагает плыть ему навстречу или ждать в Мемфисе. Еще раньше сюда придет Александр...

Таис молчала, разглядывая подругу, будто незнакомку. Солнце быстро опускалось за обрывы Либийской пустыни, мягкий свет предсумеречного покоя ясно очертил всю фигуру Эгесихоры. Таис почудилась странная тень, набросившая покров обреченности на лицо спартанки. Черные круги легли в глазницах, темные борозды подрезали тонкие крылья носа, затемнили очерк смелых губ. Словно подруга стала чужой, отдалилась и постарела на десятки лет. Таис вздохнула, поднося руку к прядям золотых волос лакедемонянки, поняла, что это лишь игра теней быстрого египетского заката, и облегченно вздохнула.

Охваченная весельем, Эгесихора рассмеялась, не понимая настроения приятельницы. Смутное ощущение беды омрачило настроение Таис.

— Дружочек, тебе надо на время исчезнуть, — она схватила подругу под руку, — пока не отчалит спартанский отряд.

— Никто не посмеет, особенно теперь, под сенью непобедимого, — возразила Эгесихора.

Таис не согласилась.

— Эоситей и его спартанцы — люди особенного мужества. Они не боятся ни смерти, ни судьбы. Если ты не хочешь уплыть из Египта в трюме корабля связанной, советую подумать. Я найду такое убежище, что лазутчики не разыщут тебя.

Эгесихора засмеялась снова.

— Не могу представить, чтобы главный стратег, закаленный воин, родственник царя, в такой решительный час мог думать о женщине, о гетере, хотя бы и столь великолепной, как я, — спартанка кокетливо изогнулась.

— Ошибаешься. Он хочет владеть тобой безраздельно именно потому, что ты великолепна, как богиня, окружена всеобщим вниманием и поклонением. А расстаться, тем более отдать кому-нибудь, будь то сам Аргоубийца, для него — унижение, худшее, чем смерть. Его или твоя... сначала твоя, но не прежде, чем ты до дна осушишь чашу унижений, которыми он воздаст тебе за власть над ним и непокорство...

Таис умолкла. Молчала и Эгесихора, не замечая ни прохожих, ни зажженных у пристани факелов.

— Пойдем домой к тебе, — встрепенулась она, — я должна написать ответ.

— Какой?

— Буду ждать здесь. Боюсь кораблей — мои соотечественники могут подстеречь меня в любом месте выше Навкратиса. Боюсь оставить лошадей — куда я их спрячу? Тем более что ты согласилась остаться здесь со мною до времени, — и Эгесихора обняла, прижимая к себе верную подругу детских лет.

Спартанка попросила Таис ее четким почерком написать короткий, исполненный любви ответ, приложила печать присланного Неархом перстня и заняла у подруги два золотых дарика, чтобы заставить вестника немедля отправиться в обратный путь до следующей станции.

Раб-садовник, спрятав письмо в набедренной повязке, тут же побежал в ксенон почтовой станции.

Эгесихора допоздна дожидалась возвращения посланца и, лишь узнав, что вестник-почтальон согласился выехать поутру, отправилась домой с факелами и двумя сильными спутниками.

Уснувшая поздно, Таис проспала дольше обычного. Ее разбудила Клонария, ворвавшаяся с криком: «Госпожа, госпожа!»

— Что случилось? — встревожилась мгновенно очнувшаяся гетера.

— Мы только что с рынка, — торопилась рассказать рабыня, — и там все говорят об одном — убийстве вестника, прибывшего вчера из Дельты. Его нашли на рассвете у ворот станции...

— Беги за Гесионой! — прервала Клонарию афинянка.

Гесиона примчалась из сада и тотчас была послана с наказом бегом привести Эгесихору. Таис приказала приготовить широкие белые египетские плащи и взнуздать Салмаах. Надев короткий хитон для верховой езды, она нетерпеливо ходила перед террасой в ожидании подруги. Наконец, встревоженная задержкой, она велела Клонарии сбегать к Эгесихоре. Расстояние в четверть схена до жилища спартанки было пустяковым для здоровой девушки. Когда запыхавшаяся рабыня вернулась одна, Таис поняла, что ее опасения сбываются.

— Хрисокома и «Рожденная змеей» уехали вместе на четверке, — сообщила Клонария.

— Куда?

— Никто не знает. Вот по той дороге, — рабыня показала на юг.

Эгесихора, очевидно, решила укрыть своих драгоценных лошадей в садах, близ могил древнейших царей, у Тупой Пирамиды. Владелец садов был эллином по отцу и одним из ярых поклонников Золотоволосой.

Таис вскочила на Салмаах и пропала в пыли, прежде чем рабыня смогла сказать хоть слово.

Афинянка шпорила кобылу твердыми пальцами ног и проскакала бешеным галопом целый схен. Обрыв западных скал приближался к самой реке. Обогнув его, Таис осадила Салмаах. Из-за кустов показалась четверка Эгесихоры, медленно ехавшая навстречу. Одного взгляда было достаточно: случилось что-то ужасное!

Привалившись к арбиле — передней стенке колесницы,

с опущенной головой стояла Гесиона. Ее волосы раскосматились на ветру, хитон сполз, обнажая плечо. Послав Салмаах вперед, Таис с пронзительной ясностью поняла, что пыльно-золотые пряди, колеблемые ветром в прорезях правого борта колесницы, — концы волос ее подруги. Подскакав ближе, она увидела залитый кровью хитон Гесионы, темные пятна на желтой краске и медлительно страшные капли, падавшие в пыль позади лошадей. Салмаах пятилась от колесницы, чувствуя кровь и смерть. Таис спрыгнула с кобылы, бросив поводья, и бегом догнала колесницу. Эгесихора лежала, опершись боком на арбилу, низко свесилась отягощенная косами безжизненная голова. Перешагнув через ноги спартанки, Таис обняла находившуюся в полузабытьи Гесиону, отняла вожжи и остановила тетриппу.

Гесиона очнулась. С трудом разомкнув слипшиеся губы, она выдавила: «Нельзя, позади убийцы». Не отвечая, Таис склонилась над милой подругой, подняла ее голову, увидела серые губы и блестевшие сквозь полузакрытые веки белки остановившихся глаз. Широкая рана ниже левой ключицы, нанесенная сверху боевым дротиком, была смертельной. Таис повернула еще теплое и гибкое тело подруги на бок, уложила на дно колесницы. На миг ей показалось, что Эгесихора, живая и невредимая, устроилась уютным клубком, заснув на пути. Вырвавшееся рыдание сотрясло все тело афинянки. Осилив горе, Таис занялась Гесионой. По правому боку шел длинный разрез от нанесенного с огромной силой удара. Убийца промахнулся и рассек только кожу и поверхностные мышцы, однако кровь широкой лентой продолжала медленно стекать на бедро. Таис затянула рану головным покрывалом и тронула лошадей, свистнув Салмаах, которая затрусила рядом. Они доехали до ручейка чистой воды, так и не обменявшись ни словом с Гесионой. Напоив девушку, обмыв ее лицо и окровавленные руки, Таис застыла в задумчивости. Гесиона, порываясь что-то сказать, не посмела нарушить ее молчания.

Внезапно Таис рванулась к колеснице, осмотрела ее, поправила перекосившийся кринон — кольцо на дышловом стержне. Гесиона последовала за ней, но Таис молча показала ей на Салмаах. Гесиона вышла из оцепенения и неожиданно легко вскочила на лошадь. Разбирая вожжи, Таис искоса взглянула на фиванку и убедилась, что та может держаться в седле. Позади на прямом участке

дороги показались подозрительные, бежавшие мелкой трусцой фигуры в белых египетских накидках. Таис недобро усмехнулась и издала пронзительный визг. Кони бешено рванули с места. Испуганная Салмаах отпрыгнула в сторону, едва не сбросив Гесиону. Фиванка распростерлась на ней, вцепившись в гриву. Таис понеслась очертя голову, как никогда не сделала бы даже в присутствии Эгесихоры, которая иногда учила ее управлять четверкой.

Эгесихора, златоволосая, среброногая, прекрасноплечая! Ее неразлучная подруга, поверенная всех тайн, спутница всех дорог! Рыдания снова сотрясли Таис, но мысль об убийце и мщении, гнев и ярость перекрыли все другие чувства. Она неслась, как воплощенная Эринния, окаменевшая в стремлении достичь цели. Она не успела научиться у Эгесихоры той музыкальной работе пальцев, какая требуется для гармонизации действий всех четырех лошадей. Таис помнила, что между большими и указательными пальцами правой и левой руки держат вожжи дышловой пары, а средние и безымянные захватывают вожжи наружных пристяжек, пропущенные через кольца на холках. Повороты тетриппы в ее руках были неуклюжи, Таис мчалась напролом, едва успевая избегать серьезных препятствий.

Случилось то, чего она все время опасалась. Из отрывистых, полубессвязных выкриков Гесионы Таис поняла, что подругу подстерегли на дороге к садовому хозяйству, отстоявшему на три схена от центра Мемфиса. Эгесихора попросила Гесиону сопровождать ее, чтобы помочь управиться с лошадьми, если ее приятеля не окажется на месте. Таис поняла, что Эгесихора чувствовала нависшую над собою опасность и не хотела быть одной.

Проехав более двух схенов, они достигли маленькой рощи, где дорогу колеснице преградили два человека с копьями. Эгесихора помчалась прямо на них... Люди отпрыгнули в сторону, а в это время кто-то скрывавшийся в ветвях большого дерева бросил копье в Эгесихору. Она упала мгновенно, сраженная насмерть. Гесиона плохо помнит дальнейшее. Она думала только об одном — увезти Эгесихору в город, к госпоже. Наверное, она остановила разбежавшуюся четверку, развернула ее на узкой дороге, когда убийцы явились снова. Кто-то ранил ее, метнув нож. Она умчалась, не чувствуя боли, а потом остановила бег лошадей и вытащила копье из тела Эгеси-

хоры. И тут ей стало дурно, глаза перестали видеть. В этом состоянии и нашла ее Таис. Сами боги привели госпожу сюда, иначе убийцы настигли бы колесницу.

Бешеным галопом пронеслись они по людным улицам под испуганные крики и угрозы разбегавшихся прохожих и носильщиков. Вихрем подлетела четверка к воротам Стратопедона. Воин на страже, одуревший на солнцепеке, сначала даже не двинулся, узнав четверку Эгесихоры. Потом, заметив неладное, нерешительно наклонил копье, преграждая путь. Таис и не подумала сдерживать озверелых коней. Со стуком полетел выбитый из рук щит, хрустнуло под колесами копье, отброшенный к столбу спартанец дико завопил, поднимая тревогу. Колесница промчалась через обширный двор для военных упражнений к огороженному решетчатым барьером навесу. Здесь обычно сидел стратег Эоситей. В глубине навеса помещалось его жилье. Эоситей, привлеченный криками, выскочил из-под навеса. Не в силах остановить тетриппу, Таис заставила ее вильнуть в сторону и зацепила осью за решетку. С треском полетели куски сухого дерева, колесница сокрушила ограду и, задев за столб, остановила лошадей. Со всех сторон сбегались переполошившиеся военачальники. Из барака около ворот высыпал и построился отряд гоплитов — воинов в металлической броне. Гесиона проскочила в ворота следом за колесницей и подскакала на помощь к Таис.

Афинянка спрыгнула с колесницы прямо под ноги остолбеневшему стратегу.

— Убийца, гадкий трус! — закричала она, вытягиваясь перед гигантом во весь свой небольшой рост и тыча в него пальцем. — Иди смотри на дело твоих рук! — Таис показала на колесницу. От удара о столб тело Эгесихоры перекатилось назад и сползло по подножке. Казалось, спартанка уснула, улегшись головой на массу золотых волос, широко раскинув руки, в неудобной позе.

Эоситей опомнился. Схватив за руку Таис, он рванул ее в тень, в глубину навеса.

— Ты сошла с ума, женщина! Как ты смеешь обвинять меня, потомка спартанских царей, знаменитого воина?

— Вы слышали лживые слова гиены?! — обратилась Таис к собравшимся у сломанной решетки потрясенным воинам. Она презрительно расхохоталась. — Подосланные им убийцы схвачены, они уже сознались во всем!

Таис говорила с такой непоколебимой уверенностью, что Эоситей посерел от злобы.

— Умолкни, скверная блудница! — взревел он, зажимая рот Таис огромной ладонью. Гетера крепкими зубами укусила его за пальцы, и стратег заорал от боли и отнял руку.

— Золотоволосая не хотела больше жить с ним, а вам надо покидать Египет, — торопливо объясняла Таис, — тогда он подкупил трех... — афинянка едва успела отклониться от могучего кулака.

Тут Гесиона, полунагая, с воплем: «Я свидетельница!» — прыгнула на плечи Эоситею, вцепившись ему ногтями в глаза. Стратег сорвал ее, как кошку, отшвырнув в угол, и, не помня себя, устремился на Таис, выхватив широкий киликийский нож. Таис поняла, что сейчас будет убита. Не испытывая страха, она стояла перед гигантом, гневно и мстительно глядя ему в глаза.

В последний миг Таис прикрыл собою неведомо откуда взявшийся Менедем.

— Прочь, щенок, раб потаскухи! Эй, хватайте гнусную бабу!

Никто из воинов не двинулся, несмотря на знаменитую спартанскую дисциплину. Все любили Эгесихору и Таис, и слишком похоже было на правду обвинение.

Эоситей понял, что нерешительность грозит ему разоблачением. Оттолкнув Менедема, он схватил Таис за хитон, потянул к себе, ткань затрещала, и тут Менедем нанес ему такой удар в грудь, что стратег отлетел на несколько шагов и упал, ударившись головой об стену. Когда он вскочил, на его лице не было ни страха, ни злобы. Машина убийства, воспитанная с детства, проснулась в нем с быстротой инстинкта. Искусный воин, он обманул безоружного силача боковым выпадом кинжала и, внезапно извернувшись, припадая на согнутую ногу, нанес страшный удар снизу в печень.

Точно в тяжком беспробудном сне Таис увидела, как обмякли могучие мышцы верного ее атлета. Будто сломавшись, сцепив руки над раной, Менедем упал на колени, изо рта его хлынула темная кровь. Эоситей нагнулся, стараясь вытащить глубоко вонзившееся оружие. В этот момент Менедем из последних сил нанес Эоситею удар по темени обеими, сомкнутыми в пальцах руками. Последних сил в теле умирающего атлета осталось еще столько, что шея стратега хрустнула, и он сва-

лился к ногам Таис, вытянув вперед, как для последнего удара, руку с окровавленным кинжалом.

Таис склонилась над Менедемом. Воин еще успел улыбнуться ей. Каждый истинный эллин умирал с улыбкой, всегда потрясавшей иноземцев. Губы Менедема шевельнулись, но Таис не разобрала ни слова. Свет погас для нее, и она в беспамятстве упала на широкую грудь Менедема, прижавшись к нему щекой.

Военачальники спартанцев молча подняли Таис, передав ее на попечение Гесионы. Менедем был мертв, а Эоситей глухо мычал, мотая головой, не в состоянии двинуть парализованными ногами и руками.

Главный помощник стратега, спартанец знаменитого рода, подошел к Эоситею, вынул меч и показал ему. По освященному веками обычаю лаконцы всегда добивали своих смертельно раненных — с их согласия, если они были в сознании. Стратег глазами попросил смерти, и через мгновение его не стало.

Гесиона привела в чувство свою госпожу и умоляла ее обождать, пока заместитель стратега не даст повозку. Гетера оттолкнула фиванку и вскочила.

— Надо ехать. Пусть приведут Салмаах! — ответила она на испуганный взгляд Гесионы. — Я должна похоронить Эгесихору и Менедема, как древних героев Эллады. Сама! И это надо сделать немедленно, пока они прекрасны, — шепотом добавила Таис.

Гесиона все же задержала госпожу, чтобы немного причесать и зашпилить одежду. Таис отыскала в толпе возбужденных военачальников хорошо ей знакомого Архимаха, заместителя стратега, сурового пожилого воина, и договорилась с ним о процедуре похорон. А потом с двумя младшими военачальниками поехала в город, послав в дом Эгесихоры Гесиону с закрытой повозкой. Внутри нее на груду плащей положили тела Золотоволосой и Менедема. Архимах дал целый отряд, а лесоторговец прислал тридцать рабов с шестьюдесятью повозками брусьев душистого кедра. Таис отдала за них и за пять стволов аравийских ароматных деревьев все оставшиеся деньги, половину драгоценностей и ложе из черного дерева со слоновой костью...

Разложение еще не коснулось двух самых дорогих афинянке людей, а они уже лежали, соединенные смертью, рядом на гигантском костре, головами на север, одетые в праздничные одежды. Рыжие кони, убитые,

как в древности, чтобы сопровождать Эгесихору в ее пути по полям асфоделей Аида, лежали по левую сторону. Их гривы и яркая шерсть оттеняли длинные косы спартанки, струившиеся вдоль ее тела почти до ступней босых ног. С правой стороны Менедема уложили белых дышловых жеребцов, а в ноги обоим поставили колесницу.

Костер высился на уступе под стеной западного обрыва, почти напротив дома Эгесихоры. Таис взобралась на высоту пяти локтей, на угол костра, и застыла в прощальной тоске, глядя в последний раз на прекрасные лица безвременно ушедших дорогих ей людей. В полном боевом вооружении стояли вокруг товарищи Менедема, молчаливые, хмурые, ощетинившись наклоненными вперед копьями. Час назад они похоронили своего стратега за стеной маленького эллинского кладбища на восточном берегу Нила. Рыдали рабыни обеих гетер, сдерживая крики, как приличествовало в Элладе. Двух слуг, завопивших по египетскому обычаю, быстро удалили. Теперь только резкие вопли деревянных похоронных флейт-гингр нарушали беспокойную тяжелую тишину. Жрец готовился совершить последнее возлияние и негромко возносил мольбы владыке подземного царства. В почтительном отдалении стояла огромная толпа мемфисцев — поклонников золотоволосой укротительницы коней и просто любопытных.

Спокойны и прекрасны казались лица Эгесихоры и Менедема. Слегка приподнятые брови спартанки придавали несвойственное ей выражение милого недоумения. А Менедем улыбался той слабой улыбкой, которую он послал Таис с последним вздохом.

Таис еще не успела осознать глубину своей утраты. Сейчас острее всего чувствовала она уходящую красоту своих близких, лежавших на общем погребальном ложе, во всем подобных древним героям Эллады. Когда, сойдя с костра, она поднесет факел к сухим и смолистым бревнам, перестанет существовать то прекрасное, что радовало ежечасно, ежедневно и ее, и других людей. И Таис не решалась на это последнее усилие, несмотря на знаки, подаваемые ей жрецом. Она понимала, что нужно спешить, иначе на египетской жаре разложение навсегда испортит облики ее спартанцев. Они останутся в ее памяти такими, какими она увидит их в самый последний миг.

Таис оглянулась. Ряды спартанцев стояли по-прежнему неподвижно, воины смотрели на погибших. Одним прыжком афинянка соскочила с костра. Тотчас же ей подали горящий факел. Подняв его высоко над головой, Таис замерла на несколько мгновений. Воины через одного, отдав свои копья товарищам, стали брать смолистые палки, зажигать их в жаровнях, дымившихся в четырех углах костра.

Таис обошла костер, стала в головах и сунула факел под груду тонких кедровых щепок. Пламя, почти незаметное на солнце, дохнуло жаром, поднялось до края помоста, взвился редкий голубой дым. Лаконские воины быстро подожгли костер со всех сторон, затрещали конские хвосты и гривы, потянуло резким запахом паленого волоса. Таис сквозь пляшущее пламя взглянула в последний раз на лежавших. Ей показалось, что Менедем шевельнул рукой, как бы прощаясь, и афинянка отвернулась. Опустив на лицо легкий египетский шарф, служивший здесь летом вместо химатиона, Таис, не оглядываясь, пошла домой вместе с Гесионой.

Завтра, когда остынет жар огромного костра, спартанцы соберут пепел от тел Эгесихоры и Менедема, смешавшийся с пеплом ее лошадей, и бросят на середине Нила, стремящегося к Внутреннему морю, на северных берегах которого выросли оба. А еще через день спартанцы поплывут вниз по реке к Навкратису, откуда лежит путь в Лакедемон. Спартанцы настаивали, чтобы Таис уезжала с ними, но гетера отказалась. Она не могла сразу уехать из Мемфиса. Да и возвращаться в Элладу теперь было незачем. Из Афин доходили тревожные слухи о смутах, вызванных речами Демосфена, и весь эллинский мир, растревоженный неслыханными победами македонского царя, казалось, готовился двинуться на восток, в запретные ранее пределы.

Глава седьмая ПРОБУЖДЕНИЕ ГЕСИОНЫ

Таис провела взаперти пять дней, никого не принимая. Она лежала, распростершись ничком, в полумраке спальни и допускала к себе только Гесиону, которая старалась заставить госпожу

хоть немного поесть. Дружеские чувства к фиванке, крепнувшие исподволь, несмотря на нарочитое старание Гесионы держаться служанкой, теперь, в эти горькие дни, усилились и превратились в настоящую привязанность. Трудно было не полюбить отважную, чистую и красивую дочь Беотии.

Лишь на шестой день Таис вышла из дома вечером, чтобы дойти до храма Нейт. Но, к своему огорчению, узнала, что делосский философ и его ученик-поэт уехали в Элладу еще до новолуния. Уехали и спартанцы. Мемфис, взбудораженный было тройным убийством, быстро позабыл о нем: новые события, связанные с приближением Александра, занимали равно и эллинов и египтян.

Таис наняла лошадь для Гесионы, и теперь почти каждый день обе совершали далекие верховые прогулки. Таис дрессировала Салмаах. Гесиона никогда не думала, что возможны такие трюки и такое взаимное понимание всадницы и лошади. Таис понравилось спускаться по немыслимой круче на песчаных обрывах нильских берегов. Салмаах сползала, поджав задние ноги, а всадница запрокидывалась назад, чуть ли не касаясь затылком крупа лошади; колени Таис сходились на высокой холке, а ступни крепко сжимали кобылу под грудью. Казалось, еще мгновенье, и лошадь перевернется через голову и полетит вниз, ломая кости наездницы. Уступая мольбам Гесионы, Таис выбирала удобную ровную площадку и принималась за танцы. Гесиона привязывала своего коня, становилась у края площадки и запевала протяжную тессалийскую мелодию, сопровождая ее ударами в небольшой бубен. Салмаах вначале упрямилась, пока через несколько дней не уразумела, что от нее требуется. Чувство ритма у всех породистых лошадей врожденное, оно выработано миллионами лет приспособления. Без четкого ритма нельзя держать продолжительной рыси. Удары копыт хорошего бегуна должны быть подобны размеренному звону капель в клепсидре — водяных часах. Требование мерного ритма относится и к человеческому бегу. Оно необходимо везде, где от живого тела требуются длительное напряжение и особенная выносливость.

Скоро Салмаах плясала под бубен Гесионы, как заправская танцовщица, и не мудрено — ведь ею управляла сама «четвертая Харита» Эллады. Архаический танец женщин на лошади — иппогиннес, по преданию,

был создан амазонками. Легендарные женщины Термодонта исполняли его на равнине Темискиры * на пафлагонском побережье Эвксинского Понта. Это всегда происходило в полнолуние, под ярким светом высокой луны, в дни эллотии — празднеств в честь Артемис. Ныне иппогиннес почти исчез, лишь изредка отважные тессалийки, профессиональные акробатки на лошадях, исполняют его в Аттике или Спарте по особому приглашению богатых устроителей празднеств. В этих занятиях Таис безуспешно пыталась найти забвение и заполнить пустоту жизни. Ее прежний задор угас, уступив место печальным раздумьям о дальнейшем пути. Наступила очередь и Гесионе размышлять о том, как излечить душевную рану ее госпожи и подруги. Она даже стала жалеть об отъезде таинственного учителя Таис, к которому раньше так ревновала. Делосский философ ускорил бы «выздоровление» госпожи, тяжело раненной незримым оружием судьбы и богов. Гесиона женским чутьем предугадывала это неизбежное возрождение Таис. Слишком много сил было в молодом теле критянки, слишком много живого интереса ко всему на свете она унаследовала от своих афинских предков.

Упали воды великой реки, Нил стал прозрачным и медлительным, как зимой. Таис делила время между Салмаах и узкой, легкой лодкой. Они катались втроем — хозяйка дома, «Рожденная змеей» и Клонария. Ни одному из становившихся все более настойчивыми ухаживателей не ответила гетера. Гесиона вообще отвергала все мужское, и только Клонария влюбилась в пожилого греческого купца. Он предлагал выкупить ее у Таис, но рабыня сама отказалась из боязни покинуть дом Таис, где она чувствовала себя в безопасности и привыкла к ласковому обращению. Таис призвала купца и заявила, что отдаст Клонарию без выкупа, но с условием заключения брака. Купец обещал подумать. С домом приходилось расстаться. Его владелец захотел было повысить и без того непосильную для одинокой гетеры плату. Только неопределенность положения в Египте накануне прихода Александра мешала хозяину переменить Таис на более богатых жильцов.

Гесиона с тревогой смотрела, как одно за другим исчезали из большой шкатулки украшения госпожи. Да-

---

* Ныне турецкое побережье Черного моря, окрестности Синопа.

же в самые богатые периоды своей жизни Таис жила скромно в сравнении с безудержной расточительностью других выдающихся гетер. Смерть Эгесихоры отняла половину ее сердца, а гибель Менедема лишила любви и надежной опоры. Таис, как запнувшаяся на скаку лошадь, потеряла из виду дорогу и вертелась в круге медленных дней, утратив желания, не видя смысла дальнейшей жизни в Египте и не зная, куда направиться, чтобы скорее заполнить душевную пустоту.

В дни «мертвых», «тяжелые дни» (три последних дня каждого месяца) пианепсиона, Таис особенно остро почувствовала, что прежний мир утрачен навсегда. Никогда более не вернется та безмятежная и спокойная жизнь, с непременным ожиданием еще лучшего, еще более прекрасного, божественная уверенность в своей красоте, ощущение здоровья, счастливой судьбы, какая бывает лишь в расцвете юности. Таис исполнилось всего двадцать три года — для эллинской женщины и даже для танцовщицы — возраст полного расцвета. А ей казалось, что юность уходит, а вместе с юностью уходит ее прежняя красота. Отсутствие желаний пугало Таис призраком будущей старости. Если бы не уехал мудрец Делоса! Как ей нужен был сейчас друг-наставник! Она скорее бы нашла в себе силы и ожила для новой жизни.

Таис, оставив дом на попечении Гесионы, снова уединилась в храме Нейт. Жрецы приняли ее благосклонно, очевидно предупрежденные делосцем. Гетера облюбовала комнату-библиотеку в верхнем этаже пилона и среди греческих книг разыскала платоновского «Горгия». Таис помнила ироническую усмешку делосского учителя в ответ на ее пренебрежительный отзыв о Платоне. Она тогда еще почувствовала, что сделала промах, и решила при случае перечитать великого философа. И действительно, в его диалогах Таис увидела не понятую ею прежде глубину заботы о людях Афин, старание возвысить эллинов Аттики так, чтобы каждый соответствовал духу города Девы. Она ощутила близкую теперешним ее настроениям печаль мудреца о прошлом Афин, от которого после войны со Спартой остался лишь опустелый сосуд былого великолепия. Там, где прежде ей виделось лишь нудное наставление, оказалась твердая вера в то, что только высокая мораль и душевное отношение людей друг к другу могут создать подлинное архé, государство. Задача улучшения людей, по мнению Платона, была са-

мой главной. Правителям, ввергавшим эллинов в бесправие, учившим подданных только злобе и предательству, ничего не удавалось, кроме позора и бесславия. Интересно, к чему стремится Александр? Куда направит он дальше свою сокрушительную армию? К чему приложит он свою великую мудрость и неотступное покровительство богов? Впрочем, что за дело до этого Таис? Куда она направится сама, что принесет ей любовь к приключениям и перемене мест? Пора покинуть Мемфис, хотя бы для того, чтобы сгладилась утрата Эгесихоры и Менедема. В последние дни к ней настойчиво стремится некто Стемлос, единственный сын одного из самых богатых купцов Мемфиса. Только вышедший из возраста эфеба, он вряд ли старше самой Таис. Чувствует себя мальчиком перед богиней. Но ведь могучий Менедем тоже зачастую был как мальчик! Добрый, доверчивый, бесстрашный! Неужели придется принять предложение Стемлоса? О нет, никого не надо!

Читая седьмое письмо Платона, Таис живо почувствовала, что мудрец преклоняется перед древней и святой, по его словам, религией орфиков. И все же прежняя неприязнь к учению Платона осталась. Именно потому, что в его проповеди было унижение физического, естественного начала в человеке; древние узы ума и чувств закоренелого рабовладельца отвращали гетеру, обладавшую более широким взглядом на мир и людей. Несколько дней, не покидая храма, Таис предавалась размышлениям и читала, пока не пресытилась и не отказалась от попыток предугадать свое будущее. С облегчением и почти прежним озорным ощущением здоровья и силы она услышала зов служителя, возвещавшего о том, что «прекрасная девушка в розовом хитоне просит Таис выйти к воротам внутреннего двора».

«Прекрасной девушкой» оказалась Гесиона в ярком наряде, не свойственном суровой фиванке. Гесиона неузнаваемо переменилась и очень похорошела с тех пор, как с рынка рабов попала в дом Таис.

Гесиона заметила удивление своей хозяйки и залилась румянцем.

— Всем жителям Мемфиса велено нарядиться в лучшее платье.

— Что? Александр?

— Да! — шепнула взволнованная фиванка.

Таис хлопнула в ладоши, подзывая мальчика-служку.

— Скажи почтенным жрецам, что я благодарю их за гостеприимство. Я должна уйти. Но скоро вернусь...

Таис не могла себе и представить, как она ошибалась. Лишь через девять лет, уже став царицей Египта, она снова переступит порог храма Нейт.

Давно уже улицы Мемфиса не были столь оживленными. Таис с Гесионой с трудом пробивались к дому через взбудораженные толпы. Египтян, обычно на улицах сдержанных и учтивых, — в этом они были похожи на спартанцев — сегодня нельзя было узнать. Они не уступали дороги старшим и женщинам, толкались, как афиняне на агоре. Таис, неузнанная, даже подверглась оскорбительным замечаниям за свой не новый и не яркий наряд. Она не отвечала, склонив голову и прикрыв лицо шарфом.

Мемфисцы восторженно встретили Александра и хотели было учредить всеобщий праздник в его честь. Но великий победитель исчез так же внезапно, как и появился, едва только принял знаки покорности от сатрапа и жрецов, объявивших о низложении фараона.

Таис не хотела видеться с Александром, и судьба пошла ей навстречу. Поздно вечером на второй день возвращения Таис ее отыскал Неарх. Афинянка сразу узнала морехода, хотя он заметно изменился, в речи его появились властные и резкие нотки. Его борода, вопреки моде полководцев Александра, вызывающе торчала. Критянин будто и не удивился давней приятельнице, шагнул к выбежавшей навстречу Таис, крепко взял ее за руку и промолвил единственное слово: «Эгесихора?»

Губы гетеры задрожали, глаза налились слезами. Задержав дыхание, она склонила голову. Так они молча стояли друг перед другом. Руки Неарха сминали браслеты из мягкого золота на запястьях гетеры. Наконец, Таис опомнилась, позвала Гесиону...

— Сядь, выпей вина.

Неарх послушно, с несвойственной ему медлительностью опустился в тяжелое резное кресло, машинально налил неразбавленного вина.

Гесиона, смущенная, с опущенным взглядом, принесла ларец с драгоценностями Эгесихоры, так и оставшийся у Таис.

Критянин вздрогнул, увидев свои дары. Таис схватила хотевшую удалиться фиванку и толкнула ее к Неарху.

— Вот свидетельница последнего часа Эгесихоры! Рассказывай! — прикрикнула она на задрожавшую Гесиону.

Та залилась слезами, скользнула на ковер к ногам гетеры, но быстро овладела собой и довольно связно передала Неарху все, что он хотел знать.

Из-под опущенных век молодого флотоводца скатилось несколько слезинок. Критянин оставался недвижимым, только опущенная на боковину кресла рука вздрагивала, а тонкие пальцы сдавливали шею резному льву. Повинуясь внезапному порыву, Гесиона приподнялась с ковра и прильнула щекой к этой руке. Неарх не отнял ее, а, протянув другую руку, стал гладить волосы фиванки, вполоборота следя за Таис, которая дополнила ее рассказ.

— И мой Менедем ушел сопровождать Эгесихору в подземелья Аида... — Таис расплакалась.

— И проклятый Эоситей тоже там! О спартанцы! — глухо, с ненавистью и угрозой воскликнул Неарх, вставая.

— Эгесихора тоже лакедемонянка! — тихо возразила Таис, и критянин не нашел что ответить.

— Завтра на рассвете принесу жертву в память ее. Я приглашаю тебя, — сказал Неарх после некоторого молчания. — И тебя, — он обратился к Гесионе. — Пришлю колесницу или носилки...

— Хорошо, — ответила Таис за обеих, — но ты забыл про это. — Она протянула ларец Эгесихоры.

Неарх отступил на шаг, отстраняя ящичек рукой.

— Нет, не надо. Отдаю той, которая увезла Эгесихору от убийц, — твоей подруге.

Потрясенная Гесиона от волнения сделалась пунцовой.

— Что с тобою, наварх? Разве можно дарить столь дорогие вещи нищей девушке, ведь я не рабыня только по доброте госпожи? Я не могу взять этого!

— Возьми! На память об ужасном часе, пережитом вместе с моей золотой милой. А о своих достоинствах предоставь судить мне!

Гесиона неуверенно взглянула на Таис. Гетера повела бровями: мол, надо взять, и фиванка низко склонилась, принимая ларец из ее рук под угрюмым взглядом критянина.

Неарх остановился у порога.

— Есть еще у меня к тебе слова Птолемея. Он искал тебя в первый же день, а теперь уплыл с Александром к морю. Он не забыл тебя. Если ты хочешь увидеть его, Александра и Гефестиона, то поплывем вместе. Я жду посланного из Залива Героев и должен присоединиться к Александру. Наш божественный полководец и друг хочет основать новый город — может быть, будущую столицу своего царства. Есть подходящее место, там, где был тысячелетие тому назад критский порт.

— Где же это? — заинтересовалась Таис.

— На побережье. Отсюда плыть на Навкратис и дальше на Канопус, потом вдоль берега моря, на запад. Впрочем, ты знаешь об этом месте из Гомера: обитель морского старца Протея.

— «На море в шумном прибое находится остров, лежащий против Египта. Его называют там жители Фарос», — моментально вспомнила и речитативом напела Таис.

— Да, Фарос. И это гомеровское место особенно нравится Александру. Знаешь, как он любит Гомера. Так едем?

Таис смутилась.

— Большой ли у тебя корабль?

Неарх впервые за весь вечер усмехнулся, наивность знаменитой гетеры позабавила его.

— Самый большой мой корабль стоит в Тире, на площади перед главным храмом. В знак победы. Так же, как осадная машина Деиада — начальника всех механиков Александра, в знак победы водружена внутри храма в Газе.

Таис всплеснула руками в восхищении.

— Зачем тебе знать размеры моего корабля? — продолжал критянин. — Я дам тебе отдельный корабль, два, три, сколько захочешь. Ну!

— Мне нужно взять с собой мою лошадь, — стесняясь, ответила Таис, — я не могу с ней расстаться надолго.

— Понимаю. Только-то? А еще?

— Кроме меня, конюх и еще две женщины.

Продолжение на стр. 193

НАВСТРЕЧУ 50-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ ● СЕНТЯБРЬ ● 1972

ТОВАРИЩ

Мирсаид МИРШАКАР,
Председатель Верховного
Совета Таджикской ССР,
народный поэт Таджикистана

В ЕДИНОМ СТРОЮ

Мысленным взором окидываю я свою республику. Широкое раздолье полей и перехваченные плотинами реки, многоэтажные города с заводскими корпусами, жилыми кварталами и преображенные кишлаки — в садах, с прекрасными зданиями и также дворцами культуры.

Наши хлопкоробы собирают самый высокий в мире урожай «белого золота». В Пулисангинском ущелье на реке Вахш сооружается плотина самой крупной в Средней Азии Нурекской ГЭС. С каждым годом все больше строек, все значительней успехи.

Трудно представить себе, какой была бы судьба моего народа без революционных завоеваний русского рабочего класса, без братской помощи русского и других советских народов...

Средняя Азия присоединилась к России в тот момент, когда центр мирового революционного движения переместился в Россию. Утренняя заря революции предвещала скорый восход новой жизни. Передовые люди Востока сумели разглядеть это еще в те далекие годы.

Одним из таких представителей был А. Дониш, которого основоположник таджикской советской литературы С. Айни назвал «светлейшей звездой на мрачном небосклоне Бухары». Совершив путешествие в Петербург, А. Дониш высказал сокровенную мечту: если бы таджики смогли наслаждаться плодами русской культуры!..

Это стало возможным благодаря всемирно-исторической победе Великого Октября. Он помог таджикскому народу, так же как и другим народам

Средней Азии, приобщиться к общечеловеческой культуре, и прежде всего культуре русского народа.

С благодарностью таджикский читатель взял в руки книги В. И. Ленина, открывшего для него целый мир. Нашим достоянием стали произведения революционных демократов: Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Белинского, классиков русской литературы: Пушкина, Лермонтова, Л. Толстого, Тургенева, Некрасова, А. Островского, Чехова, основоположника социалистического реализма М. Горького, великого революционного поэта В. Маяковского. Их творчество оказало огромное влияние на развитие таджикской советской литературы.

Язык Ленина, язык русской литературы проложил нам дорогу к самым важным истинам политики и философии, к самым ярким вершинам художественной культуры. С детства, со школьной скамьи изучают таджики русский язык, ставший в СССР языком межнационального общения. Без этой благородной роли русского языка нельзя себе представить и весь процесс взаимовлияния и взаимообогащения культур народов СССР.

Русскому театру во многом обязано своим становлением таджикское сценическое искусство. До революции в Таджикистане не было профессионального театра. Тем разительнее его успехи. Сейчас в республике — Академический театр оперы и балета имени С. Айни, Академический театр драмы имени А. Лахути, Русский драматический театр имени В. Маяковского и другие, тысячи библиотек, сотни кинотеатров и дворцов культуры, свои киностудии, творческие союзы писателей, композиторов, художников, кинематографистов. Имена многих выдающихся деятелей таджикского искусства известны далеко за пределами республики. Достаточно сказать, что нашей прославленной балерине — народной артистке Таджикистана Малике Сабировой — рукоплескали Варшава и Прага, Париж и Лондон, многие европейские столицы.

Первым учителем в моем горном крае был русский человек. И первым врачом — тоже русский. И первым агрономом, трактористом, полиграфистом, кинематографистом. Потом у нас выросли свои национальные кадры рабочих, агрономов, врачей, учителей, деятелей искусств, кадры, которыми мы вправе гордиться. Но первыми были русские. И этого мы никогда не забудем.

Помню, как в начале тридцатых годов меня пригласили в ЦК КП Таджикистана и направили редактором многотиражки на Вахшстрой.

— Но я же еще совсем молодой! — возражал я.

— Ничего, — сказали мне. — Республика у нас молодая и кадры молодые. Растите вместе.

Там, на Вахшстрое, я встретил много замечательных людей. Один из них — экскаваторщик Иванов. Это был мужественный, сильный человек. Потом я описал его в поэме «Знамя Победы».

Я часто вспоминаю моего русского друга — вахшстроевца. А сколько у меня друзей всех национальностей в Пулисангине, где строится Нурекская ГЭС!

Тема дружбы народов без-

гранична, как мир. Эта тема ярко проявляется в каждом нашем достижении.

Недавно я побывал в Западном Берлине. Мы показали немецким друзьям фильм «Советский Таджикистан».

— Чудо! — восхитились они. — Но каким же был Таджикистан до революции!

На стене висела карта Таджикистана. Я сказал:

— Сотрите все города, заводы, дороги, ирригационные сооружения, и вы увидите Таджикистан тысяча девятьсот шестнадцатого года.

— Значит, там была пустыня! — удивились они.

— Нет, — сказал я. — В нашем щедром краю жили люди, но они были беспомощны. Великий Октябрь вдохнул в них силу, которая сделала мой народ хозяином своей судьбы, своей земли.

...С этой обновленной земли, раскинувшейся у подножия седого Памира, я шлю горячий привет русскому народу. Я не устану говорить о своей любви к нему. Не устану гордиться, что у моего народа такой мудрый, такой сильный старший брат. Опираясь на его дружескую руку, в едином строю советских народов, мы уверенно идем по ленинскому пути к своей заветной цели — коммунизму.

эстафета комсомольских дел

Русский язык — язык общенационального общения, язык дружбы народов — с любовью изучает молодежь Таджикистана. Матчикский райком комсомола регулярно проводит семинары с преподавателями, распространяет опыт лучших из них. Тринадцать наиболее способных выпускников школ были направлены в вузы республики, чтобы стать квалифицированными преподавателями русского языка. В школах проводятся на русском языке олимпиады, конкурсы, КВН. Все школьники написали сочинения на тему: «Я русский бы выучил только за то, что им разговаривал Ленин».

Малая академия наук открылась в Душанбе. В нескольких ее секциях проводят занятия со старшеклассниками видные ученые республики.

В выжженную солнцем, еще недавно совсем бесплодную долину Явана по семикилометровому тоннелю пришла вода Вахша, напоила поля, оживила степь. Десятки тысяч тонн «белого золота» собирают теперь здесь хлопкоробы. Комсомольская организация Яванводстроя награждена за трудовой подвиг орденом «Знак Почета».

Двадцать тысяч юношей и девушек Таджикистана участвуют в походе по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа. Они прошли по следам тех, кто боролся за установление Советской власти в Таджикистане, создавал первые колхозы. Установлены имена 230 активных участников борьбы с басмачами, поставлены памятники на могилах героев.

Саттор ТУРСУН

ТРОПА НА ДУГОБУ

РАССКАЗ

Рис. А. ПЛАКСИНА

Выпрямившись в седле, Равшанов сделал глубокий вдох, и вместе со встречным ветром в сердце вошло сладко знакомое, странное чувство... Покачиваясь в такт иноходцу, он думал о том, что места эти ближе ему, чем те, где родился, хотя тридцать лет не проезжал знакомой тропой, не пил из родника Кайрок.

Он ехал сватом. В прошлом году Салом закончил институт и уехал в Дугобу учительствовать. Потом писал, что полюбил дочку директора школы. И она его тоже. Теперь хотят сыграть свадьбу. Родные девушки вроде бы согласны, нужно только, чтобы отец посватал — таков обычай.

Светало. Голос реки стал приглушенным, зато громче и резче звучали голоса куропаток. Стучали, позванивали на камнях подковы лошадей...

Молодой учитель Халил Равшанов пришел в Дугобу под вечер — запорошенный пылью, с переброшенной через руку солдатской шинелью, с вещмешком за плечами. В правлении колхоза председатель встретил его равнодушным взглядом.

— Направлен к вам учителем, — доложил Халил. — Фамилия — Равшанов.

— Слышал, — сухо отозвался председатель. — Раз прибыли, приступайте к работе. Потолкуем после. Знакомые в кишлаке есть?

Халил слегка опешил — такой встречи он не ожидал.

— У меня здесь нет знакомых. А где жил прежний учитель?

— В школе. — Председа-

тель зевнул. — После смерти Абдуллаева школу разрушил сель. Одно к одному... Одил-ака, эй, Одил-ака!

В дверях появился старик.

— Проводи этого человека к тетушке Соро.

Халила тетушка Соро встретила радушно; жила она одна. Тотчас захлопотала, начала выносить из второй комнаты дрова, хворост. Подмела пол, постелила поверх старенькой циновки дряхлый ковер, положила дырявую кожаную подстилку, принесла пару одеял, подушку.

Наутро Халил обошел весь кишлак — сзывал ребят. Сообща смастерили какие-то подобия парт из арчи, и занятия пошли своим чередом. Разместились пока в пустовавшей кибитке.

Выходил новый учитель из дому рано и возвращался затемно. Однажды, вернувшись из школы, он долго лежал, разбитый усталостью, разглядывая черные от копоти балки потолка. Потом встал, умылся и только взялся за книгу, как вошла тетушка Соро, расстелила дастархан и поставила миску с шурпой.

— Беда у меня, Халил-джан. Таманно пришла из мужнина дома. «Хоть убей, — говорит, — не вернусь к ним». А люди-то что скажут? Да и сынишка у нее. Как его растить без отца, скажи мне!..

— По-моему, тетушка Соро, ей там тяжелее. И вы сами говорили, что никто не знает, жив ли ее муж.

— Что же делать? Я хочу счастья дочке, но чем могу помочь? Да еще этот Латиф грозится.

— А чего бояться Латифа? Прошли времена, когда хозяничал тот, у кого кулак крепкий.

Но тетушка Соро покачала головой:

— Как не бояться? Латиф сказал: «Скоро вернется мой отец, он вам покажет». Не дай бог, вернется в самом деле, худо будет.

Халил насторожился, но продолжал успокаивать старую женщину:

— Не посмеют эти люди сюда явиться, не беспокойтесь.

— Не знаю, не знаю, что дальше будет... Убили ведь Абдуллаева!

— Да ничего не будет. Пусть Таманно остается у вас, пойдет работать в колхоз. Внук начнет учиться в школе, я сам буду с ним заниматься.

— Эх, сынок, молод ты, потому тебе все кажется легко.

Однажды, вернувшись домой позже обычного, Халил услышал в соседней комнате голос председателя. Тот громко ругался.

Накинув на плечи шинель, Халил вошел на половину тетушки Соро. Никто не обратил на него внимания. Председатель осыпал бранью Таманно. Тетушка Соро, прижав к груди испуганного семилетнего внука, забилась в угол. Таманно стояла, прикрывая рот платком, и молчала.

— Тварь неблагодарная, — потрясал тяжелой плетью багровый председатель. — Будь проклят твой отец! Что плохого ты видела у Суюнбая? Может, думаешь, он над тобой уже не хозяин? Не-ет, пришибить тебя или выгнать — это пока еще в его руках! Завтра же возвращайся обратно!

— Не пойду! — тихо, но твердо сказала Таманно.

— Не пойдешь?! — зарычал председатель и вдруг стеганул ее плетью. Таманно вздрогнула. Председатель снова занес руку,

но Халил стиснул ее, вырвал плетку и швырнул в дверь, в темноту.

— Остановитесь! Вы — председатель!

— Ты!.. Кто позволил тебе входить сюда? Кто ты такой?!

Он размахнулся и ударил Халила наотмашь по щеке. В первое мгновение это ошеломило Халила, но тут же в нем вспыхнула ярость. Левой рукой он схватил председателя за ворот, рванул на себя и ребром правой ладони резко ударил чуть ниже затылка, потом, обмякшего, подтащил к двери и толкнул с такой силой, что тот свалился. Но тут же вскочил и, странно пригнувшись, пошел на учителя. В слабом свете, упавшем из распахнутой двери, что-то блеснуло в его руке. Халил на секунду застыл и вдруг ощутил под ногой что-то узкое и жесткое. Плеть! Вот то, что нужно. Крепко сжав окованную серебром рукоятку, он шагнул навстречу. Раздался крик. Кричала Таманно — она увидела нож. Но плеть уже пошла в ход. Короткий свист — удар, свист — удар, и приземистый, грузный и сильный человек, прикрывая голову руками и рыча от боли и унижения, бросился прочь.

Потом они долго сидели на женской половине. Халил медленно пил чай и сосредоточенно думал. Тетушка Соро тихо причитала, покачиваясь из стороны в сторону и прижимая свои сухие ладошки к щекам.

Малыш во сне вздрагивал и начинал плакать. Таманно сидела неподвижно и прямо, все так же прикрывая рот платком. Ее глаза встретились с глазами Халила, в них не было боли, а была благодарность и еще что-то слабое и ласковое. И дрогнуло сердце Халила — вошла в него первая робкая нежность.

Внезапно, словно очнувшись, Равшанов огляделся. Нет, подумал он, еще не доехали. Но головы больше не опускал, смотрел прямо перед собой. Прошло еще несколько минут в молчаливом покачивании. Затем, резко дернув повод, он пустил коня вниз по склону. Салом последовал за ним. Они подъезжали к Кайроку — тихому холодному роднику, бьющему из-под большого плоского камня. Кони, осторожно коснувшись губами воды, принялись пить.

Присев на корточки, Равшанов опустил в воду пальцы — она была очень холодна. Потом увидел в чистой воде свое отражение. Странно, сегодня он выглядел старее, чем вчера, — морщины на лбу стали глубже, в глазах печаль и усталость.

Он посмотрел на сына — молодое лицо, смуглые тугие щеки, большие карие, таящие радость глаза, упрямый и спокойный рот. Это тоже он, Халил Равшанов, но таким он был тридцать лет назад... Сын улыбнулся. В улыбке его было нетерпение. «Подожди, Салом, подожди, — мысленно попросил отец, — дай мне увидеть еще одно лицо. Я плохо помню. Но Кайрок видел его часто... У нее были огромные черные глаза. Огромные, робко ждущие тепла, как продрогший за ночь первый весенний цветок...» Но по песку прошла светлая тень от перелива струи. Не помнил холодный Кайрок... Равшанов тяжело поднялся и повел коня к склону. Миновали густые заросли и очутились на лужайке. В ровной зелени алели редкие тюльпаны. Равшанов

дошел до большого камня, огляделся и увидел неровный могильный холмик.

Он опустил голову и стоял так несколько минут. Затем присел и сорвал тюльпан. Но тюльпан уже отцветал, и темно-алые лепестки осыпались. Равшанов бросил голый стебелек, потянулся за другим цветком и не мог унять дрожь в руке.

Салом растерянно спросил:

— Что, отец?

— Ничего, сынок... ничего... сейчас пойдем, — с трудом проговорил Равшанов. Он встал, обвел взглядом холмик и медленно отвернулся. — Поехали, сынок. Ты впереди, я позади.

Прошло несколько дней после ночного происшествия. Тетушка Соро, а с ней и дочь совсем привязались к Халилу. Таманно прибирала в его половине, а ее сынишка Рахим, долго не видя Халила, начинал хныкать: «Где мой дядя?» И Халил почувствовал себя своим в этом доме. Но на душе было тревожно.

...По кишлаку ходили нехорошие разговоры, и председатель был слишком частым гостем в домах богатеев. Он ударил женщину плетью, как бай, он поднял нож... Надо ехать в район, поговорить с кем следует. Может быть, убийцу прежнего учителя не надо искать далеко... Куда он исчез после той ночи, этот председатель?

Погрузившись в размышления, Халил лежал на курпаче.

Около полуночи раздался стук в калитку. Халил выглянул в окно. Шел дождь. Кто мог прийти так поздно? Набросив на плечи шинель, Халил подошел к калитке.

— Кто там?

— Я, есть дело.

Это был Одил-ака — старик, который когда-то привел его в дом тетушки Соро. Старик в промокшем халате с кряхтеньем сползал с ишака.

— Что случилось?

— Я из района. Ваш начальник приказал быть утром у него. Ходят разговоры про Ибрагим-бека.

Информация была исчерпывающей. Халил, не выдавая волнения, произнес:

— Ясно. Хоть бы перестал этот проклятый дождь. Далеко, и коня нет. Как же быть?

— Бери моего ишака, — сказал Одил-ака.

В районе Халила поставили во главе отряда, собранного по тревоге. Оказывается, недалеко, в Байсуне, объявились басмачи Ибрагим-бека.

В отряд входило двадцать добровольцев. С большинством из них Халилу доводилось биться с басмачами, а с некоторыми он участвовал в кампании по ликвидации неграмотности. Он радовался, что снова вместе с давними друзьями.

Вечером того же дня отряд вышел в горы. Шесть суток добровольцы осматривали кишлак за кишлаком, ущелье за ущельем, но басмачи как в воду канули. Люди, к которым обращался Халил, отвечали по-разному: «Полчаса назад были здесь...»,

«Я только что видел их в том ущелье...», «Поехали в сторону Сарайсанга, человек тридцать...»

К началу седьмой ночи отряд вошел в Сарайсанг. Басмачей и след простыл.

— Отсюда только одна конная тропа, — сказал Халил, обращаясь к товарищам. — Та самая, по которой мы пришли. А мы их не встретили. Значит, поднялись вверх, к Дугобе. Надо догнать. Иначе пройдут из Дугобы выше, на Санггардак, а потом на Денау. Тогда плохо...

В сумерках они встретили возле ручья пастуха. Халил спросил, не проезжал ли тут сегодня отряд.

— Будь прокляты кости их отцов! — ответил пастух. — В Дугобу, в Дугобу побежали эти шакалы! Прихватили половину моих овец. У них вожаком дугобинский Суюнбай, я сразу узнал его...

На рассвете отряд вошел в Дугобу и осторожно направился к правлению колхоза. У правления толпились вооруженные всадники. Среди них Халил узнал Латифа, сына Суюнбая, и рядом — исчезнувшего председателя Назарова. Халил пустил коня в карьер, срывая с плеча винтовку. Басмачи на мгновение опешили, но тут же загремели выстрелы, и все смешалось. Первым, кого выбили из седла, был Назаров. Соскочив с коня, Халил связал ему руки.

— Волк и в овечьей шкуре попадется, — зло бросил он и снова вскочил в седло.

Латиф, вырвавшись из окружения, несся к южной окраине кишлака — в ту сторону, где сверкал Кайрок. К роднику каждое утро ходили за водой женщины, ходила и Таманно...

Услышав погоню, Латиф обернулся и несколько раз торопливо выстрелил из револьвера. Он приближался к арчовым зарослям на склоне горы. Бросив повод, Халил вскинул винтовку. Пуля, другая, третья, Латиф запрокинулся в седле, соскользнул и покатился к старой арче.

И тут Халил услышал совсем близко выстрел. И женский крик. Потом наступила тишина. А Халил уже мчался в сторону, откуда донесся крик, и увидел всадника, скакавшего навстречу. Прогремел выстрел, последний выстрел в тот черный день...

Халил не видел, как конь нес и бил о камни тело Суюнбая, застрявшего ногой в стремени. Он медленно шел к роднику, и в сердце его уже не было желания жить.

В полдень они были в Дугобе. Совсем недавно прошел дождь, и солнце сияло отовсюду — в небе, на влажной листве и траве, в мутных лужицах на дороге.

Всадники двигались к школе — возле нее находился домик, где жил Салом. Следуя за сыном, Равшанов всматривался в улицу. Но все так сильно изменилось... А может быть, подвела память?

На повороте, возле могучего старого тутовника, он узнал, наконец, небольшой домик за глиняным дувалом, остановился и сошел с коня. Сошел с коня и Салом.

— Ты подожди меня, — сказал отец, — я на минуту...

Салом удивился:

— Как же вы зайдете в дом? Вы ведь не знаете даже, как зовут хозяина.

— Когда-то я жил здесь, сынок. Да, да, я тебе расскажу. А кто тут живет теперь?

— Рахим Суюнов, наш директор.

— Рахим... Рахим Суюнов? Сын Суюнбая... Вот как! Постой, а из родных у него есть кто? Бабушка есть?

— Да, бабушка. Только она очень старенькая, совсем слепая.

— Как ее зовут?

— Кажется, Саломат... Нет-нет, Соро.

Вздохнув с каким-то облегчением, старик сел на коня.

— Ну что ж, сынок, показывай дорогу!

Перевели с таджикского Л. ДЕМИДЧИК и Г. ШЕСТАКОВ

ИЗ ТАДЖИКСКОЙ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

ЖЕМЧУЖНАЯ РОССЫПЬ

На улочке моей сосед, как шах, богат:
Две дочки у него, и обе дочки — клад.
Я сердцу говорю, что младшая милее,
Но с сердцем у меня из-за второй разлад.

Мне дал аллах любовь, и, верно, в наказанье
Соху и к ней вола — ленивое созданье.
О боже, хоть разок сломал бы ты соху!
Пошел бы вол пастись, а я бы — на свиданье!

Затмившая луну, скажи хотя бы слово!
Так молча сердце рвешь, что места нет живого.
Мне люди говорят: «А ты его зашей!»
Зашил бы, да оно порвется тут же снова.

Я, точно раб, лежу ничком у ног твоих,
И многих нет уже из-за тебя в живых.
Ты не арык, не пруд, где всякий моет руки,
Ты — рай для одного и мука — для других.

Душа невежды — ночь, которой нет конца.
Дороже сотни душ познанья мудреца.
Невежде не достичь венца высокой цели,
У знающего ум — сияние венца.

Перевел с таджикского Дмитрий СЕДЫХ

22 ДЕКАБРЯ 1972 ГОДА, в День энергетика и в самый канун всенародного нашего праздника — пятидесятилетия образования СССР, — два агрегата Нурекской ГЭС дадут первый ток. До этой даты, ставшей для нурекчан своеобразным ориентиром, не так-то уж много времени, и потому, не сбавляя хода, не сбиваясь с ритма, точно по графикам идут сегодня к своим «рубежным отметкам» бригады строителей и монтажников. Да, в эти жаркие дни важны степень четкости и слаженности, напористость и напряжение на всех участках. И на высокой скале, чтоб видно было отовсюду — от нижнего бьефа до створа плотины, — начертаны слова:

ПУСТИМ ПЕРВЫЕ АГРЕГАТЫ К 22 ДЕКАБРЯ 1972 ГОДА

Монтаж первых двух турбин ведет комсомольско-молодежная бригада Анатолия Шильникова.

Я бы назвал ее интернациональной бригадой, и это было бы верно. Но следует быть точным: на сооружении Нурекского гиганта вообще нет таких бригад, участков, экипажей, которые не были бы интернациональными. Русские, таджики, украинцы, татары, евреи, литовцы, узбеки, белорусы — люди десятков на-

Монтажник Николай Пивнев.

циональностей принесли в громадный коллектив все, что имели: опыт, силу, знания, мастерство — и делают одно общее дело, как, впрочем, давным-давно повелось в Советской стране.

В Нурек Анатолий Шильников приехал, как говорится, не к нулевой отметке: тысячи строителей уже несколько лет делали тут все, что положено делать по планам, но приехал он сюда не новичком, не рабочим без определенной ориентации. В свои тридцать лет успел он побывать и в Забайкалье — работал шофером, и на знаменитой сибирской Коршунихе — пускал первую очередь обогатительного комбината, и в Якутии — монтировал керамзитовый завод в Мохсоголохе, Соколиной Горе... И гидростроение не было для него новинкой. До января семидесятого, до прописки в Нуреке, он монтировал, с самого первого, агрегаты могучей Красноярской ГЭС. Там-то, между прочим, и выбрал он свою профессию на всю жизнь, став гидростроителем.

— Школу на Енисее прошел хорошую, — признавался мне Анатолий при нашей первой встрече. — Бригадиром у нас был Клинкин Илья Матвеевич. Знатный монтажник, умелец редкостный. Матвеич монтировал турбины двадцать пять лет... Стаж, а? Четверть века! И где он только не побывал... — Шильников рассмеялся. — А сюда ехать не решился. «Жарко, — говорит, — там, в Нуреке, твердость руки потеряю. Вот если бы, — говорит, — на Саяно-Шушенскую, климат там подходящий, наш, да рановато туда...» А мы с Лидой, женой, решили пожариться, поехали вроде бы в отпуск на знойный юг. Здесь, в Нуреке, родился сынишка Женька...

Шильников приехал не один — с целой бригадой в двадцать человек. Отправляясь в Нурек, они знали лишь, что предстояло монтировать девять турбин, мощностью по триста тысяч киловатт каждая. Все остальное узнавалось потом, постепенно, по мере ознакомления с обстановкой. Было, к примеру, интересно узнать, что вода в спиральную камеру будет падать с высоты двухсот семидесяти метров по турбинным водоводам; что затворы здесь шаровые, диаметром по четыре метра, таких еще никто из

Анатолия Шильникова можно увидеть всюду...

Пока монтируется первая турбина, готовится кожух для установки второй (внизу справа).

«Стоп!» — командует Виктор Лыков. Многотонная крышка рабочего колеса легла на место.

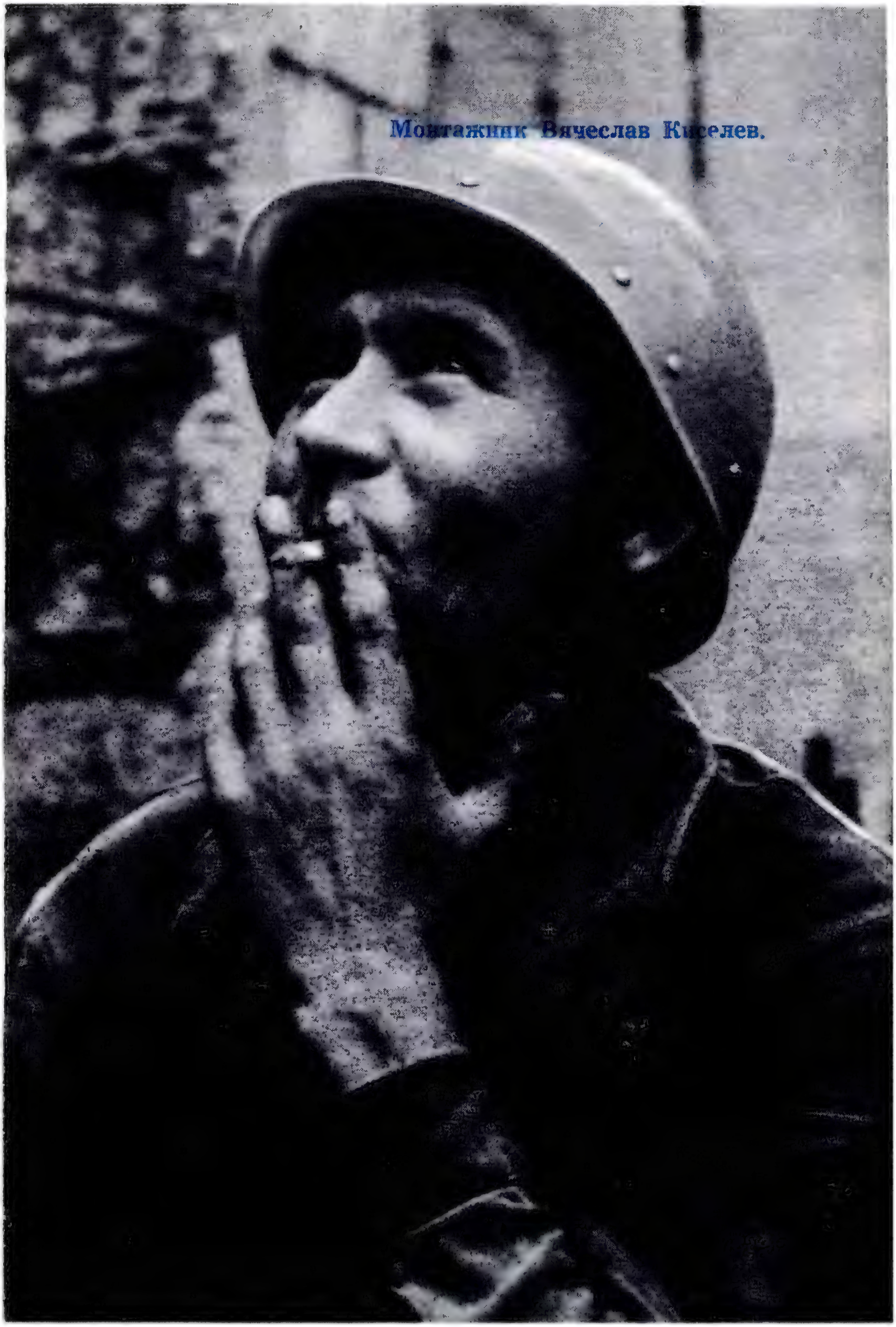
них не видывал, поскольку их не ставили пока нигде; что высота плотины — триста метров, а весь гидроузел находится в зоне девятибалльной расчетной сейсмичности... Любопытно было также сибирякам, хорошо знавшим, что такое минус пятьдесят по Цельсию, да еще при ветерке, испытать, как чувствует себя обыкновенный человек при тех же хотя бы градусах, но с обратным, плюсовым, знаком... От мороза спасали их добротные пимы да полушубки, от солнца же не спасало ничто, к среднеазиатскому пеклу надо было просто-напросто привыкнуть...

— Ничего, привыкли, работать можно, — сказал Слава Киселев, товарищ Шильникова по Красноярской, приехавший в одной группе с ним.

Сейчас в бригаде — напряженные дни. Каждый знает свое дело, все расписано до мелочей, и тем не менее клетчатую выцветшую на солнце ковбойку Шильникова можно увидеть всюду: надо же проверить, как там у Николая Пивнева, или Нурали Гиоева, совсем новичка в монтажном деле, или у Вадыха Хабибуллина... Шильников неутомим, словно природа наделила его какой-то особой силой. Значит, не напрасно часто говорят и пишут о нем на стройке и не напрасно именно в нем видит Файзула Ашуралиев, знатный экскаваторщик, первого своего «конкурента» в борьбе за право включить в декабре рубильник пусковых агрегатов!

Поспевая везде и при том работая наравне со всеми, Анатолий нет-нет да и уделял мне минутку-другую внимания: то даст какие-нибудь пояснения, то поинтересуется, побывал ли я на плотине, видел ли новый мост через Вахш, который открыли в комсомольский субботник... Однажды он заговорил о Вахше, этой своенравной, задиристой, стремительной горной реке, которую сейчас вогнали в тоннель и отвели в сторону, потом сказал с усмешкой:

— Конечно, Вахш — не Енисей... Но дело тут не в силе реки. Нурекская станция — особенная, уникальная, пожалуй. Здесь наши гидростроители приобретают бесценный опыт. Вы у нас поживете еще, поговорите с инженерами — все поймете. — Он помолчал, увидел прораба, крикнул насчет крана, чтоб дали его ровно к тринадцати ноль-ноль, и продолжал: — И еще. У нас в стране каждый школьник знает, что, если строится завод или фабрика, в строительстве участвует много предприятий. Дают цемент, кир-



Монтажник Вячеслав Киселев.

пич, металл, станки, оборудование — обычное дело! А Нурек — статья особая. Нурек строит вся страна!

Он прав, Анатолий Шильников!

Как-то раз во время экскурсии по строительным объектам один из гостей спросил директора строящейся ГЭС:

— Сколько людей участвует в строительстве гидроузла?

И несмотря на то, что все данные о численности коллектива нурекских строителей были у Всеволода Андреевича Давыдова под рукой, он ответил:

— Затрудняюсь сказать.

В самом деле, восемь тысяч нурекчан, которые в эти дни готовят гидроэлектростанцию к пуску — строят здание ГЭС, монтируют агрегаты и затворы, ведут коммуникации, сооружают подстанцию, отсыпают плотину, — эти восемь тысяч лишь небольшой отряд созидателей энергогиганта на Вахше.

...История советского гидростроительства богата, нашим энергетикам приходилось иметь дело со сложными задачами, и они решали их блестяще. От Волховстроя до Красноярской ГЭС — путь длиной почти в полвека, и в каких только условиях за многие годы не приходилось создавать большие и малые узлы ленинской «электрической сети»! Нурек оказался задачей невероятной трудности, задачей со множеством неизвестных... Но и она оказалась нам под силу. Проблемы Нурекской ГЭС решали тридцать четыре научно-исследовательских института Советского Союза! Из множества технических решений были выбраны самые надежные, самые экономичные и, главное, единственно приемлемые.

Всесоюзный институт Гидропроект и его среднеазиатские отделения, Гидроспецпроект, СКБ Мосгидросталь, Таджикгидропроект и другие институты научно обосновали и разработали проект 300-метровой плотины в Пулисангинском ущелье — невиданной пока высоты, ибо она будет выше японской плотины Макио (106 метров), французской Сер-Понсон (130 метров), американской Оровилл (224 метра). Таджикские и грузинские ученые провели на моделях сейсмические расчеты плотины, внесли поправки в проект, чтобы огромное сооружение было устойчивым и прочным да-

Монтаж — ювелирная работа. Анатолий Шильников тщательно проверяет плотность соединения всех узлов турбины.

же при девятибалльной встряске. И Нурек получил «паспорт» сейсмической надежности.

Но это еще не все.

Появились «инженерные страхи». Как поведет себя грунт, если внутри трехсотметровой плотины давление на квадратный метр будет достигать шестисот тонн? При таких чудовищных нагрузках камень дробится в мелкую крошку, а суглинки либо обретают хрупкость сахара, либо плывут, как масло... А какие неожиданности может преподнести вода, всегда остающаяся в порах грунта? На этот счет единое мнение вообще отсутствовало: существовало по крайней мере семь различных теорий, попробуй тут разберись... И разобрались. В этом — заслуга ученых и инженеров Москвы, Ленинграда, Днепропетровска. «Инженерные страхи» рассеялись...

Долгие годы трудных поисков, счастливых находок, строгих проверок и точных корректур давно позади. Надежный, детально обоснованный проект стал реальностью — громадной строительной площадкой. И вот уже могучая советская техника брошена сюда, на этот ударный объект пятилетки.

Днем и ночью я видел здесь, как с однообразным, спокойным рокотом катят к плотине по дороге могучие жодинские богатыри — БелАЗы, степенно неся свой двадцатисемитонный груз, и снуют их собратья габаритами поменьше; как повсюду деловито разъезжают по всем направлениям грузовики, «пикапы», фургоны и иные автомашины всех отечественных марок; как рубят скальный грунт и полными пригоршнями наваливают породу в кузова самосвалов прославленные уральские экскаваторы, равно способные действовать и в лютые морозы, и в несносную жару, а неподалеку от них трудятся «чернорабочие» любой стройки — породопогрузчики, доставленные сюда из-под Тулы; как неторопливо, но настойчиво, непрерывно сдвигают тяжелые кубометры грунта челябинские бульдозеры; как деловито буравят и буравят тело скалы стройные бурильные «самоходки», представляющие здесь, в Нуреке, Сибирь и Украину, ибо прибыли они на стройку с заводов Кузнецкого и Криворожского... И еще десятки машин и механизмов разнообразнейшего назначения, изготовленных на заводах далеких и близких областей и республик, видел я на всех нурекских объектах.

По шоссе, соединившему Нурек с таджикской столицей, идут и идут автомашины, трайлеры и целые автопоезда, груженные душанбинским цементом, кирпичом, шифером, сибирским лесоматериалом, добротной магнитогорской да темиртауской арматурной сталью, прокатом сложнейших профилей, сработанным нижнетагильцами, улан-удинским стеклом, бунтами кабеля из Ташкента...

Все — в Нурек. Все — для Нурека.

22 ДЕКАБРЯ 1972 ГОДА, в канун пятидесятилетия образования Союза Советских Социалистических Республик, два первых нурекских агрегата дадут ток. За ними постепенно вступят в строй семь других, и Нурекская ГЭС по своей мощности станет третьей в Союзе.

Тогда народ наш отметит большую победу на древней таджикской земле, — еще одну общую нашу победу в решении важнейшей задачи, поставленной Владимиром Ильичем Лениным: покрыть Советскую страну сетью электрических станций.

В. ГРИГОРЬЕВ

Мирзо ТУРСУН-ЗАДЕ,
народный поэт Таджикистана,
Герой Социалистического
Труда,
лауреат Ленинской премии

ЕДИНСТВО СЕРДЕЦ

«Но люди в единстве сердец овладеют вселенной», — писал Хафиз без малого 650 лет назад.

Эти строки не выходят у меня из головы вот уже шестнадцатый год. С тех самых пор, как чудо, сотворенное советскими людьми, — земные корабли, спутники вышли на просторы вселенной.

Пророческая правда поэзии... Или мечты? А какая, собственно, разница? Главное, что правда.

Именно в единстве сердец — пусть не всей планеты, пусть части ее, началось овладение вселенной.

Новая небывалая общность должна была родиться в буре Октября, закалиться в совместном труде, в огне гражданской и Великой Отечественной войн. Общность, имя которой — единство людей труда чуть ли не ста национальностей. Общность, построенная на взаимном доверии и уважении. Общность, имя которой Союз Советских Социалистических Республик.

В нынешнем году мы празднуем пятидесятилетие образования СССР. Пятидесятилетие начала исполнения вековой мечты человечества о планете творчества и труда.

Наше писательское место в новой социалистической общности мы знаем твердо. Наша писательская задача — будить мечту, закалять веру в человечество, дарить надежду угнетенным народам. Наше место — плечом к плечу со своими друзьями и братьями — писателями всех народов Советской страны.

Наш писательский труд — это верная служба современнику, созидателю, служба партии и народу, служба по велению сердца, служба революции и социалистической нови. Наша служба — не проста и не устлана розами, ибо она — борьба. Борьба с империализмом и колониализмом, борьба с ложью и косностью. Борьба оружием слова.

Оно утвердило себя в ленинских декретах, в огне

Октября. Для того чтобы клинок художественного слова стал подлинно грозным оружием, ему нужно было закалиться в горниле большевистской правды, в горниле социалистической революции.

Мы получили свои клинки уже закаленными. Закаленными Маяковским и Горьким, Айни и Чаренцем. Но закал можно и отпустить неумелым обращением со сталью. Партия помогает нам держать свое оружие в боевой готовности.

Дух рабства кроется в кумирне
и в Каабе,
Трезвон колоколов — язык
смиренья рабий,
И рабства низкая печать
равно лежит
На четках и кресте,
на церкви и михрабе.

Чтобы четверостишие, несущее такую общечеловеческую нагрузку, перешло границы своей родины и стало известно ближайшим соседям — в Индии и Турции — потребовалось почти двести лет. А Европы и Америки оно достигло спустя семьсот лет после создания. Сколько мировых империй возникло и рухнуло за эти долгие века! Монголы и Тимур, Наполеон и Британская империя...

Омар Хайям — наиболее популярный сегодня в мире классик таджикско-персидской литературы. Владимира Маяковского мир знает не хуже. Но для того, чтобы узнать Маяковского, миру потребовалось в восемьдесят раз меньше времени. Строки Маяковского преодолели государственные и языковые барьеры уже при жизни поэта.

Здесь нет парадокса. И не только в научно-технической революции дело. Дело в том, что голос Маяковского — это поэзия революции социальной, Великой Октябрьской социалистической революции, это подлинное оружие слова на службе у правды истории.

Довольно часто цитируются строки Киплинга:

О, Запад есть Запад,
Восток есть Восток, и с мест
они не сойдут,
Пока не предстанет Небо
с Землей на страшный
господень суд.

Но в рефрене «Баллады о Востоке и Западе» еще две строчки:

Но нет Востока и Запада нет,
что племя, родина, род,
Если сильный с сильным
лицом к лицу у края Земли
встает!

Умирающий мир не верит в силу слова. Киплинг был современником Маяковского, но он воспевал оружие для убийства.

Сила, воспетая Киплингом, ничто перед «грозным оружием» ленинской правды, звеневшей в стихах Маяковского. Сегодня мир знает, что нет Востока и нет Запада, но не по Киплингу, а по Маяковскому. Не вертикальный, а горизонтальный, классовый разрез мира. Вертикальные барьеры, столь тщательно возводимые империализмом на века, на наших глазах рухнули, а там, где сохранились, трещат по всем швам перед правдой Октября.

Омару Хайяму еще повезло. Европа узнала его сто с лишним лет назад. Восток же с европейской литературой познакомился позже, и опять же во многом благодаря Октябрьской революции.

Немногие из таджикских

просветителей, к примеру, знали творчество классиков русской и западноевропейской литературы, да и то лишь в отрывках. Даже основоположник таджикской советской литературы Садриддин Айни знакомился с их творчеством по переводам Г. Тукая на татарский, М. Ф. Ахундова на азербайджанский и Абая на казахский языки. «Марсельезу» Айни тоже узнал в узбекском переводе, что, впрочем, не помешало ему сложить свой знаменитый «Марш свободы» на мотив «Марсельезы». Популярность, которую обрел «Марш свободы» в Таджикистане, — еще одно свидетельство, что нет Востока и Запада, когда совершается великое дело социальной революции.

Тема дружбы народов, впервые возникшая в творчестве Айни, стала ведущей в таджикской поэзии.

Из разных потоков возникла полноводная река многонациональной советской литературы. Каждый народ влил в нее свои традиции, свой опыт. Одни пришли с великими именами, другие — с фольклором. Но и народы, прежде не имевшие письменной литературы, в дружной семье советских республик выдвинули писателей с именами мирового звучания. Достаточно назвать, скажем, два имени — Айтматова и Рытхэу.

Критикам предстоит еще немало поработать, чтобы вскрыть все закономерности сближения литератур социалистических наций, чтобы показать, почему рожденный литературой Октября образ борца, созидателя, строителя, образ человека — хозяина своей судьбы стал образцом для всех прогрессивных литераторов мира.

Я убежден, что подлинная литература не может быть непереводимой, или, как говорят иные теоретики, присущей только данной национальности, она равно доступна всем народам и равно звучит на всех языках.

Рассуждения о «непереводимых», сугубо национальных произведениях представляются мне весьма сомнительными. Не помешало ведь яркое национальное и творческое своеобразие стихам Хикмета и Неруды, Элюара и Файиз Ахмад Фаиза стать достоянием всего прогрессивного человечества. Таковы дух и сила оружия слова, поэзии, преобразующей мир.

Живая душа советской многонациональной поэзии — прежде всего в ее высокой гражданственности, в активном гуманизме. Именно эта сторона создала ей такую популярность за рубежом. И если уж зашла речь о Западе и Востоке, сошлюсь на страны, где в разгаре национально-освободительное движение, борьба за социальные преобразования. Помнится, в Индии мне не однажды приходилось быть свидетелем горячих дискуссий о роли поэзии. И сторонники гражданской ее наступательности, как правило, ссылались на пример советской литературы.

В нашей стране есть народы, принадлежащие, по Киплингу, Западу, есть и принадлежащие Востоку. Но объединила их не сила, а единство сердец, дружба, борьба за общие идеалы, за социализм. И объединение это настолько полное, что родилась новая литература — литература братства, дружбы народов. Литература, вдохновляющая на овладение вселенной.

ДОМ ДРУГА

ИСМАИЛ СТРОИТ ДОМ. Просторный глиняный дом с верандой, по которой, опережая строителя, уже взбирается первая тонкая ветвь виноградной лозы. Это необычный дом. Во всяком случае, я никогда не слышал, чтобы на вопрос: «Для кого ты строишь дом!», человек ответил: «Для друзей».

Исмаилу за пятьдесят. Но и возраст он измеряет не годами, а друзьями. Чем больше лет, тем больше друзей должно быть у человека. И вот тесным стал дом Исмаила, в котором прожил он с семьей всю свою жизнь.

Чем же знаменит Исмаил, почему у него так много друзей! Ничем особенным. Просто хороший человек, очень гостеприимный, очень добрый. Я знаю его давно и всякий раз, когда бываю в командировке на юге Таджикистана, обязательно заезжаю к нему на Туркменский участок колхоза «Победа».

В его доме я познакомился со многими интересными людьми — такими же простыми, как и сам хозяин, но с интересными судьбами, за которыми во всей своей суровой обнаженности, радостная и трудная, встает жизнь человека. От Исмаила же впервые услышал и о Гаибназаре Давронове, для которого домом, приютившим его, стал Таджикистан, а другом, распахнувшим двери этого дома... Но нет, не будем забегать вперед, тем более что ничего этого Исмаил мне не сказал. Он только посоветовал познакомиться с Давроновым, а уж Гаибназар сам все расскажет.

В то время Гаибназар Давронов работал егерем в заповеднике. Это был сухощавый, среднего роста человек с выгоревшим на солнце ежиком светлых волос и голубыми глазами, которые как-то не соответствовали цвету лица, загорелому до такой степени, что загар этот уже воспринимался как естественный цвет кожи.

Мы познакомились с ним. И тут подошел один из егерей и о чем-то спросил Гаибназара, назвав его... Михаилом. Уж не ошибся ли он! Или, может быть, Михаил — просто перевод туркменского имени!

На мой вопрос — кто он все-таки: Гаибназар или Михаил, он ответил, что оба имени настоящие, но по паспорту он Гаибназар — Давронов Гаибназар.

— Но ведь ты русский! Наверное, родился здесь!

— Да у нас вся семья интернациональная, — засмеялся он. — Я русский, мать казашка, отец туркмен.

Такая семья, естественно, заинтересовала меня. Ясно, что отец-туркмен и мать-казашка не родные отец и мать Михаила. Но как он попал в эти края! При каких обстоятельствах произошло усыновление!

ВОТ ЧТО рассказал мне Гаибназар.

Ему было два года, когда началась война. Отец ушел на фронт.

Мать отправила сына с бабушкой в Таджикистан, к родственникам. Больше он ее не видел и не знает, что с нею. Попытки разыскать ее оказались безуспешными.

Бабушка вскоре умерла. У родственников особых родственных чувств к мальчику не оказалось. Он был предоставлен самому себе. Однажды он почувствовал, что за столом на него смотрят косо, и понял, что он здесь лишний. И ушел из дома...

Жил где придется. Одну зиму перезимовал в разрушенной кочегарке, вторую — на ферме. Конечно, надо было просто постучать в любой дом — даже в те трудные годы ему не отказали бы в приюте и куске хлеба. Но мальчишка сторонился людей: если уж своим оказался в тягость, зачем я нужен чужим!

Весной он уходил в степь, в пустыню. Здесь открывался ему новый мир — разнообразный и удивительный мир природы. Он мог часами наблюдать его — все было внове, впервые, неожиданно и здорово. Обычно у детей знакомство с животным миром начинается с рисунков в книжке или с зоопарка. Такого предварительного знакомства у него не было, и он часто попадал впросак. Он не знал не только названий животных и растений, окружавших его, но, по существу, вообще жил без языка: несколько десятков русских слов, которые успел узнать, давно позабыл, а язык людей из кишлаков был ему непонятен.

Не знал он и того, что два года назад закончилась война.

Однажды он шел через пески Кашка-Кум и почувствовал, как земля ушла у него из-под ног. Он упал. Цепляясь руками за траву, попытался встать, но оказался не в силах преодолеть сопротивление земли. Это было землетрясение.

А когда земля успокоилась, он увидел над собой лицо человека. Человек этот помог ему встать и что-то сказал по-туркменски. Мальчик не понял, но улыбка незнакомца располагала к доверию, а появившаяся из-за пазухи лепешка окончательно развеяла всякие сомнения. Они устроились под кустом саксаула и приступили к обеду.

— Где твой дом? — спросил незнакомец по-туркменски.

Мальчик пожал плечами.

— Откуда ты идешь? — спросил он его по-русски.

Мальчик молчал.

— Как тебя зовут? — спросил он его по-русски и по-туркменски.

Но даже если бы мальчишка и понял, о чем его спрашивают, он все равно не мог бы ответить, особенно на последний вопрос: он давно забыл свое имя. Имя необходимо человеку для общения с другими людьми, но он жил один, и, никому не нужное, оно забылось само собой.

Наверное, незнакомец понял, в чем дело. Он показал на лепешку и сказал:

— Чорек.

Потом взял в руки горсть земли и сказал:

— Ер.

Наконец, ткнув себя в грудь, произнес:

— Егемберды. Язов Егемберды.

Это был первый урок языка, из которого Михаил узнал, что существует земля, а на земле живет Язов Егемберды, а за пазухой у Язова Егемберды есть теплая душистая лепешка — чорек.

Шагая рядом с Егемберды, он мучительно морщил лоб, вспоминая свое имя. Но так и не вспомнил.

У Язова он оставался недолго. По соседству жила бездетная семья — муж и жена, которым приглянулся бойкий смышленый мальчишка. Они взяли его к себе. Поскольку он не знал ни имени своего, ни фамилии, они назвали его Гаибназаром, а он стал звать их матерью и отцом. Ханзада и Даврон Кочов — так звали людей, усыновивших чужого, незнакомого им мальчишку. Они одели его в свою национальную одежду, научили своему языку, отдали в школу.

Ханзада любила его как родного — может быть, потому, что ей досталась такая же нелегкая судьба, как и ее приемному сыну. Пятнадцатилетней девочкой увезли Ханзаду из родного дома басмачи. Она досталась предводителю банды, который взял ее себе в жены Но обильные подарки не могли сломить ее характер, а ласки бородатого бандита не вызывали ничего, кроме отвращения. Ханзада несколько раз пыталась бежать. Последний побег увенчался успехом. Ханзаду, родившуюся и выросшую в Казахстане, приютила и отогрела таджикская земля. Здесь она вышла замуж за Даврона Кочова. Жили они в любви и дружбе, но своих детей у них не было.

Гаибназар учился уже в пятом классе, когда однажды его вызвали с урока и сказали, чтобы он бежал домой.

— Что-нибудь случилось! — встревожился он.

— Отец...

— Что с ним!

— Приехал твой отец, — сказал учитель.

— Но ведь он никуда не уезжал! — удивился Гаибназар.

— Родной отец.

Вообразите себе такую картину. Встречаются отец и сын. Отец говорит по-русски, но сын его не понимает. Сын говорит по-туркменски, но отец разводит руками: откуда ему знать туркменский язык! Пришлось прибегнуть к помощи учителя, взявшего на себя роль переводчика.

Отец достал пожелтевший платочек, который он хранил всю войну, и показал сыну.

— «Ми-ро-шни-ков Ми-ша», — по слогам прочитал Гаибназар вышивку на нем.

Это были его настоящие имя и фамилия.

...Возвратившись с фронта, отец повсюду разыскивал Михаила, но не мог найти, потому что, усыновленный, он принял фамилию Давронова. Родной отец Гаибназара понимал, что сын его обрел новую семью и, хоть формально он имеет право отстаивать свое отцовство, существует моральная сторона вопроса: увезти сына — значит осиротить Ханзаду и Даврона, которые в трудный час приютили и воспитали его ребенка. Переживали и Ханзада с Давроном: вдруг мальчик захочет уехать с отцом, и снова опустеет их дом...

Но все произошло так.

— Оставь мне на память этот платочек, — сказал отцу Гаибназар. — Никто не виноват, что так получилось. Ты ведь воевал...

И тогда обнялись два пожилых человека, русский и туркмен, и Мирошников-старший сказал:

— Спасибо тебе, брат. Пусть это будет и мой и твой сын. Я рад, что разыскал его, и вдвойне рад, что у него такие родители.

Сейчас Гаибназару Давронову тридцать три года. Женат, у него четверо детей, старшей дочери Акнабад тринадцать лет.

А Исмаила, который, кстати, тоже немало для него сделал, он считает своим старшим братом.

Я был у Михаила дома. Просторный двор увит виноградником, в доме достаток и согласие. Стоит деду Даврону молвить слово, как дети наперегонки бросаются исполнять его желание. Застрял в арыке на трехколесном велосипеде младший сынишка Гаибназара — и все тут же бегут ему на выручку.

Такой предстала передо мной эта семья — семья людей, объединенных родством душ и взаимной любовью. Русская, туркменская и казахская речь звучит в доме Давроновых.

...Так и живет он с двойным именем — Михаил — Гаибназар. Шумят посаженные им деревья, растут его дети. Растут дети — бегают, читают книжки, смотрят телевизор. И не могут понять, как это не знать, что земля — это земля, лепешка — это лепешка, а Язов Егемберды — это Язов Егемберды. И как можно забыть свое собственное имя!

...Недавно я вновь побывал в Туркменском поселке. Заночевал у Исмаила. Дом его уже почти готов. Осталось застеклить веранду и покрасить полы. Исмаил хотел постелить мне в старом доме вместе со всей семьей, но я попросил устроить меня в новом доме — будущем доме Гаибназара. Что ни говорите, а все-таки приятно первым заночевать в доме, предназначенном для друзей, в маленьком, затерянном среди хлопковых полей поселке, который, по существу, частица нашего общего большого дома.

Юрий ЕФРЕМОВ

эстафета комсомольских дел

«На государственной границе — государственный порядок» — под таким девизом проходил в республике смотр-конкурс, в котором приняли участие все комсомольские организации пограничных районов. Помогают держать границу на замке комсомольские оперативные отряды, отряды юных друзей пограничников.

Комсомольские «прожектористы» Душанбинского шелкокомбината изучили загруженность станков на ткацком производстве. К этой работе были привлечены молодые новаторы, специалисты. По их предложению на участке создана комсомольско - молодежная бригада. Работа станков на повышенных скоростях (до 170 оборотов) позволила значительно увеличить выпуск продукции. Коллектив шелковиков обязался выполнить пятилетку в четыре года.

Тридцать шесть раз в течение года выступил с лекциями перед колхозниками Горно-Бадахшанской автономной области и Гиссарского района молодой ученый, секретарь комсомольской организации Института экономики Академии наук Таджикской ССР А. Мукбилшоев.

Всего в течение года молодые ученые республики прочитали 1200 лекций.

ЗРЕЛАЯ МОЛОДОСТЬ ТЕАТРА

ТАДЖИКСКИЙ БАЛЕТ очень молод. Но тот, кто побывал на его спектаклях в дни гастролей в Москве летом нынешнего года, вряд ли хоть на мгновение усомнился в его творческой и профессиональной зрелости. Кто хоть раз наслаждался пленительным, чарующим искусством таких великолепных мастеров, как Малика Сабирова и Музаффар Бурханов, тот с трудом поверит, что театру, который они представляют, немногим больше трех десятков лет.

Мы беседуем с директором Таджикского государственного ордена Ленина академического театра оперы и балета имени С. Айни, заслуженным работником культуры Таджикской ССР А. С. Самадовым. Я прошу его рассказать об истории театра, о его творческих взлетах и тенденциях.

— Трудно даже вообразить себе, — рассказывает Ахад Самадович, — чтобы до Великого Октября таджики, прозябавшие в нищете и невежестве, неграмотные, могли помышлять о своем национальном балете. Только после установления Советской власти таджикский народ обрел вместе со свободой величайшие возможности для своего духовного развития.

Еще в 1933 году мы имели лишь музыкальный ансамбль, который два года спустя стал музыкально-драматическим театром, а тот, в свою очередь, был преобразован в музыкальный и драматический театры. Наконец в 1940 году музыкальный театр стал театром оперы и балета. В 1954 году ему было присвоено имя основоположника таджикской советской литературы Садриддина Айни.

В наши дни театр оперы и балета имени С. Айни — ведущий творческий коллектив и крупнейший музыкальный центр республики. Он завоевал прочную репутацию активного пропагандиста достижений таджикской музыкальной культуры, произведений русской, зарубежной классики и современных советских композиторов.

Говоря о формировании и творческом развитии театра, мы с благодарностью вспоминаем имена видных деятелей советского многонационального искусства, которые с первых же дней существования оказали театру огромнейшую творческую помощь. Это С. Баласанян и А. Ленский, Р. Корох и Л. Кауфман, П. Мирошниченко и Е. Прокофьев, А. Проценко и С. Урбах, А. Исламова и С. Ходжаев, Л. Голейзовский и В. Рындин, Е. Чемодуров и Д. Камерницкий, А. Худолей и А. Климов. Они были воспитателями и учителями таджикских певцов, танцоров и музыкантов, дирижеров и режиссеров, большинство из которых пришли в театр из художественной самодеятельности.

Успешное освоение опыта национальных культур братских народов, и прежде всего великого русского народа, позволило театру за короткий срок добиться значительных творческих успехов и внести весомый вклад в развитие таджикского искусства — социалистического по содержанию, национального по форме.

Первые годы ушли на освоение «целины» национальной музыкальной культуры. Вот почему первой постановкой театра была музыкальная комедия азербайджанского композитора У. Гаджибекова «Аршин мал алан». Но уже в 1939 году на сцене театра прозвучала первая таджикская опера С. Баласаняна «Восстание Восе», а через год — первое хореографическое представление «Вечер балета». Еще годом позже А. Ленский поставил первый таджикский балет «Ду гуль».

В апреле 1941 года в Москве состоялась декада таджикской литературы и искусства, где театр, впервые встретившись с москвичами, с большим успехом показал оперы «Восстание Восе» и «Кузнец Кова» С. Баласаняна и Ш. Бабаколонова, а также музыкальное представление «Лола» и балет «Ду гуль». Яркое, самобытное искусство таджикских мастеров оперы и балета получило признание москвичей и гостей столицы. За выдающиеся творческие достижения театр был награжден орденом Ленина.

В годы Великой Отечественной войны и в первые послевоенные театр осуществил постановку ряда оперных и балетных спектаклей. Но, пожалуй, важнейшим этапом его творческого роста стал балет С. Баласаняна «Лейли и Меджнун». Этот спектакль получил высокую оценку. Композитору С. Баласаняну, балетмейстеру Г. Валамат-заде, художнику Е. Чемодурову и ведущим солистам Л. Захидовой и М. Кабилову была присуждена Государственная премия СССР.

В 1970 году наш театр осуществил новую, третью, постановку этого балета, с которым москвичи познакомились нынешним летом. Спектакль, поставленный Н. Конюсом (дирижер Э. Айрапетянц, художник Т. Ливанова), главные партии в котором исполнили М. Сабирова, М. Бурханов и В. Кормилин, удостоился второй премии Всесоюзного конкурса музыкальных спектаклей, посвященного 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

На сцене театра в последние годы зрители познакомились с такими балетами, как «Ромео и Джульетта» С. Прокофьева, «Лауренсия» Крейна, «Шехерезада» Н. Римского-Корсакова, «Жизель» и «Корсар» А. Адана, «Болеро» и «Дафнис и Хлоя» М. Равеля. Уже одно это беглое перечисление говорит о богатстве и разнообразии творческих возможностей театра.

За годы существования в театре выросло целое созвездие бесспорно талантливых мастеров музыкальной сцены. Имена их со-

ставляют гордость таджикского национального искусства. Это народная артистка СССР Х. Мавлянова, народные артисты республики Л. Кабирова и Р. Толмасов, заслуженный деятель искусств Таджикской ССР И. Абдуллаев и многие другие.

Мы гордимся талантливой молодежью, которая, приняв эстафету от старшего поколения, умножает славу и успехи нашего театра.

Пожалуй, нет нужды в особых рекомендациях, когда речь заходит о нынешней звезде таджикского балета лауреате премии Ленинского комсомола Малике Сабировой. С ее великолепным искусством знакомы далеко за пределами нашей республики. Она лауреат Государственной премии Таджикской ССР имени А. Рудаки, победительница международных конкурсов в Варне и Москве. В свои двадцать девять лет Малика — народная артистка республики. Сабировой аплодировали зрители более чем пятидесяти стран нашей планеты. Ее постоянный партнер по спектаклям — народный артист республики, лауреат Государственной премии Таджикской ССР имени А. Рудаки, победитель Международного конкурса в Варне Музаффар Бурханов — тоже молод, но популярность у него огромная. Оба артиста, так же как и народная артистка республики Б. Исаева, воспитанники Ленинградского хореографического училища. И это знаменательно. Ведь ядро балетной группы театра составляют выпускники Ленинградского и Московского хореографических училищ.

Вместе с тем мы воспитываем свои кадры. При театре вот уже несколько лет существует хореографическая школа. Пока что

Душанбе. Театр оперы и балета имени С. Айни.
Фото В. Бровко

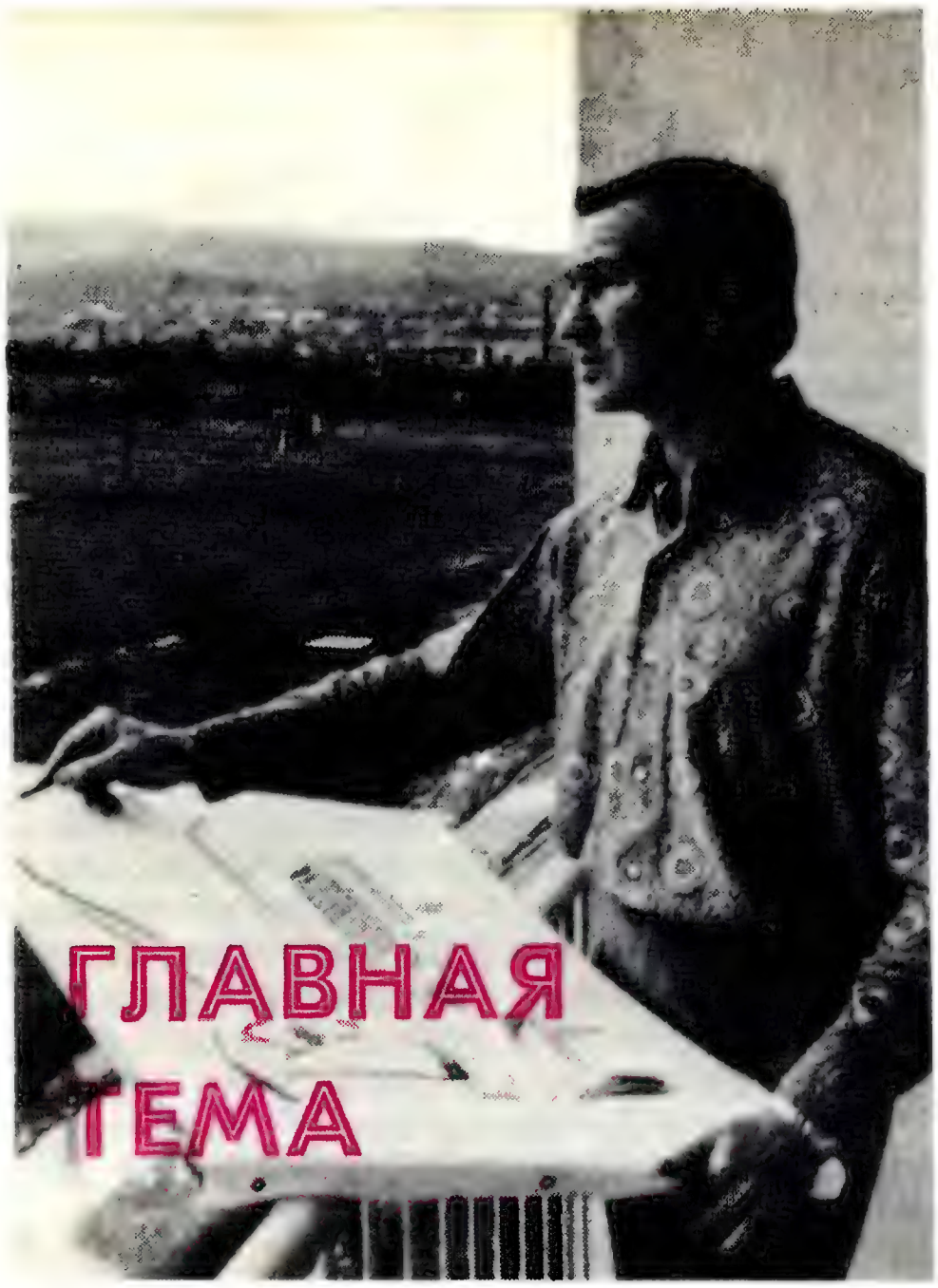
ее питомцы пополняют кордебалет, однако в последние два-три года наметилась отрадная тенденция. Школа начинает готовить солистов. Первой такой ласточкой стала Нина Белан, весьма перспективная и обнадеживающая артистка. Думаю, что недалек день, когда на афишах нашего театра будут красоваться имена питомцев нашей хореографической школы.

В 1971 году театр отметил свое тридцатилетие. Балетная группа была удостоена высокой чести представлять искусство Таджикистана в Кремлевском Дворце съездов на концерте для делегатов XXIV съезда КПСС. В этом же году театру было присвоено почетное звание «академический».

Нынешний год — год 50-летия образования СССР — коллектив театра отметил выпуском балета М. Ашрафи «Тимур Малик», оперы Г. Хренникова «В бурю», балета-спектакля «Класс-концерт», обширной концертной программы на музыку братских советских композиторов, подготовкой оперы Д. Дустмухамедова «Проклятый народом». В юбилейной программе театра — гастроли в Москве, Орске, Новотроицке и Оренбурге. Эту поездку мы рассматриваем как своеобразный творческий отчет, экзамен на зрелость.

Волнующие встречи с москвичами — в театре и на предприятиях, в клубах и в цехах — убедили нас, что искусство мастеров нашего театра несет им радость и наслаждение, способствует сближению национальных культур, укрепляет дружбу между таджикским и великим русским народами.

Интервью вел Р. Минасов



Какая вода в Матче! Такой нигде нет. Недаром наши места называются Мастчох — Пьянящий источник. — Так говорит строитель Исмат Шарипов. Он любит свои места. Он грезит ими. Но живет в Новой Матче. Там, где несколько лет назад ветер поднимал пыль к самому небу. Он здесь работает. И здесь о нем с гордостью говорят: наш Исмат!

Такие же нотки улавливаются в голосе Рашида Абдурашитова. Он стоит перед холстом, снова и снова — в который уж раз — вглядывается в лицо Исмата.

— Почему я решил писать групповой портрет? Исмат и бригада — одно целое. Без ребят из бригады Исмат не стал бы таким... Этот групповой портрет мне мыслится неким символом. Сила людей — в единении.

Этот символ, эта тема давно уже стали для Абдурашитова главными, определяющими в его творчестве.

...Учился в школе как многие — ни хорошо, ни плохо. На уроках рисования не отличался. Правда, шрифты получались отлично — лучше, чем у преподавателя.

Отца не было — погиб на фронте. Может быть, поэтому привязался к Виктору Михайловичу, руководителю Регарского Дома культуры. Выполнял его поручения — расклеивал афиши, растирал краски, писал заголовки в стенгазетах.

— Виктор Михайлович был мастер на все руки: и музыкант, и художник, и столяр... Мне особенно запомнились лебеди, которых он рисовал. Казалось, самому так никогда не нарисовать.

Когда Абдурашитов поступил в Душанбинское художественное училище, ему пришлось начать буквально с азов. Трудно дава-

лась натура. Его считали одним из слабых. Но бросать училище он не собирался — очень уж здесь было интересно. К третьему курсу отношение к нему изменилось: теперь о нем говорили, как о способном ученике.

Училище закончено. Прошло немало лет. Но и сделано тоже немало. За это время написано много портретов, пейзажей, жанровых картин. Но чувство удовлетворения не приходило. Думал, нет того, самого главного.

...Замысел вспыхнул внезапно, сразу взволновал. Хотелось поскорей приняться за работу. Поделился с товарищами, рассказал членам художественного совета. Его командировали в Сенеж.

Здесь он встречался с молодыми, такими же, как он, художниками, наблюдал, как они работают. «Проверял на людях правильность выбора», — говорил после Рашид.

В Сенеже начал он работать над «Подругами».

...Ранняя весна. В горах — снег. А вокруг зеленеет трава. Голубые незабудки. Девушки думают. Каждая о чем-то своем, сокровенном. Может быть, решают очень важное в своей жизни эти девушки, современницы художника.

Картина — это как бы раздумье о времени, о людских судьбах, о собственной судьбе...

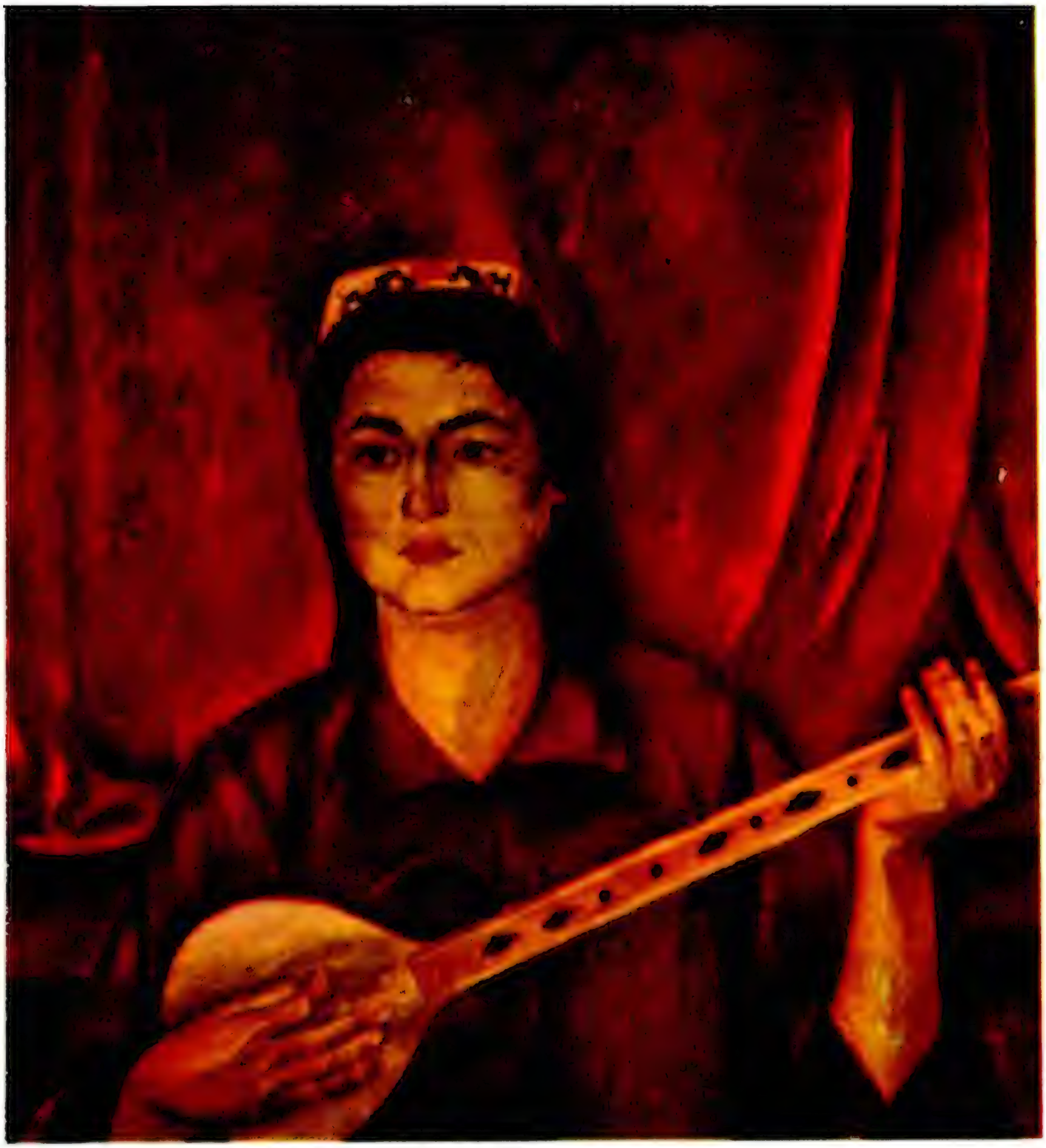
В прошлом году Рашид Абдурашитов несколько раз ездил в колхоз имени Ленина Восейского района и много работал: делал наброски, этюды, рисовал людей. И сейчас в мастерской, раскладывая листы, он говорит об этих людях. Вот боевая, энергичная, смелая девушка, бригадир комсомольско-молодежной бригады Хурсанд Караханова; вот ребята — о каждом из них он может немало рассказать. А это портрет учительницы... Однако портреты — это только часть работы. Основное — картина. Пока набросал эскиз. В ближайшее время начнет ее писать. Название — «Семья».

На станке установлен большой холст. Рашид решает его в зеленом колорите. Он рассуждает: мне важно, чтоб композиция зазвучала благодаря точному цветовому решению и чтоб цвет создал пластический образ вещи, объединил все фигуры и предметы.

Настоящим праздником цвета можно назвать серию работ, привезенных Рашидом из Хивы: «Ворота», «Медресе», «Красная крепость», многочисленные этюды.

Знаменитые древние памятники Средней Азии писали многие художники. Пожалуй, трудно избежать повтора, создать что-то свое, оригинальное. Рашид в своих работах как бы предлагает зрителям: посмотрите, как выглядят уже знакомые вам вытянутые к небу минареты, округлые купола мечетей и медресе, старые улочки в разное время дня, в разную погоду. Главным для него становится создание не тех картин, в которых все выглядит натурально — например, пропорции архитектурных памятников, — а цвет.

В новой большой, светлой, просторной мастерской Абдурашитова уже тесно от картин, эскизов, этюдов. Удивительно плодотворно работает Рашид. Есть уже заметные вехи в творчестве, а он все еще недоволен: «Очень хочется сделать что-то большое, настоящее». ▶



Р. Абдурашитов. Портрет участницы художественной самодеятельности М. Эргашевой.

Что ж... Если художник не почил на лаврах, если в нем не появилось чувство самоуспокоенности, если он постоянно ищет — значит, он настоящий художник. О Рашиде Абдурашитове, лауреате премии Ленинского комсомола республики, можно сказать это с полным правом.

Рано МАХМУДОВА

Первая страница обложки «Товарища»: Украинские спортсмены в Фанских горах (Таджикская ССР). Фото Л. Беляева.

ИВАН ЕФРЕМОВ

ТАИС АФИНСКАЯ

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Продолжение. Начало на стр. 75

Неарх гордо сказал:

— В твоем распоряжении будет целый корабль с опытными моряками. Я ожидаю своего посланца через два дня. Тогда мы поплывем на Эшмун и Малый Гермополь, мимо Навкратиса. Ты ведь была там?

Приняв молчание афинянки за нерешительность, Неарх сказал:

— Птолемей просил меня дать тебе столько дариков, сколько ты захочешь. Я пришлю завтра.

Таис задумчиво покачала головой.

— Нет, не надо. Я еще не видела Птолемея. И он — меня.

Неарх усмехнулся.

— Напрасно ты сомневаешься. Птолемей будет у твоих колен в тот же час, как увидит тебя!

— Я сомневаюсь в себе. Но я возьму у тебя в долг три сотни дариков.

— Конечно, бери, я привез много денег...

Критянин снова помрачнел, минуту стоял молча, потом буркнул: «Хайре!» — и вышел.

Едва стихло бряцание оружия его охраны, Гесиона стремительно бросилась к Таис и по своей привычке скользнула на пол, обняв ее колени.

— Госпожа, если ты любишь меня, то возьмешь этот царский дар, — она показала на ларец Эгесихоры.

— Я люблю тебя, Рожденная змеей, — с нежностью ответила Таис, — но не возьму того, что отдано. По воле судьбы и богов, оно принадлежит тебе.

— Мне негде хранить драгоценности!

— Спрячь пока у меня. Кстати, пора тебе обзавестись своей комнатой. Хочешь, я отдам тебе маленькую?

— О госпожа, я хотела бы спать на ковре перед твоей постелью!

— Я буду тебя бить всякий раз за это обращение, — и Таис в самом деле крепко шлепнула фиванку. — Спать нам в одной комнате не годится. Чувствую, что ты скоро проснешься...

Печальный обряд памятного жертвоприношения под скорбные греческие песни длился недолго. Все ушли, и даже Таис, а Неарх долго еще оставался на месте сожжения Эгесихоры.

Критянин вновь явился к Таис только через два дня.

— Прибыл гонец от Александра, — сразу заговорил Неарх, — и теперь мы можем не спешить к Фаросу. Там уже основана Александрия, а сам великий стратег с Птолемеем, Гефестионом и другими приближенными отправляется в Либийскую пустыню, к оазису, где находится знаменитый оракул Аммона и его священный дуб.

— Это далеко?

— Больше трех тысяч стадий по пустыне.

— И три тысячи назад? Так это месяц пути!

— Для Александра меньше.

— Тогда вообще зачем плыть к Фаросу?

— Тебе-то не нужно. А мне Александр велит осмотреть место для гавани. Я поеду. Ненадолго.

— Возьмешь меня с собой? На свой корабль? Без лошади, только меня и Гесиону?

— Охотно. Только зачем тебе? И как же лошадь?

— Посмотреть Фарос. Я хотела повидаться с морем,

а вовсе не с Птолемеем. Лошадь останется здесь, и рабыня также.

Клонария рассказала своему купцу про скорый отъезд, и он заторопился «взять» ее в свой дом и подписать брачное условие. В хозяйстве купца на время найдется место и для Салмаах.

Быстроходный корабль начальника флота понес Таис и Гесиону вниз по западному рукаву Нила. Неарх плыл с военной поспешностью, не задерживаясь нигде, делая остановки только для пополнения свежей провизии. Большую часть пути Таис проводила на палубе, сидя под кормовым навесом рядом с критянином и кутаясь от резковатого ветра в персидский голубой плащ тонкой шерсти, привезенный Неархом для Эгесихоры. Гесиона сидела тут же в излюбленной своей позе, поджав ноги, на мягких коврах в три слоя — роскошь, невиданная в Афинах того времени, да и в Египте доступная разве вельможам и жрецам самого высшего круга. Трое рабов — два рослых мизийца и худощавая злая финикиянка — держались поодаль, готовые исполнить любое повеление Таис.

Неарх рассказывал обо всем, что считал достопамятным в походе Александра. Не столько военный по душе, сколько исследователь и мореплаватель, он больше вспоминал о поразивших его красотой и мощью природы местах ионийского и финикийского побережья, чем о боях. О бухтах в белых известняковых обрывах, точно мраморные чаши, налитых синей, хрустально-прозрачной водой; глубоких заливах среди красных гор, с таинственно черневшими подводными скалами, покрытыми огромными губками или кроваво-красными кораллами; узких горных долинах Киликии, заросших исполинскими платанами; кипарисах по шестидесяти локтей высоты, невиданной в Элладе; столь похожих на Крит и Элладу горах и долинах, однако более просторных и более безлюдных, с нетронутыми обширными сосновыми и кедровыми лесами, светлыми и чистыми, продуваемыми ветрами гор. Там, на холмах пониже, будто сады богов, простирались рощи смоковниц с клубящимися, как зеленые облака, кронами; посаженные самими титанами ряды каштанов, могучих орехов и гранатовых деревьев. Еще ниже, к самому побережью — заросли миндаля, гигантские кусты съедобного орешника, ароматного мирта и лавра, фисташек, рожкового дерева с черными стручками,

равными по сладости финикам. Все это богатство пищи, мало тронутое человеком, даже в небольшом удалении от городов, могло прокормить множество людей, сделать их жизнь куда более легкой, чем на берегах Пелопоннеса или Крита, если бы не постоянные нападения пиратов. Но города-полисы требовали новых и новых рабов для построек и ведения хозяйства, и азиатские побережья обезлюдели, опустошенные охотниками за «живыми орудиями».

Всякий раз, как заходила речь о взятых городах и сражениях, Неарх говорил об Александре. Товарищ детских игр, юношеских приключений, опальный царевич на глазах своих близких друзей, не говоря уже о преданных гетайросах-товарищах — цвете македонской конницы из знатных родов, превращался из неопытного воина в божественного полководца. Александр свершил такое, о чем не мог мечтать никто из эллинов, даже его отец Филипп, давно думавший о войне с Персией. Вопреки советам опытных в политике мужей Александр отверг коварные приемы своего отца и действовал всегда прямо, держал свое слово, точно исполнял обещания. Его способность к молниеносным решениям превосходила даже способности Фемистокла. Он не отступал от задуманного, действовал с такой уверенностью в успехе, что это казалось его полководцам божественной проницательностью. В первой большой битве — при Гранике — старшие военачальники могли еще порицать его за неосторожность. Но после гигантской битвы при Иссе, когда Александр с тридцатью пятью тысячами македонцев и тессалийских всадников разгромил сотни тысяч воинов Дария с ничтожными для себя потерями, его приближенные стали относиться к Александру с благоговейным страхом. Прежняя простота и даже фамильярность отношений с ним сменилась преклонением. Манера Александра внезапно бросаться в самые опасные места битвы делала его похожим на Ахиллеса, которого он числил в своих предках. И бился он с той же яростью: за короткий срок он получил две тяжелые раны — в бедро и в плечо, от которых оправился нечеловечески быстро.

— Наверное, его окружают лучшие красавицы Ионии, Сирии, Египта? — спросила Таис.

Неарх расхохотался дробным смешком.

— Ты удивишься! Представь, у Александра никого

нет, если не считать какой-то невзрачной вдовы, которую он взял к себе в палатку после того, как старшие полководцы посоветовали ему не возбуждать недоумения среди воинов и обзавестись любовницей... Десятки тысяч молодых женщин проданы в рабство — бери любую. В битве при Иссе он захватил все имущество Дария и его семью, включая мать, жену и двух дочерей. Жена Дария Статира считалась первой красавицей Азии, да и царевны красивы.

— И он не взял ее?

— Нет. И не позволил никому из приближенных, сказав, что эти женщины будут заложницами.

Таис взяла с глиняного блюда горсть карийского миндаля — обычной в Элладе еды, по которой соскучилась в Египте.

— Так он совсем не любит женщин? — спросила она.

— Я бы не сказал. Когда Птолемей намекнул ему, что персиянки царской семьи прекрасны, Александр почти с ожесточением ответил: «Да — и это мученье для моих глаз!» Нет, он чувствует женскую красоту и преклоняется перед ней!

— Тогда почему он избегает женщин?

— Мне думается, Александр не совсем обычный человек. Он безразличен к еде и питью. Я видел, как ему претит обжорство товарищей, устраивавших пиры после каждой победы. Он не алчен, хотя ни один человек в Элладе не владел еще такими сокровищами. Любимое занятие у него — читать по ночам, а днем общаться с криптосами — разведчиками пути, и беседовать с философами.

— А вдова?

— Она не любит Александра и боится его, укрываясь в заднем отделении шатра, будто мышь.

Наступила очередь засмеяться Таис.

— Ты сам как понимаешь его, близкий друг? Или есть еще ближе? Птолемей? Гефестион?

— Гефестион, пожалуй, но как раз потому, что полностью противоположен Александру. Птолемей себе на уме, хотя сообразительность и быстроту его решений Александр ценит высоко. Я знаю море, а он от него далек. Мы, его ближайшие друзья, в последнее время как-то отошли от него. Решения Александра трудно предвидеть, его поступки часто необъяснимы.

— Например?

— Иногда Александр ведет себя, как мудрый правитель, милостивый к побежденным, уважающий чужие обычаи и храмы, исполненный добрых намерений к жителям завоеванных городов. А иногда подобен дикому, необузданному варвару. Разрушает города до основания, устраивает кровавую резню. Македонцы еще в Фивах показали, на что они способны.

— О да! — вырвалось у Гесионы.

Неарх пристально взглянул на нее и продолжал:

— Той же участи подверглись Милет и Галикарнасс, не говоря уже о Газе. Сопротивление приводит Александра в бешенство, он расправляется с противником, как дикарь, забывая все свои прекрасные слова о равенстве людей Азии и Эллады. Мне кажется, мужество и отвага заслуживают хотя бы уважения. Ведь мужество живет в лучших людях. Как же можно убивать мужественных и отважных, оставляя жить лишь слабых душой и телом? Ни один хороший хозяин-скотовод не поступит так с животными, не то что с людьми...

— Есть в этой дикости еще худшая сторона, — внезапно, густо покраснев, сказала Гесиона, — среди избиваемых и продаваемых, подобно скоту, людей есть совсем неповторимые: художники, врачи, философы, певцы, артисты. Каждый полис, город-государство, славен своими мастерами, достижениями в создании прекрасного, в знаниях и ремеслах. Надо ли тебе говорить, что все это требует веков постепенного совершенствования, даже тысячелетий. Как Египет, Эллада, погибший Крит. Уничтожая город-островок со всеми носителями искусства и знания, мы обкрадываем сами себя и всю Ойкумену, лишаемся создававшейся веками мудрости и красоты...

Неарх поднял брови, подумал и энергично закивал в знак согласия.

— Скажи, пробовал ты говорить об этом с Александром? — спросила Таис.

— Пробовал. Сначала он слушал меня, зная, что я вообще редко говорю и только о важном.

— А потом?

— Забывал все в очередной ахиллесовой ярости. Он похож не на Филиппа, а гораздо больше на свою мать Олимпиаду.

— Какая она была?

— Почему была? Она жива — ей немногим больше сорока, и она по-прежнему красива — особенной, диковатой красотой. Знаешь ли ты, что она царевна древнего рода из горной Тимфеи, сирота, посвященная Дионису, ставшая жрицей его и, конечно, менадой.

— Значит, она подвержена бешеному экстазу? И Александр унаследовал эту способность. Теперь я больше понимаю его необъяснимое поведение.

— Вероятно, так! Он впадает в неистовство, наталкиваясь на сопротивление, будь то столкновение с врагом или спор с друзьями. Пытается преодолеть препятствие буйным наскоком, не щадя ни своей, ни чужих жизней, не считаясь с достоинством человека, о котором в спокойные минуты он немало говорит, возражая своему учителю Аристотелю.

— Так бывает с очень удачливыми людьми, возлюбленными Тихе, судьбы, — задумчиво сказала Таис.

Собеседники долго молчали, слушая журчание воды под рулевыми веслами.

Корабль шел под парусами. Стойкий восточный ветер ускорил путешествие. Заунывный крик погонщиков и рев ослов доносились издалека. Насколько хватал глаз простирались заросли донакса — камышей, волновавшиеся под ветром подобно буровато-зеленому морю. Ближе к берегам проток и стариц росли тростники с пышными метелками, трепетавшими в такт течению.

— А эту, прекраснейшую из всех, жену Дария, ты видел? — вдруг спросила гетера.

— Видел. Она очень красива.

— Лучше меня? И... Эгесихоры?

— Вовсе нет. Высокая, тонкая. Мрачные черные глаза под широкими черными бровями. Рот большой, тонкогубый, щеки чуть впалые, шея длинная, ноги — не разглядишь в их плотной одежде. Еще черные косы, тонкие, как змеи, — вот тебе весь ее облик. На мой взгляд, куда хуже, чем ты или... — взгляд Неарха остановился на фиванке, покрывшейся жарким румянцем, — чем Гесиона.

«Рожденная змеей» спрятала лицо в ладонях, а Таис весело вскочила, обняла Неарха и поцеловала ниже глаза, избегая колючей бороды.

— Ты заслуживаешь награды. Я буду танцевать для тебя. Зови музыкантшу. Кажется, здесь есть флейтистка, а с китарой управится Гесиона.

Неарх и все спутники были в восторге от неожиданного представления, ибо для эллинов, финикийцев и египтян нет в жизни большего удовольствия, чем танцы красивых женщин.

...Тихие «зимородковые» дни окончились с наступлением зимнего солнцеворота, но погода оставалась спокойной и тогда, когда корабль Неарха вышел из рукава Нила и повернул вдоль берега моря на запад, гонимый стойким восточным ветром. Двое искусных кормчих не отходили от рулевых весел. В этой широкой полосе желтоватой воды, взмученной накатистым прибоем, отмели все время изменяли свое расположение. В жидком песке с примесью нильского ила днище корабля могло прилипнуть к мели так, что никакие усилия гребцов и паруса не смогли бы сдвинуть плененное судно. Поэтому ночью кормчие не решались плыть и останавливались в маленьких заливах.

Таис и Гесиона находились под покровительством Афродиты: богиня сделала плавание легким и быстрым. Вскоре корабль вышел на чистую воду, вне несомых Нилом песков, и подходил к видной издалека белой полосе пены за островом Фарос. На косе между лиманом Мареотидой и широким проливом, там, где всего месяц назад стояло жалкое селение рыбаков Ракотис, скопилось восемь кораблей с лесом и камнем. В этот утренний час густо поднимался дым от кухонь в лагере воинов и хижинах рабов; подхватываемый ветром, он уносился на запад, по пустынному ливийскому побережью.

Архитектор Александра Динократ успел многое. На месте будущего города пролегали канавки и ряды вколоченных в землю реек, означавшие контуры будущих зданий, храмов, улиц и площадей.

Начальник города, пожилой македонец, иссеченный шрамами, встретил Неарха с большим почетом. Под защитой стены, еще пахнувшей сырой известью, поставили две палатки, сотканные из тонкой шерсти памфилийских горных коз. В ложах, подушках, занавесях не было недостатка на корабле командующего флотом. Под всемогущей его опекой Таис и Гесиона разместились прямо-таки роскошно.

Свидание с морем всколыхнуло в Таис память прошлых лет. Чуть печальная, она вновь переживала незабвенные мгновения своей короткой, но богатой впечатлениями жизни под родной шум моря, всплески широких

накатов и вечно изменяющиеся извивы пенных полос. Здесь собралось много чаек, их качающийся полет и резкие, тревожные крики наводили на мысли об Эа — острове плача, обиталище Кирки посреди пустынного Ионического моря.

Чтобы развеять нежданно пришедшую грусть, Таис попросила у Неарха лодку и гребцов. Критянин вызвался сопровождать своих гостей, и они поплыли через пролив к легендарному обиталищу морского старца. Солнце перевалило за полдень, и ветер внезапно утих. С высоты повеяло жаром, сверкающие блики медленно закачались на успокаивающейся воде. Лодка подходила к острову — низкому, песчаному и совершенно пустому. Даже чайки утихли. Неарх повернул налево, к западному концу Фароса. Нос лодки ткнулся в песчаный откос. Неарх, став в воду, перебросил обеих женщин на берег. Приказав гребцам ожидать, критянин повел Таис и Гесиону через отдающие жаром песчаные холмики, поросшие сухой колючкой. За буграми широкая полоса утрамбованного прибоем песка со стороны моря ограничивалась прямой каменной стеной. Гигантские глыбы, еще более крупные, чем в афинском Пеласгиконе, здесь были пригнаны с тщательностью, напоминавшей египетские или критские постройки.

— Что это? Кто жил здесь в давние времена? — вполголоса спросила Таис у Неарха.

Не отвечая, Неарх подвел афинянку к краю стены и показал на раскиданные землетрясением глыбы, лежавшие в прозрачной воде. На ровной поверхности глыб виднелся рисунок в виде клеток, обозначенных правильными глубокими бороздками. Часть квадратов была углублена, часть оставлена вровень с поверхностью камня. Получился сетчатый рисунок темных и светлых квадратов.

Таис сразу вспомнила, где она видела похожее.

— Крит, правда? — с загоревшимися глазами воскликнула она.

Неарх ответил широкой довольной улыбкой:

— Там поглубже есть развалины. Гляди: будто колонна!

— Я хочу это посмотреть, — сказала Таис, — вода не холодная, несмотря на зимнее время. Не то что у нас в Элладе.

— Здешних окунуться не заставишь! — весело сказал Неарх и внезапно помрачнел.

Таис догадалась: вспомнил Эгесихору. Она ласково погладила его по руке.

— Я нырну. — Она побежала к берегу.

Гесиона понеслась за ней, но обеих обогнал Неарх.

— Если уж так, то вперед пойду я. А-э-о!.. — закричал он, продувая легкие, как это делают ловцы губок.

Сбросив одежду, критянин нырнул, а за ним последовала Таис, и, к удивлению ее, Гесиона также оказалась рядом. Таис знала, что фиванка неплохо плавает, но не считала ее способной на бо̀льшее. Встревоженная, она подала Гесионе знак подниматься, но девушка упрямо мотнула головой и ушла еще глубже, в сумрачную тень, куда Неарх подзывал их жестом. На косой плоскости очень крупной каменной глыбы в полосе света четко виднелось большое изображение осьминога с причудливыми изгибами щупалец. Упавшая широкой капителью вниз колонна суживалась к основанию по критскому образцу. На ее осмотр не хватило дыхания. Таис пошла наверх. Гесиона вдруг отстала. Движения ее рук замедлились. На помощь кинулся Неарх, энергично толкнувший фиванку наверх и подоспевший как раз вовремя, чтобы подхватить ее на поверхности моря. Рассерженная, испугавшаяся за подругу Таис потащила ее к берегу и на камне наказала шлепком. Придя в себя, Гесиона виновато опустила глаза и более не пыталась состязаться с пловцами, подобными Неарху и Таис. А те ныряли, пока не замерзли. Выбравшись на сухую плиту, нагретую солнцем, Таис вторично в этот день удивилась. Гесиона не торопилась одеться, а безмятежно сушила волосы, почему-то не стесняясь Неарха, который прыгал и поднимался на руках, чтобы согреться, исподволь рассматривая своих спутниц, как и подобало вежливому гимнофилу.

Вызывающий загар Таис, некогда поражавший афинских модниц, побледнел в Египте, медная ее кожа стала светлее. Чуть позолоченная солнцем Гесиона выглядела прелестной даже рядом со знаменитой гетерой. Ее ноги, такие же сильные, как у Таис, могли бы показаться чересчур крепкими, не будь они так прекрасно очерчены. Волосы распушились от ветра и окружали голову пышной копной, слишком тяжелой для тонкой девичьей шеи.

Гесиона и впрямь склонила голову набок. Глубокие тени, скрыв ее большие глаза, придали лицу девушки выражение усталой печали. Она уперла одну руку в крутой изгиб бедра, а другой стряхивала песок с тела медленными плавными поглаживаниями. Короткий вздох берегового ветра набросил волосы на лоб Гесионы, и она, вздрогнув от холода, вздернула голову. Вдруг смутившись и закрываясь волосами, она убежала под сомнительную защиту высоких пучков сухой травы.

Неарх ощутил странное чувство жалости и влечения к трагической, нежной и пылкой Гесионе. Чем-то сродни ему, изгнаннику и заложнику с детства, показалась эта девушка, в которой чувствовалась тонкая, светлая душа. По блеску глаз Таис догадалась о переживаниях критянина и негромко сказала, набрасывая одежду:

— Не спеши, мореход, и она будет тебе хорошей подругой.

— Не буду спешить. Я понимаю, что ее надо разбудить. А ты отдашь Гесиону?

— Как я могу не отдать? Она не рабыня, а свободная и образованная женщина. Я люблю ее и рада буду ее счастью. Только смотри и ты. Один неверный шаг, и... ты имеешь дело не с обычной судьбой и не возьмешь ее, как других.

— А ты поможешь мне?

— Прежде всего не буду мешать.

Неарх привлек к себе Таис и поцеловал ее в обнаженное плечо.

— Не спеши с благодарностями, — засмеялась гетера и, вспомнив что-то, слегка оттолкнула Неарха.

Подозвав Гесиону, Таис резким движением разогнула браслет на ее левой руке, знак рабыни, и, сорвав его, бросила в море. Фиванка не успела ничего сказать, а Неарх трижды хлопнул в ладоши, выражая одобрение.

Они переехали через пролив, правя на высокий столб, намечавший место будущего волнореза, и у западного конца пролива нашли еще остатки критских построек.

Неарх сказал, что его снова и снова удивляет верное чутье Александра. Порт, выстроенный столь основательно тысячелетия тому назад, конечно, был важной гаванью на торговых путях великой критской морской дер-

жавы. А теперь послужит и для государства сына Филиппа.

Таис гостила в будущей Александрии до новолуния, плавая в море даже в ветреные дни. Прибыла часть отряда македонцев, сопровождавших Александра в оазис Аммона. К удивлению всех, Александр из оазиса пошел напрямик к Мемфису — трудным и опасным путем через Либийскую пустыню. С ним остались Птолемей, Гефестион и брат няни Александра Клейт, по прозвищу Черный, гигант неимоверной силы. Поход к святилищу Аммона в зимнее время оказался не столь уж труден — воду находили в каждой большой впадине. Путь на восток к Мемфису более опасен и тяжел. Непонятно, зачем Александр решился на этот подвиг, мало что прибавлявший к его славе.

Неарх пожал плечами:

— А мне понятно.

— А мне нет. Объясни.

— Александру надо идти в глубь Азии за Дарием, через пустыни и степи, наполненные зноем. Он хочет испытать и закалить себя.

— А что сказал оракул Аммона?

— Ничего никому не известно. Жрецы оракула и гараманты, хранители дуба, встретили Александра с величайшим почетом. Утром он один вошел в храм, а сопровождающие ожидали его день и всю ночь. На рассвете Александр покинул убежище Аммона, сказав, что узнал от бога все, что хотел и в чем нуждался.

— Что же теперь делать?

— Поплывем в Мемфис. Сегодня же. Или ты хочешь еще побыть у моря?

— Нет! Я соскучилась по Салмаах.

И снова потянулись бесконечные равнины Дельты, показавшиеся еще более унылыми после чистых просторов моря. Критянин опять рассказывал о походах Александра. Только теперь Таис часто уходила на носовую палубу, оставляя его вдвоем с фиванкой. Она замечала, что взгляды Гесионы, обращенные к Неарху, становятся нежнее и мечтательнее. Однажды вечером Гесиона скользнула потихоньку в их общую каюту, куда Таис удалилась раньше и лежала без сна. Услыхав, что девушка сдерживает смех, Таис спросила, что случилось.

— Посмотри, — Гесиона поднесла к свету люкноса

морскую губку таких гигантских размеров, каких гетера никогда не видывала.

— Подарок Неарха, — догадалась Таис, — редкая вещь, под стать этой чаше.

В углу их каюты стояла огромная, выстланная серебром, круглая плоская чаша (или бассейн) для омовений, носить которую было под силу лишь двум крепким рабам.

— Попробуем? — весело предложила Гесиона. Она выкатила чашу, как колесо, и опрокинула на пол.

Грохот сотряс корабль, и испуганный помощник кормчего вбежал в каюту. Очарованный улыбками женщин, он тут же прислал двух моряков, наполнивших чашу водой.

Таис погрузила в бассейн губку, вобравшую почти всю воду, велела Гесионе стать в него и, с усилием подняв губку, обрушила ее на фиванку. Восторженный вопль вырвался из уст Гесионы, дыхание ее перехватило от целого каскада холодной воды.

— Смотри, чтобы любовь Неарха не утопила тебя, как эта губка, — пошутила Таис, а девушка отчаянно замотала головой.

Однако на четвертый день плавания Гесиона не вышла на корму и осталась в каюте. Таис потребовала командующего к ответу.

— Я полюбил ее. А она... Боюсь, что Гесиона так и не оттает. Как бы я не испортил всего. Помоги чем-нибудь. Вы, искусные жрицы Афродиты, должны знать такие вещи.

— Положись на меня, — успокоила его Таис. — Хоть и странно мне быть союзником мужчины, но уверена, что ты не обидишь мою Гесиону.

— Надо ли говорить?

— Не надо! — И Таис вошла под навес в каюту и оставалась там до самой ночи.

Прошло еще два дня. Судно подходило к Эшмуну во мраке безлунной ночи. Таис лежала в каюте без сна, обдумывая слова Неарха о том, что Александр хотел идти к пределам мира на востоке. А что теперь делать ей?

Неожиданно в каюту ворвалась Гесиона, с размаху бросилась на ковер перед ложем и, пряча лицо, протянула руки к Таис по шелку покрывала.

Таис сильно потянула Гесиону к себе, несколько раз поцеловала в пылающие щеки и, слегка оттолкнув от себя, с безмолвным вопросом взглянула в ее каштановые глаза.

— Да, да, да! — страстно зашептала фиванка. — И он надел мне этот браслет и это кольцо. Он сам купил их в Навкратисе, не думай, это не те, не Эгесихоры!

— И ты пойдешь к нему опять?

— Пойду. И сейчас!

— Подожди немного. Я научу тебя, как стать еще более прекрасной. Хоть ты и так неплоха... Сними эпоксиду!

Таис достала набор красок для тела и душистые эссенции. Она критически осмотрела подругу и спросила лукаво:

— Так ли уж плоха мужская любовь?

— О нет! — горячо воскликнула фиванка, покраснела и добавила: — Только не знаю, как надо, чтобы было хорошо ему?

— Ты должна нисходить к нему богиней, готовой отдаться священному обряду, без опаски и без нетерпения. Как и поэту. Служить ему, как перед Афродитой на морском берегу, без края и предела. Если у тебя так...

— Да, да! Я знаю, он начальник флота у великого Александра, а я?! Но все равно, я счастлива, а там что пошлет судьба! Кто может спорить с ней?

— Сами боги не могут и не смеют, — согласилась Таис. — Только мы, смертные, чтобы не погибнуть, должны быть сильны душевно.

— А что дает эту силу?

— Долгая подготовка, крепкая закалка, строгое воспитание.

— И для гетер тоже?

— Для нас — в особенности.

— Я не понимаю.

— Скоро поймешь. И когда постигнешь, что нельзя стать знаменитой только одной любовью, будет не поздно заняться танцами, искусством веселого собеседника-рассказчика.

— Как бы я хотела стать такой танцовщицей, как ты!

— Что ж, увидим. Я знаю в Мемфисе одну финикиянку, она научит тебя тайнам.

— О, мне не нужно тайн. Я люблю Неарха и, кроме него, никогда любить никого не буду.

Таис пристально посмотрела на фиванку.

— Бывает и так, только редко!

Глава восьмая РЫЖИЙ ИНОХОДЕЦ

Птолемей увидел Таис верхом на темно-пепельной лошади, когда возвращался вместе с Александром, Гефестионом, Черным Клейтом и Леонтиском, начальником тессалийской конницы, с прогулки к пирамидам. Александр ехал на Букефале, проезжая любимого коня в ранний час дня. Обычно он ездил на нем только в бою, избегая перегревать вороного в дальних поездках под палящим солнцем Азии. Букефал поднял умную широколобую голову с пятном-отметиной и продолжительно заржал, приветствуя кобылу. Салмаах кокетливо затанцевала, сдерживаемая крепкой рукой Таис.

Три возгласа удивления прозвучали почти одновременно. Три друга безошибочно узнали «четвертую Хариту». Тессалиец замер, рассматривая небольшую, одетую без роскоши женщину, перед которой остановились три могущественных человека и в их числе сам божественный полководец.

— Она, моя мечта — афинянка! — вскричал Птолемей, спрыгнув с коня и хватая под уздцы Салмаах.

— Самоуверенность! — насмешливо заметил Гефестион. — Твоя без тебя?

— Я сказал — мечта! — упрямо повторил Птолемей, испытующе глядя на Таис.

Она положила обе руки на холку лошади, подняв высоко голову, и смотрела только на Александра, словно завороженная его взглядом. Чуть сведя брови, Таис закинула ногу и соскользнула с левого бока лошади на землю. Она казалась совсем небольшой перед тремя гигантами на огромных конях. Александр, Гефестион и Клейт были выше четырех локтей на целую палесту (ладонь), а рост Таис — три локтя, три палесты. Тем не менее гетера не теряла достоинства и даже дерзкой

независимости, удивившей Птолемея еще в Афинах. Теперь он во все глаза смотрел на нее. В расцвете женской силы, утратившая прежнее мальчишеское, гетера стала необъяснимо привлекательной, далекой и еще более желанной. Лошадь Таис отступила в сторону, и Птолемею пришлось смотреть на нее против солнца. Могучий золотой свет проник сквозь легкое одеяние гетеры и облек все ее тело сияющим огнем, словно сам Гелиос принял в свои объятия прекрасную дочь Эллады и Крита. По манере смотреть вдаль, словно она видела нечто неведомое остальным, Таис вдруг напомнила ему Александра. Птолемей задрожал и опустил взгляд, чтобы не выдать себя.

Александр, спешившись, бросил поводья Букефала Клейту и подошел к Таис. Его широко расставленные глаза показались гетере очень дальнозоркими. Александр держал голову еще выше, чем при первой встрече, и прищуривал нижние веки с выражением гордым и проницательным.

— Хайре, — сказала Таис, поднимая маленькую ладонь к подбородку полководца.

— О чем ты хочешь просить меня? — сказал македонец.

— Ни о чем, царь, — ответила Таис, называя Александра титулом владык Персии. — За прошедшие годы ты стал так величествен, что мы, простые смертные, пред тобой невольно застываем в молитве.

Александр прислушался к словам Таис: нет, они не отдавали лестью.

— Пусть простит меня мой прародитель Ахиллес, право, ты стала прекраснее Елены Троянской, дочери Тиндара!

И царь македонцев еще раз оглядел гетеру.

«Ее глаза кристально чисты, как источник Артемис, — думал Александр, — серые, с проблесками золота и лазури, спокойные и доброжелательные. А гордые губы будто вырезаны из пурпурного камня — так четок их рисунок, резкий, как и длинный разрез век под узкими бровями...»

После некоторого молчания, нарушавшегося лишь бряцанием уздечек и ударами копыт лошадей, Александр сказал:

— Помнишь мои слова в Афинах: «Ты будешь моей гостьей, когда захочешь»? Так хочешь ли?

— Конечно, хочу! Особенно когда ты удивил меня памятью о короткой встрече с девчонкой-гетерой!

— Я давно собирался позвать тебя, — вмешался Птолемей, — к твоим услугам любые лошади, палатка, рабы — всего этого у меня в изобилии...

Птолемей осекся под взглядом Александра. Полководец смотрел на своего соратника без гнева, а с сожалением, — так показалось Таис.

— Путь мой только еще начинается, — сказал царь, — но ты можешь сопровождать нас. Не в боях и погонях, а следуя в мирной половине моего войска — с художниками, философами, артистами. Птолемей позаботится о тебе — он умеет это делать, — легкая улыбка рассеяла смущение спутников царя.

Таис склонила голову с тяжелым узлом высоко зачесанных волос и по-детски поджала губы дужкой.

— Благодарю тебя, царь!

— Зови меня по-прежнему Александром. И приходи на праздник, который я устраиваю для города. Покажи там высокое искусство эллинских женщин.

Александр с удивительным для его мощной фигуры проворством вскочил на своего вороного, покрытого по персидскому образцу потником, укрепленным тремя ремнями, и блиставшего золотой персидской уздечкой в виде лежачей буквы Х (хи), с золотыми розетками на скрещении ремней и под ушами. Таис взвилась на потертую шкуру пантеры, заставив Салмаах подняться на дыбы и ловко повернуться вслед ускакавшим македонцам. Опомнившись, гетера снова повернула лошадь и медленно поехала к месту, где ее ждала Гесиона, расставшаяся на несколько дней с Неархом. Начальник флота обещал вернуться к большому симпозиону, их разлука не могла быть долгой.

Мемфис был во власти праздничных настроений. Люди приветствовали молодого «фараона» Александра, восхищаясь его красотой, силой, чувством превосходства и власти, исходившими от обожествленного полководца.

Как всегда, народ надеялся на большие перемены в своей судьбе, долженствующие изменить печальную жизнь по мановению нового царя, испокон веков надеясь на лучшее и не понимая, что ход истории медлителен и тяжек. Ничего для этих ныне живущих людей измениться к лучшему не могло. Только военные беды, погромы, пожары и наводнения вторгались в неизменно бесцвет-

ное существование людских толп с ошеломляющей внезапностью худого. Но опыт истории существовал только для мудрецов.

Среди тех, кто приветствовал победоносных македонцев и эллинов, было немало подобных Таис, веселых крупиц жизни, с телом и мускулами как из бронзы, с твердой душой, мнящих себя хозяевами Ойкумены.

— Ты поможешь мне, Гесиона? — спросила гетера накануне симпозиона, устраиваемого Александром для знати Мемфиса в так называемых Южных Садах.

— Ты очень храбрая, моя прелесть, если хочешь выступать перед таким скопищем людей. Не испугается ли Салмаах?

Афинянка лениво потянулась и достала флакон мутного древнего стекла. Из него она насыпала в маленькую чашку щепотку зеленоватого, неприятно пахнувшего порошка.

— Я добавлю в воду и напою завтра Салмаах. Этой азиатской травы надо очень немного, чтобы человек или животное сбросили с себя цепи застенчивости или страха. Чуть больше — и тело выйдет из-под власти сердца, потому я, не имея опыта, дам лишь капельку...

Из наполненных смолой каменных сосудов на столбах пламя вырывалось в темное небо дымными крутящимися колоннами. Глубокий навес укрывал собравшихся от северного ветра. На гладких плитах двора музыканты и греческий хор с артистами исполнили «Трагедию» («Песнь козлов») — отрывок из приключений Диониса в его индийском странствовании. Эту легенду особенно любил Александр.

Великий победитель полулежал в окружении своих приближенных, хмельных и заносчивых. Только Неарх и Леонтиск уселись немного в стороне, слушая великолепную тиносскую певицу. Высокая, в черном, как ночь, пеплосе, она походила на Гекату. Только вместо мрачных собак, спутниц богини, — две веселые, обнаженные, как полагалось, флейтистки аккомпанировали ее низкому голосу, силе которого могли бы позавидовать военачальники. Широкий разлив песни смывал, подобно морю, человеческие огорчения, повелевая быть спокойней, внимательней и добрее.

Загудели барабаны. Ритм заострила дробь деревянных палок. Рабы раздули курильницы, извилистые ленты

тяжелого ароматного дыма потянулись над плитами импровизированной сцены.

Нагие финикийские танцовщицы, все на подбор тонкие, узкобедрые, смуглые и низкогрудые, извиваясь, завертелись в дыму курений. Их было шесть. То разъединяясь, то бешено бросаясь навстречу одна другой, они дерзко, грубо и недвусмысленно изображали ярость овладевшего ими желания. Жертвы богини Котитто, одержимые одной целью — быстрее освободиться от ее мучительной власти.

Хриплые крики одобрения понеслись со всех сторон. Только сам Александр и угрюмый Черный Клейт не выразили восхищения. Неарх с Леонтиском тоже остались спокойными. Рабы обнесли всех новыми чашами вина. Угасли курильницы, тела танцовщиц заблестели от пота, пронзительная дробь смолкла. Под замирающие удары барабанов финикиянки скрылись.

Тотчас же, без всякого перерыва, перед дворцом-сценой упала завеса тончайшей серебрящейся ткани, протянутая на веревке от одного факельного столба до другого. За ней поставили большие зеркала из посеребренных листов меди, отразившие яркий свет больших масляных лампионов.

Зазвенели струны, протяжно запели флейты, и еще восемь нагих девушек появились в полосе света от зеркал, стоявших за тканью. Все небольшого роста, крепкие и полногрудые. Их волосы не метались тонкими косами-змеями по плечам, как у финикиянок, а были коротко острижены, как у мифических амазонок. Маленькие ноги ступали дружно, одним слитным движением. Тессалийки — дочери древней страны колдуний, и танец их казался волшебным действом, тайной мистерией.

Слабо колышущаяся серебристая ткань дымкой отделяла танцующих от полутьмы пиршественного навеса. Гибкие тела тессалиек подчинялись иному музыкально-напевному ритму. Танец был широким, плавным, в убыстрявшемся темпе, юные танцовщицы, одержимые не менее финикиянок, словно бы неслись по просторам коннобежных равнин Тессалии. Зрители оценили полет их фантазии, смотрели в молчании, захваченные чувствами тиноэстезиса — ощущения через сердце, для эллинов олицетворявшее душу. Леонтиск наклонился к Неарху, чем-то опечаленный, и негромко сказал:

— Когда-то давно я видел тессалиек, исполнявших танец амазонок. Как это было прекрасно!

— И ты хотел бы увидеть? — загадочно улыбаясь, спросил критянин. Он-то знал обо всем через Гесиону.

— Я готов заплатить талант той, которая сможет исполнить танец амазонок.

— Что ж, плати! — невозмутимо сказал Неарх, протягивая сложенную горстью ладонь.

Начальник тессалийской конницы удивленно рассмеялся. В это время убрали занавес. Красноватые блики смоляных факелов вновь побежали по плитам двора. Девушка в очень короткой эксомиде, открывавшей левые плечо и грудь, с распущенными волосами, появилась у левого факельного столба. Неарх узнал Гесиону. Сначала на нее не обратили внимания. Фиванка подняла над головой бубен и резкими ударами привлекла внимание пирующих. Зазвенели звонки, прикрепленные к ободку инструмента, и в ярко освещенный круг ворвалась Таис верхом на Салмаах. Ничего, кроме уздечки, не было на лошади и, кроме боевого браслета амазонки, на всаднице. Грациозной переступью лошадь пошла боком от одного столба до другого, поднялась на дыбы, склонив набок маленькую сухую голову и приветственно размахивая передними копытами. Отсюда Салмаах, в такт ударам бубна, двинулась обратно, поочередно забрасывая в сторону то зад, то перед, а Таис сидела прямо, с неподвижными плечами.

Протанцевав три круга, афинянка внезапно послала Салмаах вскачь. Гесиона бешено забила в бубен, а македонцы, все отличные наездники, заорали в ритме скачки.

Подражая легендарным стиганорам *, Таис на всем скаку становилась на одно колено, переворачивалась лицом к хвосту, растягивалась на спине, обнимая широкую крутую шею кобылы. Потом снова поднимала лошадь на дыбы, Салмаах вертелась быстро и красиво, делая по два оборота в разные стороны. Подгоняемая восторженными криками зрителей, Таис пустила лошадь равномерной рысью и встала во весь рост на ее спине, придерживаясь за прядь длинной гривы и безукоризненно балансируя.

---

* Буквально — мужененавистники, эпитет амазонок.

Рабы незаметно настелили на дворе тяжелые пальмовые доски. Таис снова села верхом, перестала улыбаться, лицо ее посерьезнело. Бубен Гесионы, рассыпаясь в ритме горделивого танца, повел перекличку с ударами копыт. Салмаах, подчиняясь коленям гетеры, отстукивала всеми четырьмя копытами по гулкому дереву. Два, четыре удара передними ногами, затем шаги назад, снова гулкая дробь передних. Два, четыре, восемь, двенадцать — спаренные удары учащались, лошадь то устремлялась вперед, то приседала назад. Таис откидывалась, выгибаясь дугой и устремляя груди к темному небу.

Гесиона, не в силах стоять спокойно, танцевала на месте, изо всех сил потрясая бубном. Возбужденная лошадь тоже начала подпрыгивать, как в галопе, ударяя сразу тремя ногами, подбрасывая круп и задирая голову.

Внезапно Таис спрыгнула со спины Салмаах. Опираясь на лошадь правой рукой, она стала исполнять странный обрядовый танец. Поднимаясь на пальцы правой ноги, гетера высоко поднимала левую, обхватывала ее щиколотку протянутой вперед левой рукой. Изогнутое луком медное тело Таис обрисовывало треугольник, как бы замкнутую вверху букву гамма на темно-пепельной шерсти лошади. Затем обе руки простерлись на уровне плеч в такт сильному прогибу тела, а правая нога перешла в положение левой. И снова на миг обрисовался треугольник. Салмаах, подпрыгивая, продвигалась по кругу, готовая повернуться другим боком. Таис взлетела на спину лошади и соскользнула с другого ее бока, повторяя треугольники странного танца. Сплошной рев стоял под навесом. Леонтиск ринулся было вперед. Его остановил Неарх. Птолемей казался внешне спокойным. Крепко сцепив руки, он прижимал их к груди, бросая взгляды на тессалийца. Даже Александр поднялся и чуть было не сбил с ног широкоплечего сутуловатого человека, стоявшего рядом с ним, который следил за танцем Таис так, как будто от этого зависела вся его жизнь. Последний прыжок Салмаах. И снова Таис на ее спине; поднятая на дыбы лошадь поклонилась на обе стороны. Затем Таис поставила кобылу на колени, головой к Александру, и сама, спрыгнув на землю, под восторженные крики зрителей приветствовала его. Толпа неистовствовала. Салмаах испугалась, вскочила,

заложив уши и кося глазом, стала пятиться к заднику «сцены». Ее подхватила под уздцы Гесиона.

Александр поманил Таис. Но гетера накрылась бахромчатым египетским плащом и убежала. Надо было как можно быстрее смыть едкий конский пот. Да и одеться для пира.

Через несколько минут Таис появилась под навесом в оранжевом хитоне с тремя лентами — синей, белой и красной, вплетенными в черную чашу ее волнистых волос.

Прежде чем Птолемей или Леонтиск успели что-либо сказать, гетера подошла к Александру. Царь македонцев взял ее за обе руки, поцеловал и усадил за трехногий греческий столик между собой и широкоплечим сутуловатым человеком с короткой бородой на худом лице, с умным и усталым взглядом.

— Посмотри на нее хорошенько, Лисипп!

Таис вздрогнула. Она впервые видела знаменитого ваятеля, покинувшего Элладу, чтобы сопровождать юного победителя персов. Скульптор обнял Таис за плечи и стал рассматривать ее лицо с бесцеремонностью художника или врача. Гетера увидела, что он вовсе не сутул, а лишь кажется таким из-за привычки наклоняться вперед, всматриваясь в лица.

— Зачем, царь? — Таис не смогла назвать македонца по имени, хотя и знала, что Александру всего двадцать четыре года: всего на год старше ее. Вообще фамильярность была не в ее характере.

— Александр хочет, — ответил за царя Лисипп, — чтобы я когда-нибудь сделал твою статую в образе царицы амазонок. С детства он мечтал повторить историю Тесея и Ипполиты, но с огорчением узнал, что всадницы Термодонта давно исчезли, осталась лишь легенда. Однако ты сегодня явилась истинной их наследницей. Смотри, как пожирает тебя глазами наш герой Леонтиск!

Таис склонилась перед Александром в преувеличенной мольбе.

— Пощади, о царь! Уже триста лет художники изображают, как доблестные эллинские воины расправляются с амазонками, убивают их, тащат в плен.

— Что ты подразумеваешь? — с любопытством спросил Александр.

— Любые сосуды: краснофигурные, чернофигурные,

времен первой олимпиады и даже до того. И везде герои Тесей, Геракл, Ахиллес тащат за волосы несчастных амазонок, бьют дубинами упавших на колени, вонзают им в грудь мечи и копья. Я почти не видела рисунков, где бы амазонки изображались верхом на лошадях, как им и следует быть, еще меньше — где они поражают мужчин в бою.

— Ну это на сосудах, да еще старинных! — возразил Лисипп.

— Отнюдь нет! Вспомни сцены похищения Антиопы на барельефах храма Аполлона! А наш Парфенон! Да неужели ты забыл огромную картину Микона в пинакотеке Афин, в левом крыле Пропилей, где эллинские воины беспощадно избивают амазонок. Она написана столетие назад или больше.

— Что же ты хочешь этим сказать? — нахмурился Александр.

— Когда мужская гордость уязвлена, вы начинаете выдумывать для своего оправдания небылицы. А художники стараются изобразить эту ложь как можно правдивее.

— Зачем это художникам? — сказал Лисипп.

— Так ведь они мужчины тоже! И им тоже нестерпима даже мысль о женском превосходстве.

Незаметно подошедший Леонтиск захлопал в ладоши.

— Чем ты восторгаешься? — недобро спросил Птолемей.

— Умом амазонки. И правдой.

— Ты видишь правду?

— Хотя бы в том, что только у амазонок все эти поражения, которые с такой охотой изображали афиняне, не отняли мужества, как у беотийцев и афинян. Темискиру, их столицу, взял Геракл, часть амазонок погибла под Афинами, и все же они пришли к стенам Трои сражаться против эллинов. Им не могут простить этого потомки тех, кого амазонки били, вселяя страх своей нечувствительностью к ранам!

Александр весело рассмеялся, а Птолемей не нашел что возразить тессалийцу. Лисипп спросил Таис:

— Скажи, почему тебе пришло в голову выступать в иппогиннесе нагой?

— Прежде всего — соответствие легендам. Истинные амазонки — посвященные Артемис девушки Термодонта, жившие за тысячу лет до нас, всегда сражались нагими

и ездили на лошадях без потников. То, что будто бы они выжигали себе одну грудь для стрельбы из лука — нелепая выдумка, хотя бы потому, что нет ни одного древнего изображения безгрудой амазонки. Стиганоры стреляли или прямо перед собой над ушами лошади, или, когда проскакивали мимо врага, поворачивались и били с крупа коня. Настоящих амазонок вы можете видеть на старых клазоменских вазах и кратерах. Это крепкие, даже очень плотные нагие девушки, верхом на сильных лошадях, в сопровождении бородатых конюхов и собак. Ионийские и карийские женщины, привыкшие к свободе, не могли смириться с грубыми дорийскими завоевателями. Самые смелые, сильные, юные уходили на север, к Эвксинскому Понту, где образовали полис Темискиры. Это не народность, а союз священных дев Артемис. Невежественные историки и художники спутали их со скифскими женщинами, которые также прекрасные воительницы и наездницы. Поэтому очень часто амазонок изображают одетыми с ног до головы, в скифской одежде или каппадокийками с их короткими эксомидами.

— Ты должна учить истории в Ликее или Академии! — воскликнул удивленный Лисипп.

Веселые огоньки заиграли в глазах Таис.

— Из Ликея я едва унесла ноги, познакомившись с Аристотелем.

— Мне он ничего об этом не рассказывал, — прервал ее Александр.

— И не расскажет — по той же причине, по какой рисуют избиения амазонок. Но скажи, о ваятель, слышал ли ты, чтобы женщина чему-нибудь учила взрослых людей, кроме любви? Разве Сапфо, но как с ней разделались мужчины! А мы, гетеры-подруги, не только развлекаем, утешаем, но также учим мужчин, чтобы они умели видеть в жизни прекрасное...

Таис умолкла, успокаивая возбужденное дых ние. Мужчины с нескрываемым интересом смотрели на нее, каждый по-своему осмысливая сказанное.

— И еще, — заговорила Таис, обращаясь к скульптору, — ты, чье имя неспроста «Освобождающий лошадей», поймешь меня, как и все они, — гетера показала в сторону Леонтиска и македонцев, — властители коней. Когда ты едешь верхом по опасной дороге или мчишься в буйной скачке, разве не мешают тебе персидский потник или иная подстилка? А если между тобой и телом

коня нет ничего, разве не сливаются в одном движении твои жилы и мышцы с конскими, работающими в согласии с твоими? Ты откликаешься на малейшее изменение ритма скачки, ощущаешь нерешительность или отвагу лошади, понимаешь, что она может... И как прочно держит тебя шерсть при внезапном толчке или заминке коня, как чутко отвечает он приказу пальцев твоих ног или повороту колен!

— Хвала подлинной амазонке! — вскочил Леонтиск. — Эй, вина за ее здоровье и красоту! — И он поднял Таис на сгибе руки, а другой поднес к ее губам чашу с драгоценным розовым вином.

Гетера пригубила, погрузив пальцы в его короткие, остриженные волосы.

Птолемей деланно рассмеялся, еле сдерживая готовую прорваться ревность.

— Ты хорошо говоришь, я знаю, — сказал он, — но слишком увлекаешься, чтобы быть правдивой. Хотел бы я знать, как можно заставить яростного коня почувствовать эти маленькие пальцы, — он небрежно коснулся ноги гетеры в легкой сандалии.

— Сними мою сандалию! — потребовала Таис.

Птолемей повиновался недоумевая.

— А теперь опусти меня на пол, Леонтиск! — И Таис напрягла ступню так, что, опершись на большой палец ноги, завертелась на гладком полу.

— Понял теперь?! — бросила она Птолемею.

— Таким пальчиком, если метко ударить, можно лишить потомства, — засмеялся Леонтиск, допивая вино.

Симпозион продолжался до утра. Македонцы становились все шумнее и развязнее. Александр сидел неподвижно в драгоценном кресле фараона из черного дерева с золотом и слоновой кости, молча глядя поверх голов пирующих.

Птолемей тянулся к Таис пьяными руками. Гетера отодвигалась по скамье к креслу Александра, пока великий повелитель не опустил на ее плечо свою тяжелую и надежную руку.

— Ты устала. Можешь идти домой. Лисипп проводит тебя.

— А ты? — внезапно спросила Таис.

— Я должен быть здесь, как должен еще многое, независимо от того, люблю я это или нет, — тихо и, как

показалось, с чувством ответил Александр. — Я хотел бы иного...

— Царицу амазонок, например! — сказал Лисипп.

— Я думаю, что амазонки, посвятившие себя Артемис и единственной цели — отстоять свою самостоятельность, были никуда не годными возлюбленными. И ты, о царь, не узнал бы ничего, кроме горя, — сказала гетера.

— Не то что с тобой? — Александр склонился к Таис, вспыхнувшей, как девочка.

— Я тоже не для тебя. Тебе нужна царица, повелительница, если вообще может женщина быть рядом с тобой.

Победитель персов пристально посмотрел на Таис и, ничего не сказав, отпустил ее движением руки.

Едва они очутились в тени деревьев, как Лисипп негромко спросил:

— Ты посвященная орфиков? Как твое имя в посвящении? Много ли открыто тебе?

— Мало, — откровенно призналась гетера. — А орфическое имя мое — Тию...

Узнав о делосском философе, Лисипп враз утратил свою недоверчивость и стал рассказывать ей о том, что в глубине Персии он встретил близкий орфикам культ Зороастры. Поклонники Зороастры поклоняются доброте в образе мужского божества Ормузда, вечно борющегося со злом — Ариманом. Одежда Ормузда — те же три цвета Музы: белый, красный и синий. Лисипп посоветовал и Таис, если она поедет в Персию, носить там трехцветные ленты.

— Я должен встретиться с тобой, как только Дарий будет окончательно побежден и я устрою себе в Персии постоянную мастерскую. Ты — нелегкая модель для художника. В тебе есть что-то редкое.

— А не состарюсь я до той поры? — рассмеялась Таис.

— Глупая, ты не знаешь Александра! — ответил Лисипп. Он был убежден, что окончательная победа над персами — дело скорое, что Александр непреклонен в достижении этой гигантской цели.

Дома ждала Гесиона, вместе с Неархом удравшая с симпозиона еще раньше. Восторженный критянин

поздравил Таис с небывалым успехом, а фиванка от радости плясала по комнате вокруг обоих.

— Этот предводитель конницы, он совсем-совсем поражен Эросом! — с хохотом вспоминала Гесиона. — Ты покорила знаменитого героя, подобно Ипполите!

Таис попросила Неарха рассказать, чем прославился Леонтиск.

В битве при Иссе армия Александра оказалась зажатой в прибрежной долине огромными силами персов. Их конница, в несколько раз превосходившая числом конницу македонцев, бросилась с холмов на берег, перешла речку и атаковала правое крыло Александра, состоявшее из тессалийской конницы.

Тессалийская конница, правда с помощью фракийских всадников и великолепных критских лучников под командой очень опытного полководца Пармения, сумела удержать берег моря до тех пор, пока гвардия Александра — тяжелая конница «товарищей»-гетайров и щитоносцы — не подготовили страшный удар в центр персидских сил, обратя в бегство Дария и обеспечив победу.

За геройство в битве на морском берегу тессалийские конники удостоились права первыми грабить Дамаск. В Дамаске оказалось собранным все снаряжение персидской армии: повозки, рабы, деньги и сокровища. Поэтому Леонтиск сейчас владеет немалыми богатствами. Его Александр наградил и среди других, отличившихся в битве, разделив между ними три тысячи талантов, захваченных на поле битвы в лагере персов.

— Правда, наверное, у Птолемея богатств еще больше. Этот военачальник мудр и терпелив, умеет собирать и выжидать. Я полагаю, что он будет владеть тобой, а не пламенный, подобно Александру, Леонтиск, — заключил свой рассказ критянин.

Таис только вздернула голову под лукавым и любящим взглядом Гесионы.

Еще не наступил первый месяц весны — мунихион, а Таис снова оказалась на корабле Неарха вместе со своей подругой и Салмаах. Они плыли по восточному рукаву Нила через Бубастис до прорытого по указу Дария Первого канала, соединявшего Египет с Эритрейским морем и Персией. Триста лет назад канал приказал рыть египетский фараон Нехо, тот самый, по чьему

указу финикийские моряки совершили беспримерный подвиг, обошли кругом всю Либию, от Египта до Геркулесовых Столбов, и прибыли снова в Египет. Однако труд египетских рабов остался незавершенным. Лишь через два столетия Дарий Первый, располагая огромным числом военнопленных, закончил путь от рукава Нила до Суккота, лежащего на Горьких озерах в преддверии Залива Героев — узкого ответвления моря между Аравийской и Синайской пустынями. В Суккоте Таис покидала судно Неарха, впервые расставаясь с Гесионой надолго, может быть, навсегда. Неарх отправлялся на Евфрат строить флот, чтобы в случае необходимости двинуться на Вавилон. В глубоко продуманных планах великого полководца учитывалась и возможность поражения. В этом случае Александр не хотел повторять тяжкого Анабазиса * — похода греков к морю через горы и степи Каппадокии и Армении. Греческих наемников тогда никто не преследовал, и все равно они потеряли многих. А тут на плечах будет огромная армия персов. Александр считал лучшим исходом отступать к Евфрату, посадить войско на суда и уплыть от преследователей. В случае победы Неарх тоже должен был явиться в Вавилон. Там-то и рассчитывали встретиться обе подруги.

Последнюю ночь перед Суккотом они провели без сна в помещении Таис. Холодноватый синайский ветер проникал сквозь плотные занавеси, колебля тусклое пламя светильника и заставляя подруг теснее прижиматься друг к другу. Гесиона вспоминала годы, проведенные у Таис, смешную ревность Клонарии к «Рожденной змеей», веселое озорство своей хозяйки-подруги. Обе вдоволь поплакали, вспоминая Эгесихору и думая о предстоящей разлуке.

Из-за низких и унылых восточных холмов встало слепящее солнце, когда на пристань были брошены причальные канаты. Появился Птолемей в шитом серебром финикийском плаще, с целой толпой своих товарищей. Они приветствовали прибывших громкими криками, напугавшими Салмаах, как на мемфисском симпозионе. Храпевшую, бьющую передом и задом кобылу сама

---

* Описанный Ксенофонтом знаменитый поход отряда греческих наемников, отступавших из пределов Персии дальним кружным путем.

Таис перевела на пристань и передала опытным конюхам. Таис и Гесиону повезли на колеснице по северному берегу небольшого соленого озера, на восток, где на уступе долины располагался стан высших начальников Александра. Неизбежный симпозион окончился рано — Неарх спешил. К полуночи Таис с припухшими от слез глазами вернулась с проводов в приготовленную ей роскошную палатку, принадлежавшую прежде какому-то персидскому вельможе.

Никогда не думала гетера, что так сильно будет горе разлуки со своей бывшей рабыней. Как бы угадав ее состояние, несмотря на поздний час, к ней явился Птолемей. Он увлек Таис рассказами о Персии, и она снова подпала под обаяние его ума, искусной речи, удивительной наблюдательности. С начала похода македонец вел путевой дневник, скупо, точно запечатлевая удивительные события. Если критянин Неарх замечал главным образом природу морских побережий, то Птолемей оказался на высоте не только как военный, но и как исследователь обычаев и жизни народов покоренных стран. И конечно, большую долю внимания Птолемей уделял женщинам, обычаям любви и брака, что также сильно интересовало и Таис. Он рассказывал о странных народах, обитавших в глубине Сирии и Аравии. Они очень низко ставят женщин, считают Афродиту Пандемос богиней разврата, не понимая ее высокого дара людям. Не понимают потому, что боятся любви, перед которой чувствуют себя неполноценными и, очевидно, уродливыми, так как странно боятся обнаженности тела. Именно у них женщина не смеет даже перед мужем показаться нагою. Неполноценные в Эросе, они жадны до пищи и драгоценностей и очень страшатся смерти, хотя их жизнь глуха и некрасива. Подумать только, они не понимают рисунков и картин, не в силах распознать изображения. Бесполезно толковать им о красоте, созданной художником.

— Что ж, они совсем отвергают женщин? — удивилась Таис.

— Отнюдь нет! Они жаждут иметь их как можно больше. Но все это оборачивается скотством и грубостью. Их жены — рабыни, они могут воспитывать только рабов. Такова расплата за темных и запуганных их женщин.

— Ты прав! — загорелась Таис. — Очень свободны

лакедемонянки, а храбрее спартанцев как народа нет на свете. Героизм их легендарен, как и слава женщин.

— Может быть, — с неохотой согласился Птолемей и, заметив золотую цепочку на шее гетеры, спросил сурово: — Прибавилось ли звездочек после моей?

— Конечно. Но мало — всего одна. Я постарела.

— Хорошо бы все так старели, — буркнул Птолемей, — покажи! — И, не дожидаясь, сам вытащил цепочку наружу.

— Двенадцать лучей! И «мю» в центре — тоже двенадцать, или это имя?

— Имя и цифра. Но не пора ли — за холмами начинает светать?

Птолемей вышел не прощаясь. Таис еще не видела его таким угрюмым и недоуменно пожала плечами, ныряя под легкое, теплое покрывало и отказавшись даже от вечернего массажа, который собиралась сделать ей новая рабыня За-Ашт — финикиянка. Злая и гордая, похожая на жрицу неведомого бога, она сумела завоевать уважение своей госпожи и, в свою очередь, стала выказывать ей симпатию. Мрачные глаза За-Ашт заметно теплели, останавливаясь на Таис, особенно когда госпожа не могла видеть ее взгляда. Весь следующий день Таис провела в своем шатре. Унылая равнина вокруг не возбуждала любопытства, а весь большой отряд македонской конницы был в горячке подготовки к дальнейшему походу. Все время подходили новые сотни, собранные из македонцев, временно расселившихся в Дельте на захваченных участках плодородных земель.

По древней дороге, через Эдом в Дамаск, войска шли до Тира — главного места сбора армии. Начинался первый этап пути, в четыре с половиной тысячи стадий, как насчитывали опытные проводники и разведчики дорог.

Через пустынные плоскогорья, горы, покрытые дремучими лесами, долины и побережья пролегала эта дорога — свидетельница походов множества народов, забытых кровавых сражений и скорбного пути увлекаемых в рабство. Гиксосы, ассирийцы, персы — кто только не стремился на протяжении тысячелетий попасть в плодородный и богатый Египет. Даже скифы с далекого Востока, от кавказских владений, и те проходили здесь, достигнув границ Египта.

Пешие отряды отборных воинов, пользуясь сотнями

колесниц, захваченных у персов, не желая расставаться с полученными богатствами, уже отправили свое имущество в Тир и сами шли туда. Александр со свойственной ему стремительностью опередил Птолемея и находился уже в Тире.

Таис сказала Птолемею, что не хочет пользоваться колесницей. Зубодробительная тряска этих экипажей по каменистым горным дорогам омрачила бы весь путь. Македонец согласился и приказал привести Салмаах, чтобы знатоки осмотрели кобылу перед долгой поездкой. Явился и Леонтиск — едва ли не лучший знаток лошадей во всей армии Александра. Несколько дней, считая и проведенные на корабле, в корм Салмаах добавляли льняное семя, чтобы очистить кишечник. Теперь ее чеграваая шерсть, отлично вычищенная пафлагонскими конюхами, блестела темным шелком.

Леонтиск провел ногтями по спине Салмаах, сильно надавливая. Лошадь вздрогнула и потянулась. Тессалиец вскочил на нее и понесся по равнине. Ровный стук копыт заставил знатоков одобрительно закивать, однако начальник тессалийской конницы возвратился недовольный.

— Тряская рысь! Смотри — передние копыта, хотя и круглее, но не больше задних. Бабки слишком крутые — скоро стопчет копыта на каменистых дорогах Сирии...

Таис, подбежав к кобыле, обняла ее за шею, готовая защищать свою любимицу.

— Неправда! Она хороша, ты сам восторгался ею на празднике. Смотри, как она стоит — нога в линию ноги.

— Ноги длинноваты, лучше бы покороче...

— А какая широкая грудь!

— Да, но узковат зад. Потом смотри — у нее длинный и вытянутый пах, на всю ладонь и еще два пальца. Хоть ты и легка, но если делать по двадцать парасангов, то у нее не хватит дыхания.

— Прежде всего не хватит у меня. Иль ты равняешь меня с собою?

Тессалиец расхохотался, вертикальная морщина под его переносьем разгладилась, насупленные непреклонные брови поднялись, и афинянка увидела в грозном воине совсем молодого человека, почти мальчика. В противоположность спартанцам, считавшим зрелость лишь с тридцати лет, македонцы начинали служить воинами с че-

тырнадцати-пятнадцати лет и к двадцати пяти годам становились закаленными, все испытавшими ветеранами. Начальник тессалийской конницы, видимо, тоже был юным ветераном, как многие высшие начальники Александра.

— Прости меня. Ты привязана к своей лошади, как истинный конник. И Салмаах совсем неплохая лошадь. Все же, если поедешь в Азию с нами, тебе следовало бы обзавестись другим конем, а Салмаах останется при тебе, хотя бы для танцев.

— Откуда я возьму другую лошадь! — сказала обиженная за свою кобылу Таис. — Да еще лучше моей красавицы.

Она похлопала Салмаах по крутой шее, а та покосилась недобрым глазом на Леонтиска, будто понимала, что ее унижают.

Леонтиск переглянулся с Птолемеем, и македонец махнул кому-то рукой.

— Эй, привести коня госпоже Таис!

Гетера не успела ничего спросить, как откуда-то послышался чеканный дробный топот. Мальчик, сдерживая рыжего с медным отливом коня, вынесся вперед и едва осадил горячую лошадь, запрокинувшись назад и налегая на поводья.

Этот конь был весь медно-рыжий без единого пятнышка, блестящий, переливающийся искрами. Подстриженная грива и пышный, тонкий у репицы хвост, совсем черные и отливающие синим глаза удивительно украшали животное. Афинянка никогда не видала лошадей такой масти.

Таис сразу бросились в глаза удлиненное тело с крутыми боками и более короткие, чем у Салмаах, ноги, передние с бо́льшими, чем у задних, копытами. Длинная отлогая лопатка, длинная холка, широкий круп — все эти достоинства были очевидны и не знатоку. Поднятая голова и высоко несомый хвост придавали коню особенно гордый вид. Из-за широко раздутых ноздрей морда лошади казалась серьезной, почти злой. Но стоило поглядеть в большие добрые глаза животного, как опаска исчезала. Таис смело подошла к коню, приняв поводья из рук мальчика, потрепала его по шее, и рыжий жеребец издал короткое, легкое ржание.

— Он признает тебя! — довольно воскликнул Птолемей. — Ну что ж, владей! Я давно присматривал для

тебя энетского коня таких качеств, что встречаются у одного на сотню самых чистокровных.

— Как зовут его?

— Боанергос (Дитя Грома). Ему шесть лет, и он хорошо выезжен. Садись, попробуй.

Таис сбросила военный плащ, в который куталась от ветра, еще раз погладила рыжего жеребца и вскочила ему на спину. Конь, словно ожидал этого, сразу пошел широкой, размашистой рысью, все сильнее ускоряя ход. Удивительное дело — после рыси Салмаах Таис почти не чувствовала толчков. Лошадь покачивалась из стороны в сторону, ударяя двумя копытами одновременно. Заинтересовавшись, афинянка заметила, что лошадь переставляет сразу обе ноги одной стороны — переднюю левую с задней левой, переднюю правую с задней правой. Это был иноходец — род лошадей, на которых Таис еще не ездила.

Восхищенная бегом иноходца, Таис обернулась, чтобы послать улыбку великим знатокам лошадей, и невольно крепче свела колени. Чуткий конь рванулся вперед так, что афинянка откинулась назад, и ей пришлось на мгновение опереться рукой о круп лошади. Как бы желая показать, на что он способен, рыжий иноходец помчался быстрее ветра, ровно неся туловище и раскачиваясь из стороны в сторону. Все чаще становилась дробь копыт, но не уменьшался размах хода, и Таис казалось, что земля сама мчится под ноги коня. Чуткое ухо танцовщицы не могло уловить ни одной ошибки в точном ритме, который напомнил гетере темп танца менад в празднество Диониса, — два удара на один звон капель быстрой клепсидры, употреблявшейся для расчета времени в танцах.

Рыжий иноходец сильно выбрасывал передние ноги, будто стремясь захватить побольше простора. Таис, преисполнившись нежностью, гладила его шею, а затем стала осторожно сдерживать порыв коня. Боанергос понял умение и силу всадницы и подчинился ей без дальнейшего промедления. Когда иноходец пошел шагом, афинянка почувствовала, что его походка менее удобна для такой езды, и она пустила иноходца во весь мах к лагерю, подлетела к группе знатоков и осадила коня как раз в тот момент, когда они собирались отпрыгнуть в сторону.

— Как нравится тебе Боанергос? — спросил Птолемей.

— Очень!

— Теперь ты понимаешь, что такое конь для дальних походов? Пройдет рысью тридцать парасангов. Хотя у сирийцев есть пословица, что кобыла лучше жеребца, ибо подобна змее — от жары только делается сильнее, но не та у нее стать.

— Да! Посмотри на ширину его горла, погляди, как высоко он несет хвост, — в нем до краев налита сила жизни, — сказал один из знатоков, — такого коня не купишь за целый талант, потому что он — редкость.

— Таис тоже редкость! — сказал Леонтиск. — Кстати, кто заметил...

— Я, — выступил вперед молодой лохагос, — и госпожа, и конь одномастны! Только глаза разные!

— Заслужил ли я прощенье? — спросил Птолемей.

— За что? — удивилась гетера. — Впрочем, если виноват, про то знаешь сам. Все равно — заслужил. Лови! — И Таис спрыгнула прямо с лошади в объятия Птолемея, как не раз делала так с Менедемом. Но если могучий спартанец стоял скалой, то Птолемей, несмотря на всю его силу, пошатнулся и чуть не выронил гетеру. Она удержалась, лишь крепко обхватив его шею.

— Дурное предзнаменование! — засмеялась Таис. — Не удержишь.

— Удержу! — самоуверенно бросил Птолемей.

Таис освободилась из его рук, подбежала к иноходцу и, нежно лаская, поцеловала в теплую, мягкую морду. Боанергос переступил несколько раз, выгнул шею и с коротким приглушенным ржанием слегка толкнул Таис головой. Нельзя было выразительнее дать понять, что новая хозяйка ему нравится. По знаку Птолемея раб подал Таис кусок медовой ячменной лепешки, и она, разнуздав иноходца, накормила его лакомством. Поев, конь потерся о ее плечо, и, когда его уводили, Таис показалось, что он, оглянувшись, подмигнул ей, настолько лукавой была его морда.

Несмотря на все старания Птолемея, прежние отношения с Таис не возрождались. Горячая, шаловливая и отважная девчонка, казавшаяся македонцу идеальной возлюбленной, уступила место женщине, не менее отважной, но с бо́льшей внутренней силой, загадочной, непонятной. Ее интересы не совпадали с интересами

самого Птолемея, зоркого практика и хорошего стратега. По жадности к знаниям Таис напомнила ему самого Александра. Надолго запомнился Птолемею один ночной разговор, когда он пытался увлечь Таис политикой.

Распространяясь об идеях Платона, Аристотеля, афинской демократии, спартанском военном государстве, он говорил о необходимости создания нового города, более блестящего и славного, чем Афины. Владения Александра уже превратились в прочную империю, захватывая все побережье Внутреннего моря от Геллеспонта до либийских берегов. Ни одно из прежних государственных установлений: полис (город-государство), монархия, олигархия не подходили этому царству, — ничто, кроме тирании, то есть правления одного человека, властвующего военной силой. Но тирания недолговечна, военное счастье изменчиво, еще случайнее жизнь полководца, в особенности столь ярого бойца, как Александр. Необходимо теперь же составить четкий план построения империи Александра, а царь даже не подумал о названии своего государства...

Птолемей заметил, что Таис скучает и слушает только из вежливости. В ответ на его нарочитое негодование Таис спокойно сказала, что все эти мысли кажутся ей незрелыми. Нельзя фантазировать о будущем, о несбыточном, а надо делать то, что лучше для людей сейчас, в настоящий момент.

— Людей? Каких людей? — раздраженно спросил Птолемей.

— Всех!

— Как так всех?! — Македонец осекся, увидев снисходительную улыбку, мелькнувшую на лице гетеры, и вдруг вспомнил, что то же самое говорил ему Александр в своих рассуждениях о гомонойе — равенстве в разуме всех людей.

Дорога неуклонно шла на север. Посреди сероватого моря кустарниковых зарослей на склонах все чаще стали встречаться зеленые острова лесов. Таис с детства привычны были жесткие, царапающие чащи кустарникового дуба, фисташки, мирта. Как и в Элладе, встречались заросли черноствольного земляничного дерева, темные рощицы лавра, где становилось душно даже в свежие

дни. Афинянка любила высокие сосны, раскидистые, длинноиглые, с мягким ковром хвои и косыми лучами солнца, пробивавшегося сквозь кроны. Когда дорога пошла через гребни и плоские вершины горных кряжей, войско обступили первобытной мощью древние кедровые и пихтовые леса. Толстенные, буграстые стволы пихт, с прямыми, опущенными, как у елей, ветвями, загораживали весь мир, создавая глухое, полутемное царство тишины и отчуждения. Сквозь их блестящую жесткую и короткую хвою едва проникало могучее сирийское солнце. Неизгладимое впечатление произвела на афинянку первая же встреча с рощей ливанских кедров. До сих пор только дубы и очень большие сосны, росшие в священных местах, внушали Таис чувство благоговения. В рощах и лесах, как бы велики ни были подчас деревья, они утрачивали свою особость, становились толпой, из которой глаз выхватывал лишь отдельные черты, в сумме составлявшие образ дерева.

Здесь же каждый кедр был «личностью», и множество колоссальных деревьев не сливалось в одно впечатление леса. Стволы толщиной до десяти локтей, с чешуей грубой, но нетолстой коры, цвета шерсти Салмаах словно оплывали от собственной тяжести, буграми и вздутиями внедряясь в каменистую почву. Кедры начинали ветвиться очень низко, извиваясь громадными ветвями самой замысловатой формы. Деревья напомнили Таис гекантохейров — сторуких порождений Геи, восставших против неба со всей своей тяжкой силой.

Ниже по склонам виднелись более стройные деревья, уцелевшие от топоров финикийских судостроителей и библосцев, заготовлявших дерево для Соломонова храма. Эти исполины стояли прямо, нередко разветвляясь на две вершины и раскидывая могучие ветви в необъятную ширь. Миллионы мелких веточек, опушенные короткой темно-зеленой, иногда голубоватой хвоей, простирались горизонтально, образуя плоские узорные слои, ряд за рядом, подобно лестнице древожителей — дриад, вздымавшихся ввысь.

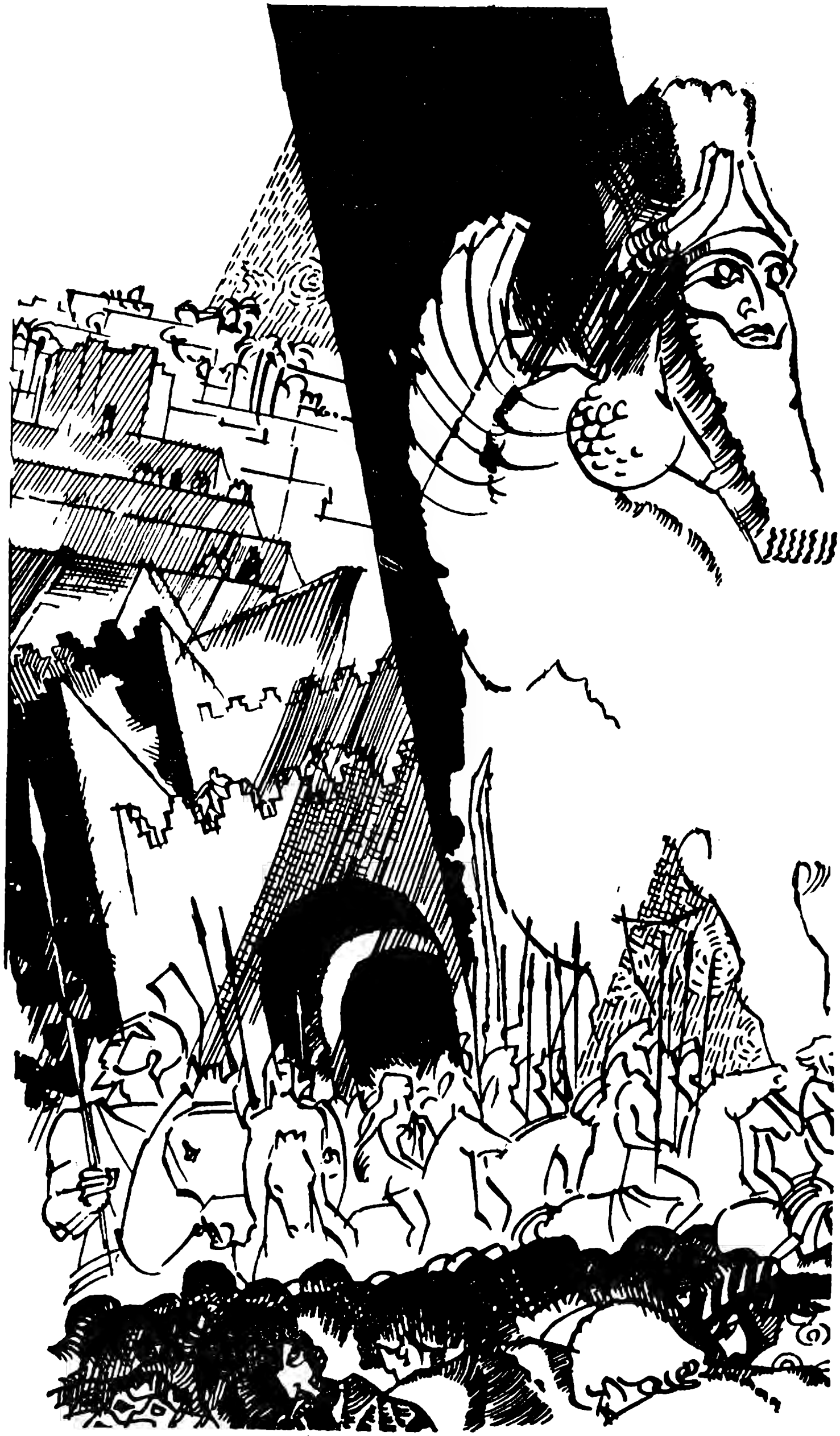
Птолемей объявил, что это лишь остатки некогда могучих лесов. Севернее они становятся все обширнее и величественнее, особенно в таврских горах Киликии, в Южной Каппадокии и во Фригии. Таис, услыхав об уничтоженных здесь лесах, внезапно подумала, несмотря на свою любовь к красивым кораблям, что даже эти важ-

нейшие изделия человеческих рук не стоят срубленного великана. Уничтожить колоссальное дерево казалось посягательством человека на святые права Геи, кормилицы, всеприносящей. Несомненно, это должно караться особой немилостью матери-Земли. Здесь наказание проявилось в бесчисленных грядах выжженных солнцем хребтов, раскаленные камни которых днем и ночью источали душный жар.

Миновав рощу кедров, дорога вывела македонский отряд на уступ обрывистых светлоскальных гор со скудной растительностью, исполосованных вертикальными темными ребрами, как выступы на стенах города. Путь приближался к морю.

Таис легко совершала переходы по триста стадий в день. Птолемей не торопился, чтобы дать подтянуться последним отрядам из Дельты. Леонтиск со своими тессалийцами умчался вперед. Прощаясь, он научил Таис пользоваться персидским потником с широкими ремнями и боевым нагрудником. Афинянка вскоре оценила его удобства в дальнем походе. Леонтиск подарил Таис сосуд с настойкой из листьев и зеленой скорлупы грецкого ореха, варенных в уксусе. Ею обтирали лошадей — ее запах отгонял кусачих насекомых. Тессалиец объяснил Таис правила обтирания вспотевших коней, и теперь гетера неуклонно наблюдала за тем, чтобы конюхи обтирали лошадь, всегда начиная с ног. Если лошадь утомлялась, у нее холодели уши. Леонтиск рассказал, как надо их растирать, возвращая коню силы. И еще много мелких, очень нужных секретов узнала Таис от Леонтиска в течение тех пяти дней, пока тессалийцы шли вместе с отрядом Птолемея. Теперь, после декады пути, около трех тысяч стадий отделяло отряд от границы Египта.

Перевалив невысокие горы, они вышли к равнине. В восточной ее части над беспорядочно стеснившимися домишками обитаемого городка приметно возвышались развалины древних массивных строений. Это был Армагеддон, один из «колесничных» городов древнего царя Соломона, с конюшнями, семь веков тому назад вмещавшими несколько сот лошадей. Птолемей рассказал Таис о древнем пророчестве еврейских мудрецов. Именно здесь, на равнине Армагеддона, произойдет последняя, решающая битва между силами зла и воинством добра. Пророки не назвали сроков битвы. Позднее Таис



узнала, что философы Индии предсказали время решающего сражения Света и Тьмы, но не назвали места. Считалось, что великое сражение, затеянное полубожественными властителями в утеху тщеславию и властолюбию, погубило цвет их народов и открыло новую историческую эпоху накопления злобы и деспотизма — Калиюгу. После окончания Калиюги и должна была произойти ужасающая битва.

Соединив в единое оба пророчества, Таис определила, что битва у Армагеддона произойдет только через двадцать три с половиной века, после года ее рождения, и удивилась, как могли люди интересоваться тем, что может случиться в невероятно далеком грядущем. Однако вспомнила, что индийцы еще сильнее, чем орфики, верят в перевоплощение и череду повторных рождений, и поняла: если человек верил в бесконечную длительность своего обитания на земле, то не мудрено, что его интересовали события и столь отдаленного будущего. Однако сама Таис не верила в возможность бесконечных перевоплощений...

Дорога спустилась к морю и пошла вдоль берегов до самого Тира. Птолемей вдруг заторопился, и они проскакали оставшиеся четыреста стадий за день и часть лунной ночи. Для Таис, закалившейся уже достаточно, с ее превосходным конем, этот последний бросок не доставил особых затруднений. Финикиянке За-Ашт Таис поручила повозку со своими вещами и Салмаах. Примчавшись в громадный лагерь около Тира, гетера узнала причину спешки Птолемея. У Александра произошла первая крупная стычка с наиболее опытными и старыми военачальниками македонского войска. Дарий прислал письмо, в котором предлагал мир, гигантский выкуп и отдавал всю прибрежную часть Азии с Египтом. Александр отверг предложение, отметив, что до тех пор, пока Дарий не явится сюда для решительного сражения или же для того, чтобы сложить свой титул к ногам Александра, он будет преследовать его до конца Ойкумены.

Старейший из македонских военачальников, Пармений, сподвижник Филиппа, первый возроптал против столь заносчивого ответа. «Если бы я был Александром, я принял бы условия персов», — сказал Пармений. «И я бы принял, — согласился Александр, — если бы я был Парменией». Старшие полководцы считали, что нельзя без конца испытывать военное счастье, особенно когда

у противника еще есть огромные силы. Удаление от моря в глубь страны, в беспредельные равнины опасно. Армия македонцев может оторваться от путей снабжения: совершенно неизвестно, где Дарий собирает свои войска и когда нанесет решительный удар. Хотя армия отдохнула за зиму, но впереди знойное лето, напряженный поход в неизмеримую даль. Войско измотается, особенно главная сила македонцев — пехота: фаланга и щитоносцы. Последние теперь назывались аргироаспидами — «серебряными щитами»; они получили эти украшения за неслыханную отвагу при Иссе. Соображения, подкрепленные подсчетом невиданной добычи, завоеванных земель и захваченных рабов, были настолько вескими, что старший, более осторожный, состав начальников принял сторону Пармения. Молодые военачальники, среди которых не хватало одного Птолемея, решительно стали за продолжение похода, окончательный разгром Дария и захват земель до края Ойкумены.

Александр понимал, что молодежью руководят азарт битв и любовь к приключениям больше, чем какие-либо другие соображения. Сам великий стратег понимал грозную опасность дальнейшей войны, но в отличие от старших видел еще и невозможность прекратить ее. После битвы при Иссе, разгрома финикийских городов и захвата Египта уже нельзя было остановиться на полдороге. Через несколько лет его великолепная армия, рассредоточенная по гарнизонам, перестанет быть той надежной боевой силой, с которой можно было бы противостоять полчищам персов. Даже если не будет новых сражений, все равно тридцать тысяч македонцев растворятся на этих землях, как соль в воде. Для Александра не было выбора. А главное, он с упорством, унаследованным и от матери и от Филиппа, хотел осуществить свою давнюю, юношескую мечту: пройти на восток, туда, где вздымается на небо колесница солнца из-за края земли и вод океана — предела смертной жизни, до мыса Тамар древних карт...

С последнего перевала открылся лагерь македонцев. Птолемей сдержал утомленного коня и повернулся на ноге, чтобы оказаться лицом к лицу с Таис. Гетера подъехала вплотную, видя намерение Птолемея сказать нечто тайное.

— Слушай, орфеянка! Иногда ты обладаешь даром прозрения, подсказываешь верные решения. Как бы ты

посоветовала Александру — мириться с Дарием или идти на него?

— Царь не нуждается в советах, тем более моих!

— Я понимаю это более, чем кто другой. Вопрос касается тебя, если бы тебя спросили?

— Я отвечу: вперед, только вперед! Нельзя останавливаться! Это гибель!

— Так и знал! — восхищенно воскликнул Птолемей. — Ты истинная подруга для полководца и, может быть, царя!

С этими словами Птолемей обнял Таис, привлекая к себе, чтобы поцеловать, и вдруг с криком отпрянул. Пришпоренный пятками конь его прыгнул в темноту. Озадаченная исчезновением македонца, Таис оглянулась и, сообразив, что произошло, начала громко смеяться. Боанергос, ревниво охранявший свою всадницу, больно укусил Птолемея. Через мгновение македонец явился снова.

— Поехали вниз! — И, не посмотрев на гетеру, дал поводья своей лошади.

В боковом приделе шатра Александра горели неяркие светильники. Утомленный полководец лежал на широкой и жесткой постели. Черный от времени щит Ахиллеса висел над его ложем. Александр не расставался с ним с тех пор, как взял его в храме на развалинах Трои, а там повесил вместо него свой. Тяжесть щита свидетельствовала о принадлежности могучему герою, образ которого с детства увлекал македонского царевича. Но Александр носил в своей душе обидное разочарование, испытанное им и многими до него на холме Илиона. Здесь сражались все герои Илиады. Это трудно было представить себе, стоя перед небольшим холмом. Конечно, прошло почти тысячелетие, однако гигантские храмы Египта, дворцы Крита и города Финикии еще старше! Александр примирился с утратой детских фантазий о Трое, лишь когда понял, что с каждым столетием увеличивается число людей на лике Геи, ширятся просторы Ойкумены и все больших свершений требуют истинно величественные дела. Он с лихвой исполнил мечту своего отца Филиппа и воинственного Изократа *. Теперь, если удастся полностью разгромить Дария и завоевать Персию...

---

* Эллинский полководец, мечтавший о реванше персам.

Таис как будто угадала его мысли, спросив:

— А когда ты уничтожишь Дария и откроешь путь в Азию, что тогда?

— На восток, до океана! — ответил Александр, испытывавший необъяснимое доверие к афинской гетере.

— Далек ли путь?

— Имеешь ли ты понятие о диафрагме хребтов, разделяющих сушу?

— Немного знаю.

— Отсюда до восточной оконечности ее — мыса Тамар на дальнем краю суши — тридцать тысяч стадий.

— И это пройти непрерывно сражаясь?

— Не так уж много. Чтобы добраться сюда из Мемфиса, ты уже проехала больше четырех тысяч стадий. Я думаю, что после победы над Дарием там не останется большого войска. За год-полтора я дойду до берегов океана, где не был еще ни один смертный и даже бессмертный, кроме Гелиоса...

Проницательный взгляд Александра не уловил в лице Таис ожидаемого восхищения. Казалось, гетера впала в задумчивость.

— Это и есть твоя заветная мечта? — тихо спросила она, опустив голову.

— Да! С юности она преследует меня. Теперь я стою у порога ее осуществления.

— А сколько тысяч человек погибнет, устилая твой путь трупами? Стоит ли того таинственный мыс? Наверное, голая скала на берегу мертвого океана?

Великий полководец расхохотался — неожиданно и радостно.

— Женщина, даже самая умная, останется всегда короткомыслящей. Такова была и Аспазия у Перикла!

— Если бы он послушал ее, не кончил бы дни в позоре!

— Не будем вспоминать ошибки великих. Ты же считаешь только потоптанную траву, не видя табуна, на ней вырастающего!

— Мой ум действительно мал. Я не понимаю тебя, царь!

— Это так просто! Я убью лишь тех, кто противится продвижению моего войска. Оно пройдет, как борона, равняющая людей. Разве не говорила ты сама о том, что хорошие люди повсюду похожи, разве не восхищалась моим противодействием учителю Аристотелю? Я ду-

маю, что умные люди — всюду достойны, и гомонойа, равенство в разуме, должно соединить Персию, Индию, Элладу и Египет, Италию и Финикию. Сделать это можно только военной силой...

— Почему?

— Потому что владыки и тираны, полководцы и архонты боятся потерять свои права в новом государстве, раствориться среди множества достойнейших. Они заставят свои народы сражаться. Принудить их к повиновению можно, только сломав их крепости, убив военачальников, забрав богатства.

— И ты в силах сделать это в громадной необъятности Ойкумены?

— Только я. Боги сделали меня непобедимым до самой смерти, а Ойкумена не столь уже необъятна, как я говорил тебе. Пройду к Парапамизу за Крышу мира, до Инда и дальше на юг до океана, а Неарх обмерит берега от Вавилона до встречи со мною на краю земли.

— Слушая тебя, веришь учению еврейских мудрецов! — воскликнула Таис. — У них Сефирот — Разум, иначе Сердце, Бина — женское начало, Мудрость, или Хокма, — мужское. С тобой я понимаю, что если женщины — это разумный порядок, то мудрость, его разрушающая, истинно мужская!

Философические рассуждения Таис были прерваны появлением Черного Клейта. Он оглянулся на афинянку, уловил едва заметный кивок полководца и сказал:

— Тебя домогается некий мудрец. Он говорит, что владеет важным аппаратом (под этим именем македонцы подразумевали боевые машины) и может рассказать о нем только тебе. А ты завтра покидаешь лагерь...

— Вот как! Они знают даже раньше меня! Пожалуй, это в самом деле мудрец или великий механик. Пусть войдет.

Полноватый человек небольшого роста, с быстрыми глазами вошел, низко кланяясь, настороженно осмотрел Таис, нашел, очевидно, что столь красивая женщина, несомненно, глупа, как беотийская овца, и опустился на колени перед Александром.

— Каков же твой аппарат и где он? — спросил царь.

— Пока только здесь, — пришелец показал на лоб и сердце.

— Как же ты смел!..

— Не гневайся, о царь! Идея настолько проста, что

создать аппарат можно за полчаса. — Изобретатель извлек из складок одежды массивный, очень острый и заершенный медный гвоздь в эпидаму * длиной. — Надо взять широкие кедровые доски и усеять их этими гвоздями. Сотня таких досок, разбросанная перед защищающимися, остановит любую, самую бешеную атаку конницы, а ведь можно изготовить не одну, а многие сотни. Они легки для перевозки и просты в обращении. Представляешь, насколько действенна такая защита? Лошадь, наступившая на гвоздь, оторвет ногу, лишь оставив копыто, а наступив обеими ногами, упадет и сбросит своего всадника. А тот, если доски будут настелены достаточно широко, тоже упадет на гвозди, и — конец, более уже не подымется с заершенных гвоздей, умрет страшной смертью. Твоим воинам останется лишь подобрать оружие и украшения... Очень простая и очень действенная защита!

— Действительно, очень простая и действенная, — медленно сказал Александр, пристально оглядывая изобретателя.

Уголком глаза царь увидел отвращение на лице Таис, которого афинянка и не пыталась скрывать.

— Ты один придумал такое? Больше никто не знает?

— Нет, нет, великий победитель! Я — только тебе... Думал, что только ты сможешь оценить все значение придуманного мною! И — наградить...

— Да... наградить, — задумчиво и тихо сказал Александр, и вдруг глаза его загорелись гневом. — Есть вещи, которых не позволено переступать ни смертному, ни даже богам. Истинная судьба решается в честном бою лучших с лучшими... Клейтос! — крикнул он так, что поднявшийся было с колен изобретатель вновь упал перед царем.

Гигант вихрем ворвался в шатер.

— Возьми его и убей, заткнув рот, немедленно!

Вопли изобретателя за палаткой оборвались. В наступившем молчании Таис опустилась к ногам Александра, восхищенно глядя на него снизу и поглаживая ладонями глубокие шрамы на его обнаженных коленях. Александр положил руку на ее затылок, под тяжелый узел волос, и хотел приподнять афинянку для поцелуя. За шатром послышались веселые голоса. Кого-то окликнул Черный

---

* 21 сантиметр.

Клейт. Вошли приближенные Александра, и среди них Птолемей.

Оказывается, прибыл посланный от Лисимаха: мост через Евфрат у Тхапсака готов. Передовой отряд агриан уже перешел на левый берег. Сведения от криптиев-тайноглядов путаны и противоречивы, поэтому переправа приостановлена...

Александр поднялся во весь рост, забыв о Таис. Гетера выскользнула из шатра, сделала прощальный знак Черному Клейту, восседавшему, подобно статуе, на крепком сундуке в первом отделении царского шатра, вышла под крупные звезды сирийской ночи. Осторожно спустившись по сыпкой щебнистой тропке к ручейку, у которого стояла ее палатка, Таис в задумчивости остановилась у входа. За-Ашт позвала ее для вечернего омовения. Гетера отослала финикиянку спать и уселась на дамасской кожаной подушке — хотела послушать слабый плеск ручья и посмотреть на небо. За последнее время ей редко удавались свидания с небом, необходимые для восстановления душевного мира. Колесница Ночи склонялась за холмы, когда на тропе посыпались камешки от твердых, тяжелых шагов Птолемея.

— Я пришел проститься! — объявил македонец. — Завтра мы помчимся впереди всех на Дамаск и оттуда на север, через Хамат, на евфратскую переправу.

— Как далеко?

— Три тысячи стадий.

— Артемис, агротера! — вырвалось у Таис. От неожиданности она всегда призывала Артемис.

— Пустяки, милая, в сравнении с тем, сколько еще предстоит пройти. Тебя я поручаю начальнику отряда, назначенного охранять переправу. Ты переждешь тут решение судьбы.

— Где? В воинском лагере, на реке?

— Нет. Сам Александр посоветовал... Он почему-то заботится о тебе.

— Разве ты забыл, что он пригласил меня еще в Афинах?

— Забыл! Он поступает, как будто ты...

— Может быть, я и хотела бы, но это не так. Что же советовал Александр?

— В трехстах стадиях на север от переправы, на царской дороге из Эфеса в Сузу, в сосновых рощах на священных холмах лежит Гиераполь с древними храмами

Афродиты Милитис. Ты передашь главной жрице этот серебряный ларец с печатью Александра, и они примут тебя, как посланницу бога!

— Кто не слыхал о гиерапольском святилище! Благодарю и завтра же тронусь в путь!

— До переправы тебе не нужно охраны, а потом это будет обязанностью одноглазого Гигама — у него триста воинов... Но довольно о делах — все решено! Ты подождешь меня или посланного за тобой, или иного известия!

— Не хочу «иного известия», верю в победу! — Таис обняла Птолемея, привлекая к себе. — Потния Терон (владычица зверей) будет за вас. Я принесу ей богатые жертвы, ибо все уверены, что она владычествует на равнинах за рекой и дальше...

— Это будет хорошо, — сказал македонец. — Неизвестность лежит перед нами, пугая одних, разжигая других. Только что мы с Александром вспомнили, как в Либийской пустыне охотились на бория — зверя, которого никто из жителей Египта не видел, а либийцы страшились настолько, что опасались даже упоминать о нем. Мы не нашли бория — не повторится ли с Дарием то же самое?..

Македонец покинул Таис, когда начинало светать и бряцание конской сбруи разнеслось по лагерю. Отбросив занавесь, Птолемей остановился у входа, глаза его горели, ноздри раздувались.

— «Кинюпонтай фонон халинои!» — произнес он звучно строфу известной поэмы: «Удила коней звенят о смерти!»

Таис сделала пальцами охранительный знак, занавесь упала, и македонец поспешил к шатру полководца, где собирались его приближенные. Гетера по своему обыкновению простерлась на ложе, раздумывая и прислушиваясь, пока шум в лагере не прекратился и звук копыт не затих вдали.

Продолжение следует

Лоик ШЕРАЛИЕВ

* * *

Под подушку младенцу
Горцы хлеб непочатый кладут.
У обычая древнего
Добрые ясные цели:
Пусть же запахи хлеба
С ним рядом по жизни плывут,
Пусть же счастье его
Не разломленным будет, а цельным.
Рядом камень кладут,
Чтобы крепкой была голова,
Чтоб осилила все — и ушибы, и раны,
Чтобы гордая слава
Коснулась крутого чела.
Пусть же только с победой
Возвращается он с поля брани.
И седые устоды,
Обычай старинный верша,
Над младенцем склоняются,
Словно старые белые птицы:
Пусть же будет широкой,
Как хлебное поле, душа,
Как кремень, пусть крепка
Будет верность земле,
На которой родился.
Горы, как караваны,

Шагают в простор голубой.
Ты — погонщик,
Тебе их вести за собой.

* * *

Люди, счастливыми будьте,
Хороших друзей вам, люди!
В круговороте будней
Пусть вас и ждут, и любят.
Живите открыто и мудро,
Счастливо живите и звонко.
Как в зеркало, каждое утро
Смотритесь в лицо ребенка.
А провожая друга,
Скажите, вы замечали,
Как поезд молчит угрюмо
Или вздыхает печально?
Опыт старших и молодость —
Я вместе их ставлю недаром:
Союз наковальни и молота,
Терпения и удара.
Символом созидания
Пусть он вечно пребудет.
В грохоте мироздания
Будьте счастливы, люди!

Перевел с таджикского
Г. Серебряков

Алексей ЗАУРИХ

* * *

Воспоминаний синее мгновенье
ты в памяти своей подкарауль,
и оживет рассвет,
как откровенье,
и он вдали заплещет,
Иссык-Куль.
И солнце гор, лучи высокой пробы
нас вновь с тобой в Киргизию вернут.
Дорог тянь-шаньских спутанные стропы
опять нас в горы властно увлекут.
И, на равнинах выросшие дети,
мы, вроде бы очнувшись, ощутим
захлеб и жадность жизни
в резком свете,
вершины эти,
грозный этот дым.
Не самоутвержденье — вот я где, мол!
Мы этой гордой вечности клялись,
и мысль была несладкой:
много ль сделал?
И вот она — не выдумана — высь...
Все в жизни проверяется на деле.
Мы на равнину
вниз
сквозь облака

прерывисто дыша, с тобой глядели
совсем не свысока,
не свысока...

* * *

Наст
еловыми иглами устлан.
Резко
сосен хрустят позвонки.
Солнце пишется радужным утром
с самой красной, с прекрасной строки.
Снегу — пропасть!
По горло, по пояс.
Снегу — гибель!
Равнина чиста.
Я февральскую снежную повесть,
захлебнувшись, читаю с листа.
Точки, черточки, хитрые строки.
Сколько весен и зим? Сколько лет?
Вот оленя следы. Вот сороки.
Вот запутанный заячий след.
Вьюга просекой гулкой гуляет
и не книжная —
снежная пыль
исцеляет, а не утомляет,
сводит вместе и небыль и быль.
Полушубок распахнутый...
Парко!
Шапка — набок!
Иду по земле.
Зимний лес, моя добрая парта!
Утро. Снежно. Урок в феврале.
Как бы пишется с чистой страницы
белый день мой...
И, тонко звеня,
хлопотливые птицы синицы
вон из класса не гонят меня!

Александр ВЛАДИМИРОВ

СУДЬБЕ НАПЕРЕКОР

1942 год...

Через Угру у небольшого селения Березки переброшен мост. На лед сплошным накатом уложены бревна: на первый ряд поперек — второй, на него продольно — третий. Все залито водой и смерзлось до прочности камня.

Солдаты-строители обосновались в землянках, вырытых в обрывистом берегу. Но и здесь при бомбежках не раз срывало накаты.

В маскхалате, с пустым вещмешком за спиной старший сержант Николай Феноменов нырнул в одну из землянок. Он только что вернулся с задания — в тылу у немцев минировали шоссе, идущее на Вязьму. Отправлялись втроем, а вернулись двое: на обратном пути напоролись на фашистов...

— Почта! Почта пришла! — услышал Николай.

Ему принесли два письма: одно было из Челябинска, туда эвакуировались родители и меньшая сестра, второе — из Москвы, от отца Володи Назарова. Сестра писала сдержанно, стараясь смягчить невеселые вести. Но Николай понимал: дела там, в семье, плохи.

Развернул второе письмо. И, превозмогая боль, сел на топчан. Нет Володи... Убит...

В начале Великой Отечественной войны метростроевец Николай Феноменов добровольцем ушел на фронт. В боях за Москву он совершил подвиг и был награжден орденом Красной Звезды. А в конце марта сорок второго года вражеской миной ему оторвало кисти обеих рук, повредило глаза.

И вот два тягостных госпитальных года стали для Феноменова новым полем сражения. Это были годы борьбы за возвращение в строй. Трудно поверить, но это факт: Николай Феноменов вернулся к своей прежней рабочей профессии — слесаря.

Кавалер орденов Красной Звезды и Трудового Красного Знамени, заслуженный строитель РСФСР, Герой Социалистического Труда, Николай Алексеевич Феноменов — пример мужества и преданности Родине.

Андрей БЛИНОВ

Они вместе работали на Метрострое.

Давно это было, до войны... Колонный зал Дома союзов. Первомайский вечер метростроевцев. Они с Володей за кулисами.

«Чемпионы Метростроя по акробатике, электрослесари шахты № 13—14 Николай Феноменов и Владимир Назаров!» — объявил ведущий, и они выбежали на сцену, оба светловолосые, стройные. Только он, Николай, немного выше ростом и шире в плечах. Легкий рывок — и Владимир на его вытянутых руках.

...А теперь Володи нет.

Будто фотографии перебирает — вспоминает друзей старший сержант.

Под Смоленском убит Федя Кондрашов, в Наро-Фоминске — Николай Архипенко, в районе Боровска тяжело ранен Керим Турганов. А давно ли вместе начинали фронтовую жизнь на Березине...

Девять месяцев, двести семьдесят дней он на фронте: в боях, под обстрелами и бомбежками. И даже не ранен. Родился, что ли, в сорочке.

Николай тяжело поднялся с топчана. Оторвал клочок от газеты, попросил бойца своего взвода Абрамова:

— Насыпь махорочки!

Свернул самокрутку, затянулся и, выдохнув дым, сказал:

— Друга у меня убили...

Ночь наступила темная. Сплошные тяжелые тучи обложили небо, скрыли луну. В эту ночь взвод Феноменова должен был заминировать пути, по которым немцы подвозят боеприпасы к дзотам, и участок, где предполагалась атака врага.

Минирование решили начать с двух крайних точек, сблизиться в середине полосы и оттуда отходить к своим. На правый фланг Николай послал шесть человек, определив их под начало Абрамова, сам с пятью другими солдатами пополз на левый.

Пошел снег, густой и липкий. Бойцы стали передвигаться смелее. Полоса минирования смыкалась. Тех, кто уже сделал свое, Николай молча, знаком отсылал из опасной зоны. Работа подходила к концу, как вдруг внезапный взрыв распорол напряженную тишину. Видать, какой-то немец, выйдя из дзота, напоролся на мину.

И еще не улегся воздух от взрыва, как его начали кромсать из автоматов и легких минометов. Били беспорядочно, мины ложились впереди, справа и слева. Николай приказал бойцам рассредоточиться и отползать назад. Сам отходил последним. И вдруг увидел, как один солдат уткнулся в снег. Кто это?

Николай взял левее, наискосок, к неподвижно лежащему в снегу бойцу. И в это время его ослепила яркая вспышка, резанула огнем.

Сразу все исчезло...

Сколько пролежал без сознания, он не знал. Когда очнулся, первое, что понял: не видит. Невыносимая боль в глазах, в руках. Николай попытался приподняться, но тут же снова потерял сознание.

Когда пришел в себя, стал прислушиваться к стрельбе, чтобы понять, куда, в какую сторону ползти. Руки не слушались, и Николаю

пришлось перевернуться на спину, согнуть ноги в коленях. Оттолкнувшись, сделал «шаг», другой. Съехал с головы маскхалат, сползла шапка. Снег набился за воротник. Порой Николай терял сознание, но, придя в себя, опять мало-помалу подвигался.

— Смотри, вроде кто-то ползет! — услышал он далекую, но свою, родную, русскую речь. И тогда, собрав все силы, поднялся на ноги. Упал, опять встал и, слепой, с залитым кровью лицом, с оторванными кистями рук, шагнул навстречу голосам...

Лето в Ташкенте жаркое. В госпитальной палате душно. Николая постоянно мучила жажда, одолевали кошмары. Он лежал на койке совершенно беспомощный. «Война кончится, — думал он. — Ребята домой придут. Работать станут. А я?..»

Вспомнился ему солдат из их роты Керим Турганов. «У нас в пустыне, — говорил он, — есть такое растение — янтак. Солнце палит, пески, а янтак зеленый стоит. Наперекор всему. Корнями далеко в землю ушел, аж до воды». «Вот и мне бы, как этому янтаку, — думал Феноменов. — Да зацепиться не за что...»

Но где-то глубоко в душе теплилась надежда: пока жив, не все потеряно. И в жаркие дни, когда и здоровому-то человеку не хотелось двигаться, Николай начал заниматься физкультурой. На койке. Поворачивался на спину, подтягивал ногу к груди, сгибал ее в колене. Одну, потом другую, обе вместе. Вытянув ноги, поднимал их вверх. Отрывал спину от постели, садился, ложился опять. И так много раз подряд — до пота. Трудно. Но с каждым днем он чувствовал, как крепнут мышцы. Утверждался в мысли: пока жив, надо жить и бороться.

— Скажите, сестра, лицо у меня очень изуродовано? — Николай давно хотел спросить об этом, но все не решался.

— Будет такое же симпатичное, как прежде.

— Я серьезно спрашиваю, — обиделся он.

— И я говорю серьезно. Швы будут почти незаметны, подсадку кожи Владимир Петрович сделал чудесно. В правый глаз подберут такое стеклышко, что не отличишь, какой свой, а какой вставлен. Вот крапинки от ожога совсем свести с лица, пожалуй, не удастся.

Николай вздохнул:

— А видеть я буду?

— Об этом спросите у Владимира Петровича.

Четвертый месяц Николай в госпитале академика В. П. Филатова. Сам академик сделал ему пластическую операцию лица, пересадил роговицу глаза.

— Владимир Петрович идет, — шепнула медсестра, поправила одеяло, подушку и отошла.

— Как чувствуете себя? — услышал Николай знакомый голос.

— Нормально. — Приподнялся. — Владимир Петрович, когда снимете повязку?

— Сейчас.

Минуты, пока разматывали бинт, показались вечностью...

— Прищурьтесь! — приказал академик.

Николай опустил подбородок на грудь, потом стал медленно приподнимать голову, приоткрывая веки. Перед ним как в тумане проступали стены палаты, контуры людей. Вот вырисовался силуэт человека, стоящего рядом. Человека, сотворившего чудо.

Владимир Петрович и сопровождавшие его врачи вышли из палаты.

Николай никак не мог сосредоточиться. Ему хотелось взглянуть на свои руки, но было боязно. Наконец он решился, вытащил их из-под одеяла, поднял, согнул в локтях и сразу опустил. Когда-то у него были длинные пальцы, широкие ладони, сильные, гибкие кисти. Теперь обрубки. Одна рука на двадцать девять, вторая на тридцать сантиметров короче. Так записано в истории болезни...

...Санитарная машина подъехала к большому трехэтажному зданию старинной кирпичной кладки. «Ташкентский медицинский институт», — высечено по фасаду.

Николая провели в палату, в маленькую комнату с двумя койками. На одной под легкой белой простыней лежал темноволосый парень. Николай подошел к нему:

— Давай знакомиться, друг: Феноменов. Прибыл сюда от окулистов.

— Бельский. В детстве Жоркой звали, потом Георгием. А вообще — Егор. — Глаза Бельского ощупали Николая. — Здорово тебя, брат, разделали. Ничего, здесь отремонтируют. — Он энергично поднялся с койки, оперся на костыль. — Летчик я, — сказал и тут же поправился, — бывший. Не из-за этого, — хлопнул ладонью по протезу, — нога будет работать. Врачи считают, отлетался потому, что сильная контузия была. Но я думаю, ошибаются они.

Николай улыбнулся: еще один из гвардии несдающихся. Сосед по палате сразу понравился ему.

Прошло две недели, раны на руках давно зарубцевались, кожа огрубела. Врачи внимательно осмотрели его руки, но определенного ничего не сказали.

Однажды, когда Феноменов делал физзарядку, к нему подошел комиссар госпиталя. На вид ему за сорок, лицо остроносое, худощавое, очень живое, смотрит доброжелательно.

— Когда будете свободны, зайдите, пожалуйста, ко мне.

Николай пришел к комиссару после завтрака.

— Вы хотели поговорить со мной?

— Да.

— Врачи ничего мне не обещают. Может, вы скажете, на что я могу тут рассчитывать?

— Боюсь, что никто сейчас не может обещать ничего определенного.

— А все-таки, товарищ комиссар?

— Видишь ли, дорогой, — комиссар доверительно перешел с ним на «ты», — все, на что способна практическая медицина, — это сделать двухпалую культю.

— Как это?

— Расчленяют локтевую и лучевую кости, перекраивают остатки мышц, нервов, приживляют ткань. Но такие операции могут делать лишь очень опытные хирурги. Один из них — наш профессор Берлинер.

— Мне о нем говорили. А он меня посмотрит, товарищ комиссар?

— Непременно. Но, прежде чем решиться на операцию, хорошо подумай. Я смотрел историю твоей болезни, говорил с лечащим врачом, с заведующим отделением. Они считают, операция будет

очень сложной. И одной не обойтись. А положительного результата гарантировать никто не может.

— А если операция пройдет успешно, что я смогу делать руками, товарищ комиссар?

— Медики считают, что после длительных тренировок ты сможешь самостоятельно пользоваться легкими предметами домашнего обихода и в какой-то мере обслуживать себя.

— Коль ложку смогу держать, сумею и напильником орудовать.

Комиссар поднялся и вышел из-за стола.

— А если опять заняться акробатикой?

Николай растерялся.

— С такими руками?

— Зарядкой занимаешься, бегаешь. Почему бы не попробовать?

— Акробатика — это совсем другое, — невесело проговорил Николай.

Ватага босоногих мальчишек, стремглав летевшая по берегу небольшой речушки Салар, остановилась, замерла на месте.

— Гляди, рук-то нету! — удивился один.

Ребята смотрели во все глаза, как русоволосый парень в спортивных шароварах и больничной куртке делал зарядку. Закончив упражнения, медленно пошел, потом побежал неторопливо и размеренно. Затем сделал рывок и понесся, точно подхваченный ветром.

Ребята постояли и ушли, притихшие. А Николай, разгоряченный бегом, присел на траву. Хорошо бы крутануть сейчас сальто, поднять свое тело в стойке, хотя бы на локтях. Сколько дней он готовился к этому, усложнял упражнения, увеличивал нагрузки и чувствовал, как тело становится упругим, гибким, все больше подчиняется его воле. В этот важный для себя период — ожидания операции — Николай по-новому осознал, что значит для человека цель. Он преобразился за эти недели, стал собраннее, тверже.

Николай встал, огляделся, выбрал место, где помягче земля, трава погуще. Присел на корточки, нащупал удобное место для локтей. Раньше, бывало, упрешься ладонями в землю, оттолкнешься ногами — и готово. Несколько минут мог держаться на руках, пройти на них десяток метров. Николай крепко стиснул зубы и, несмотря на острую боль в руках, стал постепенно отрывать ноги от земли. «Еще, еще!» — подбадривал себя. Лишь на какой-то миг удалось ему удержаться в стойке на локтях. Он вскочил и в каком-то неистовом порыве бросился вперед, подпрыгнул и крутанулся через голову, как бывало прежде. Сальто, да еще какое! Счастливый, он бросился на траву и долго лежал отдыхая.

С того дня он начал тренироваться в спортзале. Потом к нему присоединились другие, человек пятнадцать.

Утром в палату заглянула медсестра, поздоровалась, спросила, как они с Егором чувствуют себя. Потом буднично, будто речь шла о самом обыденном, сообщила:

— Сегодня будет профессор Берлинер. Заведующий отделением просил предупредить вас, Николай Алексеевич.

...Позвали его только после обеда. Он подошел к кабинету, оста-

новился, внутренне собрался, толкнул дверь плечом. За столом сидело несколько человек в белых халатах. Профессор поднялся ему навстречу, взял под руку, подвел к кушетке... Казалось, не было ни одной точки на руках Николая, которую бы не обследовали мягкие пальцы хирурга. «Только бы не отказался», — думал Феноменов, с волнением ожидая приговора. Профессор похлопал его по спине:

— Стойка на локтях. Сальто в воздухе. Каков, а? Но тренировки придется пока прекратить, будем готовиться к операции... — Профессор вернулся к сидящим за столом врачам. — Руки ему мыть тщательно, по нескольку раз в день, волосы на них брить! И массаж, массаж! Кожа должна быть эластичной — может быть, ею и сумеем одеть «пальцы». И чтобы ни одной царапинки. Операция через две недели.

Перед операцией профессор сказал Николаю:

— Парень ты крепкий, сильный. Думаю, не стоит прибегать к общему наркозу, травить тебя. Коль не возражаешь, оперировать буду под местным.

— Согласен. Потерплю.

И вот он на операционном столе, следит за часами. Они хорошо видны через стеклянный колпак. Николай чувствует, как разрезают ткань, распиливают кость. Боль, страшная боль, но надо терпеть. Онемела рука, перетянутая выше локтя жгутом. «Хоть бы на минуту развязали жгут...» Он впадает в забытье, вздрагивает, открывает глаза и опять видит часы: третий час идет операция.

Наконец жгут развязали. Почувствовал облегчение, в голову точно ударил хмель. Что с рукой? Взглянуть бы! Приподнял голову, под бинтом торчат два выступа, посредине — «распорка». Значит, у него теперь есть пальцы!

Прошло около месяца. Боли в руке прекратились. Феноменов мучительно ждал результатов. Оживут ли новые пальцы, будут ли двигаться хоть немного? Мысленно напрягал и расслаблял мышцы руки, сводил и разводил пальцы, брал разные предметы. Старался убедить себя, что научится делать руками если не все, то очень многое.

Когда удалили «распорку», Николай попытался свести и развести забинтованные пальцы, хотя бы пошевелить ими. В его памяти навсегда осталось мгновение, когда сняли повязку с глаз и он вновь увидел свет. Такое же испытал Феноменов и в тот миг, когда почувствовал, что пальцы живут, как они шевелятся, обтянутые синей, едва зарубцевавшейся кожей. Чуть-чуть, едва заметно, но шевелятся! Он не мог еще свести их вплотную, развести шире. Но пальцы жили, жили!..

...Под зеленой кроной чинары в парке института стоит простой дощатый стол. Здесь когда-то студенты склонялись над учебниками и конспектами, а теперь раненые солдаты и офицеры любят тут поиграть в домино.

Этот стол и выбрал для себя Феноменов. Рассыпал по столешнице разные вещи — шахматные фигурки, деревянные брусочки, ложку, карандаш.

Ведь простое, кажется, дело: взять какой-либо предмет, приподнять над столом, подержать немного и положить обратно. Но даже от этого на пальцах образуются ссадины и мозоли. И при-

ходится ждать, когда зарубцуются раны, делать теплые ванночки с марганцовкой, протирать кожу раствором формалина, массировать руку. Вот он приподнял черную шахматную фигуру, зажав ее между пальцами. Радостно улыбнулся: значит, поиграем еще в шахматы! Затем пытается взять карандаш. Но тот «убегает» от него, катается по столу: слишком тонок для непослушных «пальцев». Наконец догадался, подвинул один конец карандаша за кромку стола, ухватил его. Провозился так почти до самого обеда. С непривычки устал, руки онемели.

«Здравствуй, мама, здравствуй, милая моя! Пишу тебе сам. Не веришь, почерк не узнаешь? Конечно, не тот пока, к которому ты привыкла. Но пишу сам, слышишь, сам!

...Живу хорошо. Сосед по палате — прекрасный парень. Да в палате я мало бываю, сплю только там. Остальное время провожу на лечебных процедурах, тренирую руки, езжу на пляж. Плаваю, да еще как! Прыгаю с вышки, с трамплина. Вышка семиметровая, успеваю сделать двойное сальто, пока лечу до воды. А место на озере — услада: песок — россыпь золотая, много зелени, тенисто. Мы там готовились к смотру художественной самодеятельности.

Если бы прежде мне кто-то сказал, что через год с небольшим после такого ранения я вновь выйду на сцену, не поверил бы. А я вышел, выступал, да еще как! Было это в летнем театре Дома офицеров. Нам хлопали, кричали «бис», как в те довоенные годы, когда я выходил на сцену с Володей Назаровым.

Может быть, думаешь, пишу неправду? Хочешь убедиться, что все это так. Пожалуйста!

ГРАМОТА

Центральный комитет союза Медсантруд УзССР и Управление эвакогоспиталей Наркомздрава УзССР награждают настоящей грамотой участника общегородского смотра художественной самодеятельности эвакогоспиталей, проходившего в городе Ташкенте 6 июля 1943 года, тов. ФЕНОМЕНОВА Н. А. за активное участие в художественной самодеятельности.

Председатель Центрального комитета союза Медсантруд УзССР
Г. ТАДЖИЕВА
Начальник Управления эвакогоспиталей, заместитель наркомздрава УзССР
Б. БЕРЛИНЕР

Сейчас усиленно тренирую обе руки. Левая слушается лучше. Вначале думал потому, что ее первой оперировали, — прошло больше времени после операции. Но дело, наверное, не только в этом. Левую руку я как угодно разворачиваю, высоко поднимаю в согнутом положении. Движения правой руки пока ограниченны. Но надеюсь и на нее, пишу тебе правой».

Выведет одну-две буквы, и рука немеет, карандаш выпадает из нее. Лоб покрывается потом. Буквы не укладываются в одну строчку, скачут вверх и вниз, наползают друг на друга. Долго и сам не мог прочитать то, что написал. Испортил дюжину ученических тетрадей, прежде чем стало что-то выходить.

«А вообще-то, мама, несладко мне. Не могу застегнуть пуговицы, зашнуровать ботинки... Да что там говорить — трудно, очень трудно пока. А что делать? Пишу все как есть, ничего теперь не скрываю от тебя. Прости, что долго молчал вначале...»

Две недели Николай писал это первое письмо.

Неспокойно на душе у Николая. Все, что можно было сделать для него в Ташкенте, — сделано. Надо готовиться к отъезду в Москву. Делать ванночки, массаж, тренировать руки можно и там. Но разве дело только в ванночках? Здесь живет он на всем готовом. Его кормят, одевают, ухаживают за ним. А кто поможет ему в Москве? Конечно, окажись там мама или сестра Соня, все сложилось бы хорошо. Но мама в Кизнере, у невестки, очень больна, а сестра в армии. «А Маша?» — спросил он себя. Вспомнилась ему последняя их встреча. Было это 22 июня 1941 года. Он уезжал на фронт, простился с родителями и сестрой. По пути заехал в общежитие. Маша увидела его еще из подъезда, кинулась к нему.

— Я давно жду тебя. Что теперь с нами будет, Коля?

— Я, Маша, иду на фронт.

— Но у тебя же броня!

— Там я нужнее.

— А обо мне ты подумал? — Она ссутулила плечи, отвернулась.

Он смотрел на нее, и в душе его росла боль, досада на себя, на Машу: как это она, такой близкий для него человек, не понимает его, в эту тяжелую минуту для всех людей думает только о себе!

Нет, на Машу надеяться нельзя.

Он написал прямо в Метрострой. И вскоре в госпиталь пришла телеграмма: «Для сопровождения Н. А. Феноменова направляем в Ташкент своего представителя. Председатель постройкома Метростроя Никитин».

— Рад за тебя, Николай, — прочитав телеграмму, сказал ему комиссар. — Вот видишь, какие у тебя товарищи. Такие не оставят в беде.

Приехала Маша.

Они встретились возле ортопедического корпуса. Маша ласково гладит его волосы, осторожно прикладывает ладони к его вискам, целует.

— Почему ты так долго молчал? — В темных ее глазах радость, растерянность, испуг.

— Видишь какой. — Он приподнял руки. — Да и с глазами... Вместо правого — стекло. В левом пока только двадцать процентов зрения. Но если не перегружать глаз, оно будет улучшаться. Пока не читаю ни газет, ни журналов, ни книг. Слушаю радио, а когда попрошу, сосед по палате читает мне что-нибудь вслух.

— Главное, что жив остался, Коля, — негромко сказала Маша.

Москва...

Николай неторопливо шагает по зеленому скверу, жадно смотрит в московское небо, дышит московским воздухом, слушает шорох шин по московскому асфальту. Он строил в Москве метро и защищал этот город от врага. Это город его юности, все в нем ему дорого.

Слева показалось старинное здание Военно-воздушной академии имени Жуковского. А вот и стадион «Динамо». Когда-то он выступал здесь на Всесоюзном празднике физкультурников. Сюда приходил с друзьями в дни большого футбола. Вот и сейчас перед щитом группа военных. Рассматривают таблицу, горячатся, спорят. Возобновились игры на первенство страны и на Кубок Советского Союза. Жизнь понемногу входит в свою обычную колею.

Он спустился в метро. Поезд миновал «Белорусскую», «Маяковскую», «Площадь Свердлова»... Все ему здесь до мелочей знакомо. И хочется посмотреть станции замоскворецкой линии. Он ее тоже строил, но заканчивали и пускали эту линию уже без него.

В тот день поздно вечером вернулся Николай домой.

...Он был готов к этому. И все же, когда получил документ в райсобесе и медленно прочел написанное и скрепленное печатью, помрачнел: «Полная потеря трудоспособности, первая группа инвалидности пожизненно». Не помнил, как оказался на улице 25 Октября, у дома, где была расположена шахта № 13. Отсюда побрел по своему прежнему рабочему маршруту: Красная площадь, Москворецкий мост, Балчуг. Здесь, во дворе четырнадцатой шахты, Николай провел свой последний рабочий день перед войной. Копер и эстакада были теперь разобраны. Стояло лишь несколько вагонеток, требовавших ремонта, да грудились сложенные в штабель рельсы откаточного пути. Тишина. Все было в прошлом. В прошлом осталась и его метростроевская жизнь.

...Он тогда работал электрослесарем, а мечтал стать электромехаником. Ярко, почти до физической ощутимости, возникла перед ним картина: Бахметьевская улица, старинная чугунная ограда. Он идет вдоль нее, входит во двор. В тени молодых тополей — парни и девушки. Началась весенняя сессия. А он тогда лишь готовился к вступительным экзаменам и пришел узнать условия и порядок приема на вечернее отделение Московского института инженеров железнодорожного транспорта. Поступить не успел...

Так что же теперь, оставить свои мечты, забыть об учебе?

Писать он может, но читать... Нельзя перегружать глаз, надо восстановить зрение хотя бы до пятидесяти-шестидесяти процентов. Для этого необходимо отказаться от многого, даже любимого, ради главного. Как и в госпитале, запрет на все книги, кроме учебников.

Сколько времени уйдет на то, чтобы сделать руки вновь умелыми, восстановить зрение, подготовиться к вступительным экзаменам? Прикинул — получилось много, очень много. И подумал: «Может, сначала поступить в техникум?» В конце концов, не столь важно — инженером-электромехаником или техником-электромехаником вернется он на Метрострой. Лишь бы вернуться!

Николай прошел на Калужскую площадь, туда, где начали строить новую линию метро. Через металлические решетки ограждения долго смотрел, как клети снуют туда-сюда: вниз порожние, вверх с гружеными вагонетками.

— Николай! — окликнул его кто-то.

От навеса, где, разбрасывая брызги смолистых опилок, визжала циркулярка, стремительно шагал к нему невысокий худощавый

человек в резиновых сапогах, брезентовой куртке и шахтерской каске.

— Лаптев! Ну конечно же, Лаптев! — обрадовался Феноменов. Они обнялись.

— Бригадирствуешь, Данила Петрович?

— Поднимай выше.

— Начальник смены?

— Выше.

— Начальник участка?

— Угадал!

— Рад за тебя. А где работает теперь Верейнов? Мой крестный: к делу когда-то меня приучал.

— Да он почти по соседству с нами. Главный механик строительства станции метро «Парк культуры и отдыха». — Лаптев тронул Николая за плечо: — Узнаешь?

От механического цеха размашисто спешил к ним высокий, широкоплечий человек.

— Серега! Пастухов! Сменщик мой дорогой!

Они обнялись, потом долго смотрели друг на друга.

Феноменов слушал то Пастухова, то Лаптева, а они рассказывали ему о работе и были радостно возбуждены. В конце разговора Николай попросил:

— Ребята, подберите мне, пожалуйста, комплект электрослесарных инструментов на прокат. Только чтобы ручки поаккуратнее...

Пастухов с Лаптевым переглянулись.

— Зачем они тебе?

— Хочу поступить в техникум. А там придется не только конспектировать и чертить, а и работать в мастерских.

— Так вот ты как! — проговорил Пастухов. — Считай, Коля, нас своими помощниками. Все, что будет зависеть от нас, сделаем!

В его комнате появились чертежная доска, готовальня, рейсшина. У дверей, в объемистом ящике, — напильник, пассатижи, молоток и другие инструменты. Как только взялся за молоток, сразу же убедился: это не деревянные брусочки, не шахматные фигурки, с которых начинал в госпитале. Долго возился, даже вспотел, но молоток не сдвинулся с места. Николай снова и снова разводит пальцы, прилаживается к гладко ошкуренной ручке, чтобы приподнять, оторвать молоток от стола. Сорвал кожу, проступила кровь.

Он вскочил со стула. «К черту все! К черту!» Но тут же успокоился. «На словах, как на гуслях, а на деле?..» И опять подошел к столу. На этот раз ухватил ручку крепче, но она выскользнула из пальцев. Может, сделать ручку не круглой, а плоской, с утолщением на конце? Как он раньше до этого не додумался. Ведь так просто.

В комнату, разгоряченная и радостная, вошла Маша.

— Гляди, что я тебе принесла! — Она развернула свертки.

Феноменов неохотно оторвался от дела.

— Костюм и пальто сразу? — удивился. — И дорогие!

— А чего прибедняться? Примерь, хорошо ли сидит. — Она помогла ему надеть костюм и, оглядев, удовлетворенно заметила: — Сшит точно по заказу.

Николай почувствовал себя в новом костюме неловко.

— Скажи, Маша, где ты взяла столько денег?

— Где взяла, там уже нет, — ответила она ворчливо. — Три ор-

дера тебе дали в постройкоме и на шахте. Продала один — вот и деньги. Насчет мебели тоже договорилась: купим старую, отвезем на краснодеревный завод Метростроя. Там сделают из нее такую, что залюбуешься. Только к начальству пойдем вместе.

Феноменов отвернулся:

— К начальству я не пойду, а костюм и пальто эти носить не буду.

Маша вспылила:

— А с молотком возиться будешь?

— С молотком возиться буду.

— Глупо все это, Коля. Ну какой из тебя добытчик? Да и я хороша. С ордерами надо было раньше догадаться. Ладно, умные люди посоветовали.

— Ненавижу таких умников!

— Ненавидишь? А скажи, как жить будешь? — крикнула она в раздражении.

— Поступлю в техникум, окончу его и пойду работать на Метрострой.

— И сколько времени уйдет у тебя на подготовку в техникум?

— Года три.

— Три года!.. — протянула Маша. — Твоей пенсии едва хватает на тебя одного. А если будут дети?

Николай прижался плечом к косяку окна, коснулся лбом стекла, по коже потек освежающий холодок. Голова горела.

— Ждать, пока ты будешь готовить себя к работе, — продолжала Маша, — я не могу. Надо проще смотреть на жизнь. Писать ты уже научился. Почему бы не пойти тебе в орс или в отдел снабжения?

Трудные то были минуты для Николая. Он понимал, что многим обязан Маше. Пришел к ней в дом, она заботилась о нем. Обижать ее не хотелось, но и согласиться с тем, что предлагала, Николай не мог. Он знал, не каждому по душе была шахта: сыро, грязно, тяжело и опасно. И все же свою жизнь он не мыслил без шахты, не мог отказаться от мечты вернуться туда.

Но как убедить в этом Машу?

— Хорошего снабженца, Маша, — заговорил он, наконец, — из меня не получится...

Она усмехнулась:

— Ничему тебя жизнь не научила. Пропадешь ты без меня. — Подошла к столу, взяла свою сумку, открыла: — Вот твои продовольственные и промтоварные карточки. Вот доверенность на получение ордеров. Бери, живи как тебе хочется, а я буду жить посвоему.

Она оделась и ушла...

— Сестренка, приехала!

Они обнялись. Соня не ожидала, что брат сам встретит ее, сам откроет ей дверь. Ведь ее демобилизовали «...в связи с необходимостью ухода за братом, тяжело раненным инвалидом войны» — так говорилось в приказе. Николай глядел на сестру: в кирзовых сапогах, в солдатской гимнастерке, перетянутая широким ремнем и подстриженная под мальчика — как изменилась Соня за эти годы!

Долго сидела она, притихшая. А Николай рассказывал ей о том,

как он тренирует руки, говорил, что зрение улучшается, что он решил учиться.

За обедом Соня с интересом разглядывала подстаканник, ложку, вилку, нож, которыми пользовался брат. К ручкам аккуратно припаяны выгнутые широкие пластины из нержавеющей стали. Николай легко и свободно брал то, что ему требовалось.

— Сам придумал? — спросила она.

— Володя Пащинский помог. До войны он работал на Метрострое. Как и я, потерял на фронте кисти рук. Вот и придумал... Но мы не этими поделками живем. Учиться и работать хочется. Если бы все понимали это. А то придешь в отдел кадров или в приемную комиссию учебного заведения, посмотрят удостоверение об инвалидности, пожмут плечами и вежливо ответят: «Сочувствуем, но помочь ничем не можем». Видно, нужна авторитетная поддержка. Думаю обратиться к ученым.

— Правильно, Коля. Сдаваться нельзя.

Феноменов проснулся рано, подошел к окну. Серые тяжелые тучи нависли над крышами, накрапывает дождь. Конец октября... Николай оделся, вышел из дому, поежившись, пересек улицу, повернул к скверу. В любую погоду делает он разминку на свежем воздухе, бегает по скверу и, вернувшись домой, принимает душ. Хорошая зарядка на весь день!

По Ленинградскому шоссе то и дело проносятся военные грузовики. Феноменов радостно думает о том, что войне скоро конец. Пробежав по скверу возле дома, он свернул к газетному киоску. Каждое утро покупает он здесь газеты. В тот день, 28 октября 1944 года, «Красная звезда» опубликовала статью ученых: «Вернем тяжело раненных воинов к творческой жизни».

Николай читал жадно, делая небольшие паузы, чтобы дать отдых глазу.

«В тяжелых боях героическая Красная Армия, проделав блистательный путь, вступила на территорию гитлеровской Германии. Битва еще идет, но заря победы уже взошла над человечеством. В этой войне, как никогда раньше, мир увидел величие и силу нашего народа — народа-воина, народа-богатыря.

...Сейчас речь идет не только о том, чтобы прийти на помощь многочисленным государственным органам, ведающим вопросами трудоустройства и социального обеспечения тяжело раненных инвалидов войны. Перед нами нечто другое, и гораздо большее. Мы хотим, чтобы тяжелораненые могли трудиться и созидать, чтобы они не чувствовали себя инвалидами...»

Николай долго сидел в этот день над газетой, думал: «Значит, стараемся не зря. Мечту о возвращении к своей прежней профессии, к делу, которое любим, ученые не считают фантазией».

Вот и наступил мир. Пришла победа. Возвращаются из армии сыновья, братья, отцы... Сколько радости в семьях! Надо бы и им, Феноменовым, собраться и жить вместе. Мать живет у невестки. Соня ночует то у него, то у тети на Таганке. Трудно ей: днем в институте (она учится на экономическом факультете Института со-

ветской кооперативной торговли), а вечером прибегает к нему — помочь. Да где собраться-то?..

Недавно Николай узнал, что правительство разрешило Стройбанку выдавать инвалидам войны долгосрочные ссуды для строительства домов на дачных участках. Взять бы такой участок да построить там дом. И поселиться всем вместе. На участке развести сад, оборудовать мастерскую, поставить верстак, тиски. В доме — отдельный для него стол, на нем чертежная доска, в сарае — мастерская с инструментами. Только работай! Хорошо бы...

...Участки предложили им на выбор: в Купавне и на станциях Заветы Ильича или Луговой.

Выбрали Луговую, что в тридцати километрах от Москвы по Савеловской дороге. Луговой назвали и первую улицу основанного ими поселка. В доме № 5 по этой улице и поселились Феноменовы. Николай поставил перед собой цель — научиться все делать самому, своими руками. Раньше он пользовался сравнительно легкими инструментами. А здесь взял в руки топор, пилу, лопату, вагу. Вот тут-то и оказалось, что для такой работы силы в «пальцах», именно в «пальцах», недостаточно.

Он приготовил несколько круглых и четырехгранных палок. Брал палку за один конец, второй подавал сестре, просил:

— Тяни!

Вначале вырвать у него палку было довольно легко. Потом стало труднее.

Он придумывал все новые формы тренировок. Привязал к ели, растущей возле террасы, пеньковый канат с узлом на конце и тянул его изо всех сил. Обзавелся дюймовым болтом, обжимал его, катал между пальцами.

И сила пришла. Он почувствовал это.

...В спортивных шароварах, сжав топорище пальцами, Николай резкими взмахами рубит корни пня. Топорище у него длиннее обычного, плоское, с утолщением на конце — так удобнее. Обрубив корни, взял вагу, один ее конец подсунул под пень, навалился грудью, выворотил пень.

Когда с корчеванием было покончено, Николай подошел к соседнему участку, позвал:

— Сергей!

— Иду!

— Евлентьева кликни!

Они втроем подошли к высокой осине. Евлентьев подцепил шестом пеньковый канат, накинул его на вершину. Николай и Сергей пристроились у осины с пилой. Сергей опускался на колени медленно и неуклюже: мешали протезы. Двое стали пилить, а третий тянул канат на себя, чтобы повалить осину. Она медленно кренилась, потом рухнула вниз, на молодую зеленую траву.

Сучья осины пойдут на дрова, верхняя часть ствола — на столб для забора, ну а комель можно расколоть пополам и пустить на постройку сарая.

Николай смотрит на топор, лежащий у поваленной осины. Теперь-то он легко управляется с ним. А бывало, возьмет его, взмахнет — и топор выскакивает из рук. «Пальцы» кровоточили, распухали. Мать делала ему примочки, повязки со стрептоцидовой мазью, тяжело вздыхала:

— Ну можно ли так, Коля?..

— Надо, мама, — ответит Николай и успокоит ее: — Я ведь сильный, а ссадины заживут.

Первые венцы сарая он положил сам, подогнал бревнышко к бревнышку не хуже, чем у соседа, а тот плотника нанимал.

Тупым инструментом ничего не сделаешь. Научился точить. Пройдется вначале рашпилем по лезвию топора, потом подправит брусочком — и порядок! Наточит трехгранным напильником пилу, и она, матушка, режет что надо!

Николай поднялся с пенька: пора за дело. И тут скорее почувствовал, чем увидел, что кто-то смотрит на него. Оглянулся — на тропинке стоит молодая женщина, невысокая, ладная. «Кто такая? Не встречал ее здесь прежде», — подумал Николай. А женщина вдруг почему-то смутилась и быстро отошла, скрылась в конце улицы.

Через несколько дней она пришла вновь. Теперь уже не одна, а с малышами. Оказывается, детский сад арендовал дачу на их улице. А женщина эта — воспитательница.

За зиму зрение улучшилось. Теперь не три часа, как прежде, а пять-шесть часов в день он проводил за письменным столом, над чертежной доской, учебниками и книгами. Разрешил себе читать понемногу и художественную литературу — он так долго отказывал себе в этом!

Удалось полностью восстановить почерк. Только вот писал все еще медленно.

От письменного стола Николай шел в свою мастерскую к верстаку. Там орудовал рубанком, напильником, молотком, не замечая, как бежит время, а под ногами растет копна свежей, смолистой стружки. Потом долго, с радостью — уже в который раз! — смотрел на сделанное руками своими — кухонный стол, скамейку, полки для посуды, книг, инструментов.

В ту зиму зачастил он в Москву, к Наталье Филипповне. Познакомились они летом, недели через две после того, как в большой даче, неподалеку от его дома, поселился детский сад. В тот день Николай вкапывал столбы для палисадника. Из лесочка выбежали мальчишки и, робко подойдя, стали наблюдать за его работой. К ним, запыхавшись, подошла воспитательница.

— Вот вы куда убежали. А я их везде ищу. Мешают, наверное, вам?

— Нет. Что вы! — смутился Николай. — Пусть смотрят.

Через несколько дней они снова встретились, разговорились.

— Скажите, — спросила она, — вам приходилось встречать таких раненых, которые не хотели сообщать о себе родным?

— Приходилось.

— Муж у меня пропал без вести в первый год войны. Может, он где-то в Доме инвалидов живет? Имеют право скрывать это от родных?

— Обычно находят какой-то способ известить. Думаю, и вам бы сообщили.

Наталья Филипповна кивнула соглашаясь. Торопливо простившись, ушла.

Потом они стали встречаться чаще. Николай привязался и к ее дочкам — Тане и Ирочке, которые прибегали к нему в сад, иногда ходили с ним в лес по грибы.

Осенью, когда детский сад уезжал обратно в Москву, Наталья Филипповна пригласила Николая, когда он будет в городе, заходить к ним в гости. Николай долго не решался воспользоваться приглашением. Но однажды, в первый зимний день это было, выпал небольшой снежок, и земля в белой накидке стала нарядной, праздничной, Николая неодолимо вдруг потянуло к Наталье Филипповне.

Дверь открыла Танечка и, увидев его, убежала, радостно крича:

— Дядя Коля к нам приехал! Дядя Коля...

В коридор выскочили Наталья Филипповна и Ирочка. И Николай понял: его ждали, ему здесь рады.

После обеда Наталья Филипповна отправила девочек гулять.

— Как живете, Николай Алексеевич? — спросила, присев с ним рядом на кушетку. — Чем занимаетесь?

— Мастерю понемногу. Но больше черчу и пишу.

— Получается?

— А вы проверьте!

— Проверю! — засмеялась Наталья Филипповна.

Положив на стол ученическую тетрадь, карандаш, она придвинула стул Николаю, села сама.

— Начнем?

Она диктовала, он писал. Не останавливаясь, не отдыхая. Немела рука, но едва Наталья Филипповна начинала диктовать медленнее, он просил:

— Пожалуйста, побыстрее.

Ровно через сорок пять минут бросил он карандаш:

— Ну вот и урок окончен. Извините, что столько времени у вас отнял. — Он поднялся со стула. — А испытание я все-таки выдержал, а?

Она, улыбаясь, кивнула.

— Мне нужно добиться такой скорости письма, чтобы я мог конспектировать любую лекцию.

— Вы беспощадны к себе, — тихо, с невольным уважением проговорила Наталья Филипповна.

И вспомнила день, когда впервые увидела Николая. Она приехала на Луговую ранней электричкой. Вышла из вагона, спустилась с платформы и медленно пошла по тропинке вдоль опушки леса к дому, который арендовали под детский сад. По пути в саду приметила человека. Он был в спортивных шароварах, без рубашки. Опустившись на колено, рубил корни пня. Поразило, что у человека были странно короткие руки. Она вгляделась и удивилась: руки у него были без кистей. «Как же он держит топор? И какая нужна сила воли, чтобы в таком состоянии научиться все делать самому!» — потрясенно думала она.

— Я пойду, — вывел ее из задумчивости Николай.

Она подняла глаза:

— Ах да, извините. Задумалась.

У двери Николай оглянулся:

— В воскресенье обязательно приезжайте к нам. Будем ждать.

С того дня Наталья Филипповна с дочками по воскресеньям стала бывать на Луговой.

После обильного, прошедшего ночью дождя лопата легко резала дерн. Николай работал в саду. Еще в первый год жизни на Луговой решил он вырастить сад. Вскопал землю, посадил сажен-

цы. На удивление быстро прижились на ухоженной земле плодовые деревца. И теперь каждую весну у него было полно забот. Сад разросся, загустел листвой. Радостно было глядеть на дело рук своих. Но в последнее время Николай все чаще задумывался. Сад дал ему возможность проверить себя. Хотелось большего: вернуться на Метрострой.

...Председатель ВТЭКа долго читал статью «Красной звезды», которую принес ему Николай.

«Николай Алексеевич Феноменов лишился обеих рук и правого глаза. Его удручало сознание, что не может вернуться к любимой работе. Он мечтает о возвращении к ней. Научно-практическую помощь в этом ему оказывает заслуженный деятель науки Михаил Андреевич Шателен... Феноменов может справиться с работами по электротехнике...» Председатель, прочитав это, поднял глаза.

— Чего же вы хотите?

— Хочу, чтобы меня признали трудоспособным. С того дня, когда была опубликована статья, прошло пять лет. И все эти годы я тренировался. Считаю, что готов вернуться к прежней профессии. — Николай положил перед членами комиссии свою тетрадь с конспектами, чертежи. — Все это я сделал сам. Можете также проверить, справлюсь ли я с электрослесарными работами.

Председатель и члены комиссии смотрели на него с удивлением.

После долгого разговора ему выдали новый документ, в котором было записано: «Может выполнять легкие административно-хозяйственные работы».

— Больше мы ничего не можем. Не имеем права, — сказал председатель и с виноватой улыбкой подал ему документ.

Не такой записи хотелось Николаю, да что поделаешь.

На другое утро он поехал в техникум. Когда вошел в кабинет директора, сразу сказал, чтобы предупредить его вопросы:

— Только не говорите мне, что здесь не Дом инвалидов, а техникум со сложным профилем специальностей. Я это знаю. Вот, смотрите, — положил на стол документы, чертежи, тетрадь с конспектами и добавил: — Во время производственной практики буду наравне со всеми работать в мастерских.

Директор прочитал заявление, ознакомился с документами, долго рассматривал чертежи, листал конспекты.

— Все делали сами?

— Разве пришел бы я с чужими?

Директор долго молчал.

— Я вам верю, — сказал наконец он, — но принять от вас документы не могу. Нужно разрешение министерства в порядке исключения допустить вас к вступительным экзаменам.

Невеселый возвратился Николай домой. Говорить ни с кем не хотелось, и он ушел в лес. Долго бродил среди высоких сосен, елей и берез. Постепенно говор леса успокоил его. Волнение и сумятица улеглись. Он спокойно и по-деловому стал искать решение, которое бы сейчас было единственно верным. И оно пришло.

У Самотечного переулка Феноменов вышел из трамвая. Поднялся по Селезневской улице. Вот двадцатая шахта Метростроя.

— Николай! — кто-то окликнул его. Обернулся. Его догонял главный механик шахты Верейнов. — Ты чего так долго не приходил?

— Без дела не хотелось, а дела не было.

— А теперь есть?

— Да, Дмитрий Константинович. Хочу просить, чтобы проверили меня на разряд. Помните, на пятьдесят второй шахте дали мне пятый? Так вот насчет пятого теперь не уверен, а на четвертый сдам.

— Молодец!

— Так не зря же вы помогли мне оборудовать мастерскую.

Они вошли во двор, направились к невысокому длинному зданию из серого кирпича — электромеханическому цеху. В конторке склонились над столом начальник цеха Иван Иванович Волков и бригадир слесарей-монтажников Иван Сергеевич Шкуренко.

— Вот гостя привел, — Верейнов подтолкнул к столу Николая.

— Давненько, Николай Алексеевич, не видел тебя! — приветливо улыбнулся Шкуренко. — Слышал, ты на Луговой целой мастерской заправляешь. Помощь не нужна?

— Пока справляюсь! — засмеялся Феноменов.

— О чем это вы тут спорите? — спросил Верейнов.

— Посмотрел я, Дмитрий Константинович, чертеж чеканочных тележек, — ответил Шкуренко. — Не тележка — махина! Проектировщики, скажу тебе, думали не о чеканщиках, а о том, как побольше металла ухлопать.

— Что же ты предлагаешь?

— Облегчить конструкцию и сделать тележку более маневренной и надежной с точки зрения безопасности работ. Вот и советовался с Иваном Ивановичем. Может, и вы посмотрите. — Бригадир достал из кармана комбинезона тетрадь, положил рядом с калькой.

— Посмотрю и в техотделе покажу.

Бригадир взял со стола каску, натянул ее на голову. Уже в дверях бросил Феноменову:

— А ты, Николай, если тебе что нужно, скажи.

Когда бригадир вышел из конторки, Феноменов не удержался:

— Все такой же неугомонный.

— Свое дело знает до тонкости, — уважительно проговорил главный механик и пригласил: — Пойдем в инструменталку. Раз решил сдавать пробу — сдавай!

В небольшом помещении, в противоположном от конторки конце цеха, расположилась инструментальная мастерская. Вдоль стен — полки с инструментами. Чего тут только не было! Николай долго не мог оторвать взгляда от такого богатства.

— Дядя Вася! — окликнул Верейнов человека, стоявшего за верстаком. — Испытай-ка, какой разряд можно присвоить...

— Кому?

— Вот ему, — кивнул Верейнов на Николая. — Пусть для начала насадит слесарное зубило на ручку и заточит его.

Парамонов растерянно посмотрел на Николая. Не верилось, что главный механик говорит серьезно. А Верейнов сам взял с полки слесарное зубило, деревянную заготовку для ручки, положил их на верстак:

— Действуй, Коля!

Феноменов привычным движением подвинул заготовку к концу верстака, обстрогал ее, насадил зубило на ручку, направился к наждаку.

— Стой! — крикнул Верейнов. — Отлетит окалина, потеряешь последний глаз!

— А защитные очки зачем? — Николай посмотрел на главного механика, улыбнулся. — Да вы не беспокойтесь. Все будет в порядке.

Наточив зубило, он подал его Парамонову.

— Ты гляди! — удивился Парамонов. — Чисто сработано. Не придерешься.

Теперь он сам предлагал Николаю сделать то одно, то другое. Феноменов нарезал резьбу на концах трубы, показал, как владеет напильником. Обработал деталь с такой быстротой и точностью, какие были сподручны только хорошему специалисту.

— Как считаешь, дядя Вася, можно дать ему четвертый разряд? — спросил наконец Верейнов.

— Вполне, — ответил Парамонов.

— Как думаешь дальше жить, Николай? — повернулся главный механик к Феноменову. — А то иди к нам в инструменталку. Примем. Через годик-другой направим тебя от шахты в техникум. И стипендию определим хорошую. Ты, я слышал, женился, человек теперь семейный. Стипендия не помешает. А шахтком поддержит. Председателем там Александр Васильевич Рамоментьев. Помнишь его?

Саша Рамоментьев... Как не помнить! Слесарь, потом механик. Его старый товарищ. Вместе с ним в команде стрелков они дважды завоевывали звание чемпионов Метростроя.

— Зайдем к Татьяне Викторовне Федоровой, — продолжал Верейнов. — Она тоже помнит тебя.

Николай улыбнулся. Таню он знал вожаком знаменитой бригады чеканщиков, отважной парашютисткой, учлетом аэроклуба Метростроя. Они вместе ездили на аэродром, прыгали с парашютом. Потом Татьяну Федоровну избрали депутатом Верховного Совета СССР, она окончила институт и возглавила одно из ведущих строительных управлений Метростроя.

Наступил день, которого он ждал шесть долгих лет. Вся семья встала рано, чтобы проводить Николая на работу. Выехал он первой электричкой. Хотелось прийти в цех раньше всех. Но там уже был Волков. Он, видать, специально приехал пораньше, чтобы встретить Николая. Поздоровавшись, он смущенно начал:

— Понимаешь, дело какое... Парамонов уезжает в санаторий. Тебе придется в инструменталке работать одному. Может, для начала дать тебе кого в помощь?

— Не надо, Иван Иванович. Какой из меня работник, коль нянька нужна?

— Ну смотри.

Пришел Парамонов. Он выдал электрикам и слесарям инструменты. Николай помогал ему, ловя на себе любопытные взгляды, — к нему присматривались.

В восемь утра в инструменталке наступила тишина.

— Теперь придут до конца смены три-четыре человека, не больше. А я в это время ремонтом занимаюсь.

К десяти утра они составили акт передачи. Парамонов попрощался:

— Жаль, что так получилось. Хотя бы недельку поработать вместе.

— Не беспокойтесь, справлюсь. Желаю хорошо отдохнуть.

Едва ушел Парамонов, в окошко мастерской просунулась мальчишечья голова: светлые волосы, скуластое лицо с пятном тавота на щеке.

— Пожалуйста, дайте ключи.

— Какие?

— Гаечные.

— Гайки разные бывают, разные и ключи для них.

Паренек растерялся.

— Давно работаешь? — спросил Николай.

— Да нет, только начинаю.

— И бригадир ничего не сказал, когда посылал сюда?

— Сбегай, говорит, за ключами. Я и побежал.

— Как звать-то?

— Лева Соколов.

— Вот тебе, Лева, ключи. Два простых и торцовый, по размерам подойдут. В другой раз не спеши так и не стесняйся спрашивать, если что не понял.

Приходили и еще рабочие. То обменить полученные утром инструменты, то что-нибудь получить. Феноменов скоро понял, что не инструменты нужны: любопытно взглянуть на него. Но он не обижался. Когда любопытные схлынули, принялся подтачивать, заправлять и смазывать инструменты. Потом привезли с завода запасные части к механизмам, принял их. И когда вдруг смолкли в цехе токарные станки, стихли удары молота в кузне и к окошечку инструменталки опять потянулся народ, удивился: «Как? Уже конец смены?»

Первыми пришли те, кто работал в цехе, потом с шумом нагрянули «подземщики». У окошечка образовалась очередь.

— Давайте, хлопцы, через дверь, — сказал Феноменов.

Кувалды и молотки, большие гаечные ключи кидали на пол, мелкие инструменты складывали на верстак. Николай все записывал в журнале выдачи.

Скоро все разошлись. Только Лева Соколов остался. Он стал протирать ветошью инструменты, укладывал их на полки.

— Про вас, Николай Алексеевич, я слышал. На стадионе Тризин, наш тренер по акробатике, говорил. Вы его помните?

Феноменов живо обернулся:

— Ты, значит, тоже акробат? Тризину привет передай. Знаю я и уважаю твоего тренера.

В мастерскую вошел бригадир слесарей-монтажников Шкуренко.

— Ты чего здесь? — спросил он у паренька. — У тебя же тренировка!

— Успею, — весело отозвался Соколов.

— У тебя работает? — спросил Феноменов, когда паренек ушел.

— У меня — Шкуренко широко улыбнулся. — На Красной Пресне присмотрели. Живет недалеко от метростроевского стадиона. — Бригадир подошел к запасным частям. — Сегодня привезли?

— Сегодня, Иван Сергеевич. Но разобраться в них сразу не могу. До войны на шахте у нас только скреперные погрузчики были. А теперь столько новых машин!

Шкуренко внимательно осмотрел запасные части: моторные шестерни, привод тормозной системы ковша, вал для передних скатов...

— Не густо сегодня, — вздохнул он. — А разобраться разберешься. Машин теперь больше стало — и запасных частей к ним будет все больше.

Шкуренко ушел. И только тут почувствовал Николай усталость: не только от работы, но и от излишнего внимания к нему. Он понимал, неспроста задержался в инструменталке Лева Соколов, неспроста и Шкуренко после смены зашел.

Когда Феноменов вышел из мастерской, из конторки цеха навстречу ему шагнул Волков.

— С первым рабочим днем, Николай! — И он сильно хлопнул его по плечу.

А у проходной Николая ждала Наташа.

— Смена давно кончилась, а тебя все нет. Еле дождалась, — улыбнулась она.

Пошли рядом. Она взяла его руки в свои.

— Болят?

— Болят, — признался Николай. — Но разве это главное? Вот я и работаю, Наташа. А это самое-самое главное.

Сначала Николай очень уставал, но потом привык, и его потянуло в забой взглянуть, как работают там теперь.

Однажды после смены надел он телогрейку, каску, вышел из цеха и направился вдоль эстакады. Заметил на тесовой ее обшивке свежий листок, остановился: «По итогам социалистического соревнования звания лучшей бригады стройки вновь добилась бригада И. С. Костенко. Решением Управления и Дорпрофсожа ей оставлено переходящее Красное знамя Метростроя и присуждена первая денежная премия. Привет передовикам производства!» Николай задумался. Не тот ли это Ваня Костенко, паренек, пришедший на Метрострой как раз перед его уходом на фронт? Неужели он теперь знатный бригадир? Идут годы... Растут люди...

У люка ствола Николая остановил начальник участка Лаптев.

— Ты куда?

— В шахту, Данила Петрович.

— По лестнице? Погоди, дам команду, и тебя спустят клетью.

— Не хватало еще мне кататься в клети во время смены. Люди порожняк ждут, а тут, пожалуйста, вместо вагона моя персона прибудет. Пойду по лестнице, мне не привыкать. Немало ступенек отсчитал в свое время.

— Ты моложе был тогда...

— А я и сейчас не старый! — крикнул Николай, скрываясь в лазе.

Лаптев успел только головой покачать.

Феноменов отмерял один за другим лестничные марши. Ствол сырой, лестницы скользкие, в двух пролетах темно — лампочки не горят. «Непорядок». Останавливаясь на промежуточных площадках, прислушивался к шороху скользящих клетей, к шуму падающей вниз воды. Нарастало гудение водоотливных насосов

в центральном камероне. Сейчас он увидит рудничный двор, глубь горных выработок, забой. Только теперь по-настоящему понял он, как дорога ему шахта.

В забое частили перфораторы, стучали отбойные молотки, скрежетал по земле ковш погрузочной машины. «Плакали» не зачеканенные еще тюбинги, роняя на каску капли. В воздухе висела серая дымка. Давно забытые запахи влаги, аммонита, гари от сварочных аппаратов. Слегка закружилась голова. «Отвык? Или, может, вентиляция не в порядке?» Феноменов вытащил из кармана блокнот, карандаш и записал: «Освещение ствола. Вентиляция».

Навстречу мчался электровоз, тащил состав из шести вагонеток, груженных серым известняком и голубым мергелем. Чернобровая машинистка приветливо помахала рукой. Ее лицо показалось Николаю знакомым.

По тоннелю от забоя
Полным ходом до ствола,
Очень милая собою,
Поезд девушка вела... —

так когда-то писал метростроевский поэт.

Метрах в пятнадцати от забоя грузовой и порожняковый пути сходились на стрелке, смонтированной на передвижной металлической платформе, и к месту погрузки вел один путь. Работали слаженно, без суеты; люди без слов понимали друг друга. И вдруг погрузочная машина, качнувшись, осела на передний скат, «захлебнулась». Смолкли отбойные молотки, замер на месте электровоз, в шахте наступила непривычная тишина.

Первым подскочил к погрузочной машине бригадир. Каска съехала набок, мокрые волосы прилипли ко лбу, на большом с горбинкой носу — следы красноватой карбонной глины.

— В чем дело? — Бригадир Костенко с трудом сдерживал себя. — Выгадывали минуты, а теперь часы стоять будем? Что произошло?

Машинист только руками развел.

Подошел к машине и Феноменов. Новая, недавно получена с завода. Ей бы работать да работать. Сняв телогрейку, Николай опустился у машины, рассматривая поломку — вал переднего ската.

— Пропала смена, — шумели проходчики.

— Почему пропала? — Феноменов поднялся. — Вал можно заменить. В цехе есть запасной. Вот ключи, везите быстрее.

С помощью домкратов подняли погрузочную машину, сняли колеса, сняли вал. На электровозе привезли новый. Проходчики с затаенным интересом следили, как орудует ключами Николай. Машина заработала. Заскрежетал, вгрызаясь в породу, ковш, застучали отбойные молотки и перфораторы. Двинулись электровозы, везя составы, груженные породой. Смена продолжалась...

Костенко подошел, положил руку на плечо Николая:

— Выручил ты нас. Слесари-ремонтники уже кончили работу, ушли с шахты. Вовремя ты тут появился.

На следующий день Феноменов зашел к главному механику Верейнову.

— Был я, Дмитрий Константинович, в шахте вчера, смотрел, как работает бригада Костенко.

— Не только смотрел, — перебил его Верейнов, — но и выручил проходчиков.

— Дело не в этом. Заметил я кое-какие неполадки. Не знаю, когда там брали пробу воздуха, но в тоннелях чувствуется загазованность. Плохо освещено лестничное отделение ствола. А самое главное — аварии с погрузочной машиной могло бы не быть. Передний скат полетел потому, что вал отлит из чугуна. Надо акт составить, послать рекламацию на завод.

Верейнов слушал Николая и думал: «Удивительный человек! Другой бы на его месте со своей персоной носился. Как же — такое в жизни случилось. А он преодолел себя. Снова пришел в рабочий коллектив на правах полноценного человека. Хороший бы из него партгрупорг получился». А вслух сказал:

— Вентиляцию горных выработок мы проверим. Ствол будет освещен. Акт о поломке вала переднего ската тоже составим.

Уже прощаясь, Верейнов спросил:

— Живешь-то где теперь?

— Перебрался в Москву. На Луговой бываю раза два в неделю. Сделаю кое-что по хозяйству — и обратно в Москву. А здесь дома у меня дочки командуют.

— Вы механик участка? — К Николаю подошел высокий, атлетически сложенный парень. — Меня направили к вам. — Он достал направление.

Николай протянул руку, и парень, вздрогнув, откачнулся.

— Давайте, давайте. — Николай взял бумагу, прочитал ее. — Вадимов Юрий?

— Да.

— Где работали прежде?

— На фабрике «Гознак». Печатником.

— Почему решили сменить квалификацию?

— Так получилось...

Николай заметил: смотрит Вадимов настороженно.

— Идите к учетчице, получите спецовку и приступайте к работе. А после смены поговорим.

К концу смены Юрий застал Феноменова в конторке участка.

— Садись, — предложил Николай и долго смотрел на новичка. — Расскажи о себе.

Это было его правилом — как можно больше узнать о каждом, кто приходил работать на его участок.

Вадимов не скрыл, что уволили его с фабрики за пьянку.

— Не могу ничего с собой поделать. Боюсь, что и у вас сорвусь.

— А ты возьми себя в руки. Думаешь, мне легко было?

— Вы давно работаете механиком? — спросил Вадимов.

— Нет, недавно. После войны пять лет учился работать, три года был слесарем на строительстве станций «Новослободская» и «Киевская-кольцевая». Потом командировали меня в техникум. Окончил его. Назначили вот механиком участка. Что так смотришь? Не веришь?.. Человек, Юра, все может. Надо только очень захотеть...

Не столько слова, сколько то, кем они были сказаны, произвело на Вадимова сильное впечатление. «Человек, Юра, все может. Надо только очень захотеть...»

Они получили отдельную двухкомнатную квартиру в новом доме на Маленковской. Наталья Филипповна долго ходила из комнаты в комнату, прикидывала, как они расставят новую мебель, на которую давно отложили деньги.

Ночью, когда сынишка и Николай уже спали, она поднялась с постели, сунула ноги в шлепанцы, набросила халат и вышла на кухню. В комнате дочерей шел негромкий разговор. Приоткрыла дверь. Таня и Ира, обнявшись, сидели на подоконнике.

— Это что такое? Почему не спите?

— Посмотри, мама, как красиво! — сказала Таня.

Наталья Филипповна подошла к дочерям. «Совсем большие уже», — подумала она.

Долго сидели они вместе у окна, любуясь ночной Москвой.

— А что, девочки, если нам Гену из детдома взять?

Гена приходился племянником Наталье Филипповне. После смерти ее родителей, у которых он жил, его пришлось отдать в детдом.

— И мы об этом думали. А как папа?

— Думаю, и папа не будет против.

Утром за завтраком Наталья Филипповна сказала:

— У нас, отец, вчера был разговор. Гену хотим взять из детдома. Как ты смотришь на это?

— Да что ж... Только дел-то у тебя прибавится. Справишься?

— Справлюсь. У меня теперь подросли помощницы, — тепло взглянула она на дочек.

Поезд остановился на «Автозаводской». Феноменов вышел из вагона. Ему вспомнился день, когда, вернувшись из Ташкента, он впервые побывал на этой станции. С горечью думал тогда, что на пуске новых линий метро ему придется быть только гостем...

Он пошел судьбе наперекор и пересилил ее! В строительстве восьми станций участвовал после войны. Теперь начали строить «Каширскую».

Выйдя на улицу, Феноменов повернул налево, к автобусной остановке. Кругом свои, метростроевцы. Вот стоят Шкуренко, Соколов, Вадимов, Демин.

Подошел автобус. Феноменов устроился на переднем сиденье. За окном тянулись корпуса автозавода, деревянные домики с палисадниками и теснящие их многоэтажные здания из кирпича, блоков и панелей.

Автобус миновал развилку Варшавского и Каширского шоссе. Остановка. Метростроевцы вышли. Встречный ветер со снегом бил в лицо. До строительной площадки, обнесенной высоким дощатым забором, метров пятьдесят. Но добраться туда не просто: глина. Вот, наконец, и котлован. Работают оба насоса. Но, видно, и двух уже мало. Феноменов сразу это понял.

— Как дела? — подошел к дежурному электрослесарю.

— Вода, Николай Алексеевич, прибывает. Того гляди захлебнемся. Когда привезут резервные насосы?

Слесари-монтажники бригады Соколова уже успели переодеться. Феноменов обратился к бригадиру:

— Лев Николаевич, ставь ребят пока на прокладку кабеля. И будь начеку: как только привезут насосы, сразу монтировать начнем.

— Ясно. А швеллер для подвесок когда будет? Работу в наряд-задание записали, время идет, а приступить к ней не можем.

— Швеллер добудем сегодня.

Беспокойно начинался этот день. Приток воды усиливался, а насосов все не было.

Наконец пришла машина. Феноменов еще у ворот встретил ее, вскочил на подножку, показывая шоферу место разгрузки.

На тросе с помощью лебедки опустили в котлован сначала один, потом второй насос. Феноменов сам принялся за монтаж. Соколов и его бригада понимали: коль сам механик взялся за ключ, дело неотложное. Старались вовсю.

Монтаж закончили к половине седьмого. Слесари ушли, а Феноменов, хотя и верил, что они сделали все добросовестно, остался с дежурным слесарем вечерней смены, опробовал насосы, проверил заземление, места соединения трубопроводов. Только после этого он поехал домой. И всю неблизкую дорогу в мельчайших подробностях вспоминал прожитый день, хлопотливый и тяжелый, а впрочем, обычный трудовой день. Думал о людях — о тех, с которыми работал, и о тех, которые были причастны к его жизненной победе.

Вместо эпилога

В феврале 1970 года за заслуги в области строительства Николаю Алексеевичу Феноменову было присвоено почетное звание «Заслуженный строитель РСФСР».

15 июня 1970 года во всех центральных газетах был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР:

«За большие заслуги в строительстве Московского метрополитена имени В. И. Ленина, трудовое мужество и героизм, беззаветное служение делу рабочего класса и социалистическому Отечеству присвоить механику шахтно-строительного участка строительно-монтажного управления № 3 Мосметростроя Феноменову Николаю Алексеевичу звание Героя Социалистического Труда с вручением ему ордена Ленина и Золотой медали «Серп и Молот».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ».

Валерий БОЛТРОМЕЮК

СОЛДАТЫ ПУСТЫНИ

ОЧЕРК

...Потом Каспий огромным чеканным серебряным блюдом лег под крыло.

А потом самолет словно бы прижало ниже к земле, и турбины задышали натужнее, как если бы им теперь не хватало для дыхания свежего высотного ветра. Горизонт сузился и потускнел — так недобро тускнеет он, опаленный беспощадной жарой. Пески Каракумов, угрюмо и беззвучно раскачиваясь, потянулись внизу.

Не было ни троп, ни дорог, ни следов жилья. Только однажды в самом сердце разлива песков промелькнул штабель ржавых рассыпанных металлических труб — сверху они чем-то напомнили стреляные гильзы. И тогда вспомнились давно где-то вычитанные слова: «Мы — дети пустыни. В песках мы родились и в пески уйдем, так и не испытав счастья, не омочив пересохшие губы холодной водой заоблачных рек...»

Ашхабад возник из знойного марева прекрасным видением, каменной сказкой, желанным оазисом в конце долгой дороги. Заново отстроенный после землетрясения, разрушившего город до основания, по самые крыши залитый шумом листвы, отраженной в чашах многочисленных фонтанов, он был как вызов слепой силе природы, как утверждение неукротимости духа и несгибаемости воли человека.

На широких чистых улицах города невольно забываешь о том, что всего в нескольких десятках километров отсюда машины захлебываются в раскаленном песке. Но налетит вдруг, опаляя, порыв ветра издалека, от тусклого горизонта — и в воздухе, перебивая запах цветов, пахнет как бы сгоревшим порохом. Вечерами в той стороне, где грудью идут на барханы неукротимые «Кировцы», видно тусклое зарево.

Там идет война. Война с пустыней. Война без выстрелов, но, как всякая война, — с поражениями и удачами, потерями и взятыми в бою рубежами.

Для того чтобы представить себе важность этого, в смысле инженерных решений пока единственного сооружения, нужно понять, что для этих мест значила и значит вода.

С мечтой о ней здесь жили и умирали сотни поколений. Из-за нее подчас поднимались брат на брата, род на род, аул на аул, и первым человеком на земле после аллаха был мераб — хранитель воды. Не дороже пыли под ногами ценилось здесь золото, но на вес золота была кружка чистой воды. Она и сегодня остается в Туркмении проблемой номер один. Без нее немыслимо экономическое развитие закаспийского края.

Туркмения — основной производитель ценнейших сортов тонковолокнистого хлопка. Туркмения — это животноводство (в основном каракулеводство), и овощеводство, и производство зерна. Последние годы, отмеченные активизацией и особенной эффективностью геологоразведочных работ, выдвинули Туркмению сельскохозяйственную в число республик с большой промышленной перспективой. Высоко ценится специалистами небит-дагская нефть. До сих пор еще не подсчитаны точно запасы природного газа — так они велики. Набирает темпы производство цемента и керамзита — Безмеинский цементный завод стоит на сегодняшний день в ряду крупнейших родственных предприятий Средней Азии, а что до производства керамзитобетонных блоков для нужд все более расширяющегося строительства, тут экономисты дают самые оптимистические прогнозы: исследователи нашли высокоэффективный способ изготовления керамзита из буквально бросового материала — разработана технология использования каракумских песков. Идет серьезный разговор о широком применении тех же песков в стекольной промышленности.

Все это не может существовать без воды.

Сознание острейшей необходимости вывести Туркмению из тупика, в который загнала ее природа, и родило идею Каракумского канала — водной артерии, которая смогла бы дать жизнь и процветание огромным пустынным площадям.

Первые кубометры грунта на трассе канала были вынуты почти двадцать лет назад. Нынче канал далеко шагнул за восьмисоткилометровую отметку.

Каракумский канал — строительство комплексное. Гидростроители приступают к прокладке трассы канала. Параллельно с ними ирригаторы готовят под орошение земли прилегающей к каналу пустынной зоны. Одновременно с этим, по своим планам, сопряженным с планами основного строительства, Министерство сельского хозяйства республики возводит в зоне канала совхозы. И когда приходит наконец долгожданная вода, канал начинает работать с полной экономической отдачей.

Сегодня авангардные подразделения Каракумстроя работают у подножья Копет-Дага. Если сам канал и сопутствующую ему ирригационную сеть сравнить с кровеносной системой, обеспечивающей жизнь сложного организма республики, то Копет-Дагское водохранилище — сердце системы, управляющее током этой крови. Вот почему СМУ «Копетдаггидрострой» сегодня во всех сводках и на всех совещаниях — объект внимания номер один.

Что такое Копет-Дагское водохранилище — основной накопитель и распределитель воды в республике, а не только на трассе канала — на языке инженерных выкладок? 280 миллионов кубометров емкости. Тринадцать метров максимальной глубины. Пятна-

дцатиметровой высоты, длиной в одиннадцать километров плотина — ширина ее гребня составит шесть метров. Накапливая воду, водохранилище будет передавать ее каналу, и она уйдет отсюда дальше на запад, через Небит-Даг к Красноводску со скоростью 130 кубометров в секунду. Оросительная система, питающаяся от водохранилища, даст жизнь почти десяти тысячам гектаров пока еще бесплодной земли.

Каракумский канал — сооружение в своем роде пока единственное. Бетон, камень, арматура и все прочее, неизменно положенное всякому гидростроительству, здесь применялись только при возведении гидротехнических комплексов — шлюзов, водоводов, тела плотин на водохранилищах, разбросанных по каналу на всем его протяжении. Русло канала прорублено прямо по природному грунту. Вынужденная подчиниться упрямству людей, пустыня хранит воду, что называется, в своих собственных ладонях.

Это было дьявольски трудно — «прощупать» пески, выяснить, какая там, глубже, под ними, лежит «подкладка», станет ли она держать воду. Кроме того, спроектировать трассу канала нужно было так, чтобы, кроме привязки по грунтам, канал оказался бы еще и безошибочно вписанным в географию тех районов, которые наиболее остро нуждались в воде.

Такого характера задач прежде еще не решали.

Справились и с проблемой защиты стенок канала от оползней и подмывов: берега засадили саксаулом, тополем, ивняком — все это отлично блокирует песок. От заиления русло канала берегут земснаряды. От зарастания травой — прекрасно прижившиеся в этих местах толстолобик и белый амур.

Канал — своеобразный рекордсмен и по срокам сооружения. Первая очередь, самая трудная из-за того, что была она первой, и те, кто ее начинал, не имели еще ни достаточного опыта работы в песках, ни достаточно выносливой «пустынной» техники, была сооружена менее чем за пять лет. Протяженность ее составила 400 километров, на карте это участок канала от Амударьи до Мургабского оазиса. Вторая очередь — от Мургабского оазиса до Теджена, 140 километров по тяжелым пескам, — была построена за семь месяцев. Пионерная траншея третьей очереди — 257 километров от Теджена до Ашхабада — за восемь месяцев. Ничего подобного практика мирового гидростроения прежде не знала.

У Каракумского канала нет пока, к сожалению, своих историков. Бесценные факты его «биографии» хранятся пока в архивах Каракумстроя, да в памяти тех, кто связал с этой стройкой всю жизнь, да еще, быть может, в потрепанных общих тетрадках с записями для себя, которые еще предстоит найти.

И все настойчивее становится мысль о том, что, пока не ушли по разным причинам со стройки ветераны, нужно кому-то всерьез заняться этой работой. Думается, в первую голову стоило бы взяться за это дело Центральному Комитету комсомола Туркмении. Это ведь, в сущности, история комсомола республики, а забывать ее не годится.

Когда-нибудь, наверное, историю канала все же напишут. Одно из почетных мест по праву займет в ней рассказ о человеке, ко-

торого знает каждый каракумец, каков бы ни был его «каракумский стаж». О нем здесь ходят легенды. О его чудачествах и привычках рассказывают целые истории. Константин Евгеньевич Церетели, главный инженер треста «Каракумгидрострой», лауреат Ленинской премии, солдат пустыни с сорокатрехлетним стажем работы в песках — вот имя и коротко общественный статус этого человека.

Даже не молодым, а вовсе юным еще приехал он в эти края в двадцать девятом году. За плечами у него был Тбилисский политехнический, в руках — диплом горного инженера; было жгучее, по молодости понятное желание поскорее попробовать себя на самостоятельной работе.

Самостоятельное дело нашлось для молодого специалиста сразу, хотя и не совсем то, о чем он мечтал: по распоряжению ЦК Компартии республики он отправился в глубинку проводить подготовку к коллективизации «...и вообще выяснить положение дел: связь с местами была тогда никудышная, народ, кочевники в основном, разбросан, и чем люди на местах жили и в чем нуждались, мы порой не очень-то отчетливо себе представляли». Позже он с благодарностью вспоминал время, истраченное именно на эту работу: она дала ему возможность увидеть Туркмению такой, какая она есть, и понять, что здесь нужно людям вообще и что — в самую первую очередь. Этот период жизни навсегда привязал молодого инженера к Туркмении. Следующий помог раз и навсегда определить точку приложения сил.

Он становится начальником комплексного отряда по изысканию в Каракумах, затем — начальником республиканской комплексной партии по обводнению и освоению пустынь. Начинал он с поисков воды. На геологических картах, в центре буро-желтых пятен, обозначающих почти непроходимые пески, до сих пор еще можно найти построенные его отрядом колодцы и среди них тот, что назван его именем.

Специалистов хронически не хватало. А комплексные исследования предполагали получение исчерпывающей информации по многочисленным и самым разным вопросам. А еще не хватало снаряжения. И не было ни толковых инструкций, ни наставлений о том, как организовать эту сложную исследовательскую работу. И потому днем Церетели со своими «пустынниками» занимался «добычей» необходимого, а по ночам садился сам и помощников своих усаживал за освоение литературы по смежным дисциплинам: ведь каждый из них должен был выполнять работу за двоих и за троих. И геологи грызли по ночам премудрости геоботаники, а буровики доискивались до сути агрономической науки...

Они и наставления сами для себя творили, исходя при этом из главной, поставленной перед ними задачи, из своих возможностей, желания и энтузиазма. К слову сказать, те наставления и инструкции жили еще долго, и пользовались ими уже следующие поколения «пустынников» не год и не два...

Со своими людьми он обошел пешком, объездил и облетал Туркмению от края до края. Ночевал у костров, разложенных на барханах, и в юртах чабанов-кочевников, пропадал от зноя и жажды и от осенних пронизывающих ветров; его заносило песком, когда приходила пора песчаных бурь, он пил гнилую солончаковую воду и терпел аварии на фанерных ПО-2. Скитания по пескам,

которые очень скоро он уже знал, пожалуй, не хуже, чем углы своей городской квартиры, обострили его восприятие инженера: в те дни, в самом начале тридцатых годов, и родилась у Церетели пока еще смутная, но неотвязная уже идея канала. Со временем, по мере накопления опыта уверенность в том, что канал — единственно верное решение проблемы воды, крепла. Идея начала обрастать инженерными расчетами. Однако дорогу себе пробила не сразу.

В те годы в разговорах о главной каракумской проблеме доминировала идея цепи водохранилищ. Их по задумке должны были питать водой Теджен и Мургаб, реки, капризные и непостоянные. Но он-то отлично знал и Теджен и Мургаб, обследуя их. Знал: водный режим этих рек целиком зависит от того, какой выдастся год, водохранилища будут находиться под постоянной угрозой осушения, если весна даст малый приток воды. Его докладные, в которых он брался спорить с авторитетами, нравились не всем и потому вежливо оставлялись без внимания.

Потом, как известно, был Главный Туркменский канал. Из-за несостоятельности проекта, которая открылась уже в ходе работы, стройку законсервировали. И вспомнили о предложениях настырного каракумца. Результат пересмотра его проектов известен.

Его называют «неожиданным инженером» — идеи, которые он предлагает, всегда оригинальны своим подходом к задаче и неожиданны предлагаемыми решениями. Ветераны канала помнят, какого шуму наделало в свое время его предложение применить гидросмыв при прокладке русла канала. Суть предложения в следующем. По отработанной технологии пионерную траншею, наметку будущего канала, пробивают бульдозеры и скреперы. Потом в траншею подается вода, и уже с воды землесосы доводят габариты русла до предусмотренных проектом. Церетели предложил обойтись бульдозерами вместо скреперов, вдвое сократив их количество, и естественным напором воды — вместо землесосов. Вода, идущая вслед за бульдозерами, пока ей готовится фронт работ, отводится в сторону — для этого на рельефе подбирается поблизости от трассы подходящая природная емкость. В нужный час ей открывается доступ в траншею. Умело управляя напором и силой воды, легко достигнуть конечной цели: она сама вымывает траншею до габаритов готового русла... Перенос грунта механическим путем обходился в пять рублей кубический метр, перенос водой по методу Церетели — в три копейки...

В послужном списке его орден Трудового Красного Знамени, два ордена «Знак Почета», медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», множество Почетных грамот Верховного Совета Туркмении и звание заслуженного строителя ТССР, две золотые медали ВДНХ и золотая медаль лауреата Ленинской премии — он стал им в 1965 году.

Он, наверное, смог бы, если захотел, сделать, как говорится, иную карьеру: Москва не раз настойчиво приглашала его на работу. Он остался в пустыне. Он мог бы теперь жить, пожалуй, спокойнее: подросла грамотная инженерная молодежь. Но, настоящий инженер, он будет мучиться с новыми идеями, наверное, до самого своего последнего дня. Когда мы встретились с ним в тресте, в Мары, он колдовал над очередной идеей, суть которой выглядит примерно так. Копет-Дагское водохранилище, набрав полную емкость, достигнет глубины 13 метров при значи-

тельной площади водной поверхности — только в длину оно вытянется на полтора десятка километров. Легко представить, какие волны разгуляются здесь в ветреные дни: они могут опрокинуть ограждающие водохранилище земляные дамбы. Для гашения энергии волн на подступах к дамбам возводятся пологие песчаные откосы: взбегая по ним, волны будут терять свою разрушительную прибойную силу. Под откосы придется «перелопатить» бульдозерами уймищу кубометров грунта. Это стоит огромных денег. Церетели предлагает откосы укоротить, отказавшись от огромных объемов земляных работ, укороченные откосы закрепить железобетонным шпунтом и каменной подсыпкой — этого добра под руками много. Экономия, по самым грубым подсчетам, составит что-то около четверти того, что заложено в смету строительства.

— Только знаете что, дорогой мой? Когда писать будете, имейте в виду: это все еще нужно как следует просчитать, — предупреждает он.

Он вообще щедр на идеи. На канале то и дело приходилось слышать в разговоре инженеров: «Церетели советовал», «Константин Евгеньевич рекомендует», «Дядя Костя предложил так»...

Его называют — кто по-доброму, кто пожимая плечами — чудаком. Никогда не ездит в положенной ему по штату машине, предпочитая в любую погоду ходить через весь город пешком, в свои шестьдесят три года отчаянно курит, но подозрительно относится к пьющим и даже-де у дочери в Ашхабаде, выбравшись ненадолго в гости, или когда приходится бывать в городе по делам, выдерживает не больше трех дней...

Да, это и в самом деле почти так: на три дня его хватает. А потом он начинает скучать и ходить из угла в угол, и уже не берется за любимые шахматы — и вот уж украдкой поглядывает поверх городских крыш на подернутый дымкой горизонт. И в конце концов возвращается к себе в Мары, в более чем по-спартански обставленный трестовский Дом приезжих, где у него комната, забитая книгами, и солдатская узкая койка, и где рядом — пустыня, которой он отдал лучшие годы, и самые светлые помыслы, и самые сокровенные надежды... И не понимают этого только те, кто не слышал никогда зова пустыни, или открытого моря, или просто зова дальней дороги...

Седоголовый, приземистый, темнолицый, в солдатской зеленой рубашке и в рыжей, пообтершейся в песках кирзе, стоял он на дамбе, на резком горячем ветру, гнавшем по барханам желтую пыль, смотрел, как впереди и внизу, в уже достаточно четко обозначенном котловане водохранилища, бьются с песком его бульдозеры и скреперы, и в сощуренных, пустынным солнцем высветленных глазах его было выражение того особого спокойствия, какое бывает от продиктованной опытом уверенности в себе, да еще когда человек на своем веку столько всякого повидал, что его уже и не удивишь ничем. Александр Иваныч Антипов, дядя Саша, которого тут, на канале, знает, должно быть, каждый второй.

За сорок лет трудового стажа через его руки прошло все, что может ездить и вообще двигаться, — от «фордзона», на котором шестнадцатилетним мальчишкой он начинал работать трактористом

в совхозе, до самых последних марок машин, которыми он теперь, начальник участка, командует. Он одинаково уверенно чувствует себя в любой кабине — бульдозерист, экскаваторщик, крановщик, скреперист, шофер, земснарядчик в одном лице, механик высшей квалификации. На любом участке можно найти механизаторов — его учеников и воспитанников, оттого больше знают его тут как дядю Сашу, а Александр Иваныч — это для бухгалтерии и для начальства...

Первой его стройкой был Волго-Донской канал. Там он работал водителем на первых отечественных тяжелых машинах — на минских дизелях. О нем много писали тогда. Работать по антиповским графикам учили на Волго-Доне шоферскую молодежь.

— Этот самый Волго-Дон, по сути, меня в строители и сманил. Поехал-то я вначале так, посмотреть: что там да как, не понравится — вернусь... Приехали. Голое место, степь, пыль да бурьян. Ушли — вон какая махина после нас осталась. Там я и понял: не будет мне больше спокойной жизни, кочевник я по натуре, и судьба мне по стройкам скитаться...

Шофером приехал он двадцать лет назад в Каракумы.

Это был народ как бы особого сплава — первое поколение рисковых, бесстрашных до дерзости каракумских шоферов. Может, просто совпало, что подобрались они один к одному, — теперь не дознаться. Но все же, думается, дело было в другом. Тогда, в самом начале, когда не было ни людей на сотни километров, ни дорог вокруг, ни устойчивой связи, когда еще и не слыхали о нынче привычных всем вертолетах, стройка держалась только на них, на шоферах. Они были единственным живым мостом между первыми штурмовавшими пустыню отрядами и Большой землей. Об их рейдах через пески ходили легенды, их знали в лицо, водить с ними дружбу почиталось за честь. А для них в ту пору каждый очередной рейс мог запросто стать последним: некому было прийти на помощь в еще безлюдных песках. Умирая от жажды, последнюю воду отдавали они радиаторам машин. Они прекрасно понимали особенность своего положения и потому не могли жить иначе.

Легко вспоминает теперь дядя Саша, как неделями, бывало, дневали и ночевали в машинах, потому что было их, шоферов, негусто еще и каждый мог потребоваться в любую минуту; как воду на трассу возили за сотню и за две километров; как топорами рубили хлеб: на солнце он каменел за час до такой твердости, что ничем иным его было не взять; как, мертвым сном засыпая в своих палатках, по утрам часто не могли выбраться наружу, потому что палатки до коньков заносило песком. Легко ему теперь это все вспоминать, потому что позади все, а он выдержал, не отступил; он даже подшучивает теперь сам над собой — ну, сильный может позволить себе маленькую слабость...

— Скажи, дядя Саша, только по-честному, как если бы сыну сказал: вернись сейчас те времена — согласился бы повторить свою тогдашнюю жизнь?

Он серьезнеет, он смотрит мимо меня на желтые пески; он достает «беломорину» и закуривает не спеша, и смотрит, как рвет ветер в клочья сизый табачный дым, и кивает.

— Повторил бы. Мы ведь тогда не просто вкалывали да существовали. Мы ж и л и на всю катушку и понимали: если не мы, то кто же? Из-за одного этого повторил бы...

...Их, старых солдат пустыни, начинавших канал от нуля и прошедших все его восемьсот километров, осталось теперь на трассе немного. Годы не щадили, болезни брали свое... Вот и у него в последнее время все чаще сердце пошаливает, и глаза стали не те — прежде суслика возле норы за два километра видел! — и супруга нет-нет да подступится с разговором: мол, хватит тебе, шатун старый, не мальчишка уже, отдал пескам свое, уедем, есть какая-никакая крыша своя в Подрезкове, да и внучка растет — хочешь, чтобы и она без тебя вытянулась, как дети, не видя тебя, росли? Уедем, отдышаться тебе от песков надо, вот стал бы на рыбалку ходить, любишь ведь это дело до беспамятства, внучку бы нянчил, огород бы завели: за этими песками уж и забывать стала, как что растет... Разговор этот оживляется у них каждый раз перед отпуском. И он послушно укладывает чемоданы, и они едут в свое Подрезково. Там он тетешкает внучку, мокнет, довольный, на рыбалке, и от души забивает с соседом-пенсионером «козла», и словно бы даже оттаивает душой. Но однажды снова укладывает чемодан.

— Как отсюда уедешь? Не просто это. Считай, жизнь тут оставил, друзья верные здесь: кто еще жив, а кто под обелисками по пескам... Мечтали мы когда-то все вместе до Каспия дойти. Они вот не дошли — может, мне за них повезет. Мечта это моя: каспийской водой умыться. А уж тогда хоть отдыхать, хоть помирать — не жалко! Мечта, сынок, — как от нее откажешься? Вот и считай...

Их здесь двенадцать человек, большинство — комсомольцы. Работают по шестеро, через десять дней сменяя друг друга. Автолавка пробивается к ним через пески пока еще с великим трудом. Воду к бригадному стану привозят в цистерне. Надо видеть, как берегут они каждую каплю воды. Это у них в крови с детства.

Их вагончик стоит на взгорке — так больше гарантии, что его не засыплет песком, если поднимется ветер. Да и солнце накаляет вагончик меньше, когда он стоит на перекрестке ветров. В вагончике — койки, солдатские одеяла, тихо воркующий транзистор, несколько книг, два вымпела на стене — «Лучшему экипажу» и вымпел бригады коммунистического труда. За тусклыми от зноя и пыли окнами плывут, как во сне, сизые обрывы Копет-Дага. Нельзя открыть дверь — тотчас через порог со змеиным шелестом заструится песок. Он всюду. Он хрустит на зубах и набивается в волосы, мутная песчаная пыль — на дне пиалы с только что налитым зеленым чаем.

Шестеро молча обедают. Стосильные «Кировцы» стоят в трех шагах от вагончика, как танки на исходной позиции. Траки и ножи бульдозеров отполированы песком до синеватого блеска. Обедают молча. Руки, отяжелевшие за четыре часа борьбы с рычагами, угловато держат ложки и хлеб.

У каждого из них — высший производственный разряд. Каждый из них мог бы найти работу куда полегче, чем эта, в песках. Что их тянет сюда? Я спросил об этом их бригадира, Курбана Байрамгельды, человека невероятной физической силы и столь же огромной доверчивости и доброты. Он экономил слова, как глотки питьевой воды:

— Вода. Мы здесь закончим работу, уйдем и не увидим ее. Но мы хотим, чтобы она здесь была.

Курбан — всеми уважаемый на канале бригадир, мастер своего дела, Герой Социалистического Труда. Со своим бульдозером он прошел в головных отрядах 400 километров трассы.

Зеленый чай обжигает горло, и становится легче дышать.

Так же молча и быстро, как обедали, они выкуривают по сигарете. Они экономят время. К январю первая очередь водохранилища должна вступить в строй. Таков приказ. И таково их собственное желание — желание людей, с детства знающих, что такое настоящая жажда.

Где-то выше нас по пескам другие бригады отсыпают дамбу. Бригада Курбана готовит откосы. Они должны идти, ни на градус не отклоняясь от запроектированного угла падения, теряя ровно метр высоты на каждых двадцати пяти метрах своей протяженности. Это ювелирная работа.

Шестеро надевают на ходу рукавицы, и я вспоминаю антиповское «Здесь иной раз в середине лета как на Колыме живем, только что температура с обратным знаком. А кожу с ладоней можно по неопытности оставить на рычагах точно, как там».

Бригадирский бульдозер идет первым, идет легко и мощно; разворачиваясь, прицеливается, опускает нож. Двигателю даются полные обороты.

Первые метры откоса даются играючи. Но вот заметно замедляется движение, двигатель начинает петь на высоких тревожных нотах. Песчаный бархан перед грудью «Кировца» пучится и растет. Хрипит под гусеницами песок. Машине трудно, и я вижу, как ее усталость передается Курбану. Смуглое лицо его заметно бледнеет, и скулы становятся твердыми, как вырезанные из камня.

Медленно, медленно, медленно бульдозер идет вверх по склону, медленно уступает силе тяжелый, с глинистыми примесями песок. В духоте кабины, лязге и грохоте теряется ощущение времени. Порыв ветра швыряет через щит в лицо, обжигая, колючую пыль.

Достигнув вершины подъема, бульдозер вздыхает облегченно, как человек. И Курбан украдкой смахивает тяжелой ладонью серые капли пота со лба. Путь вниз — это короткий отдых. И снова вперед.

Они не увидят воду, для которой готовят ложе, — вода придет после них. Они двинутся дальше на запад, туда, где уже пробивают пионерную траншею четвертой очереди канала. Они не увидят воды, но вряд ли отступят. Я вижу, как упрямо сводит Курбан к переносью широкие добрые брови. Я вижу, как сомкнутым строем, развернувшись, снова идут на таран бульдозеры, яростные, как тридцатьчетверки.

Губы сводит от зноя. Нестерпимо хочется пить.

— Не пей, пережди, может быть худо, — качает Курбан головой.

Черт с ним, с этим «худо». Если я не хлебну сейчас хотя бы глотка, я не смогу больше сделать ни вдоха. Такая жара.

— Это еще не жарко, — серьезно говорит Курбан. — Тридцать семь в тени — это еще только тепло...

Виктор ЧАЛМАЕВ

ДАЙ РУКУ УТРЕННЕЙ ЗАРЕ

Пути и судьбы героев Владимира Чивилихина

Вероятно, самая очевидная разница между «словом из словаря», словом-понятием, и словом, насыщенным сердечной памятью художника, — это особый жизненно-эмоциональный «вес» слова. Слово из словаря как бы лишено угловатости, шероховатых поверхностей, на нем нет чекана человеческой индивидуальности. Но как опасна для искусства словесная невесомость, бесплотность, стертость граней — такое слово приблизительно, условно отражает мир, становится холодной фразеологией...

Когда же в одной из повестей Вл. Чивилихина в описании лесного пожара, втягивающего воздух подобно аэродинамической трубе, читаем: «Пожар, видать, уже перебивал ветру дорогу, вкручивал его в себя и целиком сжирал», — то тут нельзя выломать ни единого слова, не обедняя общего ощущения размера беды, и ожесточенной ярости спасителей леса, вставших на пути огненной стихии. Здесь слово обладает не только весом, но и особым эмоциональным полем.

Много дорог должен пройти настоящий художник, много случайных и неглубоких эмоций должен он отбросить, чтобы слово его обрело вес, стало «духовным телом» явлений и предметов. Поверхностная эмоциональность, внешняя приподнятость всегда подталкивают к витийству на основе старых клише, и подобное витийство становится не просто назойливой рекламой несуществующих тайн, но и очевидной фальшью.

Подлинный художник не только находит новые слова в океане языка народного, слова с живой корневой системой, но и постоянно как бы возвращает знакомые, известные слова в почву, в стихию непосредственной жизни, пробуждает в них силу всхожести, способность к «сцеплению» с делами, помыслами современников. И тогда мы видим, как писал Б. Асафьев о мелодиях П. И. Чайковского, в произведении

«не некую словесную абстракцию, а как в тоне, в звучании рождающееся существо человека...».

Вес слова, его крепость, узловатость, способность стать краеугольным камнем в произведении всегда были чрезвычайно важны для Владимира Чивилихина. Помню, как еще в студенческие годы, обрабатывая в «Гудке» рассказ машиниста паровоза о зимнем рейсе, он радовался словечку «закуржавели» (о рельсах, обметанных инеем). Словечко это не просто блестело в тексте, оно было весомо, возвышало само очерковое описание, рождало атмосферу для взлета. И если герой повести «Над уровнем моря» вертолетчик Виталий Курочкин, ощущающий всю трудность взлета из горной котловины со слабой воздушной подушкой, жаждет ветерка: «чуть-чуть бы поддержало, мизинчиком», то сам писатель все время ищет другого «мизинчика» — подлинности, естественности слова. Ни динамичный сюжет, ни легковесный «лиризм», ни неожиданные сочетания «слов из словаря» не могут обеспечить подлинного взлета. «Как чудесен русский язык! — точно чернозем, каждое зерно возвращает сторицей и благодарен за малейший труд... Где действие в «Ревизоре» или «Горе от ума»? — один язык»... — эта полемическая мысль Л. Андреева во многом близка Владимиру Чивилихину. От предыстории каждого его образа до биографии слова в сибирских повестях «Серебряные рельсы» (1961), «Про Клаву Иванову» (1963), «Елки-моталки» (1964), «Над уровнем моря» (1967), «Пестрый камень» (1969) — тысячи километров пути, пройденного и по таежным тропам Алтая, Саян вместе с лесоустроителями, и по рекам Сибири, десятки часов полетов с лесными пожарниками над тайгой, многие месяцы жизни, проведенные на ледниках среди лавинщиков, и среди лесоводов Кедрограда, среди доброго люда, собирающегося порой у таежных костров.

В самой судьбе художника (родился он в 1926 году в Чернигове) было много такого, что помогло сразу же изжить и приблизительность псевдоромантических «туристских» восторгов, и жажду торопливых восторженных «отписок». Вл. Чивилихин пережил в ранней юности и горечь эвакуации, в трудные военные и послевоенные годы работал в железнодорожном депо в Сибири. Пережил он и сиротство, и недетское по напряжению чувство самостоятельности, ответственности за всю семью, за каждый шаг в жизни. И ныне этот общий жизненный опыт сразу же связывает писателя с его героями. «Хоть меня Гоша ни о чем и не спросил, я сказал ему, что детство и юность тоже провел в тайге. Родной мой городишко так и называется — Тайга. Рассказал, как мы с матерью собирали по весне колбу и саранку, как летом я ставил кулемы на кротов, а зимой — петли на зайцев, как я заработал странную для такого раннего возраста форму ревматизма», — говорит писатель о каком-то начальном этапе «собирания материала» (а вернее, об установлении духовной и нравственной своей родословной в очерках «Месяц в Кедрограде»).

Весомость слова не имеет ничего общего с нарочитой «самовитостью», корявостью, с обилием диалектизмов, самоцельной игрой с окаменелостями. Сибирь — «самый большой лес планеты» — обжита художником столь основательно, что порой приходится только изумляться сдержанности, трудному движению его пера.

«Через полчаса они уже летели над тайгой, по-весеннему оде-

той первородной зеленью. Родион соскучился по высоте, по земле, большой и нетесной, отуманенной далеким горизонтом. Неясная граница тверди с небом была подвижной. Земля вздымалась, росла немыслимой громадой, когда самолет заваливал на крыло, а крен в другую сторону убирал ее совсем, топил в пустоте. Было приятно, когда зыбило самолет и он припадал вниз — сердце будто приостанавливалось, мерло, напоминая Родиону, что он наконец летит».

Лаконизм, неприятие сиропного романтического восхищения ощущаются в строках писателя. Но как одушевлено каждое слово, как подлинно каждое ощущение!

Временами, словно не найдя столь же достоверного подлинно художественного образа, писатель обращается к дневнику, к документу, даже технической инструкции, заставляя это нелитературное слово передавать все ту же остроту радости, неистощимое величие природы и труда на стыке тверди и неба, природы и человеческого разума, воли. «Что ты знаешь, например, о снеге? — пишет Валерий Белугин с лавинной станции. — Я вот всю жизнь бездумно наблюдал, как он падает или тает, катая из него снеговиков... А снежинки, оказывается, бесконечно разнообразны по форме — столбики, звездочки, пластинки, крупа, иглы, зерна, градины, пространственные древовидные кристаллы наподобие той ледяной веточки, о которой я писал тебе с Каинды. Для нашей службы очень важно знать, как ведет себя тот или иной снег: пушистый, игольчатый, метелевый, осевший, фирновый. Вот, например, есть такой вид старого снега — «глубинный иней», состоящий из прозрачных ледяных кристаллов, ажурных пластинок, призмочек и пирамид. Этот снег-плывун очень неприятен для нас...»

Чивилихин не просто заставляет задуматься: не живем ли в бездумном равнодушии к множеству явлений, среди «вообще» снега и леса, «вообще» рек и полей? Не слишком ли «вообще» любим мы саму природу? Не вытряхиваем ли мы «из рукава» те или иные рецепты ее покорения, исправления, не умея осознать цельной жизни природы? Острота зрения Вл. Чивилихина, страстность любви его героев к тайге, Байкалу, кедру рождается в итоге сложнейших патриотических и гуманистических раздумий художника. Открытие мира для художника и его героев — это прежде всего открытие героических возможностей, простора для творческих свершений человека в мире. И в многообразном и сложном мире героев Владимира Чивилихина, прозаика и публициста, есть одна непростая, совсем нелегкая жизненная тропа. Она то сливается с главной сибирской магистралью, то совсем теряется в непролазных кедровниках, алтайских гольцах... Она пролегает и через рубежи современной публицистики — писатель постоянно выступает страстным защитником и «светлого ока Сибири» Байкала, и земли, попадающей в беду. Владимир Чивилихин — певец героического, подвижнического самосознания современника. «Над уровнем моря» — над уровнем обыденности живут и сражаются герои В. Чивилихина. Художническая мысль его постоянно возвращается к характерам цельным, к людям «прямого действия», открывая и в них и в путях, которые они выбирают, крупицы драгоценных оптимистических жизнеощущений. Само их движение — через пространство и время — рождает

массу проблем, актуальных не только для них, изменяет жизненные пути других людей.

«Любит ли она тебя?» — этот суровый вопрос художника к философствующему созерцателю, потребителю красоты природы, звучит в его творчестве постоянно. И жить и любить надо так, чтобы и то дело, которое выпало тебе, и все, к чему прикасается твоя рука, твоя мысль, не увядали, чтобы за горизонты прожитого уходили серебряные рельсы грядущих трасс, зеленое бескрайнее море тайги, чистые голубые ленты рек. Только тогда жизнь не прожита впустую, а чудесная энергия, пламя жизни молодой души не были истрачены бесплодно.

I. Коллектив или «группообразование»?

История знает массу несостоявшихся судеб. Но она знает, как велика в каждом молодом поколении жажда «состояться». Молодость — это средоточие самых интимных и одновременно глубоко социальных надежд и ожиданий. Характер ее идеалов и запросов, степень и форма их удовлетворения — это всегда показатель гуманизма и прогрессивности всего общества.

Владимир Чивилихин уже в начале творческого пути, в годы работы в «Комсомольской правде», остро почувствовал гуманистический, интернациональный смысл своей работы исследователя социальных и нравственных судеб молодого поколения рабочего класса. Писатель, как мы отмечали, и сам долгое время в военные и послевоенные годы работал в железнодорожном депо, его духовное становление совпало со становлением целого послевоенного поколения. Идиллий в судьбе этого поколения не было, а лишений, суровых впечатлений — с избытком. Но правомерно ли было останавливаться только на горестном, печальном? Могут ли выветриться из памяти душевные движения, рождавшиеся на глазах у будущего писателя, в людях из депо, в машинистах, слесарях, котельщиках? Герой-повествователь Петр Жегалин в повести «Про Клаву Иванову» вспоминает, как одно из чудесных открытий своей юности, первую встречу со старым рабочим, «деповским патриархом» Глухарем, встречу, напоминающую передачу эстафеты лучших рабочих традиций. Петр Жегалин, подросток, пошедший в военный год в депо, и Глухарь с его напарником Ромкой встретились у буксы с загустевшим мазутом, которую этот малолетний рабочий, обалдевший от грохота и крика, тер скребком.

«— Работает! — удивленно-радостно протянул Глухарь.

А я не мог тогда, если смотрели, как я работаю. Скребок у меня залипал, я бросил бы эту чертову буксу, если б мой слесарь Пашка Козлов не сказал, что ее надо срочно подавать на сварку.

— Верно, — задумчиво произнес Роман. — И таких уже начали брать.

Глухарь — потом я узнал, что его уже тогда звали только так, «Глухарем», — промолчал, однако мне почудилось, будто они про-

должают меж собой разговаривать. Я наклонил голову над буксой и скреб ее, проклятую... Спиной к ним было неудобно, и я **поневоле видел, как Роман старательно обдувает золу с большой картофелины и она сияет желтыми подпалинами.**

— Да брось ты эту чертову буксу! — вдруг с досадой сказал Глухарь. — Слышь! Ешь давай картошку...»

Немало сказано этой простой, почти хрестоматийной сценой и о жизни тыла, и о глубине и величии душевных движений кадрового рабочего, коммуниста ленинского призыва. Этот осыпанный сажей, черный, с капельками пота на лбу, «совсем такими, как когда разобьешь градусник», котельщик предстает во всей труженической красоте. И мысль о пределах напряжения, о «страде», в которую втянута страна, ведущая титанический поединок с фашизмом, и воспоминание Глухаря о своем сыне, и отцовская забота о подростке, позволяющая чутко заметить и перехватить невольный взгляд на картофелину с желтыми подпалинами — все сумел уловить Вл. Чивилихин в духовном мире героя. Эти ранние впечатления — а ведь стоит чуть пристальнее вглядеться в подростка у буксы, как легко узнаешь и самого писателя в детстве — один из важнейших элементов чивилихинского осознания рабочего человека, его классовой роли.

Работа в газетах «Гудок», «Комсомольская правда», теснейшая связь Вл. Чивилихина, очеркиста и прозаика, с молодыми энтузиастами Кедрограда и строителями линии Абакан — Тайшет ввели писателя в круг интимнейших, самых существенных процессов духовного становления и развития рабочей молодежи. В отличие от отдельных писателей, охотно живописующих всякого рода случайные скопления сезонных рабочих, героев с условно обозначенной профессией, Вл. Чивилихин неизменно обращается к устойчивым рабочим коллективам, хотя бы и небольшим. Казалось бы, велико ли различие? Но ведь во всех случайных скоплениях рабочих, в среде «бичей» или сезонников — совсем иная мораль. Это часто не коллектив еще, а скорее то, что принято определять как «группообразование», то есть скопление лиц, в котором не сложились ни общественное мнение, ни коллективная мораль.

Владимир Чивилихин в своих произведениях имеет дело с иными героями, с душевной энергией, направленной не «во вне», а к установлению наиболее тесных взаимосвязей с другими людьми, с той землей, на которой герои живут, с отечественной историей. Молодые рабочие Владимира Чивилихина — это не узкие «производственники», а люди высокой гражданской ответственности, патриоты и гуманисты. Их счастье — итог многих усилий, но особую роль играет именно коллективистское мировоззрение:

Так много, много счастья
Все оттого, что связан я с людьми,
С природой, с миром напряженной связью.
(В. Луговской)

Сибирь...

«Большая дорога», «путь сибирский дальний» — эти традиционные мотивы русской прозы звучат уже на первых страницах повести «Про Клаву Иванову», звучат по-новому, просветлен-

но и радостно. Писатель так «обжил» Сибирь, что на ее тысячекилометровых пространствах ощущает себя поистине как дома. Урал, Обь, Васюганские болота, станция с чудным названием Яя, — обо всем писатель говорит, словно «скрадывая» расстояния, заставляя и читателя невольно «перелететь» мыслью от одной дали к другой.

«А вот уже когда поезд перегрохочет мост через Обь, тут изготовься — подъезжаешь. Вокруг пока все то же самое: далекий и ровный, как на море, горизонт да светлые березнячки, но вдруг стемнеет будто и в окно ударит скипидарный хвойный дух, побегут назад пихты, ели, и впервые в жизни ты увидишь кедры. Осеняя подлесок, они стоят темные, грустные, полные величия и покоя», — пишет автор, с мягким «деспотизмом» увлекая читателя, заставляя и его разделять свои пристрастия.

А любит он на этой станции поистине все — нет здесь неодухотворенных вещей, не участвующих в жизни человека, не вошедших, хотя бы частично, в невидимый мир души. Гудок деповский — «кормилец»... Он и сам по себе частица целого «оркестра» — тут и магистральные баритоны, и пассажирские тенора, и писклявые подголоски маневровых. Собственно, это не фон, не природно-производственное обрамление сюжета (история соблазненной и брошенной девушки с ребенком), а целая система близких и дальних взаимосвязей человека, взаимосвязей весьма существенных. На образы депо, поселка все время накладывается и образ природы, того же кедра.

Писатель знает о нем решительно все. И то, что им «тайга жива», и что он центр того биологического круга, которым захвачена и вся таежная живность, и почва, и сам растительный мир... Всю ее живит, всему дает опору, ориентир. И образ этот, как потом окажется, зазвучит в особом плане, в чем-то дополнит и образ Глухаря. Петр Жегалин, герой повести, даже в дни отпуска иной раз не уезжает никуда, а в тайгу уходит, к кедрам.

Эта постоянная душевная «укорененность» чивилихинских героев в мире сибирской природы среди таких людей, как Глухарь, для которого цех «каждой гайкою родной» (Б. Ручьев), — одна из замечательных граней таланта писателя. Создается возможность для преодоления узости и чисто «производственного» романа и, условно говоря, «деревенской» или «таежно-охотничьей» повести. Писатель не только использует эту счастливейшую возможность, но добивается естественности, органичности, сюжетной завершенности этого синтеза.

Молодость, озорная и доверчивая, стремительная и порой дурашливая, ломающая «колею» традиционных привычек, норм и углубляющая ее, — живет на страницах повести. Деревенская девчонка-сирота, синеглазая Клава, ждущая ребенка, и мимолетный, беспутный ухажер ее Петька Спирин, «шастающий» по белу свету, куражный парень, требующий от бригадира: «Ты дай мне хрустов поболе заработать, понял?..» Писатель ни в чем не упрощает сумбурность, пестроту и сложность житейских драм, не сглаживает «угловатых» сибирских натур своих молодых героев, то упрямых, норовистых, то мечтательно-домовитых, как Жегалин... А сколько окрыленной, уверенной силы в инженере Жередее, перестраивающем старое, прокопченное депо в современный цех!.. В этом коллективе способны крепко всыпать разгулявшемуся Петьке Спирину, «захватившему» паровоз...

И напоследок еще выдать ему устыжающую характеристику: «Характеристика на Спирина Петра Илларионовича. Пьяница и прогульщик, однако, если захочет, работает как лошадь, а сильно захочет, то и человеком станет...»

Таких подробностей, «микроситуаций», блесток юмора немало в повестях В. Чивилихина; в них — отражение живописности самих характеров.

Живописность характеров, выражающих духовную атмосферу обновления депо, социальный смысл жизни и труда рабочего класса приводят к неожиданным поворотам сюжета. Чем, собственно, Клава доводит до отчаяния и Тамарку, и весь рабочий люд? Она, опекаемая коллективом, сама плоть от плоти его, вдруг решилась на дурашливый... вызов ему! Стоило появиться на ее горизонте новому человеку, солдату из местной части, как опять вспыхивает какое-то озорное желание (а может быть, и глубокая мечта!) заставить и этого повздыхать, покружиться вокруг нее... И вот она дважды по мелочам... портит станок, чтобы опять вызвали этого солдата для наладки... Дальше — больше! Когда все были удивлены этой «легкости» девчонки, невольно оскорбились за Клаву, тогда она решила еще горше... насолить коллективу: как нарочито «распущенно», на глазах у Петра Жегалина, Глухаря, ведет она себя с солдатом в вокзальном ресторане: «Она смеялась так громко, что люди оглядывались, тянулась к солдату и гладила его рукав. Даже попросила на соседнем столике папиросу и закашлялась от нее сильно, потряхивая короткой прической...» Сколько в этой показной «свободе нравов» ломкости, напряжения! Трудно рождается в молодой героине вера, чувство своего места в жизни, взаимосвязь с коллективом! Как много опрометчивого, нелепо усложняющего судьбу творится именно на таких переходах от юношества к зрелости.

И Глухарь, давний наставник деповского «подлеска», мудро понял, что к этой ломкой, резкой в порывах, гордой девушке нужен особый подход. Она беззащитна не перед грубым окриком, нажимом (тут и она за словом в карман не полезет!), а перед другим — доверием, нежностью, теплотой... И в разгар толков о Клавке — «гулене», «шалашовке» («еще одного недоносика нам нагуляет!») — Глухарь находит единственно правильный путь удержать Клавку от изнуряющей ее игры в «вызов», от усталости души, от пустой траты сил на нелепое «курение» и одновременно развеять коллективное отчуждение от нее, страсть к злословию: «Клавдея! — голос старика был глухой и несильный, но и шепот был бы слышен сейчас. — Ты прости нас, Клавдея. Мы к тебе с добром. Вот что, знай — у тебя тут врагов нету. Ни одного. И тебе с нами всю жизнь рядом. Мы зачем это? Чтоб человек ты была. Вот какое дело, Клавдея...»

И свершилось все это объяснение, сделавшее нелепыми и «гонор» гордой чалдонки, и болтовню о ней, просто и ясно. Вл. Чивилихин с редкой чуткостью и тактом раскрывает живое бытие великих понятий коллективизма, взаимной ответственности в пестрых по составу, сотрясаемых нередко острыми моральными конфликтами коллективах. В дальнейшем в повестях «Елки-моталки» и «Над уровнем моря», «Пестрый камень» понятия о чести, о роли труда, о чувстве Родины будут проверяться в еще более драматичных ситуациях: в рабочие коллективы лесных

пожарников или лесоводов будут вклиниваться носители иной морали, «туники» (тунеядцы) или бездушные потребители красоты, глухие к природе туристы. Но смысл спора останется тем же: сберечь улыбку, чистоту, оптимизм от заемного цинизма, от индивидуалистических «вирусов». Сберечь, опираясь на рабочие, трудовые понятия о дружбе, чести, добре.

Именно эти понятия определяют и характер, остроту споров. И герои Вл. Чивилихина при всей их молодости исповедуют свою веру прямо, без подмены доброты — вежливостью, смелости — молчанием, без уклончивой эластичности. «Мне очень нравятся люди с порывами, люди смелые. Пусть порой ошибающиеся, но искренние, без фальши, без позы. Знаете, сейчас иногда встречается какая-то странная разновидность дружбы, весьма приземленная, с ложным пониманием доброты, с мнимой душевной щедростью. Мол, друг тот, кто тебя устроит на «тепленькое местечко», кто тебе, равнодушному к жизни и к своей работе, со стороны расскажет, «как достичь успеха», разжует и положит в рот некие «правила обретения мастерства». И я не уважаю людей «милых для всех», они меня настораживают», — говорила в одной из бесед замечательная советская артистка Галина Уланова.

Дружить, а не «контачить», развивать и усложнять науку человеческих взаимоотношений, а не упрощать ее до деляческого обмена услугами — к этому стремятся и любимые герои писателя, как к редкому счастью.

Повесть «Про Клаву Иванову» преодолевает извечную беду произведений о рабочем классе — перегруженность техницизмами, описаниями производственных процессов. Отказаться от них, этих деталей, нельзя, иначе мир станет бесплотным, душевные движения героев эфемерными. Но надо вещи, предметы, цвета и звуки — все видимое, громоздкое переводить в душевный опыт человека, в частицу его внутреннего мира. Вещи должны быть одухотворенными соучастниками жизни, видимое (станок, маневровые составы, «горка») должно быть частью незримого мира нравственных отношений героев. «Приходя по утрам в депо, Клава глубоко вдыхала его неистребимые запахи. Она даже научилась угадывать, что произойдет в цехе через пять минут — протопочет ли мимо распаренный мастер, шепча нехорошие слова, пробежит ли долговязый, смешной, вконец исхудавший за лето инженер или у карусельных станков подымется гам» — множество таких незримых «линий» от человека к миру, от человека к человеку и создает особое «духовное поле», цельность рабочего коллектива, которая способна выдержать множество испытаний. Никакое «группообразование» не имеет такого духовного поля, оно пустынно в нравственном смысле.

2. Зеленое море тайги

Белинский в свое время писал о главном отличии чистых фактов, даже документальной прозы («истинных происшествий») от настоящей прозы: художественные «произведения тем и выше

так называемых «истинных происшествий», что поэт освещает пламенником своей фантазии все сердечные изгибы своих героев, все тайные причины их действий».

Пламенник фантазии... В повести «Елки-моталки» мы сразу ощущаем его своеобразный свет, позволяющий увидеть резко, отчетливо фигуры всех молодых героев — Родиона Гуляева; Саньку Бирюзова, его беззаветного друга; ветерана лесного дела Гуцких, Пину Чередовую, дочь лесника; наконец «туников» Евксентьевского, Баптиста, отданных на перевоспитание этой бригаде лесных пожарников. Писатель создает сразу два встречных потока: мы видим труд, опасный, увлекательный, героев повести, и прежде всего Гуляева, весь возвышенный строй его души, исключающий мелочную мстительность, и ход следствия... Не кто иной, как Гуляев, обвиняется в убийстве Евксентьевского. Это не случайный «сюрприз формы», удача сюжетной «пиротехники», как в детективах, а своеобразное искусство «сопряжения» разнообразных идейно-нравственных проблем. Да, действие повести — полеты в очаги пожаров, прыжки с парашютом (во время одного из них Родион попал в болото, «бучило», и был спасен Пиной), взрывы, создающие защитную полосу, — перемежаются с протоколами следствия по делу Гуляева, молодой следователь допрашивает и Гуцких, и Пину, и Саньку... Они тоже как характеры выигрывают от этого двойного освещения. Это напряжение, дополнительное, мастерски введенное, не основное, конечно, по сравнению с тем напряжением, которое создается прежде всего жадной, неистовой, глубочайшей любовью Родиона к своему труду, к лесам, к Сибири, к Родине. Но и оно весьма существенно помогает раскрыть всю красоту другого напряжения, драматизма — волнующий драматизм труда, счастье жизнеутверждения.

...Последний кивок «летнабу», бывшему фронтовику Платонычу, и вот уже Родион в воздухе. «Он шел к земле, как ястреб, — головой. Глаза его были широко раскрыты, локти прижаты. Родион знал, что через несколько секунд начнет переворачиваться на спину, если не раскинет руки или не вырвет кольцо, но эти мгновенья он хотел взять полной мерой. Сияло высокое негреющее солнце, пел воздух, медленно, смещаясь, плыла внизу осенняя желто-зеленая тайга, чернело пожарище между рекой и болотом. Он не падал — летел, легко и сладостно, как в сновидении» — это ощущение труда как полета души, состояния окрыленности, простора основное в героях. Все может быть в их судьбе, вплоть до самого трагического. И приземление в болоте («бучиле») или на крепкие сучья кедров, сосен, и палящий зной стены огня, подходящего к полосе, и блуждания по тайге.

С реальным героем, одним из «основоположников» Кедрограда, Виталием Парфеновым, прошедшим по глубоким сырым снегам, по бешеным весенним речкам свыше двухсот километров, было и такое: «...чулком, вместе с сапогами, снялась кожа, деформировались вены». Что ж скрывать — тайга, лесной пожар, камнепад шутить не любят.

Но среди этих будней, повседневных опасностей живет в герое — не эпизодически даже, как в секунды полета, — счастливейшее ощущение единства с миром, с собратьями по труду, с Пиной, которую знаешь «как будто всю жизнь»... Чивилихинский Родион воплощает в себе глубоко осознанный оптимизм, жизне-

любие созидателя, но сколько в нем и стихийной удали, светлой увлеченности самим процессом труда! Разум и инстинкт, осознание своего места в жизни и непосредственность — все есть в этом парне, и к числу лучших страниц повести относятся как раз те эпизоды, где герой самозабвенно, увлеченно трудится. В такие минуты он совершенно неприступен, как леоновский Вихров для Грацианского, для всякого рода нытиков, скептиков. Когда Родион налаживает топор, «звонарик», когда он рубит мелколесье вокруг зоны пожара, то он совершенно неуязвим для стихии мелочной суеты, иронии, он слитен с миром, в котором нет места мелкой страсти. Радость труда поглощает его целиком, давая и тихое удовольствие, и состояние, когда он «ровно захмелел». Прекрасна и его работа, и его любование глухаркой-матерью, доверчиво ищущей защиты у Родиона, ухитряющейся спасать птенцов даже под огнем.

Чем удивила его эта глухарка-копалуха? Особым птичьим хитроумием и самопожертвованием, столь понятным ему: «Ее смородинник от верхнего огня оборонил, а когда уж низом взялось, я вспомнил, — и туда. Гляжу — картина! — Родион оживился, даже Саньку потревожил. — Она выскочила из гнезда и крыльями, крыльями огонь-то! Вроде пожарника. Опалилась вся. И глаз горит».

В самой заботе о лесе есть у Родиона особая нежность, он видит, что сгорает лес никем не исхоженный: на стволах нет затесок, нижние сучья елей не обломаны, а рогатинами упираются в землю... Его умиляет и особая стойкость леса перед ураганом, ветром («пружинит каждый листочек и каждая веточка, ветер быстро слабеет, и мягкая его сила уже не страшна»), и тревожит, вызывает особую ответственность его беззащитность: «Только против огня лес не стоит, гибнет до последней былинки, и тут у него одна надежда — человек».

Пессимизм, философия отчуждения разрушают взаимосвязи людей на идеальной основе, «разъедают» понятия о дружбе, любви, мешают проникнуться счастьем жизни, ощущением чудесности каждого мига.

В повести «Пестрый камень» всего на мгновение в письме мастера мелькает образ деревенской девчонки, но какой упрямой силой, чистотой и красотой чувства поражает она: «...А Тоня совсем никуда не ходит, говорит, я мальчика своего проводила, и никто мне не нужен. Я сказала ей, Тонечка, ходи, играй, танцуй, а она говорит: «Тетя Маша, я Володю проводила, и никого мне не надо, мне стыдно, что они брешут». Я сказала, много воды пронесет, время ускачет, а она заплакала». Прекрасны в путях и судьбах героев Вл. Чивилихина такие поиски и ожидания истинной нежности!

Герой Вл. Чивилихина не может быть сухим практиком, лишенным поэтического вдохновения. Писатель создает прообраз человека будущего, в котором профессиональное уменье и душевное состояние творца нерасторжимы. Не человек, слившийся с производственной функцией, будет олицетворением научно-технической революции, а личность разносторонне яркая, обладающая богатым духовным содержанием. Оттого-то сам нравственный организм бригады, куда «вклинили» для перевоспитания случайных тунеядцев с высокомерным, «элитарным» сознанием, быстро осаживает их. Евксентьевскому не к кому «прицепиться»

здесь: и Пина оказывается не «клевой» девицей, и Санька иронизирует. Может ли Санька верить ему, если...

«— Плохо копается. — Евксентьевский торопливо сглотнул. — Корни.

— Сколько ямок сделал?

— Три.

— Три?! А хочешь стать полнокровным гражданином! Знаешь, сколько надо?

— Нет.

— Пятьдесят...»

Это оценка нравственной пустоты тунеядца. Безуспешны, бессильны тут всякие попытки кого-то учить, кем-то духовно управлять: три ямки — это оценка Саньки, «глушащая» всякий авторитет бездельных речений... Санька нутром чует, что у «туника» зреет мечта о бегстве, что это «человек-времянка».

Нет мудрости без силы и мужества. Гуляев потому и мудр, и красив, что он велик в труде, самоотвержен, его увлеченность делом — всегдашний «труд души», напряженная эмоциональная жизнь. Простейшее дело — герои обходят лес, который будет «за чертой», будет отдан огню... Но поразительны проникновенность, захватывающий лиризм, обостренное чувство Родины, которые слышатся в каждом их вздохе сердечном. Вообще, следует отметить, что от повести к повести Владимир Чивилихин совершенствует «меру громкости», мелодический «устой», интонационное богатство. Пейзаж становится своеобразным поверенным души, зримое говорит о незримом:

«Светлохвойный разнолес охорашивался, неслышно дыша, млея в весеннем тепле. Не зная, что скоро погибнет, он продолжал извечную свою работу — ловил солнце в частые свои сети, всасывал, пил воздух, незримо гнал соки к ростовым точкам, жил изо всех своих первозданных сил. К нему медленно приближалась смерть, а он стремил всего себя в завязь, в цвет и семя и еще удерживал видимо-невидимо всякой живности, без которой он, должно быть, не мог. Только не успевшие пригнездиться птицы, видать, отлетели от этих мест, а бурундучишки в глубине леса еще турчали и свистели...»

Сберечь лес для Родиона — это значит сберечь частицу Родины. Вообще, чивилихинские пейзажи, как и весь предметно-вещественный мир его прозы, при наличии тончайших подробностей («ростовые точки», «свитух» — березовое полено с волокнами, идеальное топорище, луковица саранки, «мучнистая, сытная»...) — это мир исключительно одухотворенный, воспринимаемый с заботливой, хозяйственной нежностью.

Следует отметить, что обилие таких прочных вещественных подробностей по соседству с лирическими зарисовками и проблемными «узлами» (тот же Родион с горечью вспоминает, что за последние десять лет сгорело все же сорок миллионов гектаров!) создает особый стилистический «рельеф» в прозе Вл. Чивилихина. Писатель прежде всего видит образ, цвет, живую композицию, затем уже в ходе работы он и слышит слово, слышит и раскрепощает (весьма сдержанно) собственные волнения, тревоги, лирическую стихию. Документы у него изложены в личном, полном тревог и ожиданий письме («Пестрый камень»), о

силе любви Пины и Родиона мы узнаем в ходе следствия, острота конфликта выражается в той же повести «Елки-моталки» через внешнее безразличие, равнодушие Родиона к цинику.

Да, скоро становится понятным заблуждение самовлюбленного тунеядца, нелепость его насмешек над «эмбрионами»... Евксентьевский, задирая Родиона, Саньку, глубоко ошибается, думая, что он иронией, хохмами добирается до их сути, всерьез «разит» их, что они — это только тот или иной работающий, живущий перед его глазами человек. Это он, эгоцентрист, поистине измерим одной мерой — «все мое ношу с собой». В убого эгоистическом смысле этого изречения. Он весь — в одном месте, в своих речах, в своем шкурническом порыве. А Родион, Санька, Пина — везде, во всем. И в том воздухе, что поет под куполом парашюта, в завязях и кронах.

Взрыв произошел совершенно неожиданно для Евксентьевского, когда и он почти исчерпал запас иронии, когда и Гуляев, не поручающий уже тунеядцу даже копать ямки (он таскал в безопасную зону... муравейник), уже перестал замечать его... Циник, разорив гнездо глухарки, растоптав этот очажок жизни, не понял, что же тут могло вызвать такую ярость Гуляева! Но оказалось, что именно этой мелочью он задел сильнее всего достоинство рабочего, опошлил гуманистический пафос его труда, его мысли. В состоянии изумления перед этим неожиданным взрывом гнева (ведь сносил же до этого Гуляев насмешки, лично ему адресованные!) Евксентьевский и оступается в пропасть...

Владимир Чивилихин уловил сложность борьбы подлинного патриота с индивидуалистом, циником: у них разные меры достоинства, смысла жизни, ценности личности. Тунеядец все время бьет мимо, даже тщательно прицеливаясь, подбирая насмешки и шутки. Гуляев ни в грош не ставит их, не замечает до тех пор, пока они не задевают святынь его души и сердца — его дела и природы. Ему только тогда больно всерьез, когда затрагивают эту доверившуюся человеку глухарку с ее выводком. Для Евксентьевского же все боли и радости — на узкой «площадке» его личности, «гвоздь в сапоге». Таков мещанин всегда и во всем. Но от этих несовпадений шкалы измерений добра и зла, широты и узости конфликт приобретает нередко очень сложный характер, затягивается надолго, затрагивает множество судеб. Повесть о рабочем человеке неуклонно, как и роман, растет в сторону идеологического исследования, приобретает публицистический характер.

Повесть «Елки-моталки» создавалась Чивилихиным почти одновременно с серией публицистических статей: «Слово о кедре», «Земля в беде», «О чем шумят русские леса», «Поющие пески»,— составивших затем книгу «Любит ли она тебя» (1968). В общем потоке публицистических выступлений в защиту природы, лесов и вод атмосфера статей Чивилихина отличалась не только глубиной и многоплановостью постановки проблем, не только особой сердечностью мысли («...хлеб наш насущный дает нам земля — тоненький почвенный слой, ничем не заменимый дар, накопленный природой за долгие тысячелетия»). В его публицистике есть еще одно качество: вновь и вновь он обращается к молодому современнику, зовет его к делу прекрасному, возвы-

шающему помыслы и судьбы человеческие... Зовет вспомнить то, что в житейской суете порой забывается:

Земля как мать, как солнца дар священный.
Она тебя и кормит и живит...

3. «Всему не издали учась...»

Слова, эти своеобразные «монеты ума», как говорил Гюго, нередко стираются от длительного обращения, «хождения». Словам тоже следует давать отдохнуть, как дают отдохнуть земле. Иначе иссякнет, пусть даже на время, их эмоциональное воздействие, и мы незаметно начинаем жить в сфере чистых слов, не видя за ними ничего, улавливаем логические связи между словами-понятиями, но не живое соседство, взаимодействие предметов. Осознавая этот процесс угасания слова, утраты им реальных взаимосвязей, корней, многие художники нередко обращаются к сказу, к слову, в его естественной среде, слову слышимому, к речи-импровизации... Возникает стремление к «усыновлению» живой разговорной речи, жажда «слова-сырца».

Искусство сказа в прозе при кажущейся легкости, доступности, «стенографичности» на самом деле одно из труднейших. Искусственная речь — это чужая маска, даже гримаса, дурное стилизаторство. Сказ — не просто «душевность наизнанку», обилие характерных словечек, разорванность, половинчатость фраз, инверсии, быстрая смена интонаций, импровизационная свобода. Не всякий разговор «разговорен»... Когда писатель излишне часто зовет на помощь пунктуацию (восклицания, вопросы, многоточия), то он похож на драматурга, которому не удалось психологическое раскрытие героев, и потому основная нагрузка пала на... гримера! И сказ иногда — это явный натурализм, словесный пасьянс.

Когда герой «сказывает» о себе или когда писатель, избрав определенного героя-повествователя (Рудого Панька, Белкина), в его интонациях ведет «сказание», то и жизнь героя, и сам жизненный процесс должны быть не менее напряженными, чем при объективном пластическом изображении. Такова именно жизнь героя в прекрасном сказе Н. С. Лескова «Очарованный странник». Интонации, мимика, жесты и даже тяжкие вздохи шолоховского Андрея Соколова («Судьба человека») — это не декламация, не поэтические украшения, а биение сердца, «толчки» самой народной жизни, «удары бурь», прошедших через эту судьбу.

«...Оторвался я от Ирины, взял ее лицо в ладони, целую, а у нее губы как лед, — вспоминает Андрей о проводах на фронт. — С детишками попрощался, бегу к вагону, уже на ходу вскочил на подножку. Поезд взял с места тихо-тихо; проезжать мне — мимо своих. Гляжу, детишки мои осиротелые в кучку сбились, руками мне машут, хотят улыбаться, а оно не выходит. А Ирина прижала руки к груди; губы белые как мел, что-то она ими

шепчет, смотрит на меня, не сморгнет, а сама вся вперед клонится, будто хочет шагнуть напротив сильного ветра...» Слово, фраза имеют тут свою «походку», сердцебиение, свой жизненный опыт, который, конечно же, более полно выражает самобытность характера, чем те или иные накладные словечки или сказовые обороты...

Повести «Над уровнем моря» и «Пестрый камень» Вл. Чивилихин построил именно в «сказочной» манере: в первом случае герои, спасающие таксатора Виктора Легостаева, рассказывают и о себе, и о ходе спасения, во втором случае герой в письмах, близких к тону чисто разговорной исповеди, говорит любимой женщине и о себе, и о работе на лавинной станции. Писатель почувствовал, как важны были именно тон, модуляция, умелое «усечение» фраз, вернее сказать, вся та «музыка», что скрыта за словами, оборотами, то неуловимое при самом точном описательстве, что составляет личность.

«Это в конторе о нас думают, что лесник живет себе на хуторе, прохлаждается. А тут кружишься-кружишься целое лето, и, когда присядешь к зиме, **оно вспоминается одним крученым днем. Да и присядешь-то как на точило** — жинка берется за свое, выговаривать-приговаривать. Сидишь и думаешь: «Скорей бы снега легли, чтобы с глаз долой в тайгу, белковать». Так-то она у меня баба отходчивая, и надо сдюжить только поначалу» — так, используя богатые возможности сказовых интонаций, особой «лепки» характера через слышимое (а не только читаемое!) слово, создает Вл. Чивилихин характер алтайского лесника Ивана Шевкунова в повести «Над уровнем моря». Есть какое-то спокойствие, даваемое длительным одиночеством в тайге, степенность хозяина лесов, вод, чуждая самодовольства, в этом сибиряке (кажется, видишь и его усадьбу, и его вылинявшую гимнастерку, которую он «донашивает» целое десятилетие!)... И закономерно, что именно он восхищается дивным «взаимодействием сил» в природе: «Пищухи траву подгрызают и тащат повыше, на сухие места, большие корни обкладывают, но ведь тоже приспособление — съедает-то их запасы марал! И правильно. Марал тут главное добро, для него ничего не жалко. Зимой ему тяжело, корма нет, все под снегом. И если б не пищухи, едва ли он тут ужился. Места эти будто для марала придуманы. Багульник тоже ему здорово помогает перезимовать. И опять чудо-багульник не теряет лист на зиму...»

Автор не «усыновляет» бездушно чужую манеру мышления, рассказа, мы видим не магнитофонную запись, а живое, естественное течение мысли, сменяющееся делами, видим характер, который, попадая в объектив, вовсе не выключается из потока естественных, будничных дел.

Всякого рода остроты, «хохмы», каламбуры, которые перенасыщают прозу иных писателей, — это ведь «соль» для ума и чувства, но не пища... Сказ, невольная исповедь чивилихинского лесника — это именно пища для раздумий, подспорье для приближения к земле, вроде багульника, который сворачивает листья, словно специально для того, чтобы марал поедал их зимой.

Слово слышимое, слово, на первый взгляд «растекающееся» вширь без особого плана, Вл. Чивилихин перевоплощает: в нем оживает и масса реальных дел того же Легостаева, сломавше-

го ноги при спуске; конструктора Крыленко; вертолетчика Виталия Курочкина, напряженно учитывающего каждый удар ветерка; и раздумья, воспоминания героев о самых далеких событиях их жизни; и сложную жизнь природы.

«Сказовый» характер повествования в повести «Над уровнем моря» или эпистолярный (еще более сложный!) путь рассказа о судьбе Валерия Белугина, начальника метеостанции, в повести «Пестрый камень» не скрывают социальных и нравственных конфликтов этих произведений.

Обращение к живой речи, стремление преодолеть разрыв между словом книжным, «словом из словаря» и словом развивающимся, вбирающим трудовой и нравственный опыт народа, возникло на определенной идейно-философской основе. Личным достоянием героев стали и мысли художника о значении лесов, рек, Байкала, и его взгляды на направленность жизненных дорог молодежи. В обеих повестях герои ведут незатухающий спор с бездушными потребителями вроде Сонца или Софьяна, не осознающими долга перед землей, перед тайгой, по сути дела, обкрадывающими будущие поколения. Сама рубка леса — это или продление его жизни (при бережном отношении к молодняку), или сведение его подчистую, превращение в «гибник», где не живут уже ни зверь, ни птица. Не излагая в большинстве случаев типично лесоводческих проблем, писатель раскрывает остроту этого конфликта на особом языке. Природа — это не только зеркало, вглядываясь в которое герои видят себя, но они и изменяются перед ее ликом, испытывают сложнейшие психологические сдвиги, проверяют крепость уз товарищества, целенаправленность мужества, высоту идеалов.

Отъединенность Сонца от людей, взгляд на них только сквозь призму штатного расписания, лишают его и какого-либо «диалога» с природой, делают глухим к ее языку. Для Симагина или Белугина даже такие бродяги, как рабочий Жамин (в его потрепанном паспорте нет и уголка свободного для очередного штампа!), как изленившиеся парни на метеостанции, — это люди, которые лишь временно утратили серьезную цель в жизни, которых можно возродить, вернув им сознание, ощущение высокого смысла их труда. Лучшие герои Вл. Чивилихина порой трудно восходят к пониманию высокого чувства ответственности за каждого человека, за каждое мгновение жизни, к пониманию смысла активной доброты и человечности. Они, как сказал поэт, стремятся к одному: «...все знать и все изведать, всему не издали учась...»

Человеческое единство — это не растворение личности в общем, а расцвет личности в ее ширящихся связях с другими людьми. По сути дела, определяющим стимулом жизненной активности для чивилихинских героев может быть то чувство целесообразности, естественности подвига, которое отметил как высшую нравственную ценность в человеке будущего Леонид Леонов: «Его руководящим стимулом будет... твердое, мудро осознанное понятие самого содержания человеческого прогресса и его личного места в нем. Для таких людей подвиг, пускай при неимоверном, даже смертельном, напряжении духовных и телесных сил, будет всего лишь выявлением своей личности, своей общественной целесообразности...»

Действительность всегда мозаична, пестра, составлена из активно взаимодействующих разнородных сил, из уходящего и нарождающегося в том сложном сцеплении. Само поступательное движение жизни, будущее как итог усилий людей, понятие прогресса не всегда наглядны. И благороден подвиг художника, способного вселить в сознание читателя уверенность в том, что человечеству по плечу самые великие свершения.

Героическое самосознание живет в создаваемых Вл. Чивилихиным характерах столь же естественно, органично, как солнечный луч в зеленой шумящей кроне дерева, в кипящем на горных порогах водопаде. Слово этого талантливого прозаика нестатично, оно не останавливает движения реального героя, а собирает воедино эту энергию, пламя жизни, чтобы усилить жажду красоты и совершенства.

◆

Евгений ОСЕТРОВ

СУДЬБА РОВЕСНИКОВ МОИХ...

К 50-летию со дня рождения Сергея Викулова

Даже в мечтах трудно придумать места более поэтические, чем русский Север. Здесь под неярким северным небом — от Ломоносова и Федота Шубина до наших дней — рождались и возрастали таланты, становясь известными всей стране, а то и миру. Пейзажи и образы этой своеобразной стороны вдохновляли Рериха, Нестерова, Коровина, Корина... Отсюда пошли своеобразные творения беломорской сказительницы Марфы Крюковой — жаль, что в последние годы как-то забыли о них. От архангельской земли неотделимы произведения Бориса Шергина, властелина словесных тайн, родившихся полярной ночью, под всполохи северного сияния. Вологодская сторона подарила нам элегического Николая Рубцова, лучшего, на мой взгляд, молодого поэта шестидесятых годов.

Каких только ремесел не встретишь в этих краях — от чернения по серебру до расписных глиняных игрушек, от резных деревянных наличников до тончайших вологодских кружев. Богата народными талантами эта земля, и не скудеют с годами ее дары, приносимые в духовную сокровищницу страны.

Есть у Сергея Викулова небольшая лирическая поэма «Конек на крыше», запечатлевшая в выразительных стихах образ, издавна любимый народными умельцами. Образ, родившийся много веков назад, символизирующий вечное движение. Северный крестьянин, срубив избу, украшал ее деревянным коньком. Возвышаясь над крышей, резной конек мчался, напрягая деревянные мускулы, навстречу солнцу. Читая красочную поэму Сергея Викулова, я вспомнил проникновенные слова Есенина о том, что мужик, посадив коня на крышу, тем самым уподобил «свою хату под ним колеснице».

Идут годы, меняются времена, а неутомимый конь везет днем и ночью свою повозку-избу. «Свистит в навостренные уши разбойничьи ветер тугой... О нет, не стоит он на месте — летит, закусив удила! Взвалив на бока облака, он смотрит на все свысока, как идол крестьянской удачи...» Сергей Викулов живописует словом минувшие и современные сцены жизни вологодской деревни, затерявшейся в лесах, лежащей за долами и озерами, но кровно сопричастной всему, что ныне происходит на белом свете.

Как и в невыдуманной жизни, конь в стихах Сергея Викулова словно скачет из минувшего в грядущую явь. Этот поднебесный конь не архаическая подробность северного быта. К старому дедовскому узорочью автор относится любовно, но с добродушной улыбкой молодости («Давно ль это было?! Вчера...»). Рядом с этим — естественное понимание преемственности поколений: «И ныне отстроенный дом венчают коньком деревянным — есть что-то сердечное в том».

Конечно, новые времена захватили деревню. На поля вышел «железный гость», о котором в свое время столь напряженно (каждое слово как тетива натянутого лука!) писал Есенин. Сергей Викулов напоминает о былом читателю: «Он, конь, разделил до конца... и пахаря горькую долю, и ратную службу бойца!» Поэт убежден, что следует и ныне добрым словом помянуть коня, который не только работник, но «друга и радость в нем видит народ». Звучат слова о том, что кузнецу на селе еще не раз придется менять у коня подковы, а тройки, знаменитые удалые тройки, еще потешат не только нас, но и далеких потомков наших...

Сказанное, разумеется, не исчерпывает содержание «Конька на крыше» — я беру его только одну, наиболее важную сторону, имеющую непосредственное отношение к особенностям творческой манеры автора.

Что главное в стихах Сергея Викулова?

Ценность их не только в том, что они являют естественный сплав старого и нового, хотя это необычайно важно само по себе. Можно также сказать, что в его поэзии звучит народное многоголосье, которое так любят в северных деревнях. Конечно, каждый истинный поэт с различной степенью выразительности говорит о том, что думает и чувствует народ, что почитает счастьем или горем. В разнообразных токах действительности — положительных и отрицательных — Сергею Викулову счастливо удается улавливать то, что живет в атмосфере времени, что соответствует современному народному характеру. Особенно красочно и рельефно сказалось это в его поэме «Окнами на зарю».

По жанру «Окнами на зарю» — лирический дневник, стихотворный рассказ о путешествии в родные деревенские места, в которых все родное и близкое, но изменившееся, совсем не такое, как в детстве и юности. Каждый встречный для автора — знакомый незнакомец, друг детства, ставший взрослым, — он тот и не тот. К сельской экзотике, так пленяющей горожан, поэт относится иронически, он с откровенной насмешкой пишет о тех, для кого деревня — это «рыбалка, да с малиною чай, да на сене ночлег...».

Не боясь показаться декларативным, автор с публицистической точностью показывает, что деревня теперь уже совсем не та, что во времена, когда действовал герой знаменитой поэмы Александра Твардовского Никита Моргунок. Автор «Окнами на зарю» с пол-

ной определенностью говорит: «Нету старой деревни! Кого нам обманывать?! Моргунка тоже нет. Уработался. Спит».

Автор высвечивает детали, которые может пропустить посторонний, а ему — своему человеку в деревне, где все знакомо и близко, — они совершенно очевидны: «Теткин дом — он четвертым стоял на посаде, а сегодня он первым стоит на краю». В поэме нет пессимистического взгляда на жизнь сегодняшней деревни. В эпилоге автор рисует, как заброшенную пашню расчищает бульдозер: «Он безжалостен, этот железный пророк! И упрямая сила его — как зарок, что земле молодеть!» Не все в этой поэме художественно равноценно. Иногда публицист берет верх над художником, и рядом с остроумными народными речениями вдруг возникают слова, взятые из числа лежащих совсем рядом, что изрядно поизносились от частого употребления. Но главное, основное поэт, несомненно, сумел выразить художественно. И есть в этом произведении жизненная правда, та самая, от которой дух захватывает.

Биография поэта — в его стихах. Но читателю всегда интересно узнать, как соотносятся житейские факты с литературно-эстетическими, насколько слово поэта является и делом его жизни. О родословной автора «Окнами на зарю», родившегося и выросшего в вологодской деревне, мы узнаем из довольно выразительной строфы, емко вместившей опыт поколений: «Оглядываюсь с гордостью назад: прекрасно родовое древо наше! Кто прадед мой? Солдат и землепашец. Кто дед мой? Землепашец и солдат. Солдат и землепашец мой отец. И сам я был солдатом, наконец». Поэт настойчиво подчеркивает в своих стихах, что он считает себя ветвью могучего народного ствола.

Биографическая канва Сергея Викулова типична для поколения, родившегося в начале двадцатых годов. О своем детстве он вспоминает так:

— Одно из самых первых, самых смутных воспоминаний детства: мать жнет рожь, а я сижу у края полоски то ли на какой-то ряднине, то ли прямо на отаве, день жаркий, меня разморило, а тут еще комары да мухи кусаются, и я хныкаю, а потом не выдерживаю и начинаю реветь. Мать пытается утешить меня издали, но из этого ничего не получается, и она, бросив серп, спешит ко мне, горячей ладошкой утирает мне слезы, нараспев заклинает моих врагов: «Комары да мошки, не кусайте ножки...»

Окончив педагогическое училище в родном Белозерске — маленьком древнем городе, — Викулов был в сороковом году призван в армию. Став командиром батареи, прошел в годы Великой Отечественной войны путь от Волги до Дуная, участвовал в обороне Москвы и Сталинграда, в освобождении Украины, а также Румынии, Болгарии, Венгрии, Югославии, Австрии, получил несколько воинских наград. В боях и походах стихов почти не писал, ибо многотрудные обязанности командира батареи не оставляли для этого времени.

Строфы стали заноситься на бумагу только после победы, когда вернулся в родные места. В 1949 году выпустил первую книгу стихов, которая называлась совсем в духе того времени, — «Завоеванное счастье». На первых порах в стихах преобладали идиллические мотивы. В первых сборниках Викулова, как позднее отметил критик, шумят праздничные застолицы, мудрые деды гадают о светлом будущем, а кузнецы оглашают весенние дали

звоном наковален... Молодому читателю это может показаться странным. Ведь деревня переживала очень тяжелые годы. Не хватало насущного. Именно в эту пору особенно часто стали попадаться в деревнях заколоченные дома. Но не будем, однако, забывать, что теории бесконфликтности отдали тогда дань и куда более опытные авторы. Вспомним хотя бы земляка Сергея Викулова — прекрасного поэта Александра Яшина и его поэму «Алена Фомина», в которой встречались пасторальные картинки. Но жизнь — суровый учитель. Действительность таила в себе зерна будущего. Отличной школой для Сергея Викулова оказалась работа в деревнях, связанная с записью произведений народного творчества, с выполнением заданий редакций. Поэт рассказывает:

«Я очень часто ездил в районы области, в том числе в самые отдаленные и глухие, за двести километров от железной дороги, жил по две-три недели в одном колхозе, в одной избе, люди ко мне привыкали как к своему, делились самыми сокровенными мыслями, наблюдениями, сравнениями, до которых они доходили своим практичным крестьянским умом, и не диво, что я все больше и больше проникался глубоким уважением к ним и сочувствием, хотя, конечно, видел в их характерах и отрицательные черты и отнюдь не закрывал на них глаза. Мои записные книжки буквально трещали от записей, в которых были и живые рассказы со всеми особенностями народного языка, и точные бухгалтерские выкладки об урожайности, о доходах и убытках, о стоимости трудодня, о посевных площадях «в разрезе» колхоза, района, области... Сейчас я понимаю, что эта конкретность знаний очень мне помогала как очеркисту, — я опубликовал ряд очерков в журнале «Октябрь», — но зато вредила как стихотворцу. Я буквально тонул в фактическом материале. Этим, видимо, можно объяснить и мое тяготение к поэме: материал, которым я располагал, в стихи не укладывался. Впрочем, и стихи мои, как заметили и критики, в большинстве своем тоже сюжетны. А самое главное, мои знания крепко держали меня в пределах деревенской темы, я не мог взяться ни за что другое, потому что все мои радости и печали были связаны с деревней, которая мучительно трудно преодолевала последствия войны, пробовала и то и другое, чего-то добивалась, в чем-то разочаровывалась, но вновь бралась за плуг, потому что земля должна быть засеяна — что бы ни случилось...»

Почти каждая деревня в послевоенную пору имела свои припевки, частушки, а иногда и местные песни. Их усердно записывал Сергей Викулов. Итогом этой напряженной деятельности явилась книга фольклора Вологодской области. Искрометное народное слово попало в надежные руки. Оно многому — лексически и ритмически — научило поэта, обогатило его представления о том, что́ же на самом деле происходит в деревне. С полной определенностью с годами выявились и литературные привязанности. Любимыми поэтами явились, конечно, Александр Твардовский, Михаил Исаковский, Александр Прокофьев. Как и многие, именно этих поэтов Викулов выбрал себе в учителя. Серьезную творческую помощь и поддержку оказал известный писатель и тогдашний редактор «Октября» Федор Иванович Панферов, напечатавший поэму Викулова «Трудное счастье» на страницах журнала. Полезными также оказались и Высшие литературные курсы...

В шестидесятые годы стихи Викулова обрели не только самостоятельность, непринужденность и красочность, но и заметно

выделились народностью, естественностью, мотивами сыновней привязанности к земле. И почти незаметно деревенская тема в стихах расширилась, впитав в себя разнообразие окружающего мира. Лучшие поэмы этих лет: «Окнами на зарю», «Против неба — на земле», «Преодоление». Если в «Окнами на зарю» преобладало лирическое начало, то в «Против неба...» возобладал эпик. Несомненной удачей этой поэмы явились народные характеры, запечатленные в слове. В наиболее удачных образах Викулову удалось сделать то, что требовал от художника Пришвин: «Выйти из себя и себе самому раскрыться в другом».

Нам рисуется зримый мир в его вещественных подробностях, которые автор знает досконально. Приведу зачин из главы «Анисьино утро», где автор не пишет, а буквально живописует словом:

У Анисьи петух — поглядеть — красота!
Белобрысым, другим петухам — не чета.
Шпоры — ступит — звенят. Гребешок
на излом.
Вороненая сталь под багровым крылом.
Хвост — атлас напоказ. Воротник золотой.
Жен — семнадцать, и все у него под пятой!
На высоком насесте, под кровлей ржаной
просыпается первым он, как заводной.
Громко крыльями бьет по своим галифе
и орет, ни в каком не повинен грехе,
песнь,
что предок еще при Горохе-царе
распевал на заре, распевал на заре...
Ку-ка-ре-ку! — и все населенье двора
поднимается на ноги дружно: пора!

Здесь слова-краски цветут и переливаются, блещут оттенками. Еще сделан только зачин, а сколько мы знаем о сюжете поэмы...

Слабее в поэме те места, где от конкретного автор переходит к общему. Отвлеченное всегда труднее поддается художественному обобщению, и беда поэта начинается там, где он сбивается на повторы всем известных истин. Они, увы, встречаются в произведении, как и некоторые длинноты. Сердечное понимание человека и тут же некоторая сухость, преднамеренная заданность в истолковании поступков героев.

Удача приходит к Викулову там, где он обретает чувство раскованности, когда дает волю своему ощущению красоты природы и живущему среди людей желанию добра, справедливости, самой подлинной человечности. Непередаваемо хороши в последних сборниках «Бабушкины песни», «Первые уроки», «По ягоды» и особенно «Княжица», отмеченная музыкальностью. Стихотворение «Бани топятся» написано жанристом-живописцем, любящим бытовой сюжет: каждый удар кистью приносил автору несказанную радость.

На большом творческом пути, как правило, бывает книга, подводящая итог многолетней работы. Такой итоговой книгой у Викулова стал сборник «Хлеб и соль», вышедший в свет в середине шестидесятых годов. В него вошли поэмы «Конек на крыше» и «Окнами на зарю» и такие отличные лирические и

публицистические стихи, как «Баллада о хлебе», «Песни в старом доме», «У реки».

Пришла пора зрелости и времени раздумий о своем «месте в рабочем строю» и о том, какой дорогой следует идти дальше. Отсюда строки: «Стихи мои о деревне и радость моя, и боль! Кто зову земли не внемлет, едва ль вас возьмет с собой...» Многое изменилось в жизни поэта, но, став москвичом, он не утратил ни живого ощущения деревни, ни заботы о ее судьбе.

Чувство родного села стало все чаще восприниматься как чувство Родины, что особенно зримо сказалось в поэме «Одна навек». Автор снабдил ее таким подзаголовком: «Лирическая поэма с публицистическим отступлением и эпилогом». Вошедшая в сборник семьдесят первого года, эта поэма звучит как страстный гимн Родине — одной на всем свете. Для меня как для читателя эта поэма — исповедь человека, которого можно назвать типичным представителем поколения, приближающегося к полувековому жизненному рубежу. Как реквием своим одногодкам-сверстникам читаю я в публицистическом отступлении слова поэта: «Достойна славы и печали судьба ровесников моих — ребят, родившихся в начале двадцатых... Я — сейчас о них». Свивая славу и печаль вместе, автор воздает должное нашему поколению: «Все, все, чем юность так богата, чем вечно молодость жива, швырнули вы в огонь, ребята, охапкой полной, как дрова». Завидная определенность этих слов — выражение целостного и твердого характера.

В самое последнее время поэт обратился к вечной, но ставшей необычайно созвучной современности теме: природа и человек. В этих стихах нет ничего от наивного «внесоциального» пантеизма. Нет, наоборот, в них автор выступает в той же роли воителя за народные интересы, которые неотделимы от интересов общегосударственных, от интересов всех народов и всей земли. Он говорит:

Три клада у Природы есть:
вода,
земля и воздух — три ее основы.
Какая бы ни грянула беда,
целы они — все возродится снова.

Но если...
Впрочем, в наш жестокий век
понятно всем, что это е с л и значит.
О человек! Природа-мать
ни рек
от глаз твоих и ни морей не прячет.
Ни росных трав, ни голубых небес...
Цени ее доверие, Природы!
Не обмани его!
И в темный лес
входи, как в храм, под мраморные своды.

Не случайно эти стихи, напечатанные в массовом журнале, породили огромную читательскую почту, ибо разговор, начатый поэтом в стихах, затрагивает всех. Викулов нашел свой подход к теме, свой взгляд на природу. Тема природы живет у него неотрыв-

но от темы Родины, которая воспринимается им не умозрительно, а вполне конкретно — с реками, озерами, лугами, лесами, птицами... Старые учебники по эстетике любили противопоставлять красоту поэзии практической пользе. Но мне хочется назвать стихи Викулова полезными, ибо в них я вижу редкостное совпадение эстетического с этическим. Явление нечастое, но весьма примечательное.

Поэт и сегодня естественно объединяет стихи о природе с лирическими раздумьями и наблюдениями над современной деревенской жизнью.

Чувство природы, чувство Родины и народа, слитые воедино, и делают Сергея Викулова — человека незаурядного, врожденного дарования — певцом большого социального и гражданского дыхания, находящего отклик в многочисленных сердцах.

Раздумывая о литературной судьбе Сергея Викулова, я прихожу к мысли о том, что привычный в критическом обиходе термин — поэты военного поколения — надо, видимо, толковать весьма и весьма расширительно. Одни отправились на войну уже сформировавшимися и известными авторами. Вспомним павшего смертью храбрых даровитого Вадима Стрельченко. Другие написали свои первые стихи на бумажке, положенной на бруствер окопа, находясь в походе, коротая фронтовые ночи в землянках или блиндажах. Таким являлся безвременно ушедший из жизни Павел Шубин, автор героических стихов, воспроизводящих горячку боя. Третьи обратились к впечатлениям военных лет много позднее, спустя чуть не десять лет после того, как пушки уже отгремели, создав стихи, ставшие широко известными в пору пятидесятых-шестидесятых годов. И, наверное, точнее следует говорить о нескольких военных поколениях, помня и о том, что каждый год, проведенный на войне, по армейским правилам должен засчитываться за несколько лет. Поэты военных поколений принесли в нашу литературу героические темы, создали произведения, вошедшие в постоянный обиход читателей. Среди тех, у кого воинская тема слилась с темой Родины, следует назвать Сергея Викулова.

ИСПОЛНЕНИЕ ОБЕЩАНИЯ

Обещание «Я вам скажу...» * обнадеживает читателя и обязывает автора. Что скажет поэт? Что откроет? Чем взволнует и порадует жаждущих откровения, искреннего разговора?

Имя Петруся Бровки не нуждается в рекомендациях. Вот уже более сорока пяти лет в советской поэзии звучит его проникновенный голос. Негромкое лирическое признание и набатный призыв, иронические нотки, согретые доброй улыбкой, и обличительный монолог одинаково свойственны дарованию поэта. Но главная особенность таланта Бровки — умение открыть неизвестные грани знакомого и огромного мира. Самые обыденные явления жизни становятся предметом подлинной поэзии, примелькавшееся слово неожиданно раскрывает внутреннюю многозначность, обретает неведомые ранее смысловые грани. В белорусском языке «пожалуйста» выражается сочетанием «калі ласка». Оно веками повторяется изо дня в день. А прикоснулся поэт, и слово наполнилось глубинным смыслом, раскрыло все многообразие своего значения:

Парень, позабывший на свидании
Все, что им затвержено заранее,
Помнит, что признания основа —
Калі ласка! — два коротких слова...
Гром гремит над житом и над просом.
— Калі ласка! — летний дождик просим.

(Перевод Я. Хелемского)

Биография Петруся Бровки вместила в себя многие черты нашего времени. Жизнь поэта началась голодным пастушеским детством в живописном озерном крае.

* П. Бровка. Я вам скажу... М., изд-во «Советский писатель», 1971.

Затем шла комсомольская юность в самые бурные годы ломки устоев прошлого. Студенческая молодость принесла с собой признание таланта. Затем наступили фронты Отечественной войны, горькие утраты близких и торжество победы. И во все времена одна привязанность и страсть была естественной для П. Бровки — поэзия. Она первая и непреходящая любовь, она безраздельно властвовала над всеми его помыслами и чувствами. Теперь он — академик, лауреат Ленинской премии, народный поэт Белоруссии.

От имени умудренного суровым опытом поколения поэт делится своими раздумьями, тревогами, радостями и волнениями. «Я вам скажу...» — исполненное обещание умного, доброго и чуткого собеседника, советчика и искреннего друга.

Читаешь новую книгу П. Бровки, и не покидает ощущение душевной молодости, окрыленности, полноты восприятия жизни:

Я половинчатости недруг,
Я славлю чувства полноту,
Мне по душе и сказки щедрость,
И разговор начистоту,
И полновесных строк звучанье,
И полный кубок на столе,
И полный парус в океане,
И полный мир на всей Земле.

(Перевод Я. Хелемского)

Поэт отдает людям все многообразие таланта и доброту чуткого сердца в поэзии и в повседневных заботах и делах. Когда мы говорим о связи литературы с жизнью, я всегда вспоминаю лирику Петруся Бровки: ей несвойственна умозрительная восторженность и ложная философичность, абстрактная рассудочность и беспочвенная декларативность. Каждое стихотворение продиктовано жизнью, конкретным явлением, фактом, причастностью поэта к большим и малым заботам современности. Петрусь Бровка не изучает жизнь «с творческими целями», он живет беспокойно и жадно, сопереживая радости и тревоги в малых и крупных масштабах.

Пока вся боль не откипела,
В себе кипенья не уйму!
Мне в мире до всего есть дело,
Все близко сердцу моему.
Не мне судьбу свою простую
Писать-расписывать хитро:
Я всею жизнью голосую
За вездесущее добро.

(Перевод В. Корчагина)

Белоруссия — край партизанского движения. Все еще открываются неизвестные страницы мужества, имена и дерзновенные подвиги героев. А сами герои целиком ушли в повседневные заботы и только иногда вспоминают о своих военных делах, не считая их подвигами. Мол, делали обычное дело, как и все, громили врага. Свою дань партизанской теме отдает Петрусь Бровка. Стихотворения «Партизанский телеграф», «Будан» (партизанский шалаш), «При встрече» волнуют точностью деталей, страстностью интонаций, умением воссоздать атмосферу военного времени.

Проникновение в суть характера рядового бойца доступно только подлинному художнику, чья судьба близка судьбе его героя:

Когда отгрохотало лихо
И стали явью наши сны,

Как неприметно он и тихо
Пришел домой с большой
войны!

Всего хлебнув и все изведав,
От дома своего вдали,
Он свято верил, что победу
Другие люди принесли...

...И вот вернулся долгожданный,
В работу впрягся он опять.
А что побаливают раны,
Про то никто не должен
знать.

(Перевод Я. Хелемского)

Герой стихотворения одновременно и лирический герой. Поэту не понаслышке известны мысли, чувства и переживания солдата великой войны. Он был в одном строю с теми, кто сквозь огонь и смерть долгие годы шел к победе. Подвигу однополчан и земляков посвящена «Дума о бессмертии». Ей присуща точность, напоминающая фронтовые сводки, взволнованность лирика и страсть публициста. Это своеобразный монолог-реквием, обращенный к современникам и к тем, кто в народной памяти навсегда остался молодым и непобежденным.

Туман, как молоко парное,
Уж залил луговой простор...
Я снова к вам пришел,
герои,
Еще не кончен разговор.

(Перевод В. Корчагина)

В строфы «Думы», как в гранит обелиска, врублены имена друзей и односельчан поэта, шагнувших в бессмертие.

А память все чаще и чаще возвращает к близкому и далекому прошлому.

Тревожная комсомольская юность Петруся Бровки озарена романтикой трудных и героических лет. Но поэт на нее смотрит через призму мудрой зрелости и рассказывает то с нежностью, то с доброй иронической улыбкой.

В стихотворении «Я был селькором» поэт вспоминает:

Был зорким, но незримым, —
Крестьянской правды страж, —
Писал под псевдонимом
Красный карандаш.

И признается:

А строки нитям сродни,
Порядок их не нарушу,
Быть может, сплетясь, они
Согреют живую душу.
Окрасил я каждый стих,
Как холст, в натуральный
колер.
Я звезды собрал для них,
Цветы на лугу и в поле.

(Перевод Я. Хелемского)

В стихах Бровки родная земля сверкает голубыми озерами его родной Ушаччины, пахнет ароматом вспаханного поля и липовым медом, щебечет птичьими голосами, раскаты весенней грозы сливаются с гулом тракторов, а в шум метели вплетаются юные голоса у сельского клуба. В этом многоцветье и разноголосье дней и событий раскрываются глубины души простого и сложного в своей неповторимости нашего современника. Поэту доступны сокровенные тайны души, раздумья и чувства человека, остающегося наедине со своей совестью. А совесть — самый неумолимый и справедливый судья поступков, помыслов, ошибок и срывов, слабостей и просчетов: «Пусть от других уйти сумеешь, но от себя ты не уйдешь». Такое проникновение в собственную душу, видимо, дано не каждому, до откровенного и нелицеприятного разговора подни-

маются только предельно честные натуры, чтобы произнести такую «Исповедь»:

Казнюсь — со мной бывало это
Уже не раз —
И не смыкаю до рассвета
Усталых глаз.
Вы оправданья не ищите
Моим грехам.
Судья и грозный обвинитель
Себе я сам.

За перечнем слабостей и просчетов, за которые казнится поэт, следует неожиданная улыбка:

Больших провинностей хватало,
Грешу опять...
Позвольте погрешений малых
Уж не считать.

(Перевод Я. Хелемского)

В чувствах, сомнениях и тревогах, радостях и слабостях поэта узнаешь самого себя, и начинает казаться, что он подслушал твои сокровенные мысли, был твоим незримым собеседником и решился во всеуслышание сказать то, на что не хватило у тебя откровения и таланта. Так часто бывает: глухо, отдаленно чувствуешь то, что не каждому дано высказать, и вдруг самого себя открываешь в чужих стихах. Видимо, проникновение в сущность души человеческой и есть подлинное поэтическое озарение, ключ к сердцам людей.

Петрусь Бровка всегда верен своему лирическому призванию и несет людям светлый дар вдохновения. Читая стихи о непреходящей любви и верности, забываешь о почтенном возрасте автора, ибо

С годами чувства не иссякли.
Пусть каждый в облике своем,
Но, словно две прозрачных капли,
Два сердца схожие во всем.

(Перевод Я. Хелемского)

Пересказывать и комментировать поэзию, а тем более лирические стихи то же самое, что словами излагать мелодию симфонии или романса. Их нужно слушать, а стихи читать, чтобы войти в сферу чувств, мыслей, настроений и переживаний поэта, понять огромный мир его жизненного опыта. Книга «Я вам скажу...» не оставит равнодушным и искушенного знатока поэзии, и начинающего читателя. Каждый уловит в ней тонкие нюансы подтекста, в естественном звучании строки, в доверительных интонациях услышит голос внимательного, доброго человека.

Поэзия Бровки мудра и оптимистична. Каждое его стихотворение согрето большим чувством.

Зная подлинник, обычно настороженно вчитываешься в переводы, но уже с первых страниц не замечаешь усилий переводчика. Начинает казаться, что читаешь оригинал, узнавая пафос, задушевность и юморок авторских интонаций.

Книга в основном переведена Яковом Хелемским. Точны и естественны переводы Валентина Корчагина и Дмитрия Ковалева. Русские поэты открыли широкий путь новой книге своего белорусского товарища к читателям нашей огромной страны.

Пускай эти строки в срок
Выходят и в свет и в люди.
Чем больше у них дорог,
Тем автор счастливее будет.

(Перевод Я. Хелемского)

Много счастливых дорог у новой книги Петруся Бровки.

Сергей ГРАХОВСКИЙ

ОТСЧЕТ ОТ ВОЙНЫ

Еще одна книга о прошлой войне. Да, тема войны не исчерпана, она огромна, как сама война. И, как война, эта тема долго будет тревожить умы, волновать память. Особенно остро помнят о войне те, кто видел ее в глаза.

Евгения Леваковская прошла через всю войну: с сорок первого по сорок пятый, от Подмосковья до Эльбы. И потому мотивы той поры занимают в нынешнем творчестве писательницы ведущее место. «Степень надежности»* — не первая книга Е. Леваковской. Как и прежде, мы встречаемся не столько с игрой воображения, сколько с достоверным, подробным и неторопливым описанием военных будней. Война со страниц книги встает перед читателем как живая: с огнем и грохотом, ранами и смертями, с атаками и короткими фронтовыми передышками.

Однако не в одном только правдивом изображении быта войны видит автор свою задачу.

К фронтовому неуюту человек привыкает. Свыкается солдат и с суровым окопным режимом, и с визгом пуль, и с треском разрывов, и со смертельной опасностью, которая совсем рядом. Но не может человек *смириться* с войной. И не может успокоиться его душа, терзаемая войной. Это подчас мучительнее, чем страдания физические.

Героиня рассказа «Бабушка-куричка» носит в себе неизлечимое горе — смерть любимого. А любовь пришла к девушке и ее парню в самый первый раз, не спрашивая, вовремя ли. И расцвела эта любовь посреди войны, под хмурыми взглядами людей, занятых суровым делом, под самым боком у смерти. И смерть любовь эту отняла...

Война дает пишущему о ней остросюжетный материал. И, к сожалению, часто случается, что за нагромождением событий, в вихре сюжетных зигзагов теряется зримость переживаний, война заслоняет собой человека. В рассказах Е. Леваковской этого не происходит. Она при всем своем знании армейского быта и умении изобразить достоверно этот быт не увлекается описанием «технологии войны»: человек, его душевное состояние остается главным авторским пристрастием.

Костя Марвич, человек, несомненно, храбрый, в прошлом способный студент, мог умереть и геройской смертью. Но убит был даже не в бою — просто машина подорвалась на противотанковой мине. Именно просто. Чуть ли не обыденно. Это усиливает тра-

* Евгения Леваковская. Степень надежности. М., «Московский рабочий», 1971.

гизм, подчеркивает жестокость военного рока. Отняв у Ирины любовь, война не дает ей побыть наедине с собой, отнимает даже право на скорбь и печаль. Трудно возвращается к реальности Иринин разум... А бой идет, жизнь идет, кто-то чудом от смерти уходит, как будто заново рождается. Надо жить, надо пережить, преодолеть, превозмочь войну. Так проходит испытание человека на стойкость духа...

Интересен в рассказе образ бабушки-курички, мудрой старухи, вобравшей за свою горькую, трудную жизнь столько силы жизненной, что ее крепости хватит на многих. И рядом с ней не так страшны и война, и собственная беда, и грядущие опасности.

Неладно складывается поначалу судьба Ильи Ширяева — главного персонажа небольшой повести «Впереди — счастье». Долго и трудно шел он к душевному равновесию, долго искал в людях сердечности, доброты, понимания. Наконец обрел он отзывчивую, любящую и нежную подругу, обрел и уверенность в себе. Грянула война и вмиг отняла у него все. Безысходной ненавистью переполнилось сердце Ильи. «Мучительные сомнения, бурно тревожившие его в редкие на фронте минуты затишья, всегда переходили в бешенство на войну, на разлуку, на тех, по чьей вине потерял он мир и дом...» Писательница исследует внутренний мир бойца, которого бросает в атаку ненависть за разрушенный собственный очаг и сокрушенный мир целой страны, всего народа. Нить художественного повествования прерывают пламенные публицистические строки: «...не одним своим гором был страшен Германии каждый русский солдат, а и тем, что горе страны тоже давило на его плечи, и нельзя было провести черту: где ты и твое несчастье, а где Родина и ее кровь».

Много страниц своей военной прозы уделяет Е. Леваковская описанию судьбы женщины на фронте. Сколько раненых вырывали из лап смерти ласковые, терпеливые, заботливые женские руки! Ничто в рассказах не говорит прямо о том, что образы Ирины и Веры автобиографичны. Однако ясно, что через чувства и душевные состояния, которые переживают эти женщины, прошла и сама писательница — участница фронтовых походов.

Повесть «Степень надежности» существенно отличается от остальных произведений, включенных в сборник. Во-первых, она самая большая по размерам и, очевидно, особенно важна для автора. На это указывает и название всей книжки. Во-вторых, повесть эта написана на «мирном» материале — война возникает в ней лишь как кадры прошлого. «Степень надежности» представляет собой третье, незначительно переработанное издание повести, которая впервые увидела свет под названием «На прошлой неделе». И жаль, что повесть эта — наименее удачное произведение сборника.

Проблема, ради которой Е. Леваковская написала повесть, — это воспитание молодого поколения. Проблема всегда злободневная. Е. Леваковская неплохо изучила «производственные отношения», в которых находятся молодые и немолодые по возрасту рабочие — герои ее повести. Повесть густо насе-

лена персонажами, в ней сложная сеть сюжетных линий. Конфликты между героями разрешаются автором в разных плоскостях.

По авторской мысли, основной пафос произведения заключается в борьбе за человека — представителя молодого поколения, которому в недалеком будущем предстоит сменить старших товарищей. Задача же старших — подготовить себе надежную смену, воспитать в молодежи те принципы, по которым живут и трудятся они сами. Молодые рабочие Игорь (приемный сын секретаря парткома завода Шевелова), Петр Воскобойников (сын лучшего на заводе слесаря) и другие парни и девчата — в общем, хорошие люди. Но на трудном пути к самостоятельной жизни и самостоятельной работе их подстерегают опасности.

Игорь влюбляется в Ларису Вишневскую — девушку очень привлекательную. Но... душа у Ларисы, оказывается, пустая. Натура меркантильная, мещанская. Ничего не подозревающий, слепой от любви Игорь бросается в омут Ларисиной любви. Шевелов так рисует себе опасность, которой подвергался Игорь: «Шевелову вспомнилось, как мальчиком он прошел однажды в лесу по краю болотного «окна». Так хотелось ступить на этот нежнейший изумрудный покров и почему-то страшно было.

Он разом отпрянул и побежал. А дома тетка Афимья сказала, что по весне там засосало лошадь...» Читатель, натренированный в разгадывании символов, метафор и прочих литературных премудростей, по этой картинке детства, мелькнувшей в голове у героя, быстро смекнул, что «нежнейший изумрудный покров болотного окна» — это Лариса со своими ядовитыми чарами. В самый ответственный момент Игорь прозрел—он вдруг увидел истинное лицо своей возлюбленной. Так счастливо оборвалась эта любовь. Но она вряд ли всерьез заинтересовала читателя. Он-то сразу узнал, что за ягодка эта Лариса. Автор усиленно помогал читателю раскусить коварную чародейку. Вот один из «тонких намеков»: «Лариса считает, что в простом труде не может быть красоты».

Петру Воскобойникову, парню со здоровым «рабочим нутром», предстояла в повести борьба с неким Голубковым. Тот появляется перед читателем развязный, при модных плоских часах, обутый в дорогие ботинки (каких не купишь с первой получки). С ним тоже справились общими усилиями. А говорун Захряпин с «маленьким кожаным портфельчиком» ни для кого особой угрозы не представлял. На первых страницах как обозвали его «дубом», так он для всех этим дубом и остался. Читателю ясно, что Захряпина в самом ближайшем будущем снимут с профсоюзной работы. Вот будто и все «негативы», которые представляли опасность на тернистом пути молодой рабочей поросли. Положительным героям автора приходится бороться со слабыми тенями, и они, эти герои, зачастую «рубят шашками воздух». Потому и характеры в повести оказываются статичными, им недостает развития. Очень правильные, умные фразы звучат рассудочно, не влияют в должной степени ни на сюжет, ни на образность. Из-за того герои не столько общают-

ся между собой, сколь высказывают заранее выученные тексты, как в хорошо отрепетированном КВН. Пример такого «текста»: «Наши люди должны жить в чистом воздухе (по-видимому, докладчик отпил из стакана, стоящего тут же, на трибуне. — **В. К.**), и эту чистоту мы обязаны охранять надежней, чем любой номерной завод». Так бы все ладно и правильно. Одна беда: не было трибуны, не было стакана с водой. Не было собрания. Была лунная ночь, и был негромкий разговор отца со своим взрослым сыном. Разговор о жизни...

В повести «Степень надежности» угадывается начало новой полосы в творчестве писательницы. Ведь герои ее — люди, оглядывающие мирную жизнь, мирные дела и проблемы фронтовым взглядом. Таков, например, главный герой повести Шевелов: «Война навсегда оставила в нем след — в словах, в мыслях, в привычках. Он и не стремился избавиться от этого следа. Много было в военном опыте ценного, что помогало в мирной жизни». Вот почему я считаю, что вся книга в целом прежде всего о войне.

Е. Леваковская написала книгу не во всем бесспорную и, как говорится, не без недостатков. Тем не менее «Степень надежности» читать интересно. Она рождает мысли о жизни прошлой и настоящей, о сложностях литературного ее отражения.

Валентин КАМЕНЕВ

СВЕРНУТ ЛИ ГОРЫ ВАЛЕНТИН И ВАЛЕНТИНА?..

Наш театр называют лучшим в мире. Даже на родине Шекспира любители искусства удивляются многообразию и значительности советских экранных и сценических воплощений шедевров великого драматурга. Зрители охотно идут на «Антония и Клеопатру» в постановке Е. Симонова, на «Петербургские сновидения» по Достоевскому у Ю. Завадского. Никогда еще на таком множестве языков и наречий, как в преддверии его стопятидесятилетия, не играли А. Н. Островского.

С пристальным интересом зрители смотрят «Драматическую песню» о жизни и подвиге Николая Островского в редкостно удавшемся спектакле Б. Равенских; «А зори здесь тихие...» по Б. Васильеву в интерпретации Ю. Любимова; «Трибунал» (автор А. Макаенок) в Белорусском театре имени Янки Купалы; «В степях Украины» А. Корнейчука в Львовском театре имени

М. Заньковецкой. Ведь все это кипучая наша советская жизнь, ее истоки, испытания и бурный душевный взлет!

Но жизненные пласты сегодняшнего дня драматурги поднимают не столь успешно. Пьесам и спектаклям на современные темы часто недостает серьезного осмысления процессов жизни. До обидного мало масштабных работ по ключевым проблемам современности, подобных «Человеку со стороны» И. Дворецкого (особенно в остроконфликтном, динамичном, внутренне звонком спектакле И. Владимирова на сцене Ленинградского театра имени Ленсовета).

Можно ли сказать, что эту линию продолжает пьеса Михаила Рощина «Валентин и Валентина», которая была опубликована в двенадцатой книжке журнала «Театр» за минувший год? Заявленная в драматических произведениях Дворецкого и Рощина проблематика, пожалуй, в равной степени значительна. В первом случае — мера ответственности каждого за порученное дело. Во втором — понимание, постижение любви и нравственных отношений к ней. Но в пьесе Рощина воплощение замысла, растекаясь по отдельным ручейкам и мельчая, целеустремленной масштабности не обнаруживает.

А ведь уже в названии содержится дерзновенный намек. Два имени едва лишь вступающих на порог жизни влюбленных напоминают о широко распространенном в мировой литературе и фольклоре многовариантном сюжете. Вершина его раскрытия — «Ромео и Джульетта», трагедия доведенной до апогея открытости чувств и остроты благородных юношеских порывов. При этом конфликт идеалов любви с коварностью ложных постулатов чести у Шекспира растворяет родовую вражду Монтекки и Капулетти. Гибнущие Ромео и Джульетта подобно грозе врываются в жизнь, очищая ее и утверждая в веках бессмертие любви.

Ромео и Джульетту советского времени могут ожидать любые трудности, но трагедийный исход почти начисто исключен. Свобода духа означает и свободу сердца. Однако любая попытка хотя бы приближенно провести какие-то параллели с сюжетом, бытовавшим в веках, прежде всего должна быть напоена родниковой чистотой и поэтичностью.

Всякое опошление любви — преступление. Истинная любовь и ее суррогаты — явления несовместимые. Если же драматург задался целью противопоставить любовь сексу (а не наоборот!), то от него требуется острейшее разоблачение тяжкой моральной диверсии наших идейных врагов; а диверсионный метод в том, что на подобного рода растлевающий маразм наклеивают глубоко чуждый революционному процессу, родственный лишь одичанию ярлык «сексуальной революции». В наших отношениях с таким вот агрессивным злом не было, нет и быть не может мирного сосуществования.

Лишь великая сила чистой, ничем не опошляемой любви должна, по мысли Энгельса, стать основным законом интимных отношений мужчины и женщины в передовом, подлинно свободном обществе. И если, подобно тому как существует еще преступность, могут случаться и у нас яв-

ления, именуемые одним из героев Рощина «аморалкой», то ведь это ЧП. Говорить о подобном со сцены и экрана закономерно, лишь ведя воинствующую и непримиримую борьбу с такого рода вывертами. Выводить же то, что может быть лишь предметом осуждения, на... обсуждение недопустимо. Дискутировать тут не о чем.

А ведь именно такой дискуссией начинается журнальный вариант пьесы Рощина. Вот самые первые ее строки:

«— Да бросьте, какая любовь в наше время! И зачем она?

— А мне дико хочется влюбиться! Не могу!

— Не надоело вам?

— Нет, братцы, скоро все будет запросто: понравилась — подошел, спросил: да, нет? И все, вся любовь...

— Дайте мне-то сказать!

— Глупая ты, пойми: любовь закрепощает, начинаются всякие мучения, то, се, любовь — кабала, а секс — свобода...

— Правильно, современному человеку некогда!»

Правда, вслед за этим слышится подобие протеста: «Да отстаньте, само слово-то какое гнусное: секс, секс!..» Но протест все же лаконичен и робок, а «стая» (так именуются дискутирующие однокашники, выпускники одной из школ) весьма напористо защищает секс. Что и говорить, невысоко парит «стая»! Но попробуйте сравнить эти, с позволения сказать, парения с подлинным полетом мыслей, дел, чувств, стремлений Павки Корчагина в «Драматической песне»!

Жажда действия, неутомимый дух подвига и жизнеутверждения питали мечту героя. И сколько же сегодня, сейчас в нынешних наших Шепетовках, Комсомольсках и Дивногорсках духовных крестников Николая Островского! Похожи ли на них Валентин и Валентина М. Рощина? В том художественном обличье, в котором предстают главные герои в пьесе, они, видимо, уходят от современности великих дел к «современности» замочной скважины. Пьеса, в которой хотелось бы видеть гимн поэзии чувств, словно нарочито погружена в мрачные тенета быта.

Надо ли напоминать общеизвестное: как одухотворяет, возвышает любовь, сколь могучими стремлениями наделяет она! Такие персонажи, как офицер-моряк Гусев и нефтяник Володя, порою ближе к этой правде, чем призванные непосредственно отстоять ее главные действующие лица.

В середине первой части пьесы есть такой диалог, где на горячность устремлений героя следует унылый ответ героини:

«— ...Мы будем вместе, и все будет хорошо. Честное слово. Видишь, у нас дружно (?), вместе нам ничего не будет страшно. Мы горы свернем!

— Шею мы свернем...»

В словах Валентина «мы горы свернем» должна бы слышаться не только уверенность в счастье сердец, но и тема, точно выраженная в молодежной песне:

От любви моей, от любви твоей
Стал упрямей я, стал еще сильней.

С подлинным восхищением рассказывает Валентину о своей жизни и труде нефтяник Володя. И зовет его в

свои края. Там, на крупной буровой, простор во всем. Володя убеждает, дивясь тому, что собеседник робко отстаивает свое и Валентины право на любовь. И выговаривает ему, что «исусиком таким ходить» не резон.

Величайшая для нашего времени тема радости и чести труда, его гражданственной значительности — тема, тесно переплетающаяся с величием и благородством любви, не получает раскрытия в образах основных героев Рощина...

По пьесе преграды, препятствовавшие совместной жизни, счастью влюбленных, отходят на второй план, и любовь вроде бы одерживает верх. Но над кем, над чем?

Но пьеса в чтении лишь предполагает жизнь. Живет она только на сцене. Вариант, принятый театром «Современник», далеко не всегда развивает ее в лучшую сторону. В финале спектакля так и нет ясной сюжетной развязки. Ее предлагается додумать зрителям. И тем более им самим предстоит ответить на вопрос: свернут ли горы Валентин и Валентина?

Подвести к верному ответу на него мешает многое, и прежде всего атмосфера, в которую погружено действие. Озадачивает уже оформление художника Д. Боровского. Фанера и металл. Телефонная будка в центре сцены. (В ней жаждущий встреч Валентин проводит едва ли не половину всего сценического времени.) Вокруг унылые конструкции, похожие на нары и на остовы кроватей одновременно. А из них вырастают изгибающиеся на высоте... уличные фонари. Можно подумать, что, готовясь к переезду в будущее новое здание на Чистопрудном бульваре, театр загодя упаковал реквизит к отправке и ему нечем даже покрыть эти злосчастные кровати... Но если отбросить шутки, то ведь некоторые критики всерьез пишут, что режиссер В. Фокин хотел таким решением как бы предостеречь влюбленных от оскудения их любви. Изобразительная скудость ради... профилактики опустошенности чувств — нечто сверхновое!

Есть, однако, и поднадоевшие новации. Так выглядит в спектакле едва ли не натуралистически изображенное начало сближения Валентина с Валентиной. Да и вообще центральные герои спектакля охвачены больше страстью, с нарочитой удлиненностью затяжных поцелуев и крепостью объятий, чем поэтическим взлетом любви. Режиссура не только не отказалась от начисто убивающих поэзию, приземленно грубых разговоров про оставленную ночную сорочку и от прочих подробностей, но и добавляет даже продолжительную конвульсивную дрожь Валентины после сближения. Как в связи с этим не вспомнить слов матери Валентины, хоть и адресованных не режиссуре, а своей дочери: «Я ничего не понимаю, ничего! Есть же какие-то приличия, форма, зачем этот ураган, чтобы все всё знали? Это интимное дело, оно никого не касается...» Что верно, то верно!

А ведь гуляет по сценам такое поветрие. Даже в гоголевском «Ревизоре» режиссер В. Плучек наряду с весьма интересными и по-настоящему свежими находками раздел вдруг Анну Андреевну с Марьей Антоновной до рубашек, чтобы потом они занялись примеркой туалетов.

И видимо, в тех же «приманочных» целях Хлестаков падает — и не раз, а многомного раз — не на собственные колени, как у Николая Васильевича Гоголя, а попеременно: на колени или городничихи, или ее неповоротливой, тупой, куклообразной дочки.

Оттого тем более огорчают отнюдь не нравственные тенденции спектакля «Валентин и Валентина» в «Современнике», побуждая порекомендовать этому посещаемому молодежью театру и более тщательное редактирование текста пьесы, и необходимые коррективы в сценическое действие, как и в его декорационное оформление.

Вместе с тем очевидно, что нравственные эти сбои не от нехватки таланта, а, как говорится, от лукавого. Что же касается профессионализма молодых, начиная с режиссера-дебютанта В. Фокина, начинающих актеров И. Акуловой (Валентина), К. Райкина (Валентин), то он вне сомнений. Весь вопрос в том, на что ты употребишь свое уменье.

Собственно, и Художественный театр, обратившись к той же пьесе «Валентин и Валентина», шел, несомненно, на риск, на риск весьма значительный. Он, однако, не закрывал глаза на идейно-художественные недостатки пьесы. Но руководило коллективом желание дать спектакль современный, даже не просто современный, а актуальный, берущий за живое.

При этом, разумеется, театр не только не мог канонизировать текст пьесы, но и вообще согласиться со многими ее ходами, поворотами и акцентами. Настойчиво и долго искали новый вариант, свою сценическую редакцию. Основой ее должна была стать не «прямота» сюжетного развития, не эксцентрика неожиданных поворотов, но прежде всего психологическая наполненность раздумий и переживаний, глубина подтекста, надо было устранить излишний бытовизм пьесы, ее заземленность, придать ей интонации гражданственности.

Театр стоял за безоговорочное признание любви, за поэтику любви и патетику мужества.

Пусть не все эти намерения смогли осуществить до конца руководитель постановки О. Ефремов и режиссер В. Кузенков в содружестве с мастерами МХАТа всех поколений — спектакль рождался в долгих, кропотливых мучительных поисках. Но все же в главном, думается, задача решена.

Здесь нет возможности остановиться на отдельных нюансах этой работы, в которой еще можно обнаружить и свои просчеты. Но словно по контрасту с тем, что сотворил в «Современнике» Д. Боровский, оформление мхатовского спектакля художницей Л. Столяровой по-настоящему художественно, свежо, светло, раздольно, приподнято. А. Тарасова (мать Валентины), Т. Ленникова (Лиза, мать Валентина), И. Мирошниченко (Женя, сестра Валентины) и другие мастера сцены лепят образы крупно, размашисто, играют сочно. Чрезвычайно ценно, что, как то завещано Станиславским, и в эпизодической роли можно увидеть корифея. Весомо завершают спектакль раздумья о любви

Прохожего, большой смысл маленькой роли которого раскрывает Б. Смирнов. Лиризму и мажору этого финального аккорда принадлежит видное место в эмоциональном строе постановки.

Но, конечно, в центре ее двое наших юных современников, чья любовь рождает множество толков, мнений, споров, обвинений. Однако споры спорами, а жизнь такова, что слово за ними, восемнадцатилетними. И если сами они — студенты, то ведь театр, тем более Художественный, — университет жизни, где тоже думают, делятся мыслями, спорят; мера ответственности героев за свои поступки и оценки весьма и весьма увеличивается.

Важно ощутить, что Валентина и Валентину роднят и подстерегающие их противодействия. В опубликованном варианте пьесы, да и в «Современнике» это тусклые тенета мещанского быта. В гримасах жизни видятся и корни обшарпанной обнаженности тамошней сцены. И словно самой жизнью подсказанный противовес ему воспринимается поэтически раздольный мхатовский декор, образно поддержанный музыкой композитора Б. Троцюка. Сразу обозначается вопрос: и правда, разве тесные рамки быта, а не широта общественного бытия формирует советского молодого человека?

Коренастый и высокий Валя — Е. Киндинов и худенькая Аля (так зовут в семье Валентину) — А. Вертинская завоевывают прочные симпатии зала потому, что эти в чем-то и ошибающиеся сценические герои всегда стремятся быть искренними и чистыми. Угроза, как однажды обмолвилась Аля, свернуть шею от них далека. Нас интересует другое — сколь зорко глядят они вперед.

Да, Толстой писал: «Все счастливые семьи похожи друг на друга». Но эти влюбленные лишь на пути к счастью, и они, «абитуриенты», сдают еще экзамен на звание счастливой семьи. Выразить все это актерски, согласимся, не просто!

По пьесе опытный нефтяник Володя «просветляет» и наставляет Валентина, преподнося свои сентенции довольно прямолинейно, а то и грубо. В мхатовском спектакле осмысление этого эпизода совсем иное. Володя видит Валентина за книгами. Тот занимается с упорством, увлеченно. Валя — Е. Киндинов в сцене с Володей почти не в силах оторваться от дела. Быть может, в эти минуты он открывает для себя что-то особо важное. И мы убеждены: то, что втолковывает добровольный опекун подопечному, тому давно ведомо и определяет его отношения с любимой, где равноправие, взаимоуважение, доверие и дружба — слагаемые любви.

Добавим к тому, что не только грубость, эгоизм, но и неуравновешенность, взвинченная обидчивость, растерянность не в натуре мхатовского Вали. Актер отказывается от того, что принижает и ставит под сомнение героя, давая на иной сцене повод представить его недалеким страстолюбцем и себялюбцем.

Но вот с уст мхатовского Вали все же срывается горькое оскорбление: «Кукла!» У Е. Киндинова происходит это как бы случайно, с оттенком недоверия к самому себе, со знаком вопроса.

«Влюбленность и любовь, страсть и любовь, они похожи, но они совсем разные»,— говорит в пьесе Прохожий. И А. Вертинская играет не безотчетную влюбленность, не внезапную страсть, а трепетную нежность глубоко любящей души. В связи с этим нельзя не сказать, с какой выразительностью решена режиссурой ставшая кульминацией спектакля сцена торжества любви (иначе ее не назовешь!). Тут нет ни слова, а тем более намека на какую-либо натуралистичность. Только мажор цвета и света. Вместе с тем рельефнее обозначается главная мысль спектакля: ответственны за судьбу большой любви сами влюбленные (а не то или иное стечение внешних обстоятельств).

К финалу они, и только они, в ответе друг за друга. И даже не прочь посмеяться над тем, что порою преувеличивали опасность скапливавшихся над ними грозовых туч. Гроза была, но, как и положено весенней грозе, она принесла озон свежести и свет солнца. На сей раз сам собой подступает утвердительный ответ на вопрос, свернут ли горы Валентин и Валентина. Да, свернут, если рядом со своей подругой неизменно будет идти по жизни Валентин!

И в первую очередь именно его образ, многими, хотя и малоуловимыми, чертами приблизился в Художественном театре к типу людей внутренне сильных, находчивых и смелых.

Борис ВОЛГИН

О ЛИТЕРАТУРНЫХ НОРМАХ ЯЗЫКА

Может, с десяток лет назад тема, заявленная в заголовке рецензии, показалась бы рядовому читателю не слишком интересной: мол, мы не радиодикторы, не актеры и не лекторы — говорим как можем. А о литературных нормах пусть специалисты спорят.

Но времена изменились. Многие газеты и литературно-художественные журналы посвящают свои материалы проблемам русского языка. Эта проблема волнует чуть ли не каждого. Правда, пока в обиходе она чаще всего сводится к незаметно вошедшей в моду манере поправлять друг друга: вы неправильно говорите про телефон — надо не звóнишь, а звонúшь... И сразу в ход словари, справочники, многочисленные статьи современных радетелей за чистоту языка.

Самая последняя печатная дискуссия о языке прошла между поэтом Евгением Винокуровым (автором извест-

К. Горбачевич. Изменение норм русского литературного языка. Л., изд-во «Просвещение», 1971.

ного афоризма: «Косноязычье — вовсе не порок») и старшим научным сотрудником Института языковедения АН СССР Кириллом Горбачевичем. Суть ее Горбачевич объяснил так: «Ни один языковед не требует от писателя причесанных фраз, обкатанных конструкций. Но освежить язык, найти неожиданную цепь ассоциаций можно и без языковых ошибок». Верно, только из-за «языковых ошибок» спор не разгорелся бы.

Сейчас становится все очевиднее, что за разговорами об ошибках стоят проблемы более сложные и более серьезные, проблемы, решить которые никакой «языковой центр» не сможет и которые под силу только всем нам с вами, читатель. Куда язык пойдет? По какому руслу потечет его могучий и плавный поток?

Не забудем, что русский язык ныне стал весьма распространенным. Он в ряду официальных языков ООН. Как когда-то для образованного человека на Западе было обязанностью знать латынь (позже — французский), а на Востоке — арабский, так теперь непременным признаком эрудированности почитается во всем мире знание русского языка — языка В. И. Ленина.

Внутри Советского Союза русский язык стал межнациональным. Пожалуй, не найдешь сейчас культурного человека любой национальности, который бы не говорил по-русски.

Таким образом, мы должны считаться с тем немаловажным фактом, что сегодня русский язык — постоянный инструмент общения не только для 130 миллионов русских, но для огромного контингента людей. А что это значит на практике? Прежде всего то, что система русского языка сейчас испытывает своего рода прессинг. Достаточно отметить уже довольно явственный сдвиг разговорной речи к книжной, сдвиг произношения к письменному варианту (участившееся говорение «что» вместо положенного литературной нормой «што» — тому наглядный пример).

Даже в поэзию — родник, всегда активно способствующий чистоте языка, нет-нет да и проникает не только книжность, но и «косноязычье». В дискуссии в «Литературной газете» Горбачевич привел целый перечень неправильностей, объясняемых отсутствием чувства живого языка, из стихов таких довольно известных поэтов, как С. Островой, Л. Кондырев, Л. Хаустов, С. Поликарпов. Впечатление таково, что многие авторы употребляли слова, знакомые, главным образом, по книгам, но не слышанные ими в устной речи. Отсюда грубые ошибки в ударении. Но это в сравнительно редко встречающихся словах, вроде «багря́нец» (поэт А. Гатов считает, что «багряне́ц») или алфави́тный (С. Смирнов считает, что «алфа̀витный»). Появляются стихи, заведомо ориентированные на специфический канцелярско-жаргонный стиль языка. Таковы, например, некоторые стихи Б. Слуцкого, талантливо имитирующие некий косноязычный стиль интеллигента-технократа.

Как же быть в возникшей языковой ситуации? Решение тут может быть только одно: обратиться к опыту самого народа. Ибо только народ, только все те, кто гово-

рит сейчас на родном русском языке, способны самой практикой своей ответить на все «за» и «против». Резко повышается ответственность каждого отроду говорящего по-русски.

Но как неспециалисту вступить в лингвистический спор? Один из активных участников недавней полемики о нормах языка сейчас дает каждому такую возможность: К. Горбачевич, словно призывая на помощь себе многочисленную читательскую аудиторию, написал книгу «Изменение норм русского литературного языка».

Автор хорошо понимает и ответственность, и трудность поставленной перед собой задачи. Это видно уже из того, что свою книгу о нормах он стремился написать ненормативно. Без рецептов. Кирилл Горбачевич лишь дает «ключ» к тем или иным спорным моментам, предлагая читателю самому выбрать для себя решение — как, например, произносить «г» в слове «богатый» (взрывно или фрикативно), как говорить — «рельс», «ставень» или «рельса», «ставня», как...

В соответствии с замыслом Кирилл Горбачевич предваряет собственно фактологический раздел своей книги небольшим, но достаточно аргументированным теоретическим вступлением. Чтобы прийти к самостоятельному ответу, читатель должен получить представление не только о вариантах возможной литературной нормы, но и о принципах ее отбора специалистами-лингвистами.

В первых разделах книги читателю объясняется разница между языковым законом и языковым узусом, то есть обычаем, традицией. Законы языка формулируются лингвистами на основе традиции. Именно узус подсказывает ключ к открытию закона. Но чей узус? То есть обычай какой среды в произнесении тех или иных слов берется в таких случаях за основу? «Бесспорно, что в принятии или отвержении того или иного факта речи, — полагает Горбачевич, — значительную роль играет социально-оценочный фактор (культурная традиция, авторитет образованной части общества, даже отдельные личности)». Автор здесь идет по следам известного русского лингвиста А. А. Шахматова, который любил повторять: «Активный процесс зарождается в языке отдельных индивидуумов, импонирующих среде своим социальным положением, своим умом, талантами, образованием (культурностью)».

Нетрудно понять, что отбор узуса, принимаемого за основу для вывода нормы, идеологичен, что он вольно или невольно указывает на социальные предпочтения. Ясно, что в социалистическом обществе главенствующей языковой средой мы принимаем трудящихся: именно на живой язык народа должны ориентироваться и наши средства информации, и наша школа, и, конечно же, наши специалисты-лингвисты. Особое счастье русского языка в том, что еще в «Повести временных лет», а потом вослед творчеству Пушкина у нас превалировала как раз демократическая тенденция в установлении языковых норм, и тут нам надо лишь свято блюсти традицию. Пока слово не вошло в обычай народа, оно еще не может претендовать на вы-

сокое звание литературной нормы.

Вот что важно в связи с этой проблемой: «Двусмысленность в применении термина «просторечие» вызывает серьезные затруднения как в работе над составлением словарей, так и вообще в нормализаторской практике», — пишет Горбачевич. И он совершенно прав! Что мы назовем «просторечием»? Если «простую речь», то для современного нашего общества эти слова тем более должны звучать уважительно. У нас же нередко ставят примечание «простореч.» к словам вроде «облапошить», в которых выражает себя обыкновенный жаргон. Так давайте этим, кстати, давно известным термином «жарг.» и пользоваться! Зачем же копировать терминологию из западных изданий, иначе относящихся к народной основе языкотворчества?

Но оставим пока в стороне лингвистические споры. Их много на страницах книги Горбачевича, и это придает ей особую увлекательность, потому что читатель вместе с автором как бы и сам входит в круг злободневных для формирования родного языка проблем.

В свое время А. А. Шахматов возмущался: «Странно было бы вообще, если бы ученое учреждение вместо того, чтобы показывать, как говорят, решилось указывать, как надо говорить». Слова эти по-прежнему звучат современно, и спор: указывать или не указывать, как говорить, — сейчас, пожалуй, достиг чуть ли не апогея. Горбачевич вводит читателя в суть этой полемики, просто и без прикрас показывая, что скрывается за фасадом из громких и нередко уж слишком риторических фраз: в книге следуют одна за другой главы сугубо конкретные, деловые: «Изменения в ударении», «Изменения в произношении», «Изменения лексических норм» «Изменения словообразовательных норм», «Изменения морфологических норм», и, наконец, «Изменения синтаксических норм». Каждая глава разделена на подглавки, уже сами названия которых живо напоминают о недавних спорах в прессе из-за того или иного слова, звука, синтаксического оборота.

Разумеется, можно не соглашаться с Горбачевичем по каким-то частным вопросам. Неверна, по нашему мнению, трактовка автором языкового пуризма. Признавая, что в прошлом основу языкового пуризма нередко составляло классовое, как правило, консервативное мировоззрение, высокомерное отношение к фактам «простонародного» языка, Горбачевич, думается, уж слишком категорически утверждает, что в нашем обществе нет почвы для идеологического пуризма. Нет действительно классовой почвы, но еще не сброшена со счетов возможность всякого рода чуждых идеологических влияний, и партия в своих решениях не раз указывала нам на опасность таких влияний. Не забудем: язык — тоже область идеологии!

Не вполне весомы в книге некоторые обоснования — как можно в нашем обществе, проводя социологические опросы по лингвистическим нормам, опираться преимущественно на студентов филологических вузов? Не кажется ли автору, что полезнее было бы пойти пре-

жде всего на завод или в колхоз? Ведь ссылка на то, что опрашиваемые студенты — дети рабочих и колхозников, свидетельствует покамест лишь о вторичности получаемых сведений!

Справедливо заметить, что демократичности, народности концепции отбора литературных норм, развиваемой Горбачевичем, весьма помогает принятая им на теоретическое вооружение гипотеза Э. Косериу, весьма остро обсуждаемая сейчас лингвистами всего мира. Смысл предложения Э. Косериу сводится к разграничению нормы и системы. Норма вторична. Рамки, в которых возможна деятельность языка, определяются не нормой, а внутренней его системой. Таким образом, любой сдвиг в норме может и должен рассматриваться как реализация определенной возможности, уже заложенной в самой системе. Знание системы (проще говоря, правил и закономерностей образования и употребления категориальных разрядов слов) позволяет лингвисту — да и каждому человеку, пользующемуся данным языком, — судить о языковых новшествах объективно, с учетом их соответствия или несоответствия потенциальным возможностям языка.

...Каждый владеющий языком призван подходить к нему творчески. Лингвист обязан лишь объяснить систему, оставив право свободного выбора, образования (да, и это!) и употребления слов за каждым говорящим. Книга «Изменение норм русского литературного языка» будет интересна и полезна всем, кто интересуется родным языком и заботится о «литературности» (мы бы сказали: подлинной народности!) своей речи, именно потому, что написана с уважением к человеку как творцу языка.

Александр БАЙГУШЕВ

ПУТЬ БОЛЬШЕВИКА

В славной и героической плеяде выдающихся полководцев Советской Армии Ян Фрицевич Фабрициус занимает одно из ведущих мест. Его имя стоит в одном ряду с именами таких прославленных героев гражданской войны, как С. М. Буденный, В. И. Чапаев, Н. И. Щорс, Г. И. Котовский, С. Г. Лазо. Человек необычайно яркой биографии, видный революционер, талантливый полководец и организатор Красной Армии, человек большого мужества и светлого нравственного облика, первый в нашей стране кавалер четырех орденов Красного Знамени — таким был легендарный комбриг Ян Фабрициус.

Рецензируемая книга * — сборник воспоминаний о нем его друзей и соратников. В небольшом предпосланном сборнику очерке приводятся основные сведения и факты героической биографии Фабрициуса.

Я. Ф. Фабрициус родился 26 мая 1877 года в семье батрака в имении немецкого барона Берэ в Виндавском уезде Курляндской губернии. Четырнадцатилетним подростком Ян бросает первый вызов угнетателям, принимая активное участие в так называемом «картофельном бунте», когда голодающие рабочие и крестьяне Виндавы (ныне Вентспилс) в течение нескольких дней задерживали погрузку картофеля на суда, отправляемые за границу. От царского суда его спасло несовершеннолетие. В марте 1903 года Ян Фабрициус вступил в партию. За страстную обвинительную речь против самодержавия, произнесенную на маевке 1903 года, его привлекают к суду и приговаривают к четырем годам каторжных работ с последующей высылкой в Сибирь на вечное поселение. Лишения и тяготы каторги не сломили, а еще более закалили характер молодого революционера. Таежными тропами Ян Фабрициус добрался до Нарыма, где жило много политических ссыльных, в том числе виднейшие деятели партии Я. Свердлов и В. Куйбышев. В организованной ими партийной школе Фабрициус пополнял свои политические знания.

Во время Февральской революции Я. Фабрициус находился на Сахалине, в городе Александровске, где принимал самое деятельное участие в общественной и политической жизни. В связи с отправкой на фронт многих революционных рабочих он вскоре оказался в 1-м латышском стрелковом полку, занимавшем позиции под Ригой.

В дни Октября Я. Фабрициус — один из активных участников борьбы за установление Советской власти. В январе 1918 года латышские стрелки направляют его делегатом на III Всероссийский съезд Советов, который избирает его в состав ВЦИКа.

В годы гражданской войны Ян Фабрициус развертывает кипучую деятельность по формированию частей Красной Армии и самоотверженно борется с врагами Советской власти. «Его смелость, отвагу и бесстрашие, а также боевой дух руководимых им полков, — пишет один из боевых друзей Фабрициуса,—испытали на своей шкуре и приспешники Керенского, и немецкие захватчики, и банды изменника-вешателя Булах-Булаховича, и грабительские орды Шкуро и Мамонтова». Далее автор очерка подробно описывает боевые дела Яна Фабрициуса на Западном фронте в 1920 году, где разгорелись ожесточенные бои с белополяками. Вот каким запомнился он своим друзьям по оружию: «На гнедом иноходце во главе сопровождающего его кавалерийского взвода неожиданно появлялся на подступах к передовым позициям то у Лепеля, то у Ветрина, то у Кричева. Он лично проводил рекогносцировку, организовывал разведку, проверял инженерную и боевую

* «Легендарный комбриг». Воспоминания о Я. Ф. Фабрициусе. Сост. И. Михеев. Рига, изд-во «Лиесма», 1971.

подготовку и состояние своих войск. Близкие к Яну Фабрициусу люди знали, что стоила ему красивая верховая посадка и езда — ведь он имел семь тяжелых и более десяти легких ранений...»

Интересно освещается в сборнике также жизнь и деятельность Я. Фабрициуса после гражданской войны. Характеризуя личность легендарного комбрига, все авторы единодушно подчеркивают его высокие нравственные качества.

«Он, — пишет Маршал Советского Союза И. Баграмян, — был очень честен и душевно чист, как кристалл». О его мужестве говорит следующий случай, который произошел на Украине осенью 1926 года: «После тактических учений командиры принимали парад войск. Мимо трибуны проносились кавалерийские тачанки. Вдруг с одной тачанки сорвался красноармеец. Оглушенный падением, он не смог подняться с земли. Все замерли в напряжении: ведь боец будет раздавлен! Не растерялся один Фабрициус. Стремительно бросился он к бойцу, схватил его на руки и побежал к трибуне. Спустя мгновенье за спиной комкора промчались разгоряченные лошади».

24 августа 1929 года Ян Фабрициус совершил свой последний подвиг: во время авиационной катастрофы ценой своей жизни он спас женщину и ее маленькую дочь.

Благородный образ Яна Фабрициуса оставил глубокий след в сознании каждого советского человека, каждого борца за свободу и счастье людей.

И. ЗЛАТОЦВЕТОВ

Главный редактор **Анатолий ИВАНОВ**

Редакционная коллегия: **Валерий ГАНИЧЕВ, Нодар ДУМБАДЗЕ, Геннадий ЗАОСТРОВЦЕВ, Михаил ЛОБАНОВ, Николай МИРОШНИЧЕНКО** (зам. главного редактора), **Ростислав НИКОЛАЕВ, Борис ОЛЕЙНИК, Петр ПРОСКУРИН, Владимир СЕМЕНОВ, Геннадий СЕРЕБРЯКОВ, Владимир СОЛОУХИН, Василий ФЕДОРОВ, Владимир ФИРСОВ, Владимир ЧИВИЛИХИН, Виктор ЯКОВЕНКО** (зам. главного редактора).

Ст. художественный редактор Ю. Киселев

Технический редактор Н. Строева

Сдано в набор 4/VII 1972 г. Подп. к печ. 16/VIII 1972 г. А11011. Формат 84×108 1/32. Печ. л. 10 (усл. 16,8). Уч.-изд. л. 21,4. Тираж 367 000 экз. Зак. 1361. Цена 60 коп. Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

МАГАЗИН № 84 „ДОМ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КНИГИ“ ПРЕДЛАГАЕТ СЛЕДУЮЩУЮ ЛИТЕРАТУРУ

К. Маркс и Ф. Энгельс, О молодежи. М., «Молодая гвардия», 1972, ц. 74 коп.

В. И. Ленин, О молодежи. М., «Молодая гвардия», 1969, ц. 98 коп.

М. И. Калинин, О молодежи. Избранные речи и статьи. М., «Молодая гвардия», 1969, ц. 33 коп.

В. И. Ленин, М. И. Калинин, С. М. Киров, Н. К. Крупская, В. В. Куйбышев, А. В. Луначарский, Г. К. Орджоникидзе, М. В. Фрунзе, К. Е. Ворошилов, О комсомоле и молодежи. М., «Молодая гвардия», 1970, ц. 66 коп.

«Диалектика действия». Спутник комсомольского активиста промышленного предприятия. М., «Молодая гвардия», 1970, ц. 63 коп.

В. Дюнин, Есть на ЗИЛе отряд. Библиотечка комсомольского активиста. М., «Молодая гвардия», 1971, ц. 20 коп.

«Молодым наследовать мир». Для системы политической учебы молодежи. М., «Молодая гвардия», 1968, ц. 78 коп.

В. Мошняга, Молодое поколение интернационалистов. М., «Молодая гвардия», 1972, ц. 49 коп.

«Нас водила молодость...» Библиотечка «Вступающему в комсомол». М., «Молодая гвардия», 1970, ц. 10 коп.

«Подвигу жить! Пионерии 50 лет». М., «Молодая гвардия», 1972, ц. 43 коп.

«Юность моя — комсомол». М., «Молодая гвардия», 1970, ц. 1 р. 49 к.

Адрес магазина: Москва, пр. Художественного театра, 6, тел. 292-51-14.

НА ОБЛОЖКЕ ЖУРНАЛА

На первой странице: «Нефтяной гигант строится» — гравюра на дереве Анатолия Калашникова.

●

На второй странице: фото В. Бровко «Хлопок — стране» (слева направо: Хакимова Мавлуда — лаборантка, Раджатова Сабохат — секретарь Гиссарского горкома ВЛКСМ, Усманова Хуснеро — работница Гиссарской хлопкобазы. Таджикская ССР).

●

На четвертой странице: «У Вечного огня». Фото В. Пантелеева.

Цена 60 коп.
Индекс 70544